



ОНА ПОД ЗАПРЕТОМ.
У НЕГО ИХ НЕТ.

КОРОЛЕВСКАЯ ЭЛИТА #6

БЕЗЖАЛОСТНАЯ ИМПЕРИЯ

<https://vk.com/neviofal>

РИНА КЕНТ

Безжалостная Империя - Рина Кент

Книга: Безжалостная Империя

Автор: Рина Кент

Серия: Королевская Элита #6

Перевод группы: <https://vk.com/neviofal>

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Не использовать русифицированные обложки книг в таких социальных сетях, как: Тик Ток, Инстаграм, Твиттер, Фейсбук. Спасибо.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Божественному, необузданному хаосу внутри тебя.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Привет, дорогой друг!

«*Безжалостная империя*» знаменует собой конец серии «Королевская Элита», и, хотя все персонажи получают свои эпилоги, книга Коула и Сильвер является неофициальным финалом. Это вызывает такую ностальгию и эмоции. Я никогда не забуду этих взрывоопасных персонажей, которые будут жить во мне вечно. Надеюсь, ты найдёшь свет, несмотря на темноту, в каждой книге и с каждой парой. Больше всего я надеюсь, что тебе понравится неофициальный финал, и «*Безжалостная Империя*» будет кровотоцит в тебе так же глубоко, как и во мне.

Если тебе раньше не доводилось познакомиться с моими книгами, возможно, ты не знаешь, но я пишу мрачные истории, которые могут тебя расстроить и вызвать беспокойство. Мои книги и главные герои не для слабонервных.

«*Безжалостную Империю*» можно читать отдельно от других книг серии, но для лучшего понимания мира Королевской Элиты рекомендуется сначала ознакомиться с предыдущими книгами.

ПЛЕЙЛИСТ

No One Knows Us — BANNERS & Carly Paige
The Black and White — The Band CAMINO
Medicine — Bring Me The Horizon
The Last Of The Real Ones — Fall Out Boy
The Sound of Silence — Disturbed
The Drug In Me Is You – Falling In Reverse
Why Are You Here — Machine Gun Kelly
Call You Mine — The Chainsmokers & Bebe Rexha
Castles — Freya Ridings
Old Wounds — PVRIS
Somebody Else — VÉRITÉ
Fall Down (Acoustic) — Zero 9:36
Maniac — Conan Gray
Empires on Fire — BANNERS
Move Me — Badflower
Time — NF
Colors — Kulick
Didn't I — One Republic
I Wish I Never Met You — Oh Wonder
Bad For You — AKA George
Tattoos Together — Lauv
You — James Arthur & Travis Barker
Monster (Under My Bed) — Call Me Karizma
Another's Arms — Coldplay
Natural Villain — The Man Who

АННОТАЦИЯ

Она под запретом. У него их нет.

Жила-была девушка.

Красивая. Популярная. Фальшивая.

И моя одержимость.

Мое падение.

Возможно, мое проклятие.

Меня это остановило? Меня это волнует? Нет и нет.

Есть грань между правильным и неправильным. Нравственным и аморальным.

А есть еще она.

Я пересекаю все границы окровавленными пальцами.

Она говорит, что ненавидит меня.

Я говорю, что тоже ненавижу ее, потому что я поймал ее в ловушку, завладел ею.

Сделал ее полностью моей.



КОРОЛЕВСКАЯ ЭЛИТНАЯ
ШКОЛА

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Коул

8 лет

В хаосе есть свобода.

Когда мой отец говорил это, я не очень-то это понимал. По иронии судьбы, именно эта часть информации осталась в моей голове всплывающим фактом.

Мой отец бизнесмен. В его жизни не должно было быть места хаосу, и тем не менее, он процветал в этом.

Он знал, что люди хаотичны по своей натуре, и что природа важнее воспитания.

Именно это говорится в книгах. Сначала я этого не понимал, но после похищения я вернулся другим человеком.

Как-то я возвращался домой с двумя моими друзьями, Эйденем и Ксандером, и внезапно всё вокруг потемнело.

Нам надели маски на наши головы, а затем нас разлучили. Я так хорошо помню темноту. И дело не только в том, чтобы видеть чёрный цвет. Речь идёт о том, чтобы дышать своим собственным воздухом и думать, что ты им задохнёшься. О том, чтобы замерзнуть до тех пор, пока ты не перестанешь чувствовать свои пальцы ног или своё лицо.

Темнота – это не просто ощущение. Это фаза бытия.

Вот что говорил психотерапевт, к которому водила меня мама.

Ты боялся, сынок?

Они причинили тебе какую-нибудь боль?

Прикоснулись к тебе?

Я на всё ответил отрицательно. И это правда. Похитители ничего из этого не делали.

Они не пугали меня, не причиняли боли и не прикасались ко мне. Они просто оставили меня... одного.

Это был безмолвный тип хаоса. Ты можешь слышать это в своей голове, но не можешь увидеть это своими глазами или почувствовать кожей.

Это сильное удушье, которое медленно, но верно овладевает тобой.

Я не говорил об этом психотерапевту. Он бы не понял.

Никто бы не понял.

Потому что никто не знает, что произошло, когда похитители отпустили меня на безлюдную дорогу. Я даже не думал о том, чтобы снять пакет, который был повязан на моей голове, хоть мои руки и были свободны.

Я не думал о своих родителях, доме или своих друзьях.

Я не думал о том, чтобы попросить о помощи, хотя это самая нормальная вещь, которую кто-либо сделал бы.

Я ничего из этого не делал.

Вместо этого я стоял там, разведя руки в стороны, и тонул в полном одиночестве в этом безмолвном хаосе.

И он был таким освобождающим, таким чёрным, таким тихим. Ничто не разрушало его, не прерывало и положило ему конец.

Постоянный безмолвный хаос.

Это было, может быть, несколько часов или дней – я не помню.

В отличие от Ксандера, я не боролся, чтобы найти дорогу домой. Он шёл часами и днями, пока наконец не вернулся.

В моём же случае несколько прохожих наткнулись на меня и вызвали полицию, которая, в конце концов, отправила меня домой.

Я помню слёзы в глазах моей матери, один из которых наливался фиолетовым синяком на веке. Я помню её объятия и то, как она прижималась ко мне, рыдая, и её голос эхом раздавался вокруг меня, словно тиски.

Она была рада, что я вернулся и что был в безопасности.

И я не обнял её в ответ.

Я *не мог* обнять её в ответ.

Я просто стоял там и, пока она изливалась слезами, думал о хаосе, который оставил, и том, есть ли хоть какой-то способ вернуть его.

Хаос – это единственное, что заставляет меня остановиться и вглядываться. Это как кнопка паузы в моём мозгу.

Однако не всем нравится хаос. Я понял это, когда мой отец отвёл меня к врачу, потому что я не плакал.

Я не мог плакать.

Внезапно плач стал чем-то излишним. Когда я был младше, я плакал, свернувшись клубком в своей постели.

Я зажимал уши руками и притворялся, что кричащие снаружи голоса ненастоящие. Они были похожи на приведения.

Чего я маленький не знал, так это того, что призраки никогда не появятся.

Наш собственный домашний монстр делал это, и он никогда не оставался на месте. Он никогда не держал свои руки при себе.

Всякий раз, когда мамины крики эхом раздавались в доме, я ставил перед собой задачу не выходить туда. Если бы я сделал это, то только бы ухудшил ситуацию. Она бы попыталась защитить меня, и это привело бы к тому, что мы оба бы получили удары и синяки.

Если бы у меня были синяки, мама бы спрятала меня и не позволяла бы играть с моими друзьями, пока они не сошли.

И я не знаю, почему я тогда плакал. В любом случае это всегда было бесполезно. Ни одна наша слеза не остановила бы его и не заставила бы прекратить.

Мы просто были его вещами, с которыми он обращался так, как считал нужным.

Будучи успешным бизнесменом с империей за плечами, Уильям Нэш получил имя и статус. Никто не видел монстра за его улыбками. Никто и не

подозревал о его пристрастии к алкоголю или о его твёрдой руке, которую он без малейших колебаний использовал.

На публике он держал меня на руках и души в нас не чаял. Наедине же он срывался, как только мы произносили хоть слово.

Я научился молчанию до того, как научился говорить. Тишина даёт тебе пространство для размышлений, для построения планов. Разговоры же навлекают на тебя только неприятности.

Познакомившись в Хаосом, я перестал плакать, и среди прочих привычек, я больше не удивлялся, почему мы с мамой застряли с ним, или сделал ли я что-то не так, родившись.

Хаос научил меня многим вещам, и самое главное из них: ты должен начать это сам.

Ты не можешь ждать, пока наступит хаос.

Отец - мастер хаоса. Он вызывал его каждый день. Каждую ночь.

Всё заканчивается тем, что мама сворачивается клубком и прикладывает лёд к своему лицу. Она не хочет, чтобы я видел её, когда она в таком состоянии. И она делает всё, что в её силах, чтобы скрыть это – макияж, выпечка, улыбки.

Много улыбок.

Сейчас она внутри, прячется и плачет.

Я нет.

Я стою на краю бассейна, глядя прямо вниз на всё красное.

Хаос в его истинной форме.

Впервые с того дня, как я вернулся домой, я делаю глубокий вдох.

Долгий вдох.

Я могу дышать, и это не чернота. Я могу видеть, и это не темнота. Я могу чувствовать, и это не пустота.

Я не знаю, как долго стою там, наблюдая и пытаюсь вспомнить, что он сказал.

Ты чудовище.

Он думал, что я монстр.

Может быть так оно и есть.

Я поворачиваюсь, словно робот, моё тело тяжёлое и негнущееся, и ухожу. Покидаю не только бассейн, но и сам дом.

Наш особняк исчезает из виду, но эта сцена в бассейне продолжает прокручиваться в моей голове, как фильм.

Красный.

Рука.

Бульканье.

А потом... тишина.

Ты чудовище. Он что-то сказал после этого, но... я не могу вспомнить. Я был слишком поглощён хаосом, чтобы запомнить.

Уже поздний вечер, поэтому на горизонте ярко-оранжевые сумерки.

Не зная, куда мне идти, я стою посреди улицы и наблюдаю, как солнце медленно исчезает за зданиями.

Скоро стемнеет. Скоро воцарится хаос.

Ноги сами несут меня в ближайший парк. Обычно в это время там пусто, потому что мамочки забирают своих детей домой. Это небольшой парк с высокими деревьями и тёмно-зелёными скамейками, похожими на ту, что у бассейна.

Может быть, если я сижу здесь и думаю о парке и темноте, то я не буду думать о бассейне.

Мне следовало взять с собой книгу.

И я уже собираюсь вернуться и взять одну, когда замечаю маленькую фигурку, съевшуюся на скамейке в дальнем конце парка под большим деревом.

На ней розовое платье, у которого так много материала внизу, что оно вдвое больше её самой. Блестящие золотистые волосы собраны в длинный хвост бабочкой. Точно такая же бабочка есть на поясе, который обвивает её

талию. Она обнимает свою куклу, которая так похожа на неё и даже носит такое же платье.

Эта девчонка всегда делает такие глупые вещи.

Сильвер часто приходит, когда я играю с Эйденом и Ксандером, но она мне не нравится.

Она много говорит и спорит – очень, *очень много* – и это разрушает тишину в моей голове.

Я должен уйти, но что-то меня останавливает.

Слёзы в её глазах.

Она постоянно наносит на своё лицо блёстки, как будто верит, что она – это кукла, с которой играет. Теперь же, когда она плачет, блеск пропитывается слезами и двумя ручейками стекает по её щекам.

Сильвер не плачет. По крайней мере, я никогда не видел её плачущей. Мне было любопытно, как она это делает, и, хоть она мне не нравится, я хотел спросить её и узнать, не потому ли, что она тоже считает, что это бесполезно.

Теперь же, когда я впервые вижу её плачущей, я не могу уйти. Я даже не могу пошевелиться.

Всё, что я могу, это наблюдать, как влага скапливается в её огромных глазах. Их светло-голубой цвет темнеет, прежде чем слёзы потекут по её щекам.

Её лицо в полном беспорядке, полное соплей, блёсток и её бесконечных слёз. Её щёки покраснели, а губы розовее, чем обычно.

Хаос.

Он снова пришёл ко мне.

Я не думаю об этом, когда мои ноги ведут меня в её направлении. Она не чувствует меня, вернее, не может. Эйден всегда говорит, что я двигаюсь бесшумно. И это из-за того, что я научился ходить на цыпочках, чтобы быть вне досягаемости моего отца.

Но я никогда не говорю об этом ни ему, ни Ксандеру.

Мы не должны говорить такие вещи. Мы порядочные люди с хорошими манерами и приличными секретами.

Как только я оказываюсь за спиной Сильвер, я дёргаю её за конский хвост. Она ахает, а потом вскрикивает.

Это то, что я обычно делаю, чтобы выгнать её из дома Эйдена, когда она слишком много говорит. Она кричит, что мальчишки – отстой, и что я должен пойти в плохое место.

Понятия не имею, зачем я сделал это сейчас. Я действительно не хочу, чтобы она исчезла, но я также не могу игнорировать эту привычку всякий раз, когда она появляется в поле моего зрения.

Сильвер поднимает свою голову, и когда её глаза встречаются с моими, они расширяются, пока почти не поглощают её лицо.

Секунду я смотрю на неё, не в силах сделать ничего другого.

Мне нравится этот взгляд.

И я так хочу сохранить его.

Но как?

– Что ты здесь делаешь, Коул? – Она позволяет своей кукле, у которой тоже есть бабочки на голове, упасть к ней на колени, и прячет лицо в своих крошечных руках. – Уходи.

Я отпускаю её волосы, раздражённый тем, что она спрятала этот взгляд, и сажусь рядом с ней. Большая юбка её платья без проблем могла бы вместить её одного человека, между нами.

– Почему ты плачешь? – Мой голос звучит тихо, потому что я не знаю, как мне следует разговаривать с ней.

– А тебе какое дело? – Она шмыгает носом. – Ты ненавидишь меня.

Значит она знает об этом.

– Что заставляет тебя так думать?

Мне нужно, чтобы она сказала мне, почему она плачет, потому что, если я узнаю причину, я смогу использовать её, и, возможно, смогу вернуть этот прежний взгляд.

Хаос.

– Я просто знаю, что это так, – ей удаётся выдать это сквозь всхлипывания. – И я тоже ненавижу тебя.

– Если ты ненавидишь меня, то почему ты прячешься от меня?

– Я не прячусь! Я не хочу, чтобы ты видел, как я плачу. Никто не видит этого.

Я полностью поворачиваюсь к ней лицом, и на моих губах играет улыбка.

– Значит, я первый?

– Заткнись и вали!

– Нет.

– Нет?

– Это общий парк.

– Отлично. Я ухожу. – Она убирает руки от своего лица. Оно всё ещё в слезах и испорченном блеске, но прежний взгляд исчез. Она не удивлена и не застигнута врасплох.

Почему нет?

– Если ты останешься, я открою тебе секрет, – говорю я, когда она подбирает свою куклу.

– Какой секрет? – Она не пытается пошевелиться, и её глаза снова распахиваются, но на этот раз это от любопытства, а не от удивления, как раньше.

Закатное солнце придаёт её волосам золотистый оттенок и делает голубые глаза светлее и ярче.

– Ты уверена, что хочешь знать? Эта тайна будет связывать нас вместе всю жизнь.

– В-всю жизнь?

– Да, Бабочка. Всю жизнь.

Она хмурится.

– Почему ты меня так назвал?

– Как?

– Бабочка.

– Одна у тебя в волосах. – Я указываю на талию её платья. – И на твоей одежде. Ты хочешь летать, как одна из них?

– Да. – Её лицо проясняется.

– Почему?

– Знаешь, потому что они такие красивые, и все улыбаются, когда видят их. Они приносят счастье и свет.

– Это тараканы с крыльями.

– Заткнись. Не говори так о них.

– Есть некоторые бабочки, которые умирают за день.

На её лбу образуется складка, когда она складывает руки.

– Ты злюка.

– А ты нереалистична.

– Я ухожу.

– Я думал, что ты хочешь узнать секрет? Или ты трусиха?

– Я не трусиха.

– Так ты хочешь знать?

Она сдержанно кивает. Сильвер может говорить так много, но она не любит просить о чём-либо. И она также не любит открывать себя для всех.

Я заметил это в наших играх. Всякий раз, когда мы играем, она просит идти крайней, чтобы наблюдать за остальными. Конечно, она этого не делает, потому что каждый раз я забираю у неё крайнюю позицию. Мы с Эйденем обычно побеждаем их всех.

Ксандеру и Ким всё равно; им нравится только сам процесс игры, но Сильвер всегда сердито топает, а потом возвращается на следующий день, требуя реванша.

– Я расскажу тебе свой секрет, если ты расскажешь мне свой, – говорю я.

Она хмурит свои брови.

– Мой?

– Почему ты плачешь?

Она снова скрещивает руки на груди, всё ещё держа свою куклу.

– Я тебе не скажу.

– Тогда я тебе тоже не скажу, Бабочка.

Она смотрит на меня, выпятив вперёд губу. Это восхитительно.

Странно думать о ком-то столь очаровательно в такой день... *Я полагаю*. Но с тех пор, как я повстречался с Хаосом, я понял, что нормальности никогда не была для меня на первом месте.

Наконец, Сильвер вздыхает. Она смотрит вниз на юбку своего платья и играет с бабочкой на талии.

– Я подслушала, как мама и папочка ссорились и говорили, что разводятся.

Разочарование охватывает меня, как тогда, когда те прохожие нашли меня. Почему это так скучно?

– И это всё?

– Что ты имеешь в виду, говоря, что *это всё*? – В её глазах снова появляются слёзы. – Они всегда дерутся, кричат и говорят друг другу гадости. Теперь они собираются развестись. Я буку как Салли из класса. Моя жизнь будет разделена между двумя родителями и двумя домами. Мы не будем жить вместе, отдыхать вместе или путешествовать вместе и... и... Я этого не хочу!

– Ладно.

Её голова резко поворачивается в мою сторону.

– Ладно? Я всё тебе рассказываю, и всё, что ты можешь сказать, это *ладно*?

– Да, удачи. – Я начинаю вставать, но она хватает меня за рукав моей футболки, удерживая на месте.

– Ты не должен уходить, Коул. – Она тянет меня вниз с такой силой, о которой я и не подозревал. Я теряю равновесие и падаю спиной на скамейку.

Саднящее ощущение ползёт по всему моему позвоночнику.

Сильвер оседлала мою талию, и её большая юбка накрыла нас обоих, когда она положила свои ладони на мои плечи.

И если бы я хотел оттолкнуть её, я бы смог, но я не хочу этого. Так близко, что я замечаю крошечные веснушки на её носу, которых раньше не видел. Слезы всё ещё блестят в её глазах, и вид снизу позволяет мне рассмотреть чёткие контуры её омрачённого лица.

Это... прекрасно.

– Ты не можешь уйти. Ты первый, кому я вообще это сказала. И ты должен взять на себя ответственность за это. Папочка говорит, что каждый несёт ответственность за то, как он отреагирует после того, как что-то увидит. Если ты игнорируешь что-то плохое, то ты плохой человек.

Слеза падает с её века на мою щёку и капает мне прямо в рот, заставляя меня почувствовать солёный вкус.

– Кого из них ты ненавидишь больше всего? – Тихо спрашиваю я.

– Я не ненавижу своих родителей.

– Ты должна. Если они дерутся, то один из них является причиной этого, верно? – Я делаю паузу. – В моём случае это делает мой отец, и я ненавижу его.

Я не знаю, для чего я ей это говорю. Может быть, потому что хочу вызвать в воображении этот взгляд из прошлого, или просто потому, что я хочу сказать это вслух хоть раз в своей жизни.

– Почему ты ненавидишь своего отца? – Спрашивает она.

– Мы говорим о тебе. Кого ты ненавидишь больше всего?

– Я не ненавижу её, но иногда мне не нравится м-мама. – Она смотрит в сторону, будто не хочет в этом признаваться.

– Почему?

– Потому что ей всё не нравится, и она продолжает твердить мне, что я должна вести себя как леди. Я не могу играть на улице или приглашать своих друзей. Я не могу побежать и обнять папочку, когда он возвращается домой.

Я не могу плакать или кричать. Так что я делаю это здесь, и теперь ты знаешь. – Она указывает на парк. – Я плачу и кричу здесь, когда никого нет рядом.

– Она захочет забрать тебя с собой, когда они разведутся.

Она шмыгает носом, её глаза удваиваются в размерах, когда она снова смотрит на меня, а затем она яростно качает головой.

– Нет. Я этого не хочу.

– Когда другие взрослые спросят тебя, скажи им, что хочешь остаться со своим отцом.

– И... и они позволят мне?

Я киваю.

– Это то, что сделала Салли. Она выбрала свою маму, и они позволили ей жить с ней.

– Значит ли это, что я никогда больше не увижу маму? Я не хочу этого.

– Ты будешь её видеть, но большую часть времени будешь дома со своим отцом.

Она прерывисто вздыхает, одаривая меня лёгкой улыбкой.

– Спасибо. Я рада, что ты первый, кому я это сказала.

– Я тоже.

Я вижу её такой, какой никто на этой земле никогда не увидит.

Внезапно какая-то мысль овладевает мной и становится потребностью.

Точно так же, как необходимость, которая была у меня, когда я хотел больше хаоса.

– А теперь расскажи мне свой секрет. – Требуется она, всё ещё борясь с остатками слёз.

Я ухмыляюсь.

– Я хочу быть твоим первым.

– Моим первым в чём?

Мой большой палец вытирает влагу у неё под глазами.

- Во всём, Бабочка.

- Тогда я тоже хочу быть твоей первой. – Она вздёргивает подбородок.
- Обещай мне.
- Обещаю.

Глава 2

Кукольный Мастер

Привет.

Ты не знаешь, кто я, но я знаю, кто ты.

Я монстр под твоей кроватью и призрак в твоём шкафу.

Я – неизвестность.

Ты не увидишь меня, если не будешь искать, и даже когда ты это сделаешь, ты уверен, что искал достаточно усердно? Достаточно тщательно обыскал?

Вот что тебе нужно знать обо мне: я люблю кукол.

Или, скорее, одну конкретную куклу.

Мой отец не разрешал мне играть в куклы. Он говорил, что они ему не нравятся и что они не для меня.

Поэтому я спрятал свою куклу и доказал, что он ошибался.

Теперь я доказываю, что все ошибаются.

Включая тебя.

Это история моей новой любимой куклы после того, как я потерял свою самую дорогую.

Я не верил в любовь с первого взгляда, пока не увидел её.

И я имею в виду *всю* её.

Фарфоровая кожа, детские голубые глаза, золотистые волосы и розовое платье с лентами и тюлем.

Как будто она была создана для меня.

И она была.

Моя собственная кукла. Моя особенная кукла.

Я был так сломлен, когда увидел её в первый раз. Я собирался принять решение, о котором бы сожалел всю оставшуюся жизнь, но появилась она. Она была там, красивая и плачущая, и я точно знал, что должен удержать её.

Раньше у меня уже была кукла, поэтому я не обращал на неё никакого внимания.

Теперь же, когда моя кукла исчезла, я наконец-то вижу её.

Плачет, разговаривает.

Моя прошлая кукла этого не делала. Не по-настоящему.

Её золотистые волосы закрывают лицо и скрывают её от всего мира, но в конце концов, она будет полностью открыта мне.

Быть мастером кукол – это целое искусство. Ты можешь видеть и замечать то, чего никто другой не может. Даже самих кукол.

Шедевры в процессе их создания.

Я могу распознать шедевр ещё до того, как он полностью сформирован. Вот почему я лучший кукольный мастер, которого ты когда-либо мог найти.

То есть, *если* ты вообще сможешь меня найти.

Ты не можешь.

И она тоже не может.

Я овладел искусством обмана, научился прятаться, быть невидимым.

Иногда я даже *я сам* себя не вижу.

Даже *мне* сложно осознать, что я сделал. Что я могу сделать.

Моим запретом был я сам, но сегодня я освободился от последних оков.

Теперь у меня есть новая кукла. Моя драгоценная собственность.

Сильвер. Моя прекрасная маленькая куколка.

Добро пожаловать в мой мир.

Для тебя это будет забавно.

В конце концов.

О, и не ищи меня. Ты всё равно не найдёшь меня, пока я тебе этого не позволю. И когда я наконец появлюсь перед тобой, то всё, что ты сможешь сделать, это разбиться вдребезги на кровавые осколки.

Я улыбаюсь при этой мысли.

Пора начинать делать домашнее задание.

Беги, куколка.

Скрывайся.

И никогда, никогда не заглядывай под свою кровать.

Глава 3

Сильвер

11 лет

Я должна провести с мамой эти выходные. И мне это не нравится.

Она водит меня в партию и на поздние завтраки, заставляет носить платья и сидеть с детьми её подруг.

Я хочу остаться с папочкой и послушать его друзей. Они классные люди – я имею ввиду папиных друзей.

Они владеют всей страной.

И пусть папочка говорит, что это не так, что Консервативная партия не владеет Великобританией; они просто управляют ею. И единственная причина, по которой они это делают, заключается в том, что они получили голоса людей.

Мне всё равно. Они крутые, и они владеют страной в моём воображении. Они многое знаю о вещах, и они заставляют меня чувствовать себя такой важной, когда я помогаю нашей экономке принести им чай. Папочка всегда спрашивает моё мнение и позволяет читать его любимые книги.

Когда я вырасту, я буду как он. Я собираюсь предстать перед множеством людей в парламенте и защищать свои убеждения.

Мама тоже состоит в Консервативной партии, но она из фракции проигравших – по крайней мере так говорит Фредерик, правая рука папы. Он говорит мне, что мама из фракции, которая выдвигает лидера, который никогда не побеждает на внутренних выборах.

Принадлежность к одной партии должна была дать моим родителям повод оставаться вместе, но они каким-то образом смогли найти способ не согласиться, даже имея одинаковые убеждения.

В любом случае, мамины друзья не такие крутые. Они снобы и часто заставляют меня чувствовать себя так, что мне необходимо обойти их стороной.

Папины друзья намного лучше.

Но на эти выходные я должна поехать к маме. Я спросила папу, могу ли я остаться с ним, но он сказал, что она тоже мой родитель.

Если я не пойду, то мама придет и снова устроит скандал с отцом. Мама не затыкается – совсем. Она так затянула процесс развода и опеки, что мне до сих пор снятся кошмары об этом.

Но она моя мама, и мне не нравится видеть её одну. В течение трёх лет я пыталась снова свести её и папу вместе, предлагая нам проводить праздники вместе, но они всегда, словно в обязательном порядке, заканчивались их ссорой. Как будто они ищут возможности поскандалить.

Полагаю, я смогу пережить выходные.

Но сперва мне нужно подготовиться. Вот почему я сижу в парке одна. Я надела своё тёмно-синее платье с подходящими к нему туфлями на плоской подошве, и у меня распущенные волосы, спадающие на спину.

Всего один час до того, как мне придётся встретиться с мамиными друзьями за обедом.

Я смогу это сделать.

Я сажусь, скрестив ноги, на скамейку и кладу руки на колени. Я медитирую. Этому трюку меня научила Хелен, чтобы пользоваться им, когда мои мысли разбегаются повсюду.

Хелен намного лучше моей мамы в том, чтобы быть спокойной. Она слушает меня, делает мне причёски и дарит подарки. Она научила меня разным приёмам приготовления лучшего чая и позволяет быть с ней, когда она печёт.

И если бы её сын, Коул, не был такой занозой в заднице, то возможно, я бы провела этот час с ней, а не была одна.

Мне вообще не нравятся мальчишки. Они ведут себя как свиньи, раздражают и не дают другим покоя.

Всё, что их волнует – это розыгрыши. Особенно Эйдена и Коула. И я всё ещё хочу врезать придурку Эйдену за то, что он подставил мне подножку на днях.

Но кого я ненавижу больше всего, так это Коула. Он протянул мне руку, чтобы помочь подняться, а затем потянул меня за мой конский хвост и сказал: «Иди поплачь в парке».

Я ненавижу то, что он знает, как важно для меня это место. Он использовал это, чтобы дразнить меня при каждом удобном случае. Иногда он идёт за мной сюда просто для того, чтобы посмеяться надо мной. Он не делает этого при других, потому что все считают Коула хорошим мальчиком.

Они думают, что Эйден немного озорной, а Ксандер – плохой мальчишка, но они не знают, что Коул – первоклассный придурок.

И я пыталась найти другое особенное место, помимо этого парка, но не смогла. Именно здесь был мой первый пикник с родителями. Или, может быть, он был не первым, но это моё первое счастливое воспоминание, поэтому это место стало моим убежищем. Моё бегство от всего мира.

И придурок Коул у меня этого не отнимет.

Светлые мысли. Не думай о Коуле. Светлые мысли.

Как только я вернусь от мамы, папочка услышит, как я играю пьесу для фортепиано, которую репетирую для предстоящего конкурса. Хелен научит меня печь пирожные. По какой-то причине я никак не пойму, как сделать это правильно. Я лучше готовлю чай.

Кто-то дёргает меня за прядь волос, и я стону, резко открывая глаза.

Коул сидит рядом со мной и улыбается. Он часто так делает – молчит с этой приводящей в бешенство улыбкой на его лице.

Он ничего не говорит, но выражение его лица само по себе похоже на насмешку.

– Что тебе нужно? – огрызаюсь я.

– Это общественный парк, Бабочка.

Тьфу. Ненавижу, когда она меня так называет. Это напоминание о том дне, когда я показала ему свою слабость, когда не должна была этого делать.

Благодаря его совету всё получилось. Когда я сказала судье, что хочу остаться с папочкой, он без колебаний передал опеку моему отцу. Мама не разговаривала ни со мной, ни с папой целую неделю, и мне пришлось извиниться перед ней за это, прежде чем она простила меня.

Я никогда не скажу Коулу, что благодарна ему. Это означает снова проявить слабость перед ним, и он будет использовать это против меня в течение многих последующих лет.

Тот день был чернотой в наших жизнях. Когда я вернулась домой, мои родители усадили меня и объявили, что разводятся. В ту ночь я плакала, пока не уснула.

На следующее утро я узнала, что дядя Уильям, отец Коула, споткнулся в своём бассейне и ударился головой о край. Он умер примерно в то время, когда Коул разговаривал со мной в парке.

С тех пор жизнь Коула никогда не была прежней. Он не говорит этого, но я вроде как чувствую это.

Мама и её друзья продолжают говорить, что Хелен стала богатой вдовой, у которой так много денег, что она не сможет потратить их за всю свою жизнь.

Коул не плакал на похоронах своего отца. Он вообще не плачет, но я думала, что в тот день он сделает это.

Однако он не проронил ни одной слезинки.

Он провёл всю церемонию, сжимая руку своей матери, пока она рыдала. И это было похоже на то, что она плакала и за Коула, и за себя.

В тот день я отдала Коулу свой батончик Сникерса. Я получаю только один раз в три дня – мамины правила, потому что я должна следить за своей диетой, - и я подумала, что, поскольку ему было грустно, шоколад заставит его чувствовать себя лучше.

Он пристально посмотрел на него, потом на меня, прежде чем велел мне съесть его у него на глазах. И я так и сделала, втайне радуясь, что смогла получить свой шоколад. Пока я ещё ела, он сказал мне, что я эгоистка. Я бросила остаток шоколадки ему в грудь и ушла.

С тех пор он стал придурком. Он заставляет меня думать, что хочет провести со мной время просто для того, чтобы говорить мне гадости, улыбаясь.

Я ненавижу, когда он так делает.

Я ненавижу его улыбки и его каштановые волосы, которые он оставляет достаточно длинными, чтобы их трепал ветер. Я также ненавижу, что его глаза такого редкого зелёного цвета, это завораживает. Они не лесного цвета, как у Ким, нет. Они также не похожи на траву, по которой каждый может топтаться. Они похожи на верхушки высоких деревьев, где кажется, что светло, но на самом деле темно и глубоко. Высоко, могуче и далеко.

Так, что пока подняться на него практически невозможно.

– Ты всё ещё злишься, потому что раньше проиграла в шахматы? – Он улыбается. – Ты новичок.

– В следующий раз я выиграю. Неважно.

– Ты не сможешь победить меня, Бабочка.

– Конечно могу. Я победила в конкурсе пианистов. Хм.

– Это потому, что я тебе позволил.

– Так говорят неудачники.

– Ты не хочешь бросать мне вызов, или я снова заставлю тебя плакать.

– Иди к чёрту.

Его ухмылка становится шире.

– Ого. Громкие слова, мисс Чопорная и Правильная.

Я прищуриваюсь, глядя на него.

– Что тебе нужно, чтобы оставить меня в покое?

Он замолкает на секунду, и, кажется, серьёзно обдумывает моё предложение. Затем он похлопывает себя по щеке.

– Поцелуй меня сюда.

– Я не буду!

– Хорошо.

Он опускает руку, прежде чем украдкой потянуть меня за волосы.

– Ой!

– Что?

– Я же говорила тебе больше так не делать.

– Ты не дала мне того, чего я хотел. Почему тогда я должен давать тебе то, что ты хочешь?

– Ты такой... такой...

– Ты не можешь подобрать слово?

– Придурок!

– Меня это вполне устраивает. Ты собираешься поцеловать меня или мне следует беспокоить тебя, пока Синтия не придет за тобой?

– Почему ты хочешь, чтобы я поцеловала тебя в щёку?

Он пожимает плечом.

– Потому что.

– Скажи мне почему, или я не буду этого делать.

Он делает паузу, и его улыбка исчезает. Коулу не нравится, когда его загоняют в угол. Наконец, он тихо говорит.

– Ты не делала этого ни с одним другим мальчиком.

Теперь моя очередь улыбаться.

– Потому что ты хочешь быть моим первым?

Он кивает.

– А теперь сделай это, или я снова дёрну тебя за волосы.

– Скажи «пожалуйста».

– Я не говорю «пожалуйста», – издевается он. – Сделай это, или я потяну тебя за волосы.

– Тогда я просто поцелую Эйдена в щёку, и ты потеряешь это первое навсегда.

Ноздри Коула раздуваются, и я складываю свои руки на груди, чувствуя себя самодовольной.

– Ты пожалеешь об этом. – Говорит он.

– Мне всё равно.

Он делает глубокий вдох.

– Пожалуйста.

– Пожалуйста, что?

– Сильвер, - предупреждает он. Он называет меня по имени только тогда, когда злится или хочет, чтобы я что-то сделала.

– Ты должен сказать всё предложение целиком.

Он стискивает зубы, но говорит спокойным голосом.

– Пожалуйста, поцелуй меня в щёку.

И я целую.

Положив руку на скамейку, я наклоняюсь и прикасаюсь губами к его правой щеке. Контакт короткий, но по какой-то причине моё лицо горит, и я быстро отстраняюсь.

Он ухмыляется.

Коул похлопывает себя по левой щеке.

– Теперь в другую.

– Мы договаривались только об одной щеке.

– Мы договорились только о щеке, мы не уточняли, какой именно. Я хотел в левую.

– Хорошо.

Я всё равно хочу снова почувствовать его кожу.

Он слегка наклоняется, так, что его левая щека оказывается передо мной. Но в тот момент, когда мои губы вот-вот соприкоснутся с его кожей, он резко поворачивает голову и его рот прижимается к моему.

На секунду я слишком ошеломлена, чтобы отреагировать. Его губы мягкие и на ощупь полнее, чем кажутся.

И теперь они на моих.

Я отшатываюсь в шоке, прикрывая рот тыльной стороной ладони. Мои щёки горят так, что мне кажется, что они сейчас взорвутся.

– П-п-почему ты с-сделал –э-это?

Я указываю на него дрожащим пальцем. Как будто я больше не могу говорить.

Ещё одна ухмылка приподнимает его губы. Губы, которые я только что поцеловала.

– Потому что.

– Коул, ты... ты...

– Придурок? – Заканчивает он за меня, наклоняя голову.

– Я хочу, чтобы ты умер...

Я делаю паузу, осознавая, что я только что сказала. Эти слова никогда не следует произносить, только не поле того, что недавно случилось с мамой.

– Я не это имела в виду.

– Я пойму, если ты этого хочешь. Кроме того, ты единственная, кто в этом виноват.

– Я?

– Я говорил тебе, что ты пожалеешь об этом. Не угрожай мне снова, Бабочка. Ты никогда не победишь меня.

Я ударяю его по плечу сжатым кулаком.

– Уходи!!

– Или что? Ты перестанешь вести себя как леди? Ты уже сделала это.

Леди не бьют кулаками.

– Заткнись и вали.

– Ладно, ладно. Сделка есть сделка. Я уйду.

Он, пошатываясь, поднимается на ноги, всё ещё улыбаясь своим приводящим в бешенство способом, заставляя меня желать ударить его в глотку.

– Я ненавижу тебя.

Я смотрю на него снизу-вверх. Его тень скрывает солнце, а его присутствие блокирует всё остальное.

Он взъерошивает мои волосы, отчего золотистые пряди разлетаются во все стороны, прежде чем положить ладонь мне на макушку и наклониться так, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с моим.

На его губах нет улыбки, когда он говорит с резкостью в голосе.

– Ненавидь меня сколько хочешь, но сдержи наше обещание. Всё твоё первое – моё.

Глава 4

Сильвер

14 лет

Моя мама сказала, что я могла бы быть лучше.

Я могла бы быть более утончённой, более элегантной, и просто... более

Я оттолкнула Кимберли, потому что, если бы я этого не сделала, мама каким-нибудь образом причинила бы ей боль. Мама слишком прямолинейна и не думает дважды, прежде чем казать правду, какой бы уродливой она ни была. Ей всё равно, кого она растопчет на своём пути к успеху. Она не перестанет думать о последствиях для других людей. Она просто не чувствует себя так, как все мы.

А если и чувствовала, то эта её часть умерла после развода. Или, скорее всего, три года назад. Как будто она убила часть себя в той ванне.

С тех пор я ни в коем случае не хочу её испытывать. Если она говорит, что я должна сменить друзей, то я меняю друзей. Если она говорит, что я не должна носить определённую вещь, я не ношу. Если она говорит, что я не должна слушать рок-музыку, я не слушаю. По крайней мере, не на публике. Все знают меня как пианистку, и я такой и остаюсь.

И дело не в том, что мне не нравится играть на пианино, потому что мне нравится. Однако я предпочитаю слушать другую музыку с текстами, которые заставляют задуматься.

Мама называет это музыкой дьявола.

Прежде чем я успела опомниться, моя жизнь превратилась в образ. Я веду себя определённым образом, говорю определённым образом и даже хожу определённым образом. Мне приходится мягко покачивать бёдрами, но я не могу идти слишком медленно, как шлюха, или слишком быстро, как ботаник.

Я леди. Совсем как мама.

Папочка усадил меня и сказал, что я не должна следовать её инструкциям или подвергаться её угрозам. Но папочка не видел того, что видела я. Его там не было.

Я люблю его больше всего на свете, но он – не я. Он не был разделён между двумя альфа-родителями с богоподобными личностями. Он не был вынужден видеть, как один из них упал на самое дно.

Как только я сказала ему, что хочу этого, он больше не поднимал эту тему снова. Папочка может быть опасным политиком со строгими правилами и такими же взглядами, но он уважает мои желания больше всего остального. И уже за это одно я ему благодарна.

В последнее время я не могла так часто говорить об этом. Часть того, чтобы быть леди, — это не показывать своих эмоций. Если же тебе действительно нужно их показать, то они не должны быть твоими настоящими эмоциями. Их нужно всегда прятать там, где их никто не сможет найти.

Я знаю, что в школе люди называют меня сукой, королевой сук, но я не возражаю.

Быть сукой означает, что я отлично скрываю свои эмоции и мне не нужно снова переживать этот кошмар.

Это означает, что я могу собрать все свои кусочки воедино.

Так что я так хорошо играла роль суки, что никто не мог видеть меня насквозь. Я выбирала бои только для того, чтобы выйти победителем. Я играла в игры только для того, чтобы доказать, что могу.

Даже Ким, которая когда-то была моей самой близкой подругой, верит в это превращение и теперь сама называет меня сукой. Иногда мне хочется отправить ей сообщение и сказать, что мне жаль, но в последнюю минуту я передумываю. На кон поставлено нечто гораздо большее, чем дружба, и я бы никогда не стала рисковать этим.

Мама говорит, что наверху одиноко, и я начинаю понимать смысл этих слов.

Её друзья начали отдаляться по мере того, как она поднималась по карьерной лестнице, утверждаясь как самая красивая женщина-политик, которая действительно может соперничать с мужчинами. Какое-то время назад журналист спросил её, использовала ли она свою красоту, чтобы получить то, что она хочет, и она сказала свою знаменитую фразу: «Я пришла сюда, чтобы поговорить об очень серьёзно и неотложной проблеме, и это государственное жильё. Я могу поделиться своими мыслями, или мне придётся сидеть и уклоняться от комментариев по поводу моего лица, прежде чем я смогу сделать это?»

Это принесло ей огромную популярность в социальных сетях и среди женских ассоциаций.

– Спасибо, Дерек. – Я бросаю взгляд на водителя отца через окно, как только он высаживает меня после школы у дома Хелен. – Не забудь выпить чай, который я тебе дала. Я сделала это сама.

– Я бы не пропустил этого. – Он ухмыляется, обнажая ровные белые зуба. Ему под тридцать, и он много помогает папе в работе. – Веселитесь, мисс Куинс.

– Это Сильвер.

Я машу ему рукой, когда машина исчезает за углом. Папочка сказал, что заберёт меня позже, даже когда я ответила ему, что могу пойти домой пешком.

Экономка Изабель впускает меня с широкой улыбкой на лице. Она единственная, кому Хелен позволяет помогать, и она приходит только два раза в неделю. Изабель жестом показывает, что Хелен на кухне.

Я прикладываю палец к губам и на цыпочках прохожу туда, бросая рюкзак на диван.

Проводить время с Хелен – одно из самых ярких событий моей недели. Папочка стал больше заниматься партией с тех пор, как стал

государственным секретарём. Я участвую в его встречах, но у него едва хватает времени для меня – или для себя. И меня убивает видеть его таким одиноким и стареющим с каждым днём.

Тем не менее, я провожу большую часть своего времени с мамой, и это вряд ли весело.

Когда я с Хелен, мы разговариваем и печём – ну или, скорее, она печёт. Я продолжаю чертовски лажать с этим. И всё же Хелен никогда не отказывается от меня и продолжает учить.

Мы вместе медитируем, и она всё ещё причёсывает меня и говорит, что я идеальная дочь, которой у неё никогда не было. Может быть, то, что я слышу эти слова, которые моя собственная мать редко говорит мне, и заставляет меня возвращаться сюда.

Это, конечно, не из-за её сына-придурка.

Я ненавижу Коула Нэша.

Я презираю его от всего своего сердца.

Он поднялся на новый уровень от того, чтобы дёргать меня за волосы и насмехаться надо мной, до того, чтобы играть в игры. Он очень любит их, я имею в виду игры. И веру в то, что он имеет власть над кем-то.

И он тоже становится популярным – он и другой придурок, Эйден. И я не знаю, что девчонки находят в них. Они оба *мерзкие*.

Ксандер и Ронан обоснованно популярны. Как минимум, они очаровательны.

О, подождите-ка. Все считают Коула тоже очаровательным. Он улыбается им и предлагает помощь с домашним заданием, как будто он принц из их любимых сказок.

Идиоты.

Они не знают, что для Коула всё – это игра. Если он ведёт себя с ними хорошо, то обычно это происходит из-за того, что они с Эйденем спорят о том, кто чью благосклонность получит.

И пока Эйден размышляет, Коул завораживает себя этим. Всё зависит от того, кто же победит, но также важен сам процесс.

Коул преуспевает в играх, и он играет в них уже много лет. Ему нравится думать, что каждый человек – это фигура на его шахматной доске и что он может управлять их судьбой.

Эйденоу нравится играть королём, который выходит победителем, но Коул стремится быть игроком, который контролирует не только короля, но каждую фигуру на доске.

В основном мы избегаем друг друга. Чем больше вижу его истинное «я», тем больше он видит моё. И я ненавижу это.

Мы можем целыми днями не разговаривать друг с другом, даже когда Хелен или папочка рядом. И тогда он появляется из ниоткуда и провоцирует меня – или бросает мне вызов. Это может быть также просто, как тест по биологии, или конкурс для пианистов, или даже кто дальше задерживает дыхание под водой.

И я поднимаюсь вверх в каждом из них.

Я дочь Себастьяна Куинса и Синтии Дэвис, и я такая же упёртая, как и мои родители. Никто не обойдёт меня.

Никто.

Хотя обычно он выигрывает и смеётся надо мной. Клянусь, он продолжает быть первым в классе только для того, чтобы позлить меня и называть Мисс Номер Два. Иногда даже Эйден выталкивает меня со второго места просто для того, чтобы доказать, что он это может.

Они оба огромные придурки.

Сейчас у них тренировка по футболу, а это значит, что я могу спокойно проводить время с его матерью.

Ну неужели у неё не может быть другого сына? Ронан или Ксандер подошли бы. Чёрт возьми, даже Леви, двоюродный брат Эйдена, был бы лучше.

Это должен быть тот, кого я ненавижу больше всех.

Тот, кто заставляет меня чувствовать себя фальшивкой всякий раз, когда он смотрит в мою сторону в школе.

Хелен стоит перед холодильником, повернувшись ко мне спиной. На ней шикарные брюки и отглаженная рубашка. Её светло-каштановые волосы собраны в аккуратный пучок, который подчёркивает её мягкие скулы и увеличивает размер её карих глаз.

Хелен – автор бестселлеров о криминальных триллерах, поэтому она обычно не наряжается дома. Она делает это только тогда, когда ей необходимо встретиться со своим агентом, ну или что-то в этом роде.

Я подкрадываюсь к ней сзади и закрываю ей обзор руками.

– Угадай кто?

Она мурлыкает.

– Красивая девочка с детскими голубыми глазками и самыми блестящими золотистыми волосами, которая носит розовое?

Я смеюсь, убирая руку.

– Школьная форма, Хелен. Цвета запрещены, но, эй, мои часы розовые.

Она оборачивается и обнимает меня. От неё пахнет клубникой и весной. Если бы мне пришлось выбирать, что именно я люблю в Хелен больше всего, это, без всяких сомнений, было бы то, как она обнимается. Она будто поглощает тебя и насыщает своим теплом.

Папочка редко обнимает меня тех пор, как мама сказала ему, что из-за него я останусь маленькой девочкой. Мама тоже редко это делает, так что Хелен, по сути, мой единственный источник.

Она отстраняется.

– Ты готова к выпечке?

– Разве у тебя не было сжатых сроков?

– Я закончила раньше. Так что мы испечём все торты.

– Все?

Она кивает.

– Мы можем сделать торт «Сникерс»?

– Ты и этот шоколад. – Она подавляет тихий смешок. – Да, мы можем это сделать.

– Да! Ты лучшая. – Я целую её в щёку, и она снова смеётся.

Мы с Хелен приступаем к работе, и, как всегда, я её су-шеф. У неё есть свой способ смешивать ингредиенты, который поможет ей стать шеф-поваром, если она когда-нибудь подумает о смене карьеры.

– Ты прекрасно выглядишь, Хелен, – говорю я ей, пока мы смешиваем яйца с маслом.

У неё появляется тёплая улыбка.

– Да?

– Конечно да. Если ты пойдёшь туда, то вернёшься с десятью мужчинами.

– Сильвер! Где ты слышала такие вещи, милая?

– Девочки в школе.

– Вау. Дети в наши дни просто непредсказуемы.

– Я серьёзно, Хелен. Ты всё ещё молода и красива. О, и богата. Мама говорит, что это самое главное.

Глаза Хелен опустились вниз.

– Не во всех случаях, дорогая.

С тех пор, как шесть лет назад умер её муж, Хелен посвятила свою жизнь сыну-придурку и своей работе. Она стала автором бестселлеров и сделала себе имя, но я чувствую, как она одинока.

Как папочка.

Ох. *Как папочка.*

В голову закрадывается озорная идея. Я могу сказать папе, чтобы он заехал за мной пораньше, а потом притвориться спящей, чтобы он мог провести немного времени с Хелен.

Некоторое время назад я бросила попытки наладить отношения между ним и мамой. Всё, что они делают, это ссорятся, так что, может быть, для них обоих будет лучше встретиться с другими людьми.

Я начинаю действовать ещё до того, как успеваю подумать об этом. Я пишу папе, а когда он не отвечает, пишу Дереку, чтобы он передал папе сообщение.

К тому времени, как мы с Хелен заканчиваем с выпечкой, я притворяюсь, что хочу спать. Хелен говорит мне воспользоваться любой комнатой дальше по коридору, чтобы вздремнуть, пока мой торт «Сникерс» не будет готов.

И я определённо заберу его с собой домой. Мне не нужно рассказывать маме об этом.

В тот момент, когда я ложусь на кровать и кладу голову на мягкую подушку, я каким-то образом засыпаю.

Мне снится свадьба Хелен и папы. Я улыбаюсь, даже счастлива, и на мне платье принцессы, как в том ремейке Золушки, но только розовое.

Потом, я вижу, кто стоит рядом со мной на их свадьбе.

Коул.

Коул станет моим братом.

Он смеётся так громко, что я, вздрогнув, просыпаюсь.

Чёрт возьми. Почему я не подумала об этом до того, как придумала план?

Я была слишком сосредоточена на одиночестве папы и Хелен, чтобы забыть маленькую, но ужасную деталь того, что Коул станет моим братом.

Нет. Неа.

Мне придётся найти других людей для Хелен и папы. Я никогда не буду жить под одной крышей с этим грубым, глупым...

– Плохой сон?

Я ахаю и чуть не спрыгиваю с матраса. Коул сидит рядом со мной, прислонившись к изголовью кровати, и читает Харуки Мураками

«Норвежский лес». Его волосы влажные и падают на его лоб. На нём хлопчатые брюки и простая белая футболка, что означает, что он только что вышел из душа.

Я не могу не вдыхать аромат его геля для душа. Это похоже на корицу и специи, и я так странно привыкла к этому в последнее время.

Я вытираю рот на случай, если там слюни или что-то подобное.

– Ч-что ты здесь делаешь?

– Это моя комната. – Говорит он, не отрываясь от книги.

Он часто так делает, читает. Как ботаник, заставляющий всех девушек смотреть на него и говорить, что он такой обалденный. Такой привлекательный. Такой горячий. Он не такой.

– Это не твоя комната.

Я бросаю беглый взгляд, чтобы убедиться. Конечно это не так. Учитывая, что я ставлю перед собой задачу избегать его комнаты, я бы знала, если бы это было так.

– Я заставил тебя посмотреть.

– Ты такой придурок.

Я складываю руки на груди, пристально глядя на него.

Мы остаёмся в таком положении на секунду дольше, чем нужно. Он читает, в то время как я продолжаю свирепо смотреть, пытаюсь понять, что, черт возьми, девушки находят в нём привлекательного.

Да, у него красивые глаза, которые кажутся таинственными, как верхушки деревьев, до которых никто не может дотянуться. У него мягкие и немного длинные волосы, так что, я думаю, это тоже круто. На его в целом приятно смотреть, да.

Но его личность прогнила.

Почему же он продолжает так сильно привлекать всех?

– Ты ходила на благотворительное мероприятие с Эйденом? – Тихо спрашивает он, всё ещё глядя в свою книгу.

– Именно. Мы были с папой и дядей Джонатаном.

– И что ты делала?

– Нам было весело.

– Опиши веселье, Бабочка.

– Мы говорили с некоторыми друзьями папы и дяди Джонатана, и они сказали, что мы умные дети, которые станут идеальными наследниками наших отцов.

Я усмехаюсь от этого воспоминания, и мне нравится, когда люди сравнивают меня с папой.

– Потом мы ели, играли в шахматы, танцевали и...

– Ты танцевала? – Он обрывает меня, наконец отрывая голову от книги, чтобы взглянуть на меня.

Я киваю.

– Как?

– Что ты имеешь в виду, *как*? Мы немного потанцевали вальс.

– Вальс, – повторяет он, глядя на меня. И если бы я не знала, что Коул никого не бьёт, даже в шутку, я бы выбежала из комнаты.

Тишина тянется до тех пор, пока не становится неловко. Я ненавижу долгие периоды молчания, это заставляет меня нервничать. Мамин голос эхом раздаётся в моей голове снова и снова.

Леди никогда не чувствует себя неловко.

– Потом мы с Эйденем вышли на улицу, – продолжаю я. – Мы пробрались и съели больше десерта за спиной персонала и...

– Заткнись.

– Ты же сам спросил, как нам было весело.

– А теперь я говорю тебе заткнуться.

Он захлопывает книгу, и, хотя звук не громкий, я вздрагиваю на месте.

Мне, пожалуй, пора идти. Не только для того, чтобы вырваться из этой атмосферы, но и для того, чтобы найти папочку до того, как мой план вступит в действие.

– Покажи мне свои сиськи. – Говорит Коул из ниоткуда.

Мои глаза так сильно распахиваются, и я сглатываю, как будто это каким-то образом сотрёт то, что я услышала.

Его лицо остаётся нейтральным, хотя губы подёргиваются, как будто он улыбается – или ухмыляется.

– Н-нет!

Я скрещиваю руки на своей груди.

– Я мог бы из увидеть, когда ты спала.

Если бы моя челюсть могла упасть на пол, это произошло бы примерно сейчас. Я натягиваю простыню на грудь, мой голос тихий и неподходящий.

– Т-ты сделал это? Я имею в виду, увидел их?

– Нет. Будет веселее, если ты сделаешь это.

– Ну, я не буду этого делать.

Я сужаю глаза.

– В конце концов, ты сделаешь это, так что можешь начать прямо сейчас.

– Хорошая попытка. Нет.

Он пожимает плечами, будто это самое обычное явление в мире. С тех пор, как у меня начала расти грудь, Ронан и Ксандер не перестают спрашивать о них, например, могут ли они их потрогать? Нет. Неужели я пялюсь на них весь день? Нет. Могут ли они получить фотографию для сравнения с другими имеющимися у них фотографиями? Нет – и я даже не спрашивала, какие ещё фотографии у них есть.

Коул ни разу не обратил на них внимания. И это первый раз, когда он упомянул о них. Но у Коула есть способ наблюдать за вещами, который никогда не намекает на то, что он на самом деле думает или чувствует.

– Ты хочешь посоревноваться? – Спрашивает он.

Я вздёргиваю подбородок.

– Каковы ставки?

Я научилась всегда спрашивать о ставках, прежде чем мы начнём, потому что Коул играет нечестно. Я действительно начинаю думать, что он проигрывает только потому, что подыгрывает.

И это удар ниже пояса по моей гордости.

– Если ты выиграешь, я кое-что для тебя сделаю. Никаких вопросов. И наоборот.

– Я не покажу тебе свою грудь, Коул.

– Ты имеешь в виду сиськи?

Моё лицо горит. Ну почему он должен быть таким грубым?

– Ну, я их не показываю.

– Хорошо.

– Серьёзно?

– Да. Обещаю.

– Что за вызов?

Он бросает книгу мне на колени.

– Выбери страницу, а затем скажи мне прочитать любую строчку.

– Это смешно. Ты же не мог выучить всю книгу наизусть.

– Тогда ты победишь.

Я покусываю нижнюю губу, обдумывая это. У Коула отличная память, но она не заходит так далеко, как запоминание книги. Я знаю, потому что вчера он читал что-то под названием «Гошнота».

Только Коул стал бы читать такие странные книги, когда все остальные мальчишки прячут порно. Ронан и Ксандер, конечно, такие.

Если он настолько глуп, чтобы заключить это пари, так тому и быть. Я открываю книгу, пряча её подальше от него.

– Ты будешь моим рабом в течение недели, Коул.

– Это то, чего ты хочешь?

– Я заставлю тебя пожалеть обо всём, что ты со мной сделал.

Я останавливаюсь на странице, и строка сверху привлекает моё внимание.

– Страница сто восемьдесят восемь, параграф второй.

Самодовольная улыбка приподнимает мои губы, и мой разум уже полон различных способов, которыми я буду мучить Коула.

– «Не бери в голову. – Сказал я. – У нас обоих есть много чувств, которые нам нужно выразить открыто. Так что, если ты хочешь взять эти чувства и разбить ими кого-нибудь, разбей меня. Тогда мы сможем лучше понять друг друга».

Он даже не сбивается с ритма.

Мои глаза, должно быть, увеличиваются вдвое, когда я смотрю то на него, то на книгу. Это же одна и та же строчка, слово в слово.

Нет. Нет.

Я тыкаю на него пальцем.

– Ты жульничал!

– Ты прятала книгу так, словно от этого зависела твоя жизнь, Бабочка.

Ты думаешь, я смог бы сжульничать?

– Тогда ты знал, что я собираюсь выбрать это.

– Откуда мне знать, какую страницу ты выберешь, не говоря уже о строчке?

– Я... я требую повтора.

– Нет. Ты проиграла и теперь расплатишься. Если только ты не трусиха.

– Я не трусиха, – стону я, отбрасывая дурацкую книгу, хотя, вероятно, прочитаю её позже. Мне понравилась эта строчка.

– Чего ты хочешь?

– Я собираюсь поцеловать тебя, и ты мне позволишь.

Прежде чем я успеваю сформулировать мысль, он обхватывает мои щёки ладонями и прикасается своими губами к моим.

Они приоткрываются сами по себе, и Коул берёт под контроль мои губы. Сначала он целует меня медленно, пробуя на вкус, заставляя всё моё тело дрожать. Я не знаю, что делать, поэтому остаюсь неподвижной.

Я думала о поцелуях раньше – точнее, с того дня, когда он обманом заставил меня поцеловать его в щёку, но в последнюю секунду повернул голову.

Его губы настойчивее, чем тогда, и когда он скользит своим языком по моему, он ощущает вкус своей любимой лаймовой жвачки. Мои пальцы на ногах поджимаются, а конечности дрожат от той силы, которую он в меня вливает.

Почему целоваться с ним так приятно?

Этого не должно быть, так? Я ненавижу его.

И всё же, чем больше он скользит своим языком по моему, тем больше я хочу, чтобы это продолжалось, тем сильнее я в этом нуждаюсь.

Когда он отстраняется, я ненадолго закрываю глаза, чтобы выровнять дыхание. Вау, должно ли это ощущаться так, как будто я выскальзываю из своего тела прямо сейчас?

– Ты не так уж плоха по сравнению с другими. – Говорит он.

Другие.

Множественное число?

Мои глаза распахиваются, и я отталкиваю его с силой, о которой никогда и не подозревала, что обладаю.

– Никогда больше ко мне не прикасайся.

Я вылетаю из комнаты со слезами на глазах.

Я ненавижу Коула Нэша.

Я презираю его.

Глава 5

Коул

15 лет

Бытие или же его отсутствие интригует.

Я помню, как в первый раз взял «Тошноту» Жан-Поля Сартра с одной из мамины полок. Она была покрыта пылью, к ней не прикасались годами.

Я помню, как прочитал книгу за один день. Мне было двенадцать. Тогда я мало что из этого понимал, но каждый раз, когда я перечитываю это, у меня появляются вспышки небытия.

Другие люди держались бы от этого подальше, но я продолжаю возвращаться за большим. Я читал о теории экзистенциализма и следовал всем коллегам Сартра, и, хотя я не верю в эту теорию – или во что-либо вообще – я всё ещё погружён в главного героя Сартра в «Тошноте», Антуана Рокантена.

Одинокий человек, пытающийся смириться со своим существованием и в то же время ужасающийся ему.

Когда мама увидела, что я читаю эту книгу, она сказала, что ей жаль его, потому что у него не было никого, кто мог бы его понять. Антуан, по её мнению, наихудший сценарий для писателей, которые копают слишком глубоко.

Мама, может, и сама писательница, но она увлекается тем, что я называю фантастикой, заставляющей задуматься. Она пишет книги о самых тёмных сторонах человеческой природы, психопатах, серийных убийцах и сектах. Она пишет книги, где злодеи являются главными героями, и она не пытается романтизировать их. Вот что заставляет её сердце так бешено колотиться.

Независимо от того, как сильно я люблю мамин талант и её литературную гениальность, я думаю, что она упустила суть в «Тошноте». Дело не в том, что Антуан не понимал самого себя; дело в том, что, возможно, он понимал слишком многое, что стало грузом.

Я не сказал ей этого, иначе она бы так на меня посмотрела. Тем своим взглядом, когда её брови морщатся, и она пристально смотрит на меня, как будто ищет признаки из её шпаргалки по статьям о серийных убийцах.

Тогда бы она записала меня на приём к психотерапевту, чтобы я мог всё обсудить.

Это был один и тот же бесконечный цикл с тех пор, как умер мой отец. За эти годы я научился держать свои самые нестандартные мнения при себе. Всякий раз, когда мама говорит, что я кажусь намного старше, чем есть на самом деле, я обычно стараюсь сдерживать себя и подражать окружающим.

Особенно Ксандеру и Ронану; они самые нормальные из нас четверых – или настолько нормальные, насколько это вообще возможно.

У меня были подозрения на счёт Ронана. Его общая жизнерадостность кажется маскировкой чего-то.

Теперь же он ухмыляется, как идиот, когда мы собираемся в Meet Up – коттедж, который оставила Эйдена его покойная мать. Обычно мы приходим сюда после игр с другими членами команды. Сегодня же, однако, нас только четверо, потому что Ронан сказал, что это особый повод.

– Леди и джентльмены – и, кстати, леди – это ты, Кинг.

Он запрыгивает на стол, делая вид, что держит в руке микрофон.

– Мы собрались здесь, чтобы отпраздновать священное лишение девственности Эйдена Кинга. Он наконец-то потерял свою девственность. Давайте же услышим это от него!

Ксандер воеет, запрыгивая на стол и хватая Ронана за плечо. Он из тех, кто умеет только говорить, ханжа.

– Заткнись нахуй, Астор, и слезь. – Говорит Эйден рядом со мной. Он выглядит скучающим, как обычно. Его серые глаза спокойны и готовы совершить убийство, чтобы прервать порочный, скучный круг.

И мне знакомо это чувство.

Если нет хаоса, то мир как будто постоянно серый, и нет никакого способа придать ему цвета.

Для меня это началось после похищения. Может быть, у меня и раньше были какие-то проблемы, но та тьма – тот первый вкус хаоса - оставила свой отпечаток во мне.

Эйден такой же, хотя его случай намного глубже. Нас с Ксандером забрали на два дня, и мне не пострадали. Эйден же провёл целую неделю в хаосе и вернулся со шрамами.

Он особенный? Поэтому Хаос держал его дольше?

С тех пор он сделал своей целью разжигание войн и сражений. Или, скорее, это стало нашей миссией. Моей, потому что я воспользуюсь любым шансом, чтобы снова встретиться с Хаосом, даже если это будет ненадолго. Его, потому что он любит бросать вызов. Он назван Завоевателем не беспочвенно.

Они придумали нам эти имена в школе из-за футбола. Ксандер – это Война, что вполне понятно, учитывая, что он похож на нападающего быка. Ронан – это Смерть, потому что он убивает любую попытку атаки из центра поля. Я – Голод. Как они говорят, бесшумный, но смертоносный.

Я бы сказал, что всегда жажду большего. Больше информации, больше книг, больше *хаоса*.

– Признай это, Эйден. – Ронан направляет на него свой воображаемый микрофон. – Это из-за моих рекомендаций.

– Отвали. – Эйден не пропускает удара.

– Тебе не обязательно говорить это вслух. Я принимаю это в крошечном пространстве своего сердца. – Ронан ухмыляется, самодовольно проводя пальцами по своим растрёпанным каштановым волоса. – Я был

первым, кто потерял свою девственность. Ты последний. Угадай, кто победитель?

Лёгкая ухмылка пробегается по губам Эйдена.

– Как насчёт Найта и Нэша?

– Найт был следующим после меня. – Ронан сжимает плечо Найта. – Так ночь с близняшкой была весёлой или как?

– И всё же ты уверен? – Эйден бросает взгляд на Ксандера, который отмахивается от него улыбкой с ямочками на щеках.

– *Mais bien sûr* – *Ну разумеется*, – Ронан отпускает Эйдена. – Коул был... Эй, подожди-ка секунду. Когда это было?

– Мисс Голдман. – Говорю я и снова сосредотачиваюсь на своей книге.

Им не нужно знать подробности. Кроме того, если они узнают, то Ронан устроит из этого грёбаное шоу. Он считает своей работой не только распускать слухи, но и распространять их до тех пор, пока они не дойдут до других школ.

Он полное дерьмо в секретах.

– О, точно. – Ронан ухмыляется, а затем надувает губы. – Ты победитель по качеству, но я победитель по количеству. Эйден последний.

Последний показывает ему средний палец, и тот возвращает ему его, когда дверь со щелчком открывается.

Только шесть человек имеют доступ в Meet Up. Четверо из них здесь, а пятый – Леви, двоюродный брат Эйдена, который на год старше, но он испарился с девушкой, так что остаётся один вариант.

Моя голова отрывается от книги, когда она заходит внутрь, держа в руках сумку с продуктами и перекинутым через плечо рюкзаком.

Хаос.

Всё моё тело напрягается каждый раз, когда она оказывается рядом со мной. И с годами это становится всё более заметным. Всякий раз, когда она тут, у меня возникает непреодолимое желание встать, схватить её и утешить... куда-нибудь.

Куда угодно.

Не помогает и то, что каждый день она вырастает из той детской куклы Барби в эту девушку с длинными подтянутыми ногами и фигурой в виде песочных часов, которая со временем становится всё острее. Её сиськи бойкие, высокие и большие, и натягиваются на её куртку, когда она застёгнута – как сейчас.

В её лице есть эта симметрия. Её глаза огромные и ясно голубого цвета, и когда ты находишься достаточно близко, то можешь увидеть в них серые крапинки. Как симфония цветов. Маленькие веснушки на её носу постепенно исчезали с годами, и она скрывала их следы с помощью макияжа. Её губы полные и имеют идеальную каплю наверху, на которую я не могу перестать смотреть с того дня, как пососал её около года назад.

Нет, я не могу перестать пялиться не только на её губы.

На неё.

Всю неё.

И это не только из-за того поцелуя или почти поцелуя до этого.

Всё началось той ночью. Всё началось с хаоса и отказывается заканчиваться.

Мне всё ещё не нравится Сильвер Куинс. И не потому, что она ведёт себя как сука со всеми в школе, а потому что на самом деле она не сука. Она приложит все усилия, чтобы донести директору на любого, кто издевается над Кимберли, но она не будет с ней разговаривать. Она даже причинит ей боль, если почувствует, что её бывшая лучшая подруга может сблизиться с ней.

Она затыкает Саммер и Веронику, когда они заставляют других студентов делать дерьмо за них, пока она сидит на вечеринках, как королева, принимая предложения крестьян у своих ног.

Жалкие ублюдки выстраиваются в очередь, чтобы пригласить её на танец только для того, чтобы она сказала им, что ей не хочется танцевать, но они могут посидеть с ней.

Она пластиковая. Она всё больше и больше становится копией своей матери, и хуже всего то, что я не думаю, что она даже осознаёт это.

Когда же её глаза встречаются с моими, она замирает на долю секунду, прежде чем хмыкнуть и обратить своё внимание на остальных.

С того дня в нашей гостевой комнате Сильвер поставила перед собой задачу избегать меня и никогда не оставаться со мной наедине. Всякий раз, когда мы случайно встречаемся у меня дома – потому что я заставляю её думать, что не вернусь в это время, а потом всё равно появляюсь, - она притворяется, что меня не существует.

Как сейчас.

Это игра, в которую мы играем. Притворяясь, что друг друга не существует.

Я всё ещё дёргаю её за волосы при каждом удобном случае. Со временем она утратила этот благоговейный, удивлённый взгляд, но это один из самых редких моментов, когда она смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Обычно они слишком рано превращаются в свирепые взгляды, но эта короткая секунда того стоит.

Сильвер всё ещё пытается конкурировать со мной при каждом удобном случае. Большую часть времени она проигрывает. Поначалу я проигрывал, видя, как её глаза расширяются по-другому – от счастья, - но в последнее время она выводит меня из себя со всеми ублюдками, с которыми она сидит на вечеринках, так что я обязательно должен видеть, как она проигрывает.

Я позабочусь о том, чтобы она упала к моим ногам.

Однако же она каждый раз встаёт и отступает ещё более решительно. Это одно из её самых замечательных качеств. Это похоже на то, что она может взобраться на гору, а затем разрушить её, если захочет.

Я сейчас та гора в её жизни. Тот, на котором она никогда не сможет достичь вершины. Я ей не позволю. Я буду держать её рядом с собой, потому что мне нужен хаос, который она привносит в цельную наружность. То, как она впивается ногтями и нарушает скучный цикл.

И если я уступлю ей, если позволю поступать по-своему, всё вернётся на круги своя, а мне не нравится нормальное.

– Я принесла закуски, которые мы с Хелен приготовили.

Она несёт пакеты на кухню.

– Есть какие-нибудь чипсы?

Ронан помогает ей, и она кивает. Ксандер идёт за ним, потирая руки.

– Я получу половину чипсов.

– Нет! – Ронан достаёт воображаемый меч. – Сразись со мной за это, крестьянин.

Ксандер достаёт свой собственный воображаемый меч, и они начинают прыгать, как обезьяны, вокруг Сильвер.

– Ты имеешь в виду, что мама приготовила их, а ты просто смотрела.

Говорю я, притворяясь, что читаю свою книгу. Я не могу сосредоточиться на словах, когда она рядом. У меня всегда появляется этот прилив энергии, который начинается в моей груди и заканчивается в моём члене.

– Забавно, потому что тебя там не было, – огрызается она.

– Мне не нужно быть там, чтобы знать, что ты отстой в кулинарии, Сильвер.

Я не использую её прозвище, когда рядом кто-то ещё. Если я это сделаю, то они заметят мою ненормальную привязанность к ней.

Это означает слабость.

И я уже пообещал себе, что больше никогда не будет момента, когда я буду слаб.

Я сделал это однажды. Никогда снова.

Я не поднимаю головы, но чувствую, как она смотрит на меня с другого конца комнаты. Мне нравится думать, что её ненависть – это чёрные руки, и они метафорически бьют меня, когда она находится вне физической досягаемости.

Она всё ещё бьёт меня при любой возможности. Иногда она топает мне по ноге или толкает меня локтем в бок, когда никто не смотрит. В других случаях это прямой удар в грудь, но это только тогда, когда мы наедине. Она думает, что причиняет мне боль, но это похоже на детские поглаживания.

У Сильвер есть внешний образ и внутренний. Они никогда не пересекаются, и она становится экспертом в жонглировании своими двумя жизнями. Одна из них – папина маленькая девочка, идеальная дочь своей матери, лучшая ученица, пианистка и любительница классической музыки. Другая – это всё остальное. Такая, как слушать рок-музыку и тайком есть батончики «Сникерс». И удары кулаком тоже. Вот почему я сделал всё, чтобы вывести их на чистую воду.

Я единственный, кто их вытаскивает.

– Ты был на одной странице в течение десяти минут.

Говорит Эйден рядом со мной, и его голос достаточно низкий, чтобы только я мог его слышать.

Сильвер пытается успокоить фальшивую ссору Ронана и Ксандера. Пустышка – вот кто она в глубине души. Тем не менее, она медленно, но, верно, пыталась избавиться этой части.

Я переворачиваю страницу.

– Я граввирую слова в памяти.

– Ложь. У тебя фотографическая память, поэтому ты запоминаешь страницы через минуту или через секунду? – Он делает паузу. – Может быть, ты отвлёкся.

Я поднимаю голову от книги. Эйден наблюдает за мной с садистской ухмылкой на губах. Неужели я был недостаточно осторожен? Неужели я каким-то образом вызвал у него подозрения?

– О чём ты говоришь?

Я разыгрываю визитную карточку безразличия, в которой я так хорош.

– Сильвер Куинс, да? Я должен был предвидеть это, учитывая, сколько времени она проводит с Хелен.

– Она приходит только из-за мамы.

– Конечно, я что-нибудь сказал? – Он делает вид, что убирает свои чёрные волосы со лба. – В таком случае, ничего, если я её трахну?

Я крепче сжимаю книгу, но стараюсь сохранить прежнее выражение лица. Это инструмент, который, как я понял, работает в большинстве ситуаций. Если ты будешь сохранять спокойствие, это в конце концов пройдёт.

Если я скажу Эйдену «нет», он поймёт мою одержимость и будет использовать её против меня при каждом удобном случае.

Но я кое-что знаю... Сильвер терпеть не может Эйдена. Она думает, что мы оба придурки, и не упускает ни единого шанса сказать нам об этом. Она бы и палкой к нему не прикоснулась.

Кроме того, у меня есть способ заставить её ненавидеть его ещё больше.

– Конечно, если тебе нравятся пустышки.

Я улыбаюсь.

– Мы с тобой оба знаем, что она не пустышка.

– Ага.

– Ты думаешь, что я не смогу этого сделать. – Его ухмылка становится шире. – Мне нравится, когда ты недооцениваешь меня, Нэш. Я действительно, *действительно* сделаю это.

– Валяй. – Я сосредотачиваюсь на двух других. – Эй, Ронан. Почему бы тебе не сказать Сильвер, что мы празднуем?

– О, точно. – Ронан приостанавливает свой бой с Ксандером и прочищает горло. – Эйден вчера потерял девственность с секретаршей своего отца. Наконец-то он мужчина.

– Мне не нужно было этого знать.

Она делает недовольное лицо, открывая контейнер на стойке.

Бинго. Я просто заставил Эйдена проиграть до того, как он начал играть. Вот так это делается.

– Ты облажался, Нэш, – шепчет мне Эйден. – Теперь я перехожу на следующий уровень.

Я не могу устоять перед самодовольным взглядом, который кривит мои губы.

– Желаю удачи.

– Эй, Ронан. – Говорит Эйден нейтральным тоном. – Почему бы тебе не рассказать ей по порядку, как мы мне потеряли девственность?

– *Mais bien sûr* – О, конечно. – Ронан указывает на себя. – Я, естественно, был первым – не нужно аплодисментов – затем Ксан, а после Коул с потрясающей мисс Голдман, а проигравший Эйден – последний.

Сильвер делает паузу, открывая контейнер, её пальцы застывают на ручке.

Блядь.

Перемена в её поведении мимолётна, но она есть. Её глаза опущены вниз, так, что я не могу видеть их выражение. Тем не менее, она поджимает губы на самую короткую секунду, прежде чем вернуться к нормальному состоянию, и под нормальным я подразумеваю маску, которую она надевает каждый раз, когда просыпается.

Сильвер Куинс – самая популярная девчонка в школе.

Гений фортепиано.

Школьная королева сук.

И фальшивка.

Она настолько фальшивая, что я чувствую горечь этого на своём языке.

– Вы, ребята, свиньи.

Она говорит это со своим высокомерием, но в конце её голос слегка дрожит.

– Ты оскорбляешь меня. – Ронан хватается её за плечо, говоря драматическим голосом. – У свиней нет моего свёртка, любовь моя.

– Слава Богу за это. – Она выскользывает из-под его хватки. – Я иду домой. Папочка ждёт.

– И мы можем съесть все чипсы? – Спрашивает Ксандер.

Она презрительно машет ему рукой, когда подходит в нашу часть, чтобы забрать свой рюкзак.

Эйден встаёт, искоса ухмыляясь мне.

– Ваш водитель сможет подбросить меня?

Нет уж, спасибо. Она скажет: «*Нет уж, спасибо*». Вот что она говорит Эйдену каждый грёбаный раз.

– Конечно.

Она хватается свой рюкзак негнувшимися пальцами.

– Подбрось и меня тоже.

Я встаю.

По какой-то причине я чувствую, что, если она выйдет с ним через эту чёртову дверь, всё будет испорчено, и это не будет хаос, который я так люблю.

Это будет хаос, который я не смогу контролировать, как когда я был ребёнком, стоя на краю бассейна.

Она вскидывает голову, наконец-то глядя на меня. Лучше бы она этого не делала. Я никогда не видел такого выражения в её глазах – злоба, смешанная с болью, разочарованием и чем-то ещё, что я не могу понять.

Что-то такое глубокое и неочищенное, почти как в тот раз, когда она прижала меня к скамейке и пропитала мои щёки своими блестящими слезами, потому что не могла их сдержать.

Но сейчас она не плачет, и это, чёрт возьми, ещё хуже.

– Ты можешь идти к чёрту. – Говорит она мне, когда Эйден подходит к ней.

Она наклоняется и шепчет.

– Ты не знаешь, что я сейчас чувствую, но я заставлю тебя пожалеть об этом.

Я протягиваю к ней руку, но всё, что она находит – это воздух.

В тот момент, когда дверь за ней и Эйденем закрывается, что-то внутри меня тоже захлопывается.

Глава 6

Сильвер

Мы с Эйденем сидим на заднем сиденье папиной машины, бок о бок.

В тот момент, когда Дерек отъезжает от Meet Up, моё дыхание становится быстрее и резче, как будто я бежала.

Как будто я взбираюсь на гору и у меня нет возможности спуститься. А затем я падаю, и приземления не видно. Это фатальное падение, из тех, которые проламывают тебе череп и разрушают твоё тело.

Я смотрю в окно и сосредотачиваюсь на пустой дороге, чтобы не думать о том, что я только что узнала.

Отвлечение внимания не помогает. Вдох и выдох тоже не помогают.

На моей груди лежит тяжесть, которая, чёрт возьми, никуда не денется. Это душит меня тем больше, чем больше я набираю воздуха в лёгкие.

Всё, что я хочу, это кричать, пока мой голос не станет хриплым, и я больше не смогу кричать.

Я беру свой телефон и притворяюсь, что просматриваю свой бессмысленный чат с Вероникой и Саммер. Всё в сплетнях, последних тенденциях макияжа и моды. Эта глупость должна как-то остудить мою голову.

Этого не происходит.

Единственный образ, возникающий у меня в голове по кругу, - это Коул, занимающийся сексом с нашей старшей медсестрой. Он *занимался с ней сексом*.

Как будто они были обнажены, и он поцеловал её.

Слёзы борются, чтобы пролиться, но я отворачиваюсь от Эйдена и распахиваю глаза, чтобы они остались там. Я не буду плакать. Я не собираюсь плакать из-за этого придурка.

Ну и что, если он займётся сексом? Мне всё равно. Почему меня это должно волновать?

Коул может катиться к чёрту, мне плевать.

Я ненавижу его. Единственное, что в нём есть хорошего, так это то, что он сын Хелен. Вот и всё.

Это всё.

С того дня, как он поцеловал меня, я поняла, что Коул не для меня. Я просто знала это. В тот момент, когда он сравнил меня с другими, откровенно заявив, что я была лишь одним из его завоеваний, я решила, что буду завоеванием, которое он никогда не выиграет.

Он может заставить меня проигрывать в учёбе, игре на фортепиано и спорте, но он никогда не заставит меня проиграть в этой игре.

И я имела в виду то, что сказала. Я заставлю его пожалеть об этом.

Мой первый?

Хрен ему. Он потерял право на это в тот момент, когда не сохранил своё первое для меня.

Коул может вести себя так, как будто я муха в его окружении, но он становится излишне агрессивным, когда знает, что мы с Эйденем проводили время вместе за его спиной. Мы делаем это только потому что папочка и дядя Джонатан – близкие друзья, и нас часто приглашают на съёмочную площадку.

И под излишней агрессивностью я подразумеваю, что он примет вызовы Эйдена, даже если обычно он этого не делает. Он тоже каждый раз старается выиграть.

Коул не просто побеждает. Он сокрушает. Затем он проходит по тебе, как будто тебя никогда и не существовало.

Я кладу телефон себе на колени.

– Выкладывай.

Эйден бросает на меня взгляд. У него постоянный «отвали» взгляд, запечатлённый на его чертах. И хотя он, относительно красив со своими

уложенными чёрными волосами и резкими чертами лица, я не знаю, почему девушки находят его привлекательным и почти сливаются со стенами, когда он проходит мимо них.

Он раздражающий, властный и имеет социопатические наклонности. Если бы они попытались заглянуть за его внешность на секунду, то, возможно, они бы это поняли, но такие девушки, как Саммер и Вероника, говорят что-то вроде: «Но он такой горячий», как будто это спасёт их, когда он в конечном итоге задушит их.

– Выкладывай что? – Спрашивает он.

– Дерек и я знаем, что тебе не нравится наша компания, так почему ты хотел прокатиться?

– За твои прекрасные глаза, Куинс.

– Фу. Никогда больше не пытайся провернуть это мной. Меня буквально тошнит.

Он ухмыляется.

– Ты бы не хотела, чтобы тебя вырвало, если бы это был Нэш, а?

– К чёрту его и тебя.

– Кто-то спровоцирован.

– Чего ты хочешь, Эйден? – Я стискиваю зубы. – Если это какая-то игра между вами двумя, я не играю. Я не пешка ни на одной из ваших шахматных досок. Я королева на своей.

– Интересно. – Он полностью повернулся ко мне лицом. – Но вот в чём дело, это может быть твоей игрой.

– Моей игрой?

– Месть. Ты сказала, что заставишь его пожалеть об этом. Ты знаешь лучший способ сделать это? – Он понижает голос, чтобы Дерек не услышал. – Потерять свою девственность со мной.

– Ты, должно быть, не в своём уме, если думаешь, что я позволю тебе прикоснуться ко мне. – Я откидываю волосы назад. – Если бы мы были

последними двумя людьми, оставшимися на этой планете, и наши дети были единственной надеждой человечества, я бы проголосовала за вымирание.

Губы Дерека кривятся в улыбке в зеркале заднего вида, и я улыбаюсь ему в ответ. Он понимает меня.

– К сожалению, к это взаимно. – Говорит Эйден. – Единственная хорошая вещь в тебе – это твоя способность выводить Нэша из себя.

Я складываю руки на груди.

– Почему к сожалению?

– Потому что я не смогу трахнуть тебя и победить его.

– Кто тебе сказал, что это должно произойти на самом деле? – Я ухмыляюсь. – Мы просто должны заставить его поверить, что это так.

Эйден отражает мою ухмылку, его, однако, кажется более волчьей.

– Мне нравится ход твоих мыслей, Куинс.

– Я приму это за комплимент.

– Что ты скажешь, если мы станем союзниками и раздавим его?

– Раздавим его как?

– В каком-то смысле он упадёт к твоим ногам, как щенок.

Я этого не хочу. Я только хочу, чтобы он почувствовал боль, которую причиняет мне. Я хочу причинить ему боль так же сильно, как он причиняет боль мне.

Я хочу, чтобы он смотрел в зеркало и сдерживал крики, потому что заставляет меня чувствовать себя невидимкой.

С той ночи я никогда не была для него невидимой. Но в последнее время он проходит мимо меня и здоровается в Вероникой и Саммер, но не со мной. Он улыбается им, но никогда мне.

Как будто он наказывает меня за то, чего я никогда не делала. Ладно, может быть, я сделала то же самое, но он начал это.

Или это сделала я?

Я не помню. В любом случае, он виноват. Я отказывают проигрывать ему или кому-либо ещё.

Я снова фокусируюсь на Эйдене.

– Как ты собираешься это сделать?

– Дай мне свой телефон.

– Что ты будешь с ним делать? – С подозрением спрашиваю я.

– Просто дай его.

Я разблокирую устройства и передаю Эйдену.

Он что-то печатает, потом показывает мне. Он написал Коулу с моего телефона.

Сильвер: Мы отослали папочкиного водителя и угадайте, что мы сделали?

Коул просматривает сообщение, но не отвечает.

Губы Эйдена растягиваются в ухмылке, когда он снова печатает. Он так погружается в детали, что даже упомянул, как я обращаюсь к своему отцу.

Он отправляет ещё одно сообщение и показывает его мне.

Сильвер: Эйден трахнул меня так сильно, что мне так больно, и я не могу пошевелиться.

Я задыхаюсь, желчь подступает к горлу от образа, который он нарисовал в голове Коула обо мне.

– Зачем ты это сделал?

– Разве ты не хочешь, чтобы он так думал?

– Да, но не таким образом.

– Поверь мне, ему нужно получить грубые детали, чтобы отреагировать.... –Он замолкает и достаёт свой телефон. На экране вспыхивает имя Коула. – Вспомни дьявола.

– Ты собираешься отвечать? – Шепчу я.

– Нет. Лучше держать его в напряжении, тебе не кажется?

– Ну, конечно.

Это моя месть. И я не бросалась и не занималась сексом просто назло ему, но Коул та думает.

Это единственное, что имеет значение.

Мой телефон гудит от сообщения с неизвестного номера. Эйден начинает смотреть его, но я выхватываю телефон.

Я не хочу, чтобы он, из всех людей, знал об этой части моей жизни. Мы могли бы быть союзниками, но я не доверяю Эйдену, ни капельки. Если он думает, что раскрытие этого принесёт ему какую-либо пользу, он сделает это в мгновение ока.

Один взгляд на текст заставляет мою кожу покалывать.

Неизвестный номер: Мне нравятся новые часы.

Я получаю подобные сообщения в течение последних нескольких недель. Сначала мне понравилось, как кто-то похвалил мою игру на пианино и сказал, что у меня самые лучшие платья.

Именно когда сообщения начали описывать мой распорядок дня и одежду, которую я носила на улице, я поняла, что у меня может быть преследователь.

Единственная причина, по которой я проигнорировала это, заключается в том, что это были просто безобидные сообщения. Кроме того, папочка готовится к важной внутренней кампании. Я ни при каких обстоятельствах не буду рассеивать его внимание.

Мама тоже участвует в этой кампании, и, если она узнает об этом, она поднимет шум и расскажет об этом в социальных сетях. Это последнее, чего я хочу.

Так что пока что я решаю держать это при себе. Если это станет более настойчивым или жутким, я скажу папе, или, может быть, Фредерику. Он разбирается в пиаре, так что будет знать, как с этим справиться.

Сначала мы подъезжаем к моему дому.

– Дерек, пожалуйста, отвези Эйдена домой.

– Я буду держать Нэша на грани. – Эйден подмигивает. – Это будет так весело.

Нет. Это не весело. Возможно, я и хочу отомстить Коулу и не позволю ему отодвинуть меня на задний план, но мне это не нравится.

Это просто необходимость.

Эйден, однако, находит в этом наибольший восторг.

Я уже собираюсь выйти, когда папочка заглядывает в пассажирское окно.

– Эйден, отлично. Присоединяйся к нам.

Улыбка автоматически появляется на моём лице в тот момент, когда я вижу его. Я выскакиваю из машины и сжимаю его в объятиях.

– Папочка! Что ты делаешь дома так рано?

Он приглаживает мои волосы назад – это привычка, которую он завёл, когда у меня была лихорадка, ещё с тех пор, как я была маленькой, и обычно это снова погружает меня в сон. Даже сейчас, когда я выросла, он всё ещё делает это.

Мне всегда нравилось, когда я болею. Это единственный раз, когда мои родители ухаживают за мной всю ночь без ссор.

Папочка – высокий мужчина с более тёмным оттенком светлых волос, чем у меня. Его светло-карие глаза под солнцем превращаются в завораживающие карие.

На нём костюм-тройка итальянского покроя, и он всё ещё в кожаных ботинках, что означает, что он недавно вернулся домой. Обычно он переодевается в свитер-кардиган, как только выходит из офиса. Если только у него нет компании.

Его следующие слова подтверждают мои подозрения.

– Нам с Джонатаном нужно обсудить кое-что важное с тобой и Эйденом.

– Это по поводу сбора средств? – Спрашиваю я.

– Давай поговорим в доме. – Папочка кивает своему водителю. –

Спасибо, Дерек. На этом всё.

Эйден идёт за нами внутрь, а я продолжаю держаться за папочкину талию. У меня такое ощущение, будто я не видела его целую вечность. В последнее время он не только был занят, но и мама приходила без предупреждения, требовала, чтобы я проводила с ней время, и жаловалась, что я больше ни при каких обстоятельствах этого не делаю.

Чувство вины часто срабатывает, и я оказываюсь в её квартире, прежде чем осознаю это.

Мы идём в папин кабинет. Он такой же большой, как конференц-зал, с фотографиями в чёрных рамках предыдущих лидеров Консервативной партии, на которых Папочка смотрит снизу-вверх.

Дерево и люстры дают представление о древних корнях Папочки и о том, как сильно он верит в классику с современным уклоном. У всего в его кабинете есть своё время и место. Ты никогда не найдёшь бумаги, сложенные друг на друга или в беспорядке.

Он весь в законе и порядке до такой степени, что использует это в качестве лозунга своей кампании.

Посередине есть стол для совещаний с доской для презентаций и всем прочим.

Мы проходим в соседний зал с коричневыми кожаными диванами и креслами. Дядя Джонатан уже сидит там, потягивая скотч из стакана и просматривая в своём планшете что-то похожее на показатель FTSE 100* (Financial Times Stock Exchange Index – Английский фондовый рынок, отражающий состояние и развитие экономики Великобритании).

Эйден – точная копия своего отца внешне. У них одинаковые чёрные волосы и тёмно-серые глаза. У дяди Джонатана, однако, более острые черты, и он пугает ими своих противников. Он уничтожил бесчисленное множество компаний и конкурентов, пока они либо не исчезли с лица земли, либо не согласились на его условия. И всё, что его волнует, – это прибыль и движение вперёд.

Я рада, что папа его друг, а не враг. Заметив нас, он убирает свой стакан и планшет на стол.

– Замечательно, вы она здесь. Это сэкономит нам время, чем разговор по отдельности.

– Присаживайтесь.

Папочка указывает на диван, устраиваясь рядом с дядей Джонатаном.

– Что происходит? – Спрашиваю я после того, как мы с Эйденем садимся рядом друг с другом.

– Мы с Джонатаном поговорили, – начинает папа. – И мы думаем, что было бы замечательной идеей соединить наши семьи браком. То есть, если только вы оба согласны.

Если бы я что-нибудь пила, я бы выплюнула это всё прямо сейчас. Неудивительно, что папа и дядя Джонатан захотят объединить усилия, но я никогда не думала, что это произойдёт так скоро или таким образом.

– У Эйдена нет причин отказываться. – Джонатан поднимает брови, глядя на сына. – Не так ли?

– Меня это вполне устраивает. – Говорит Эйден.

Я бросаю взгляд в его сторону, спрашивая его без слов, какого чёрта он делает.

– Помнишь, что я говорил тебе о том, чтобы стать союзниками? – Шепчет он.

– Но нам всего по пятнадцать. – Говорю я папе.

– Не будет никакого брака, по крайней мере, до окончания университета, принцесса. Это просто расставит камни по местам.

– Или, скорее шахматные фигуры. – Джонатан отпивает из своего стакана.

Я знаю всю суть происходящего. Папочка – госсекретарь, который может помочь дяде Джонатану, а взамен он протолкнёт его на следующих выборах к самой заветной месте папы – стать премьер-министром.

Он уже собирает голоса, чтобы стать лидером Консервативной партии, и к следующим всеобщим выборам Папочка станет самым сильным лидером страны.

Я хочу помочь ему всем, что у меня есть. Я действительно хочу. Но... что-то в моей груди болит при мысли о помолвке с Эйденем, когда...

Нет.

Я не позволяю своему мозгу закончить эту мысль.

Мой телефон звонит, и я извиняюсь, вытаскивая его, чтобы выключить. Имя в текстовом уведомлении останавливает меня на полпути.

Коул.

Это словно знак. Он пишет мне сейчас, чтобы остановить меня, пока не стало слишком поздно.

Моё сердце колотится так громко, когда я открываю сообщение.

Коул: Вы с Эйденем заслуживаете друг друга. Ты сука, а он псих. Однажды ты упадёшь, Бабочка, а я буду стоять там и смотреть, как ты горишь.

Что-то ломается у меня в груди.

Я слышу это, чувствую это, я просто не могу этого видеть.

Мои глаза горят от слёз, но я глубоко вдыхаю, не позволяя им пролиться.

Я леди.

Леди не плачут на людях.

– Ты не обязана этого делать, если не хочешь, принцесса. – Папочка улыбается мне с такой тёплой улыбкой, что мне хочется снова его обнять. – Ты же знаешь, что я никогда не буду заставлять тебя что-либо делать.

– Я хочу этого. – Мне удаётся улыбнуться. – Я буду помолвлена с Эйденем.

Я помогу Папочке.

И самое главное, я справлюсь с раковой опухолью, которая гложет меня уже много лет.

Рак, от которого нет лекарства. Коул.

Глава 7

Кукольный Мастер

Я наблюдал достаточно долго.

Я ждал достаточно долго.

Пришло время сделать следующий шаг.

Моя прекрасная кукла день за днём на моих глазах превращалась в женщину. Она подходит к следующей ступени, которую я не могу дождаться, чтобы прикоснуться, провести своими пальцами.

Попробовать на вкус.

Проблема с моей милой маленькой куколкой в том, что она проводит так много времени с неважными людьми, такими как её мать-стерва, единственным хорошим качеством которой является то, что она родила её.

Или те друзья, которые заставляют её выглядеть глупо, когда она совсем не такая.

Моя кукла будет продолжать расти, и чем больше я её вижу, тем больше убеждаюсь в том, что она заслуживает быть номером один в моей коллекции.

Другие не такие, как она. Они никогда не будут такими.

Раньше мне было хорошо наблюдать со стороны, гордясь своим творением и тем, какой она получилась.

Мне нравился тот факт, что я знал о ней, а она обо мне нет.

Разве невидимость не замечательная вещь?

Я играл в неё раньше, когда прятался от отца. Всё, что мне нужно было сделать, это посмотреть на свою куклу и притвориться, что его там нет.

В другие дни я бы подошёл к шкафу.

Спрятаться в темноте несложно. Сначала ты ничего не видишь. И тогда ты можешь испугаться. Затем ты чувствуешь, как что-то тянет тебя за конечности, и довольно скоро ты становишься друзья с такими вещами.

Монстр под кроватью понимал меня, когда никто другой не понимал. Он слушал меня, когда никто другой не слушал, и по этой причине он мой друг. Все мои демоны – мои друзья. Они сидят со мной, когда я планирую, и они тут, когда я смотрю на свою милую маленькую куколку.

Но мои демоны и я не любим быть проигнорированными. Мы уже много лет стоим в стороне, тихо наблюдая, не издавая ни звука.

Несколько недель назад я решил, что моя хорошенькая маленькая куколка должна начать знакомиться со своим хозяином.

Я, конечно, выбрал метод, который невозможно отследить. Так что даже если она взбесится и расскажет обо мне своему папочке, они не смогут меня найти.

И она этого не сделала.

Моя маленькая куколка может быть шлюхой, привлекающей внимание, что вполне объяснимо с её стервозной матерью. Моё первое сообщение ей было: «Ты сегодня прекрасно играла на пианино».

Она прочитала это, нахмутив брови, а затем улыбнулась. Она проиграла в тот день, и никто не говорит тем, кто пришёл вторым, что они играли идеально. Всё, что они говорят, это то, что в следующий раз повезёт больше.

Однако Сильвер не нужна была удача. Она нуждалась в поддержке, и я дал ей это.

С тех пор я посылаю ей сообщения, чтобы сделать ей комплимент, но также и сказать ей, не вдаваясь в подробности, что я близок. Может быть, недостаточно, чтобы почувствовать её запах – в большинстве случаев от неё пахнет вишней и Шанелью, - но я тут.

Я наблюдаю за ней.

Я слушаю её.

И однажды она будет принадлежать мне.

Глава 8

Коул

Этой ночью я не сплю.

Не могу.

Не то, чтобы обычно у меня был хороший цикл сна. Я из тех, кто не спит всю ночь, а потом спит один или два часа, прежде чем мне придётся проснуться.

Я всегда думал, что сон – это пустая трата времени. Зачем спать, когда можно читать?

Но причина, по которой я не могу заснуть, не в чтении. На самом деле, я не могу прикоснуться к книге с тех пор, как вернулся домой.

Я едва ли поужинал с мамой, и с тех пор смотрел на свой телефон – сообщение, которое Эйден отправил сразу после того, как Сильвер написала мне.

*Эйден: Эй, как мне удалить девственную кровь с моего члена?
Может, мне просто постирать его?*

Я сразу же позвонил ему, но он не взял трубку.

Это всего лишь уловка. Грёбаная игра Эйдена.

Сильвер не позволила бы ему трахнуть её, она чертовски уверенная, чтобы отдать ему свою девственность. Сильвер может вести себя высокомерно и властно, но она верит во всю эту женскую чушь. Она бы не потеряла девственность на заднем сиденье машины и с кем-то, с кем она даже не встречается.

Она бы не стала.

Если только она не хотела отомстить.

Я заставлю тебя пожалеть об этом.

Её слова эхом отдаются в моей голове, как извращённая песня, из тех, в которых мне хочется разбить компакт-диск о стену.

Я продолжаю заполнять свою голову мыслями о том, что *Сильвер не стала бы опускаться или делать что-то назло*. Она в некотором роде сноб и считает, что губить себя глупо.

Но опять же, она начала тусоваться с этими ублюдками после того, как я поцеловал её и сказал, что она не так уж и плоха по сравнению с другими.

Она мстительна и отказывается проигрывать, даже когда ей плохо.

Блядь.

Я подрываюсь с кровати и выскакиваю на улицы. Я останавливаюсь у бассейна и смотрю на светящуюся голубую поверхность. Я постоянно думаю, что она каким-то образом покраснеет.

Причина, по которой я каждый раз останавливаюсь и смотрю на него, не в страхе, а в моей потребности в хаосе.

Я подхожу к этому бассейну только тогда, когда Сильвер плавает с мамой в её цельном костюме. Её соски просвечиваются сквозь материал, и я всегда подхожу ближе, чтобы лучше их рассмотреть. Затем после того, как я насытился, я рассказываю ей об этом, просто чтобы увидеть, как её глаза расширяются, а щёки краснеют.

Я запрыгиваю на свой велосипед и направляюсь к дому Эйдена. Не проходит и минуты, как небо разразилось дождём. Я промокаю за считанные секунды, но не перестаю крутить педали, даже когда вода затуманивает мне зрение. На полной скорости это занимает у меня пятнадцать минут. Я тяжело дышу, а на улицах никого нет. Это почти что сцена из криминального триллера.

И, может быть, мне следует с этим покончить преступлением.

Как только я приезжаю, я бросаю велосипед и нажимаю на звонок. Их дворецкий впускает меня и предлагает полотенце, указывая, что уже за полночь. Мне на это наплевать, так что нахуй его и его полотенце.

Я взлетаю по лестнице в комнату Эйдена. Когда я врываюсь во внутрь, уже темно. Только когда вдалеке ударяет молния, я вижу его силуэт. Он сидит на кровати, уставившись на что-то перед собой. Я нажимаю на выключатель, и он щурится, когда я прерываю его занятие с шахматной доской. Он снова играл против самого себя. В темноте.

– Эй, Нэш. Ты тоже не мог уснуть?

Моё дыхание прерывается, грудь поднимается и опускается так сильно, что я смог бы говорить, даже если бы захотел. Капли дождя падают с меня, пропитывая ковёр.

Он наклоняет голову.

– Ты выглядишь как крыса, вылезшая из канализации.

– Сильвер не стала бы трахаться с тобой на заднем сиденье машины своего отца. – Я тяжело дышу. – Она консервативна, и мы оба это знаем.

– И всё же она это сделала. Я уже смыл кровь со своего члена. Я бы этого не сделал, если бы знал, что у тебя есть склонность к девственной крови.

Я задыхаюсь, как умирающая собака.

– Ты лжёшь.

Хотя я не могу сказать наверняка, учитывая его неизменные черты лица. Обычно я хорошо читаю выражения лиц людей и знаю, лгут они или блефуют. Я медленно пытался казаться совершенно невозмутимым, пока сам лгу.

Это не сложно. Вам нужно чувство вины, чтобы показать эти признаки на языке вашего тела. Я потерял эту способность давным-давно.

Проблема в том, что Эйден тоже утратил это, так что никогда не знаешь, когда он лжёт или говорит правду.

– А тебе то, что с этого, Нэш? – Он встаёт и направляется ко мне. – Ты не хочешь, чтобы я был с ней?

– Почему бы мне не хотеть, чтобы ты был с ней?

– Я не знаю. Дай-ка мне высказать дикое предположение. Хм. – Он притворяется, что думает. – Может быть, чувствуешь угрозу.

– Мечтай.

– Только не говори мне, что ты проделал весь этот путь на своём велосипеде посреди проливного дождя в полночь только для того, чтобы сказать мне, что тебе всё равно.

– Именно так и есть. Мне плевать. Я давно перестал заботиться о чём-либо. – Я делаю паузу, продолжая переводить дыхание. – И всё же Сильвер не сделала бы того, в чём ты пытаешься убедить себя и меня. Она во что-то верит.

– Как стабильность, закон и порядок?

– Да.

– Это значит, что она сделала бы это со своим женихом, ты так не думаешь?

Я перестаю дышать на долгие секунды, пока мои лёгкие не начинают гореть.

– О чём ты, блядь, говоришь?

– С сегодняшнего дня мы с Сильвер помолвлены. Мы начинаем принимать поздравления, начиная с этого воскресенья. Ты можешь оставить подарок на почте.

– *Вы что?*

– Помолвлены? Она моя невеста? Мы поженимся и заведём детей?

Кстати, это включает в себя ежедневный трах.

Я поднимаю кулак, чтобы ударить его, но ухмылка на его лице останавливает меня на полпути.

Он играет со мной. Он знает, что я никогда не прибегаю к насилию, и теперь он использует этот маскарад против меня.

– Давай. – Он указывает на мою руку. – Закончи то, что говорит тебе твоя голова.

– Это дело рук Джонатана и Себастьяна? – Спрашиваю я.

– И нас. Ничего бы не случилось, если бы мы с ней не договорились.

– Она согласилась.

Моя рука опускается, борьба внутри меня угасает, превращаясь в ничто.

Сильвер согласилась стать невестой Эйдена.

Какого чёрта эта штука ломается во мне?

– Конечно она сделала это. Это я. Кроме того, ты подтолкнул её в мою сторону, Нэш, и знаешь, что я теперь сделаю? Я буду играть во все игры, в которые ты никогда раньше не хотел играть.

– И ты будешь проигрывать каждый ёбанный раз.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти.

– Не могу дождаться, – кричит он мне вслед. – У неё тугая киска, которую я с нетерпением жду, чтобы попробовать завтра.

Я замахваюсь назад и на этот раз бью его кулаком в лицо. Он морщится, сжимая его, но громко смеётся, и звук этом разносится по комнате.

– Для чего это было, Нэш? Я чувствую запах ревности в воздухе?

– Это объявление войны. Возможно, это произойдёт не завтра, не в следующем году и даже не в следующем десятилетии, но я найду способ сломать тебя.

– Удачи с этим. А пока, пожалуйста, наслаждайся нашей с Сильвер помолвкой.

Я вылетаю из дома, прежде чем выбросить этого ублюдка из окна. Я запрыгиваю на свой велосипед и еду на нём под дождём.

В течение нескольких часов я просто петляю по пустым улицам, моя грудь тяжело поднимается и опускается, когда ливень побивает меня насквозь. Моя футболка прилипает к спине, а мокрые волосы прилипают к вискам.

В моей голове царит такой сильный хаос, что я не могу начать разгадывать его. Обычно мне нужно начало загадки, и независимо от того, насколько она запутала, я бы её разгадал. Я найду способ и решу этот ребус.

Не в этот раз.

На этот раз, как будто хаос не в моей голове, а в моей груди. Она болит и бьётся то в такт, то не в такт. Что-то подсказывает мне, что это не из-за дождя и холода.

Она испортила это.

Она испортила всё.

Она убила маленькую живую частичку в моей груди, и теперь я убью её в ответ.

Возможно, это произойдёт не сегодня или завтра, но Сильвер Куинс заплатит за эту боль. Я сделаю это мучительно и медленно, как то, что умирает у меня в груди.

Я возвращаюсь домой только около половины шестого утра, потому что мама скоро проснётся, и я не хочу её беспокоить.

Она достаточно волновалась за всю свою жизнь, когда был жив Уильям Нэш.

Я сбрасываю с себя мокрую одежду и полчаса стою под душем, прежде чем выйти и надеть форму, а затем присоединиться к маме внизу.

Звук жужжания останавливает меня у входа на кухню.

Мама.

Она поёт.

На это у неё ушло семь лет, но мама снова поёт, и делает это с улыбкой на лице, проверяя духовку.

Когда я был ребёнком, мама обычно пела мне перед сном или, когда готовила такой завтрак. У неё мягкий голос, созданный для колыбельных и сладких снов. На протяжении многих лет Уильям убивал этот голос. Она перестала петь и даже перестала писать. Последние три года его жизни она переживала кризис.

Она снова начала писать вскоре после его смерти, хотя и боролась с депрессией. Это была её отдушина, то, в чём она находила убежище. Однако она больше никогда не пела, и я подумал, что Уильям забрал её голос с собой.

Теперь же она нашла его. Выкопала его из могилы и достала.

Я бросаю свою сумку на стул и обнимаю её сзади.

– Как поживает лучшая мама в мире?

– Ох, дорогой. – Она кладёт руку мне на щёку и встаёт на цыпочки, чтобы поцеловать меня в лоб. Она не переставала это делать с тех пор, как я был ребёнком. – Ты выходил из дома?

– Откуда ты это знаешь? – Она не должна. Её таблетки заставляют её не вставать с десяти до шести. – Мам, ты что, не принимала свои таблетки?

– Нет, мне больше не нужны они, чтобы спать. – Она улыбается. – По крайней мере, не каждый день. Итак, молодой человек, куда ты ходил?

– К Эйдену. Мы играли и потеряли счёт во времени.

– Тебе лучше не ездить на велосипеде под дождём.

– Это что, мой любимый цитрусовый торт?

Я целую её в щёку и беру тарелку, прежде чем сесть за стойку.

Она качает головой и начинает переставлять вещи передо мной, пока я ем свой кусок торта. Тут есть кофе, сок, джем, яйца, бекон, тосты, масло и то, чем можно накормить армию. Мама всегда готовила то, чем можно накормить большую семью.

– В последнее время ты вся сияешь, мам.

– Я?

Она касается своих каштановых волос, которые начала распускать. Её глаза сверкают, и это самый красивый вид. Она жила как оболочка самой себя в течение многих лет. Даже после смерти Уильяма. Однажды я слышал, как она сказала матери Ронана, что иногда думает, что, может быть, Уильям вернётся.

Вот тогда её психическое здоровье резко ухудшается, и она целыми днями не встаёт с постели. Она не пишет и не совершает пробежек, она просто прячется в своей комнате.

В последнее время в неё словно вдохнули жизнь, и я знаю почему. Она часто ходит на чай с матерью Ронана или на ужины с сотрудниками компании — *людьми*, потому что маме ничего не нравится в бизнесе Уильяма. Она будет охранять его только до тех пор, пока я не достигну совершеннолетия, чтобы вступить в права.

Однако мама на самом деле не ходила ни на чай, ни на эти ужины. Во-первых, мать Ронана часто бывает за границей со своим мужем. Во-вторых, мама одевалась элегантнее, чем обычно.

Я думаю, что это мужчина, но хочу услышать это от неё. Если он делает мою маму счастливой, я дам ему шанс. Но если он хотя бы проявит какие-либо признаки насилия «Синдрома Уильяма», он окажется в луже крови.

– Послушай, милый. – Она стоит напротив меня. – С тех пор как умер твой отец, ты был моим миром и причиной, по которой я цеплялась за жизнь. Ты для меня всё, Коул. Мне нужно, чтобы ты знал это.

– Я знаю.

Она пыталась. По-своему. Но мы с мамой уже безнадежно разбиты.

Или я, во всяком случае.

Никакой завтрак, который она готовит, не может исправить те близкие отношения, которые у нас могли бы быть.

Уильям забрал это с собой.

Похоже мама нашла клей, который снова собрал её воедино.

– Я счастлива, ты знаешь это? – Она снова прикасается к своим волосам. – Я встретила кое-кого, и мы встречаемся уже почти год. Я не хотела рассказывать тебе о нём, пока не убедилась, что у нас все серьезно. Так и есть, дорогой. Он заставляет меня чувствовать, что я заслуживаю второго шанса, и это будет так много значить для меня, если ты примешь его.

– Пока он не моего возраста, – шучу я.

– Нет, конечно, нет. – Она неловко улыбается. – Но он тот, кого ты знаешь.

– Кого я знаю?

Она сглатывает.

– Себастьян.

Я чуть не роняю недоеденный кусок торта на тарелку. Меня мало что удивляет, но это определённо удивляет.

– Себастьян Куинс?

Она кивает.

– Отец Сильвер?

Я знаю, что начинаю звучать чересчур похожим на грёбаного идиота, но похоже, что мой мозг не в состоянии обработать информацию.

– Я знаю, что вы двое не очень ладите, но мы с Себом надеемся, что со временем вы станете ближе”.

Себ, она зовёт его Себ. Они уже близки.

А теперь у меня появляются неприятные образы об отце Сильвер и моей маме.

– Милый?

Мамино лицо искажается. Она продолжает трогать свои волосы, фартук и руку, а это значит, что она выходит из себя.

Мысль о том, что я не приму Себастьяна, заводит её в бесконечный круг. Если я скажу ей «нет», она выберет меня — я в этом не сомневаюсь, — но она снова впадёт в острую депрессию. Ей снова понадобятся лекарства. Она не будет краситься или распускать волосы. Она перестанет петь, бегать трусцой и вставать с постели.

Я никогда так не обижу свою мать.

Когда мне было шесть, и Уильям бросил в меня кастрюлю, она обняла меня и приняла весь удар на спину. Затем он пнул её в рёбра за то, что она

встала у него на пути. У неё были эти синяки в течение нескольких недель.
Она плакала в душе каждую ночь.

Но она все равно защищала меня каждый раз, когда Уильям приходил за мной, принимая все побои от моего имени.

Она все ещё любила меня, даже когда ей было совсем плохо.

– Я бы с удовольствием познакомился с Себастьяном в качестве твоей будущей второй половинки, мам.

Её черты загораются.

– П-правда?

– Правда. – Я встаю из-за стойки и заключаю её в объятия. – Я рад за тебя.

– О, дорогой. – Она плачет мне в шею. – Ты не представляешь, как много — это значит для меня.

Я поглаживаю её по спине.

– И ты не знаешь, как много — это значит для меня.

Сильвер ненавидит меня, но достаточно скоро она будет вынуждена каждый раз ужинать со мной.

И она заплатит.

Может, мне и не нравятся Сильвер Куинс, но я всегда считал её чем-то неприкосновенным.

И моей.

Она испортила это.

Она испортила всё.

Глава 9

Сильвер

На следующий день я не иду в школу.

Как только Дерек останавливается перед маминым домом, я выбегаю, и моё сердцебиение почти полностью уничтожает меня.

Мама живёт в центре Лондона, где шумно и движение затруднено. Это её способ оставаться среди людей, даже если они самые надоедливые.

Консьерж, старик с бородой, приветствует меня, и я сглатываю, чтобы заговорить, несмотря на комок в горле.

– М-мама наверху? Ты проверил, как она?

– Миссис Дэвис просил нас не беспокоить её.

Мои колени слабеют. Я чуть не падаю прямо там, как и тогда.

Нет.

Нет, мам. Ты обещала.

Он говорит что-то ещё, но я не слушаю его из-за шума в ушах. Как будто меня отбросили на несколько лет назад. Это та же сцена, то же предчувствие и тот же смертельный страх.

Все это здесь.

Я нажимаю кнопку лифта, но он не опускается.

Я несусь к лестнице и перепрыгиваю через две ступеньки за раз. Мои колени все ещё дрожат, но мне удаётся подняться на десятый этаж. Я задыхаюсь, рубашка моей униформы прилипает к коже, но это наименьшая из моих забот.

В тот момент, когда я оказываюсь перед маминой квартирой, я просто останавливаюсь. Мои конечности замерзают, и это похоже на то, что кто-то наложил на меня заклятие. Я не могу пошевелиться.

О, Боже.

Может быть, мне следовало сказать папочке до того, как он ушёл на работу сегодня утром.

Может быть, мне следовало позвать Дерека подняться со мной.

Я не хочу идти туда одна.

Я... я боюсь.

Моё сердце громко стучит в груди, и дрожь пробегает по позвоночнику, охватывая меня целиком.

Иди, Сильвер.

Ты должна идти.

Мои пальцы окоченели и похолодели, когда я набираю пароль к её квартире. Звук открывающегося замка эхом отдаётся в тишине зала, как приговор. Я вздрагиваю, даже когда пытаюсь сохранить самообладание.

Моя рука сжимает ремешок сумки, когда я на цыпочках вхожу внутрь. Первое, что я вижу, - это чернота.

Здесь так темно, что я не могу разглядеть собственные руки.

Затем следует запах чего-то гнилого. Что-то вроде мяса и алкоголя.

Рыдание вырывается из моего горла, когда я вбегаю внутрь.

– Мама! Мама!

Я спотыкаюсь о стол, и у меня болит нога. Я бросаю сумку на пол и продолжаю ковылять к её спальне. Я выучила дорогу наизусть и могу добраться до неё даже в темноте.

Мои пальцы дрожат, зависая над выключателем. Что, если я найду её на земле, как в прошлый раз? Что, если я опоздаю? Что, если...

Я нажимаю на кнопку и замираю на месте.

Мама сидит перед своей приставкой, её светлые волосы падают по обе стороны лица и немного останавливаются под шеей, растрёпанные и разбросанные повсюду.

Её кобальтово-голубые глаза налиты кровью и теряются в зеркале. Полоски туши на её щеках, и она держит в руке красную помаду, которая соответствует цвету губ.

В другой руке она сжимает наполовину полный бокал красного вина. Её атласная ночная рубашка помята, а халат неправильно завязан на талии, но это не скрывает модельное тело или её экзотическую красоту, о которой все говорят в средствах массовой информации.

Образцовый политик. Красота может быть умной.

Такая мама в их глазах. Успешная, красивая женщина, которая может вести дебаты в парламенте в течение нескольких дней. Но они не видят ту женщину, которую вижу я. Они не видят её такой, потерянной где-то, где её никто не может найти.

– Мам...

Я медленно подхожу к ней, слеза скатывается по моей щеке.

Её голова поворачивается в мою сторону, как у робота. Несколько секунд она смотрит на меня так, как будто я незнакомка, как будто она видит меня впервые в своей жизни. Затем медленно, слишком медленно её губы растягиваются в тёплой улыбке.

– Куколка, что ты здесь делаешь? Разве ты не должна быть в школе?

– Ты не отвечал на мои звонки со вчерашнего вечера. – Мой голос срывается в конце, когда я крепко обнимаю её за шею. – Почему ты не отвечала?

– У меня сел аккумулятор. Я забыла зарядить его.

Она похлопывает меня по спине.

– Я так волновалась, мам.

Я шмыгаю носом ей в шею, удерживаясь от того, чтобы сказать ей, что я не сомкнула глаз прошлой ночью. Если бы я не знала, что у папы сегодня утром важная встреча, я бы заставила его отвезти меня к ней посреди ночи.

– Я в порядке. – Она отстраняется от меня и хмурится. – Почему ты плачешь, Сильвер? Леди не плачут на глазах у других людей.

– Мама... Позволь мне сказать папе, чтобы он мог помочь тебе...

– Мы говорили уже об этом, – обрывает она меня, её тон становится твёрдым, как будто она участвует в дебатах. – Себастьян больше не имеет

никакого отношения к моей жизни. Если ты расскажешь ему что-нибудь обо мне, я буду считать это предательством.

– Но, мам...

– Он уже думает, что я нахожусь не на той стороне вечеринки, на какой он. Он не только решил, что я больше недостаточно хороша для него, но и забрал тебя у меня, моя прекрасная малышка.

– Я здесь, мам. Ты...ты хочешь, чтобы я переехала к тебе?

– Точно нет. Это будет выглядеть так, как будто я прошу о жалости после того, как объявила, что хочу сосредоточиться на своей карьере.

Я бы хотела, чтобы мама перестала думать о СМИ, прессе и своих друзьях, когда она принимает свои решения. Я бы хотела, чтобы она посмотрела в зеркало — действительно посмотрела в зеркало — и основывала эти решения не только на своём отражении, но и на женщине внутри.

Я бы хотела, чтобы она перестала пытаться доказать свою правоту своему покойному отцу, который заставлял её быть перфекционисткой, или моим покойным бабушке и дедушке со стороны папы, которые критиковали её за все. Они хотели, чтобы их блудный сын женился на дочери аристократа, поэтому, когда он женился на маме, они в отместку превратили её жизнь в ад. В их глазах ничто не было достаточно хорошим. Поэтому она выместила это на папе. Это был порочный круг.

Но я научилась перестать желать чего-то, когда дело касается моей мамы. Она будет делать только то, что, по её мнению, хорошо для её имиджа и карьеры.

Вот почему она заставляла меня медленно, но, верно, меняться, чтобы соответствовать этому образу.

– Ладно, о хорошем. — Она показывает мне свою красную помаду. — Этот просто потрясающий. Позволь мне попробовать это на тебе.

– Мама...

– Стой спокойно. – Она ставит свой бокал вина на стойку и красит мне губы, затем смотрит на меня с благоговением. – Посмотри, как ты превращаешься в замечательную молодую леди. Ты моя гордость, Сильвер. Это из-за тебя я выжила в этом гнилом, кишасщем людьми мире.

– Тогда, пожалуйста, отвечай на мои звонки в следующий раз.

Я все ещё под кайфом от адреналина, слегка дрожу от мысли, что потеряла её.

– Я так и сделаю. А теперь, о хорошем.

Она улыбается, и это сияние. Именно по этой причине её снобистские друзья завидуют ей – потому что она самая красивая среди них всех. Она та, кто привлекает внимание и получает приглашения на радио и ток-шоу.

– У меня отличный балл по математике.

– Я так горжусь тобой.

Она гладит меня по щеке, и я наклоняюсь к её прикосновению, борясь со слезами, которые вот-вот вырвутся на свободу.

Я бы сделал все, чтобы сохранить это выражение на её лице, поэтому я говорю:

– Я... я обручена с Эйденем Кингом.

– Серьёзно? Сын Джонатана?

Я киваю, и впервые со вчерашнего дня это не кажется самым ужасным решением, которое я когда-либо принимал.

– Посмотри на себя, Куколка, ты так высоко забираешься, когда ты так молода. – Она мечтательно вздыхает. – Ты лучшее, что я получила от этого ублюдка Себастьяна.

Я вздрагиваю. Иногда мне кажется, что мама забывает, что он мой отец и что она не должна проецировать свою ненависть к нему на меня.

На самом деле, они оба это делают, но папа относится к этому более пассивно-агрессивно. Мама слишком прямолинейна.

С момента их развода я чувствую, что каждый год старею на три года. Единственное, что меня волнует, - это сделать маму достаточно счастливой,

чтобы её разум не уводил её в другую сторону, и проводить время с папой в попытке уменьшить его одиночество.

Когда всего этого становится слишком много, *слишком* много, я иду в парк и плачу. В те мрачные моменты я жалею, что они меня родили, или представляю, какой была бы моя жизнь, если бы у меня была полная семья, такие как Ронан или Кимберли.

Каждый раз Коул находил меня в том парке. Как будто он выслеживает меня только для того, чтобы застать меня плачущей.

Он молча сидит рядом со мной, в основном читая книгу, и этого достаточно, чтобы я перестала плакать.

Этого достаточно, чтобы мои слезы превратились в икоту, прежде чем они в конце концов исчезнут.

Я ненавижу, что он способен успокоить меня одним своим присутствием, но я держу рот на замке по этому поводу. Я смирилась с этим, потому что у нас общие секреты. Он знает обо мне то, чего не знает никто другой, и наоборот.

Так что его вчерашнее предательство задело меня сильнее, чем мне хотелось бы признавать. Он разрезал меня и все ещё отказывается сшивать обратно.

Возможно, я причинила ему боль в ответ единственным известным мне способом, но в отличие от того, что я думала, это не делает меня счастливой.

Ни капельки.

Во всяком случае, это давит мне на грудь более тяжёлым грузом.

– Давай, мам. Иди в душ. Ты должна быть сегодня в той радиостудии, помнишь?

И да, у меня на телефоне есть календари обоих родителей. Я так отчаянно хочу быть тем ветерком, который делает их жизнь легче, а не тяжелее.

Она встаёт на нетвёрдых ногах и берет мою руку в свою.

– Помни, Куколка. Мужчин нужно только использовать. Чувства и вся эта глупость были придуманы неудачливыми людьми. Твоя ценность — это то, что ты предлагаешь миру, - твоя красота, твой интеллект и твоя конкурентоспособность. Ни один мужчина не должен красть их у тебя. – Она кладёт руку мне на сердце. – Запомни это. – Мама постукивает меня по виску. – И ты выиграешь, используя это.

Потом она идёт в душ. Я жду, пока она сядет в свою машину, прежде чем уехать.

Я собираюсь послушать её радиопередачу, чтобы убедиться, что у неё все хорошо.

Хотя я не сомневаюсь, что она справится. Мама - богиня за стенами своей квартиры. Она никому не позволяет видеть её слабости. Она никогда не волнуется, даже во время развода, когда репортёры не оставляли нас в покое. В то время папочка выглядел измученным и немного грустным, но она надела свою лучшую дизайнерскую одежду и макияж, ответила на все вопросы и сказала им, что их решение было принято по обоюдному согласию, сразу после того, как она закончила скандал с папочкой.

– Куда едем, мисс Куинс? – Спрашивает Дерек с водительского сиденья. Мне его жалко. Он не только должен придерживаться папиного колеблющегося расписания, но и возить меня повсюду, когда я захочу.

Я подумываю о том, чтобы пропустить сегодняшний день. У меня в голове каша, и мне не помешало бы поспать десять часов.

Но это означало бы сбежать, а я этого не делаю.

Я из тех, кто бежит прямо в центр опасности, вместо того чтобы уклоняться от неё. Если рано или поздно меня убьют, я найду решение или умру, пытаюсь.

Это того стоило бы.

– В школу. – Говорю я Дереку, просматривая свой телефон.

Моя лента в Instagram полна друзей папы по кампании. Там есть фотография, на которой он и дядя Джонатан участвуют во вчерашнем открытии детского центра. Должно быть, именно оттуда они и пришли.

На официальной странице LBC в Instagram есть фотография мамы в качестве гостя сегодняшнего политического разговора. Она выглядит такой лучезарной на этом снимке, за её улыбку можно умереть.

Я загружаю селфи, которое я сделал с ней перед тем, как она вышла, где мы улыбаемся в камеру, и подписываю его: «Горжусь тобой, моя героиня. #голосоватьзаженщин #женщинызаженщин #Суперженщина #политическийразговорСинтииДэвис»

Я планирую ещё один пост на потом. Это фотография, которую я сделал вчера, когда помогала папе надевать галстук.

В описании я пишу: «Ваш покорный слуга признан лучшим отцом в мире. #Гордая дочь #СебастьянКуинсбалодаритзапобеду #Вперёд»

Всякий раз, когда я публикую фотографию с одним из них, я чувствую себя виноватой, если не выкладываю следом фотографию другого.

Люди говорят, что со временем к этому привыкаешь — двойные каникулы, двойные ужины, двойные празднования дней рождения, — но это не так. Не совсем.

Особенно когда один из родителей одинок, а другой в депрессии.

Я прокручиваю дальше и нахожу фотографию Эйдена, загруженную около часа ночи. Это черно-белый снимок его шахматной доски.

Подпись гласит: «Война началась. Нэш?»

Коул не пользуется Instagram или какими-либо другими социальными сетями. Все его фотографии можно найти только в аккаунтах Instagram Эйдена, Ксандера и особенно Ронана.

Означает ли сообщение Эйдена, что Коул нанёс ему визит прошлой ночью? Я отбрасываю эту мысль, прежде чем позволяю своему сердцу погрузиться в неё.

Он бы этого не сделал. Это означало бы, что ему не все равно, а ему плевать. Или, скорее, он сделает это, но только если это часть его большой игры.

Я перечитала его вчерашнее сообщение, и стеснение в груди, которое я почувствовала, когда впервые увидела его, снова поглотило меня.

Я ненавижу его.

Мы приезжаем в школу, и я благодарю Дерека, а затем даю ему запасную бутылку сока на выходе.

– Желаю тебе чудесного дня.

Как только я выхожу из машины, я поднимаю подбородок, расправляю плечи и иду, задрав нос практически к небу. Я игнорирую тех, кто говорит мне доброе утро, и притворяюсь, что этого мира не существует.

Если я поговорю с ними, они начнут думать, что могут быть моими друзьями. Никто не может. Это означало бы, что они подберутся достаточно близко, чтобы прочесть меня насквозь, а я этого не допущу.

Мой телефон вибрирует от сообщения. Я беру его, когда иду в комнату с пианино. Через несколько дней у меня конкурс, и мне нужно усовершенствовать свою «Лунную сонату». Я уже взяла отгул с утренних занятий, чтобы сосредоточиться на этом.

Там будут оба моих родителя, и мне нужно сделать это хорошо. Нет, мне нужно победить.

В тот момент, когда мой взгляд падает на текст, я останавливаюсь как вкопанная.

Неизвестный номер: *Твои губы выглядели красиво, покрашенные красным. Почему вы их стёрла?*

Я сглатываю, медленно осматривая вход в школу, пытаюсь увидеть, наблюдает ли кто-нибудь за мной или преследует меня.

После того, как я сфотографировалась с мамой, и она ушла, я стёрла помаду в её гостиной. Это значит, что кто-то увидел пост в Instagram и теперь видит меня в школе.

Мои лопатки сводит вместе, и меня охватывает дурное предчувствие.

Ускорив шаг, я на дрожащих ногах направляюсь в комнату с пианино. Я кладу сумку на стул, сажусь перед пианино, делаю глубокий вдох и позволяю своим пальцам двигаться по клавишам.

Дрожь стихает с каждой нотой.

Это почти как оказаться в другом мире, но не совсем. Когда ноты вытекают из пианино и растворяются в воздухе, я нахожусь в безмятежном мире, где солнце светит каждый день, а не как единорог, раз в жизни. В этом мире мои родители вместе, у мамы нет мрачных мыслей, папа не так занят, Хелен не так грустна и...

Тёмно-зелёные глаза врываются в мой образ, и я хочу прогнать его, но он не уходит.

Что-то изящное обвивается вокруг моей шеи. Мои пальцы пропускают ноту, и соната прерывается шумным звуком.

Я поднимаю голову, чтобы меня поприветствовали эти зелёные глаза с моего изображения. Неужели мне каким-то образом удалось вызвать его к жизни?

Не будь идиоткой.

Затем я замечаю ожерелье, которое он защёлкнул у меня на шее. Оно изящное из полноценного серебра и имеет маленькую подвеску в виде бабочки, крылья которой завёрнуты в символ бесконечности.

Вау. Это так красиво.

Это совсем не похоже на дорогие ожерелья, которые мама дарит мне, и которые я ношу только когда гуляю с ней.

Я оглядываюсь на Коула и вижу, что он опирается на пианино, скрестив ноги в лодыжках, и его пальцы бегают по черным клавишам, не нажимая на них.

Но все его внимание приковано ко мне. Я улучаю момент, чтобы увидеть его, мальчика, проклятие, сына Хелен, который не заслуживает этого.

Его волосы взъерошены. Иногда я задаюсь вопросом, не утруждает ли он себя расчёсыванием волос после душа. Его телосложение начало выпирать из формы Младшей Королевской Элиты. Даже впадина на его шее стала мускулистой. Плечи расширились, ноги удлинились, и в мгновение ока он стал намного выше меня.

Он так отличается от мальчика, который сидел рядом со мной в тот день в парке. Мальчика, который видел, как я плакала, и собирался уйти, пока я не заставила его остаться.

Однако одно не изменилось. Его глаза.

Они все ещё такие же твёрдые, как и тогда. Другие могли бы найти их завораживающими, но я часто находила их немного призрачными, немного таинственными и немного пугающими.

Коул, возможно, лучше всех умеет скрывать свои выражения и чувства, но он не может скрыть то, что я вижу в этих тёмно-зелёных глазах. У них есть свой собственный язык, но прямо сейчас я не могу понять, что они говорят.

Мои пальцы дрожат, совсем немного, прежде чем я снимаю их с ожерелья и говорю более тихим голосом, чем хотелось бы.

– Для чего это?

– Наше новое начало.

– Наше новое начало?

– Да. Себастьян ничего не сказал?

Папочка действительно упоминал, что расскажет мне кое-что сегодня за ужином, но я думала, что это касается его предстоящих планов на поездку.

– Что он должен был сказать?

И почему Коул знает об этом, а я нет?

Он молчит, как будто испытывает мои нервы. Вычеркни это. Он абсолютно точно это делает.

Затем он улыбается. Его улыбка ослепляет. Он не часто это делает, но, когда всё же улыбается, всё, что я могу сделать, это остановиться и посмотреть.

– Поздравляю с помолвкой с Эйденем.

Моё сердце падает, и мне требуется все силы, чтобы не заплакать. Он поздравляет меня? Не то чтобы я ожидала, что он скажет мне не доводить дело до конца после этого сообщения, но я думала, что он, по крайней мере, расстроится из-за этого.

Он поздравляет меня. Серьёзно?

– Лишение девственности и помолвка - все в один день, – продолжает он тем спокойным, приводящим в бешенство тоном. – Ты работаешь быстро, прямо как твоя мама”.

– Не смей упоминать мою маму, – повышаю я голос. – Ты не имеешь права говорить о ней.

– Почему, Бабочка? Боишься, что станешь такой же, как она? – Он наклоняется так, что нас разделяет лишь лёгкое дыхание. – Вот проверка реальности: с кем-то вроде Эйдена ты закончишь хуже, чем твоя мать; ты закончишь, как его мать. Тебя найдут мёртвой после долгих часов страданий в глуши.

Я поднимаю кулак и бью его в грудь, мои глаза щиплет.

– Пошёл ты, Коул.

Я собираюсь снять ожерелье и вернуть его, но он говорит.

– Если ты снимешь это, я заберу его, так как ты отказываешься.

Поджав губы, я опускаю руку. Почему он знает, на какие кнопки нужно нажимать? Нет ничего, что я ненавижу больше, чем проигрывать, даже не начав.

– Уходи, – отмахиваюсь я от него. – Я не хочу снова видеть твоё лицо.

– Это было бы трудно, учитывая семейные узы и все такое.

– Что?

– Мама и Себастьян встречаются.

О, Боже.

Если бы моя челюсть могла упасть на пол, это произошло бы прямо сейчас.

Мой план годичной давности сработал. Часть меня взволнована тем, что у Хелен и папы есть второй шанс, но другая часть, та, которая смотрит в эти бездушные зелёные глаза, заставляет меня остановиться.

Коул - сын Хелен.

Если так пойдёт дальше, он будет...

Нет, нет. Я не позволю своему мозгу озвучить эту мысль.

– Ты знаешь, что это значит, Бабочка?

Я отчаянно качаю головой, не желая думать об этом.

Он кладёт обе ладони мне на щёки, пока его губы не оказываются в дюйме от моих, а затем, просто так, он касается ими моего рта один раз, прежде чем потребовать этого поцелуя.

Это совсем не похоже на то, что было год назад. Это не просто массаж языков и невинные поглаживания. На этот раз он пожирает меня, наши зубы стучат друг о друга, пока он агрессивно целует меня.

Его пальцы впиваются в мою кожу, когда он наклоняет мою голову вверх и погружает свой язык внутрь, кружа им напротив моего. Как будто ему все мало.

Я не могу насытиться.

В моей голове звучит голос, говорящий мне, что я должна прекратить это, но я слишком опьянена его вкусом, тем, как он хватает меня и съедает заживо, чтобы слушать этот голос.

Когда он отстраняется, он кусает мою нижнюю губу, заставляя меня вздрогнуть. Затем он шепчет возле моей челюсти.

– Я буду хорошо заботиться о тебе, сестрёнка.

Его слова выводят меня из ступора, но я все ещё слишком оцепенела. Я даже не могу поднять руки, чтобы ударить его.

– Не тратьте своё время на тренировки. – Он делает громкую заметку, нажимая несколько клавиш одновременно. – Я выиграю соревнование.

Затем он поворачивается и уходит.

– Я ненавижу тебя!

Я кричу ему в спину, а он просто машет двумя пальцами, не оборачиваясь.

Моё дыхание учащается и прерывается в безумии ещё долго после того, как он ушёл. Я не могу успокоиться. Я продолжаю облизывать свои распухшие губы, даже не осознавая этого.

Я собираюсь причинить ему такую же боль, какую он причинил мне. Я собираюсь погубить его.

Я достаю свой телефон и набираю папу. Он берет трубку после двух гудков. Он может быть занят, но никогда не бывает слишком занят для меня. Кроме того, он знает, что я не позвоню ему, если это не срочно.

– Всё в порядке, принцесса?

– Нет, папочка, – я делаю свой голос слегка испуганным, слегка дрожащим, чему научилась у мамы. – Я только что кое-что увидела и не уверена, стоит ли мне рассказывать”.

– Это я, принцесса. – Появляется его заботливый, но твёрдый тон. – Ты можешь рассказать мне все, что угодно.

– Но это может навлечь на кого-то неприятности.

– Если они сами навлекли на себя неприятности, они этого заслуживают. Закон не защищает глупых.

– Это наша медсестра, мисс Голдман.

–А что с ней?

– Я проходила мимо сегодня утром и услышала, как она издаёт странные звуки. Я думала, она ранена, но когда я заглянула внутрь, я увидел её...

Я делаю драматическую паузу.

– Что ты видела?

– Мне так неловко рассказывать, папочка.

– Ты никогда не должна стесняться говорить правду.

– Она обхватила ртом пенис парня, – выпаливаю я.

– О, принцесса. Не волнуйся. Я позабочусь об этом.

– Мне сказать директору? Я не видела лица мальчика.

– Нет. Я поговорю с ним. Когда ты завтра пойдёшь в школу, эта медсестра станет историей.

– Спасибо тебе, папочка. Я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, принцесса. Увидимся позже. У меня есть для тебя новости.

– Не могу дождаться.

Я выдавливаю вымученную улыбку и вешаю трубку.

Один убран с дороги.

Ей вообще не следовало прикасаться к несовершеннолетнему ребёнку. Этот подонок - педофил, и я делаю обществу одолжение, используя папину власть.

Коул думает, что может победить во всем, но он не знает, какими маленькими способами я всегда буду побеждать его.

Мои пальцы пробегают по ожерелью.

Если он хочет войны, то война - это то, что он получит.

Глава 10

Коул

16 лет

Есть ли в литературе или книгах по психологии место, где говорится, когда вы должны понять, что вы не ... нормальны?

У меня были подозрения с той ночи, когда я перестала плакать раз и навсегда, но в последнее время я замечаю эту ненормальность больше, чем обычно. Я читал книги о девиантном поведении и мыслях. Дело в том, что эти теории на самом деле не применимы ко мне.

Я никогда не смотрел на котёнка или щенка и не решал, что хочу причинить ему боль или испытываю такое желание. Во всяком случае, я думаю, что люди, у которых есть такие мысли, трусы. Они хотят нанести больший ущерб, но они цепляются за существ, намного более слабых, чем они сами, которые ничего не могут сделать, чтобы остановить их. Эти люди жалки, и я никогда не буду принадлежать к той же категории, что и они.

Это практически не оставляет мне выбора относительно того, куда меня следует поместить. Есть ли у меня антисоциальное поведение? Хочу ли я причинять людям боль?

Ответ на последний вопрос - нет. Я не беспокоюсь о людях настолько, чтобы хотеть причинить им боль.

Кроме того, я люблю свою маму. По-своему. Она - причина, по которой я все ещё верю, что для меня может быть что-то ещё.

Однако хаос все ещё остаётся одной из моих тайных склонностей.

Всякий раз, когда я нахожу возможность вернуть его в мир, я это делаю. Поскольку мы играем в футбол, я обычно получаю этот шанс, провоцируя небольшую драку здесь, соперничество там. Это привносит

изюминку в скучную жизнь других игроков, так что они должны поблагодарить меня за это.

Если хаос - это единственное, что имеет смысл, то кем это делает меня?

Хаотичным?

Я так не думаю. Мне нравится наблюдать за хаосом издалека, но мне не нравится быть в его центре.

В моей жизни царит нежелательный хаос — тот тип, который я, похоже, не могу контролировать, как бы я ни старался.

Как эта грёбаная сцена передо мной.

Мы в Meet Up, смотрим футбольный матч между «Арсеналом» и «Тоттенхэмом». Все здесь болеют за первое. Я тоже так делаю, но только для того, чтобы все думали, что мне на самом деле не похуй. Я не думаю.

Ронан и Ксандер создают шум, пинаются и кричат, как будто это они играют. Капитан, Леви Кинг, шикнул на них, чтобы он мог слышать комментатора.

В отличие от своего двоюродного брата, нынешний капитан «Элит» — футбольной команды Королевской Элитной Школы — более открыт, но все ещё помешан на контроле, как и все в семье Кинга. Они могли бы использовать личный психоанализ самого Фрейда — то есть, если бы он был ещё жив.

Эйден сидит напротив меня рядом с Сильвер, когда он кладёт руку ей на плечо. Они продолжают что-то шептать друг другу, прежде чем она сдержанно смеётся, а он озорно ухмыляется, как ублюдок, которым он и является.

Ей насрать на футбол. Вообще. И всё же она считает своей миссией посмотреть его и устроить шоу с Эйденем.

И я знаю, что это шоу, потому что в обычные дни они терпеть не могут друг друга. Они вытягивают это дерьмо только передо мной. Я знаю, что это игра.

Её способ мести.

Его способ быть придурком.

Несмотря на то, что я все это знаю, я не могу выбросить это из головы. Я не наблюдаю за ними, не тогда, когда они могут чувствовать меня, но я вижу их все время. Я, блядь, слышу их, даже если звук телевизора громкий.

Это нежелательный хаос, которого я не понимаю. Если я знаю, что это подделка, какого хрена я так зациклился на этом?

Почему я хочу встать, ударить Эйдена по лицу и выпиться в её губы перед ним, чтобы он знал, кому, черт возьми, она принадлежит?

Возможно, это и есть то, что чувствует человек, ставший жертвой хаоса. Этот хаос - Сильвер.

Только не Эйден. Это все из-за *неё*.

С тех пор как наши родители начали официально встречаться, и она решила, что Эйден, ублюдок, заслужил её девственность и звание её жениха, я превратил её жизнь в ад.

Нет такого, в чём я не заставил бы её проиграть. Раньше я, по крайней мере, оставлял пианино в покое, потому что у неё было такое гордое выражение лица, когда она выигрывала, и она фотографировалась с обоими родителями и публиковала это в социальных сетях с самой счастливой подписью.

Но она убила эту часть меня, так что теперь я выигрываю все. И я имею в виду все, блядь, вещи. Вплоть до простого домашнего задания по зачёту.

Я не только побеждаю, я уничтожаю её. Я не только подталкиваю её к тому, чтобы стать Мисс Номер Два, но и выигрываю с большим отрывом, который заставляет её сомневаться во всем.

Вскоре после этого она бросает на меня этот свирепый взгляд, говорит, что ненавидит меня, а затем идёт в парк, чтобы съесть маленький батончик «Сникерс» и поплакать в одиночестве.

При этом она обычно проклиняет меня вслух, как сумасшедшая, разговаривающая сама с собой. Я наблюдаю за каждым мгновением, пока она

не возвращается домой, улыбаясь и обнимая Себастьяна, как будто ничего не случилось.

Вот в чем дело с Сильвер. Её счастье видно всему миру через её социальные сети и её хэштеги, но её страдания только для неё самой.

И меня.

Всегда есть я.

Это не Эйден, к которому она возвращается за большим. Это не Эйден, с которым она потребовала бы повтора. Это я.

Всегда я.

Сильвер никогда не сдаётся. Никогда.

Вы можете похоронить её под десятью метрами грязи, и она выкопает себе выход и потребует реванша.

Её телефон звонит, и она вытаскивает его, чтобы посмотреть на сообщение. Я опираюсь на руку, притворяясь, что смотрю телевизор или шоу Ронана и Ксандера. На самом деле я только наблюдаю за ней. Лёгкое раскрытие её губ, то, как её плечи немного напрягаются, прежде чем она бросает телефон обратно в карман и притворяется, что интересуется тем, что говорит ей Эйден.

Она взволнована... Нет. Не просто взволнована. Она напугана.

Обычно это как-то связано с благополучием её матери, но в последнее время она исчезает, не говоря ни слова, и проводит с мамой все меньше времени.

Вначале Сильвер изо всех сил сопротивлялась отношениям отца с мамой, но ей потребовалось всего лишь поговорить с ними во время первого вступительного ужина, чтобы передумать.

Я пошёл в туалет, а когда вернулся, то подслушал, как она сказала им, что счастлива, что у них есть второй шанс, и что она тайно планировала это, и она сделает все возможное, чтобы помочь во всем.

Тайно планировала это. А это значит, что она этого хотела.

После этого она сделала, как и обещала. Сильвер стала их идеальной дочерью. Её единственная проблема - это я. Она не может притворяться, что ладит со мной, когда она постоянно, в обязательном порядке, говорит мне, что ненавидит меня каждый день. Это её мантра.

Мама говорила мне не быть с ней грубой, но в том-то и дело, что я не такой. По крайней мере, не перед ними. Поэтому они всегда думают, что проблема в Сильвер, и причина, по которой она не ладит со мной, заключается в её скрытном способе сопротивляться их отношениям. Её разочарование и неспособность сказать людям, что я на самом деле злой, и заставить их поверить, что это ещё больше раздражает её против меня.

Я упоминал, что мне нравится забираться ей под кожу? Это единственный раз, когда она не притворяется и не выплёскивает свои искренние эмоции. Это просто гнев, но он все равно имеет значение.

Перемены в её поведении в последнее время не ускользнули от меня. Она позволяет водителю отца забрать её пораньше. Она не выходит поздно, и у неё иногда бывает такое выражение лица, когда она читает свои сообщения.

Это едва заметно, так как она научилась скрывать свои реакции.

Эйден чертовски уверен, что не понимает этого — или не заботится об этом достаточно.

Он трахает девушек, имён которых буквально не помнит. Она знает об этом. Однажды она поймала их, но просто швырнула в него его куртку и сказала, что им нужно посетить сбор средств.

Эйден далёк от её идеала. Я знаю, потому что она пишет об этом в своём дневнике.

И да, я читаю её дневник всякий раз, когда Себастьян приглашает нас на ужин к себе домой.

Удивительно, но она почти ничего не пишет обо мне, кроме. *Я ненавижу его. Я бы хотела, чтобы он не был сыном Хелен.*

Это делает нас двоих такими.

Она называет Эйдена свиньёй и говорит, как сильно она его терпеть не может почти на каждой странице, но она все равно с ним.

В другой раз я сказал ему, что приму все его вызовы, если он разорвёт помолвку с Сильвер.

– Это не детская игра, Нэш. – Сказал он. – Джонатан мне не позволит.

– Ты хочешь, чтобы я поверил, что ты боишься своего отца?

– Нет, но я знаю, как вести с ним борьбу, – усмехнулся он. – Почему, Нэш? Ты наконец признаёшь, что в твоём чёрном сердце действительно есть место для другого человека?”

Когда я ничего не сказал, он продолжил.

– Или ты ведёшь себя как любящий старший брат, который набросится на меня с топором, если я причиню боль его сестре?

Она мне *не* сестра.

Но я не сказал этого, чтобы он не зацепился за это и, возможно, даже не сказал ей. Я использовал эту насмешку, чтобы свести её с ума.

Мама и Себастьян всё ещё встречаются, и, учитывая обязательства последнего и мамин рабочий график, я говорю, что они скоро разойдутся.

Они заботятся о своей карьере больше, чем об эмоциональном равновесии — особенно Себастьян.

Поскольку в ближайшее время ему предстоят важные общественные выборы, я не сомневаюсь, что они оба объявят о разрыве. Маме не нравятся вспышки камер и внимание, и она не позволит им называть её женой политика. Теперь, когда у них было своё приключение, каждый вернётся в свой мир.

И вот тогда Сильвер будет моей.

На этот раз я так сильно втяну её в свой хаос, что она никогда не найдёт выхода.

Эйден что-то говорит, и она смеётся. К чёрту их. Я встаю и говорю Леви.

– Я сейчас вернусь.

Он кивает, и я прохожу через задний вход и стою на крыльце, с которого открывается вид на высокие деревья в лесу, видимые отсюда.

Я достаю сигарету, закуриваю и делаю затяжку. На вкус это дерьмо, но никотин позволяет моему мозгу немного расслабиться и перестать застревать в своём беспорядочном хаосе.

Это единственная зависимость, которую я себе позволяю, хотя я просто курю один или два раза в неделю или, когда хаос становится слишком запутанным.

Ронан говорит, что я пристрастился к книгам и мне следует обратиться к психотерапевту, но нахуй его. Он грамотен только потому, что его отец - граф. Без шуток, он из тех, кто скажет: «Как ты читаешь это дерьмо? В нём нет никаких картинок».

Чтение - один из моих защитных механизмов, чтобы не увязнуть в этом мире. Мир заставляет меня думать о земных вещах, таких как та ночь, и я ненавижу ту ночь.

Поэтому я перенаправляю свои мысли на одну вещь, которую я не ненавидел в ту ночь.

Девочка с булавкой-бабочкой и куклой. Сильвер написала об этом в своём дневнике.

Коул видел, как я плакала сегодня. Он не обнимал меня, как Ксандер обнимает Кимберли, когда она плачет. Он хотел уйти, придурок.

Но он сказал мне, что разводы случаются и что папа и мама, вероятно, будут счастливее в разлуке.

Я ненавижу это.

Коул также рассказал мне свой секрет. Он хочет быть моим первым. Я сказала ему, что сделаю это только в том случае, если я тоже буду его первой. Иначе это несправедливо.

Папа говорит, что всегда нужно договариваться, чтобы все было честно.

И теперь папа и мама больше не будут вместе. Я не могу перестать плакать.

Зачем они поженились, если не хотят быть вместе?

Почему они родили меня?

И да, я помню каждую прочитанную мной запись. Обычно я запоминаю что-нибудь, прочитав это один раз. Я особенно позаботился о её дневнике. Теперь все её слова, её выходы, её замешательство и фальшивая личность интегрированы в мою голову.

Когда я состарюсь, и моя память начнёт требовать удаления файлов, чтобы иметь возможность запоминать других, я бы в любой день предпочёл её дурацкий дневник книгам философов и психологов.

Хаос.

Она - грёбанный хаос.

Я выхожу в ночь и пробираюсь сквозь деревья. Ветки хрустят под моими ботинками, и я игнорирую их, продолжая свой путь.

Сегодня на небе ярко светит луна, несмотря на морозную погоду. Я оставил свою куртку внутри, так что на мне только брюки и рубашка моей униформы.

Я подхожу к небольшому озеру за деревьями и стою на краю террасы, глядя на отражение луны в спокойной воде. Я не знаю, как долго я тут пробуду. Что-то в этом меня чертовски достаёт.

Оно не красное.

Почему оно не красное? Оно должно быть красным.

– Коул? – Тихий голос зовёт меня сзади. – Что ты делаешь?

Я поворачиваюсь к ней лицом, но не двигаюсь с края. В лунном свете она кажется голубой тенью. Её волосы падают на спину, и ожерелье в виде бабочки поблёскивает. Она никогда не снимала его на публике. Ни разу.

Но это не потому, что ей не все равно, нет. Это потому, что это означает, что она признает своё поражение, если не наденет его.

И именно поэтому я сказал эти слова — чтобы она всегда держала меня при себе.

– Ты преследуешь меня? – Спрашиваю я.

– Мечтай

– Тогда почему ты шла за мной всю дорогу сюда?

– Папа позвонил и сказал, что заказал столик на ужин. Дерек заедет за нами.

– Сообщение получено. Возвращайся к Эйдену.

Она хмурится, но не делает ни малейшего движения, чтобы уйти.

– Ты все ещё куришь эту палочку смерти?

Я выдыхаю дым ей в лицо, заставляя его сморщиться.

– Очевидно.

– Ты ублюдок.

– Если ты будешь продолжать так часто делать мне комплименты, я подумаю, что ты заиклился на мне.

– В твоих снах.

– Ты не захочешь знать, что мне снится.

– Мы согласны с этим, – она протягивает руку. – Дай мне свой телефон, мне нужно позвонить Дереку. У меня сел аккумулятор.”

– Что я получу взамен?

– Моя завидная благодарность тебе.

Я ухмыляюсь, когда беру свой телефон и открываю его. Сильвер звонит, все это время пристально глядя на меня. Как только она заканчивает, она собирается вернуть его, но затем снова сосредотачивается на экране.

Должно быть, она нажала на кнопку. Её щеки пылают, глаза расширяются, и этот взгляд возвращается. Взгляд восьмилетней давности.

Это, блядь, одно и то же.

Я видел намёки на это, но никогда не испытывал такого же благоговения.

– Ч-что это, черт возьми, такое?

Она тычет телефон мне в лицо.

Это изображение Хоуп, привязанной к стулу, полуобнажённой и бросающей на меня соблазнительный взгляд.

– Хоуп. Она выпускница.

– Я знаю, что это Хоуп, н-но п-почему она так связана?

– Потому что ей это нравится, – мой голос понижается, когда я выпускаю ещё одно облако дыма в её сторону. – И мне это тоже нравится.

Лицо Сильвер даже не морщится от дыма. Это запечатлено в этом вечном, исполненном благоговения взгляде. Или, может быть, это страх?

Её голубые глаза темнеют, а горло поднимается и опускается от судорожного глотка.

– Ты... болен, – выдыхает она, даже когда её щеки краснеют под луной.

Сильвер бросает телефон мне в руку, разворачивается и выходит, как будто у неё горят пятки.

Больной.

Может быть. Возможно.

И часть моей болезни - это она. Моя Бабочка.

Мой хаос.

Глава 11

Сильвер

17 лет

Время имеет важное значение.

Папочка говорит, что время - это самая важная вещь в мире.

Вы не можете начать что-то слишком рано или слишком поздно. Доля секунды может повлиять не только на решение важнейших событий, но и на определение жизни человека.

Я узнала о важности выбора времени и от папы, и от мамы. Учитывая их политическую карьеру, время играет огромную роль в их жизни. Они никогда не выходят за рамки времени, отведённого им для выступления в парламенте. Они просто сообщают точную информацию, которая не только передаёт их точку зрения, но и заставляет их оппонентов остановиться и подумать о возможном возражении.

И все же в последнее время у меня появилось это ноющее чувство, что я упустила время для чего-то.

Чего, я не знаю.

Это не могло быть ни репетицией на фортепиано, ни моими выходными с мамой, ни даже домашними инструктажами папы.

В последнее время у нас как будто парламент дома. Все там, во главе с Фредериком, и это почти как досрочные выборы. Хотя мне нравится разговаривать с папиными друзьями и участвовать в дебатах, мне не нравится ощущение пустоты, всё больше он отдаляется от меня.

У мамы все хорошо, даже после того, как папа начал встречаться с Хелен. На самом деле, это слишком хорошо, что это начинает поднимать

тревогу. Теперь она ходит на свидания, чтобы найти потенциального мужчину, на которого можно положиться — её слова, а не мои.

Это мама? Не поэтому ли я чувствую, что сейчас неподходящее время? Я посылаю ей сообщение, чтобы сказать, что люблю её и скучаю по ней.

Если бы мы не были на ужине, я бы позвонила, но папе не нравится, когда я говорю с мамой или о маме в присутствии Хелен. Не то чтобы она возражала, она сама мне об этом сказала. Она сказала, что мама - часть меня, и никто не может отнять её у меня.

Я ужасно сильно обняла Хелен за эти слова.

Папа замечательный, но он не понимает моего постоянного беспокойства о маме. Он говорит, что она взрослая и должна беспокоиться обо мне, а не наоборот.

Но папа не знает о психическом состоянии мамы. Все, что они делают, это сражаются.

Даже после девяти лет развода.

Мы вчетвером сидим за маленьким столом на кухне. Хелен не нравится большая столовая, когда там только мы. Она сказала, что он кажется безличным и одиноким, в то время как этот более уютный и создаёт семейную атмосферу.

Я считаю всех здесь членами семьи — за исключением того, кто сидит напротив меня.

Коул ест стейк и хвалит стряпню своей матери и папу за то, что они выбрали корейскую говядину. Затем они заводят разговор об экономическом обмене с Южной Кореей и его преимуществах.

В это Коул профессионал. Он знает всё обо всём. Он даже выдаёт цифры и статистику. Друзья папочки любят его, потому что он согласен с ними. Не так, как преемник, а, скорее, как человек, который сделал свою домашнюю работу, отказался от всего остального и остановился на них. Он делает вид, что они ему нравятся не потому, что он должен, а потому, что он этого хочет.

Лжец.

Он самый большой лжец на свете. Из его уст больше не выходит ничего, во что я верю, как в истину.

Коул так хорошо овладел искусством лжи, что ему даже удаётся убедить тебя в том, что правда тоже может быть ложью.

Он слишком увлекается играми разума и наблюдает, как люди спотыкаются о самих себя. Наблюдать за тем, как кто-то волнуется, потому что он не видел вопроса или ситуации, которая им предстояла, - его любимое развлечение.

Летом ему исполнилось восемнадцать, но по ощущениям ему почти двадцать пять. Конечно, все мы научились взрослеть с юных лет; мы не могли неправильно улыбаться перед людьми, неправильно говорить или даже неправильно дышать, но он выводит это на совершенно другой уровень.

Коул идеален снаружи, но прогнил внутри.

С тех пор как я увидела ту фотографию связанной девушки, я поняла, как глубоко он на самом деле бежит, как далеко и как быстро он может идти. Что он может быть намного хуже, чем я знаю.

И я ненавижу, что моей первой реакцией на этот образ была интрига.

Какого черта меня должна заинтриговать эта порочность? Коул и егобольные привычки могут катиться к чёрту. Я дочь Себастьяна Куинс и Синтии Дэвис. Я самый правильный подросток, которого ты когда-либо найдёшь, и моё мнение о Коуле определённо отрицательное.

Теперь, если я перестану пялиться на него, это будет хорошо.

Он ловит мой взгляд через стол и улыбается, как чёртов джентльмен.

– Сильвер также верит в отношения с азиатскими странами, не так ли?

– Да, но я также не одобряю политику правительства по отношению к режимам диктаторов только потому, что мы можем продавать им оружие и заполнять наш сейф.

Коул поднимает бровь.

– Ты предлагаешь нам использовать наш арсенал и поразить их, ну, знаешь, чтобы стать супергероями?

– Нет. Я просто говорю, что мы должны оказывать на них давление, а не позволять им поступать со своим народом так, как им заблагорассудится.

– Это их люди. Почему нас это должно волновать?

Боже. Он приводит меня в бешенство.

Если бы это был кто-то другой, я бы сохранила хладнокровие и продолжила дискуссию, но то, как он подначивает меня этим обманчиво спокойным тоном, действует мне на нервы. Или, скорее, *он действует мне на нервы.*

Все в нём меняется, от его волос, которые стали длиннее, до его глаз, которые стали более пронзительными, до его проклятой челюсти, которая заострилась за ночь.

– Ты знаешь... – Говорю я самым спокойным тоном. – Эта философия «Это не моя проблема. Мне все равно» - вот что разрушает мир.

– И все же, некоторые делают это так хорошо. – Он неторопливо жуёт говядину. – Они даже могут притвориться, что им наплевать на себя или своих старых друзей.

Укол в мой адрес за то, как я наблюдаю за Ким издали, но все равно бросаю в её сторону стервозные замечания.

Я всегда, в обязательном порядке, ловлю на себе пристальный взгляд Коула после того, как говорю Ким, чтобы она отвалила.

Хотя в его глазах больше, чем разочарование. Это чистая ненависть.

Он ненавидит меня в школе. Он терпеть не может находиться рядом со мной и даёт об этом знать, тайком дёргая меня за волосы при каждом удобном случае.

– Это лучше, чем притворяться, что ты заботаешься обо всех, когда это не так. – Я делаю паузу, изображая безразличие. – В общем и целом.

– Вы, дети, всегда вцепляетесь друг другу в глотки.

Хелен смеётся, наливая мне ещё сока.

Я странная. Я пью сок за ужином, и Хелен уважает это. Разве она не лучшая?

Это Коул смеётся надо мной с другого конца стола, и я хмуро смотрю на него, делая глоток яблочного сока.

– Их дебаты - это весело. – Папа улыбается нам. – Наш обеденный стол будет таким оживлённым в будущем, как только мы с Хелен поженимся.

Я давлюсь соком и кашляю, когда Хелен помогает мне, похлопывая по спине.

– Себастьян! – Ругается она. – Мы договорились поговорить об этом после ужина. Посмотри, что ты сделал с Сильвер.

– Мне очень жаль, принцесса. – Он протягивает мне салфетку. – Я, наверное, слишком взволнован этой новостью. Хелен и Коул переедут к нам. Разве это не замечательно?”

Нет.

Нет, это не так.

В последнее время Хелен жаловалась на то, что выходит из своей рабочей зоны, а папа говорил, что больше не может найти времени для встреч с ней, поэтому я решила, что они расстанутся скорее раньше, чем позже. Я думала, это была интрижка, но интрижка не может продолжаться три года, верно?

Насколько глупой я могу быть?

Отпивая воду из чашки, которую предложила мне Хелен, я смотрю на Коула через стол. Он сделал паузу на середине своего стейка, но, кроме этого, никакой реакции.

– Ты в порядке, дорогая? – Спрашивает меня Хелен. – Что-то не так?

Да. Что-то не так.

Это предчувствие насчёт времени снова поражает меня. Что-то определённо не так. Я не могу позволить им сделать это.

Я не хочу этого. Я даже не знаю, почему. Я люблю Хелен и то, как она прогнала папино одиночество, но мне это не нравится.

Я должен что-то сделать. *Сейчас.*

– Папа, я...

– Поздравляю, мам. – Коул встаёт и обнимает её, и её лицо расплывается в лучезарной улыбке. Затем он пожимает папе руку. –

Поздравляю, Себастьян.

– Спасибо, сынок.

Поздравляю?

Поздравления, блядь?

Какого черта он это сделал? Почему он даёт им свои благословения?

Нет.

Этого не может быть.

– Принцесса?

Папа смотрит на меня сверху вниз, нахмутив брови. Он разочарован во мне за то, что я не такая, как Коул.

Он ненавидит, что я заставляю Хелен чувствовать себя даже немного неловко.

Что, черт возьми, со мной не так?

Я встаю на шаткие ноги и сверкаю улыбкой, которую так хорошо отточила во время шоу.

– Поздравляю, папочка, Хелен. Я так рада за вас обоих.

Я не рада.

Если есть место ниже ада, я заслуживаю быть там. Почему я не радуюсь за них?

Это из-за мамы, да? Я номер один верила в её роман с папой, несмотря на все ссоры, и я надеялась, что когда-нибудь в конце концов они снова будут вместе.

Тем более что до Хелен они фактически не виделись с другими людьми после развода.

Однако это не то, что сжимает моё сердце в своих черных, безжалостных когтях.

Я заставляю себя слушать, как они говорят о подготовке к свадьбе и о том, что им нужно сделать это в ближайшее время, до выборов.

Они договариваются о моём дне рождения, «двойном праздновании», как говорит папа.

Я открываю рот, чтобы закричать, НЕТ, но вместо этого говорю.

– Я обещала позвонить маме. Я могу идти?

– Ну, конечно. – Хелен гладит меня по руке, черты её лица морщатся. – Ты в порядке?”

– Да, идеально. Я не могу дождаться, когда расскажу маме новости.

– Я боюсь, что она не будет так же благосклонна к ним.

Папа разрезает мясо с нейтральным выражением лица.

– О чём ты говоришь? Мама всегда будет рада за тебя.

Мой голос на грани срыва. Мне нужно выбраться отсюда. Сейчас.

И мне нужно перестать пытаться смотреть на придурка через стол. Он не стал бы помогать. Он все испортил.

– Синтия? Рад за меня? – Папа поднимает голову. – Мы говорим о той же Синтии Дэвис, которая в настоящее время собирает людей, чтобы проголосовать против моего законопроекта?

– Она не хочет ничего плохого. Я сейчас вернусь.

Я улетаю от этой сцены так быстро, как только могу. Я не знаю, как я поднимаюсь по лестнице, но в тот момент, когда я оказываюсь в своей комнате, я падаю на кровать, моё сердце чуть не выскакивает из груди.

Желание заплакать приходит ко мне из ниоткуда, и я не могу это контролировать.

Что со мной происходит? Почему я чувствую, что пропустил самое лучшее время из всех? Как будто я все испортил?

Моя дверь со щелчком открывается. Я чувствую его ещё до того, как вижу.

В его присутствии есть что-то такое, что стало привычным за эти годы. Даже в парке я чувствую его ещё до того, как он появляется.

В школе я знаю, когда он там, ещё до того, как вхожу в класс.

Это проклятие.

От которого я не могла избавиться с тех пор, как он впервые назвал меня Бабочкой и вытер мои слезы, покрыв его блёстками.

Коул стоит в дверях, засунув руку в карман джинсов. За эти годы он расцвёл и стал высоким, с мускулистым спортивным телом, от которого все девушки падают в обморок.

И не только потому, что он член футбольной команды и один из четырёх всадников Элиты.

Его прозвали Голодом, потому что, хоть он в основном и молчит, он смертельно опасен в атаках. Он подкрадывается к тебе из ниоткуда и убивает тебя медленной, мучительной смертью.

Девушки думают, что в нём есть всё — умный, горячий, богатый и спортсмен. Я почти слышу, как Саммер и Вероника говорят, что мне так повезло быть его сводной сестрой.

Я не сестра.

Я никем не хочу быть для него.

– Ты снова прячешься, чтобы поплакать в одиночестве?

Он выглядит спокойным, даже скучающим.

– Я не плачу.

Он показывает на мои глаза, как будто доказывая свою точку зрения. Я резко вытираю их тыльной стороной ладони.

– Это не слезы.

– Конечно, если ты так говоришь.

– Что ты здесь делаешь, Коул?

– Мне нужно позвонить маме. О, подождите меня внизу.

– Убирайся.

– Я должен начать выбирать комнату. Я думаю, что обойдусь той, что рядом с твоей.

– Ты втираешь это внутрь?

– Втираю что? – Он приближается ко мне твёрдыми шагами. Все его беззаботное настроение испаряется, и его голос с каждой секундой становится все более смертоносным. – Ты их подставила. Ты дала им своё благословение. Ты сказала: «Я рада, что вы оба получаете второй шанс». Помнишь это, Сильвер?

Я поднимаюсь на ноги, указывая на него пальцем.

– Ты тоже не сказал «нет». Ты позволил им. Ты, блин, поздравил их только что!

– Ты начала весь этот беспорядок. – Его голос спокоен, но плечи напряжены, когда он возвышается надо мной. – Ты позволила Эйдену трахнуть тебя на заднем сиденье машины, а потом обручилась с ним.

– Это потому, что ты не сдержал своего обещания. Если ты не сохранил для меня первый раз, то почему я должна сохранять для тебя свой? – Эта потребность заплакать снова охватывает меня, и я опускаю голову. – В любом случае, это не имеет значения. Теперь уже слишком поздно. Это...

Он приподнимает мой подбородок двумя пальцами и прижимается губами к моим приоткрытым губам. Я задыхаюсь в его объятиях, моя голова кружится от обречённых мыслей, а моё тело истекает кровью, дрожит, жаждет большего.

Гораздо больше.

На секунду я позволила ему поцеловать себя, моё сердце и грудь трепетали от тысячи эмоций, но ни одна из них не была понятна.

Нет.

Это неправильно.

Я кладу две руки ему на плечи и отталкиваю его.

– М-мы не можем этого сделать.

– Почему?

Он не отходит от меня, его грудь почти соприкасается с моей.

– Потому что мы будем братом и сестрой.

– Вот в чём дело, Сильвер. Ты мне не грёбаный брат или сестра. Никогда не была. И никогда не будешь.

Мои протесты превращаются в ничто, когда его губы снова находят мои. Они менее настойчивы, но более отчаянны, собственнические. Как будто он претендует не только на мои губы, но и на что-то более глубокое и сильное внутри меня.

На этот раз я стону у его рта. На этот раз я не сопротивляюсь ему. Вместо этого я позволила себе погрузиться в это ощущение.

Как будто я заблудилась, а теперь нашла убежище. Каждый раз, когда я видела его с девушкой, я задавалась вопросом, целовал ли он её так же, как целовал меня. Я задавалась вопросом, не стирал ли он мной всех остальных. И все, что я хотела сделать, это ударить их, чтобы они никогда больше не приближались к нему.

– Ты позволяешь Эйдену целовать тебя?

Он говорит тихо, почти угрожающе.

Я слишком ошеломлена силой его прикосновения, чтобы ответить. Его рука движется к моей ягодице, и он щиплет её.

Мои глаза расширяются, когда мои ноги дрожат от незнакомого ощущения.

– Позволяешь? – Повторяет он.

Если я скажу ему «нет», он поймёт, что это просто игра, а я не могу этого сделать. Эйден - моё единственное эффективное оружие против Коула. Я не могу потерять его.

– Так это значит, что он это делает.

Обманчивое спокойствие в его голосе заставляет мой позвоночник напрячься. Ему это не нравится. Совсем.

– И ты позволяешь ему.

Он отпускает мою задницу, залезает мне под юбку, затем обхватывает меня через нижнее бельё.

Я пытаюсь сжать бедра, но не могу. Я не хочу. Во всяком случае, они слегка приоткрываются, давая ему больше доступа.

Сильная дрожь покалывает в нижней части моего позвоночника и заканчивается в моём центре, когда он проводит кончиком пальца вверх и вниз по моим складкам. Он отодвигает ткань в сторону и засовывает палец во внутрь меня.

Я чуть не опрокинулась от этого вторжения. Чёрт возьми.

Это не первый раз, когда во мне был палец. Я сама иногда делаю это по ночам, но никогда ещё это не было так ошеломляюще.

Что это за чувство полной остановки?

– Ты тоже становишься такой влажной для него? – Шепчет он мрачные слова мне в губы. – Ты мочишь его руку так же, как мою?

Он добавляет второй палец, вызывая у меня ещё один глубокий стон. Моё сердце почти падает на землю, когда его ритм полностью овладевает моим существом.

Я знаю, что это неправильно. Я знаю, что не должна позволять ему прикасаться и распутывать меня таким образом.

Но я тоже не могу это остановить.

Как будто я ждала этого, и будь я проклята, если положу этому конец теперь, когда оно здесь.

Внезапный прилив адреналина пронесется сквозь меня, и я хватаю Коула за плечо, когда он входит в меня сильнее и быстрее.

Мои стоны становятся громче, смешиваясь с его, вдыхая и выдыхая, и пронизывая воздух.

– Ответь мне.

Он медленно говорит, его голос хриплый от возбуждения. Я яростно качаю головой.

– Чёрт возьми, ответь мне, Сильвер.

– Нет... я-я не буду... отвечать... ох...

Мои слова заканчиваются жалобным всхлипом, когда я разваливаюсь на части вокруг его пальцев.

Он мычит, когда его губы завладевают моими в долгом, всепоглощающем поцелуе, наполненном укусами и резкими облизываниями. Как будто он съедает меня заживо и приберегает остатки на потом.

– Коул, ты здесь, дорогой? – Из-за двери доносится голос Хелен. – Нам нужно идти.

Вздвигнув, я отстраняюсь от него, но не могу уйти далеко, так как его пальцы все ещё внутри меня.

Осознание того, что я сделала, бросается мне прямо в лицо.

О, нет.

Нет, нет, нет.

– Отпусти меня, – шиплю я, толкая его в грудь.

– Зачем? – Он ухмыляется, обнимая меня за талию. – Боишься, что мама придёт и увидит мои пальцы глубоко в твоей мокрой киске?

– К-Коул!

Мои щеки пылают, когда я смотрю между ним и дверью. Я не запирала её, и сомневаюсь, что это сделал Коул. Если она войдёт, это именно то, что она увидит.

– Боишься потерять награду хорошей девочки, Бабочка?

– Коул, отпусти меня сию секунду, или я клянусь...

– Или что? Продолжай. Хотя, небольшой совет, неразумно угрожать мне, когда мои пальцы внутри тебя.

Он сгибает их, и я чуть не падаю ему на плечо, волна от предыдущего освобождения, как будто она никогда не заканчивалась.

– Сильвер? – Зовёт Хелен.

– Коул!

Я шепчу - кричу.

– Я отпущу тебя при одном условии.

– Хорошо, просто отпусти меня.

Я бы сделала все, чтобы он убрался от меня прямо сейчас.

Он выскользывает из меня. Смешанное чувство облегчения и пустоты охватывает меня одновременно.

Какого черта?

Как только я выдыхаю, Коул подносит два пальца, которые были во мне, к своим губам и засасывает их в рот на одном дыхании, не отрывая от меня взгляда.

Я не смогла бы отвести взгляд, даже если бы захотела. Моя киска сжимается от этого изображения. Мои губы приоткрываются.

Дерьмо.

Затем он подносит их к моему рту.

– Ты с ума сошёл? – Я говорю тихо. – Нет.

– Помни. Ты сказала что угодно, Бабочка.

– Что угодно, только не это.

– Ты должна была уточнить это тогда. Ты совершила ошибку, и теперь я хочу, чтобы ты отсосала мои пальцы.

– Коул...

Я сжимаю бедра от этого образа.

– Сделай это до того, как мама войдёт.

Черт бы его побрал.

Бросив последний взгляд на дверь, я беру его пальцы в рот. Он наблюдает за мной с редким блеском в глазах. Как будто солнце светит в них на зелень.

На секунду я слишком потерялась в его глазах, в ощущении его пальцев, когда он скользит ими по моему языку, заставляя меня чувствовать вкус остатков меня и лайма, когда он положил их в рот.

Теперь я хочу продолжать пробовать лайм, пока не смогу этого.

Пока лайм не станет самым запретным вкусом на земле.

Это неправильно, не так ли?

Абсолютно неправильно.

Я со причмокивание отодвигаю рот, и он хмурит брови.

– Хелен ждёт тебя, – бормочу я.

– Это последний раз, когда мне придётся уйти после ужина, Бабочка.

Он наклоняется и касается губами моего носа.

– Я ненавижу тебя.

Коул сильно дёргает меня за волосы, затем разворачивается и уходит.

Мои ноги больше не держат меня, и я падаю на кровать со слезами,
блестящими в моих глазах.

Ты не можете делать что-то слишком рано или слишком поздно.

Время имеет важное значение.

И я просто все испортила.

Глава 12

Сильвер

Папа и Хелен поженятся в мой восемнадцатый день рождения, как они и планировали.

С днём рождения меня.

Я сделала все, что могла, на заднем плане. Я пыталась тайком сказать Хелен, что папа очень занят и никогда не уделяет время дому, и именно поэтому мама развелась с ним.

Я сказала папе, что карьера Хелен находится на высшем уровне, и она продолжит писать свои бестселлеры вместо того, чтобы быть домохозяйкой.

Я даже опустилась так низко, что втянула в это маму. Она подошла, чтобы сказать папе, что он отвратителен за то, что привёл другого человека в жизнь своей дочери, когда выборы так близки.

Он отмахнулся от неё.

Я ненавидела себя за то, что была из тех сук, которые пытаются саботировать брак своего отца. Это не я.

Больше всего на свете я хочу видеть папу и Хелен счастливыми. Если бы только у неё не было сына. Или у неё был другой сын.

После того, как я понял, что ничего не могу и не должна делать, чтобы остановить свадьбу, я помогла Хелен с приготовлениями, и минуту назад я наблюдала, как они штампуют её.

Вчера я плакала в парке.

Прошлой ночью я плакала в подушку.

Сегодня я плакала, когда их объявили мужем и женой. Однако плакала — это преувеличение - это была пара слез, и я быстро вытерла их, притворившись, что это были слезы счастья.

Больше похоже на слёзы скорби.

В тот момент, когда я стояла там, наблюдая за союзом папы и Хелен, что-то внутри меня умерло, и я знала, что никогда не смогу вернуть это.

Я упустила время и теперь расплачиваюсь за это. Мне должно быть все равно, но это единственное, о чём я продолжаю думать: упущенное время.

Нет машины времени, которая перенесла бы меня в прошлый месяц, или в прошлый год, или в ту проклятую ночь, когда я свела папу и Хелен вместе, пока Коул целовал меня наверху.

У нас в доме небольшой приём только для друзей и семьи, и под этим я подразумеваю членов папиной партии. Они заполняют сад и болтают между собой о выборах.

Это редкий солнечный день, и он придаёт собранию сияющую ауру. Папа выглядит потрясающе в своём чёрном смокинге и галстук-бабочке, который я лично надела на него. Хелен одета в простое бежевое платье, которое подчёркивает тон её кожи. Её волосы элегантно зачёсаны наверх, и она выглядит такой счастливой, когда кладёт руку на плечо папы.

Он тоже ласкал её руку при каждом удобном случае. Я никогда не видела, чтобы папа так улыбался без всякой официальной необходимости. Это почти, как если бы это было навсегда.

Я рада за него, правда, но все равно не могу прогнать комок в горле, сколько бы я ни глотала.

Боже. Почему я такая ужасная дочь?

Это нужно папочке. Это нужно Хелен.

Я просто должна смириться с этим и двигаться дальше. Я хорошо умею двигаться дальше. В притворстве. Быть той, кому все завидуют и кем хотят быть.

Мои пальцы тянутся к ожерелью на шее, но я быстро опускаю руку, прежде чем прикоснуться к нему.

Мне нужно держать себя в руках.

Я помогаю ребятам из обслуживания, направляя их на кухню. С тех пор как мама ушла, я всегда заботилась об этих вещах; я стала взрослой в юном возрасте. Я думаю, что теперь Хелен снимет с меня это бремя.

Не то чтобы я когда-либо считала это таковым.

Ронан и Ксандер присоединяются ко мне, чтобы украсть еду.

У Ксандера экзотическая внешность блондина с пронзительными голубыми глазами и очаровательными ямочками на щеках. Самое худшее во всём его пакете - это то, что он очень хорошо знает об этом и использует это при каждом удобном случае.

Ронан тоже. Он развил в себе харизматичную личность, которой пользуется, трахаясь со всеми, кто носит юбку.

Они оба пришли со своими родителями. Отец Ронана, граф Эдрик Астор, один из друзей папы и такой же важный спонсор, как дядя Джонатан.

Отец Ксандера, Льюис Найт, является влиятельным членом папиной партии и, по сути, его правой рукой — помимо Фредерика.

Я общалась с этими ребятами с юных лет, нравилось мне это или нет. Не то чтобы они мне не нравились — они на самом деле забавные, — но я никогда не скажу им этого, чтобы это не снесло им и без того большие головы.

Я шлёпаю Ронана по руке, убирая её от контейнера.

– Прекрати.

– Эй! – Он запихивает в рот булочку. – Еда бесплатная. Не будь снобом, дорогая.

– Снаружи есть открытый буфет.

– Нет, мой отец кидает свирепые взгляды на меня, когда я так много ем на публике. – Он крадёт ещё одну. – Я должен сделать это тайно, как настоящий джентльмен.

– Помимо всего прочего, что ты делаешь втайне, – подмигивает ему Ксандер.

– *Mais bien sûr* - *Точно*, - усмехается Ронан. – Помнишь эти сиськи?

– Ронан!

Я ругаюсь.

– Что? Ты не показала нам свои, поэтому нам пришлось передать их на аутсорсинг. – Ронан смотрит на моё декольте. – Если только ты не передумала.

– Я могла бы.

Я открываю ещё несколько контейнеров на прилавке.

– Правда? – И Ронан, и Ксандер почти кричат.

– Правда. Но у меня есть одно условие.

– Я в деле.

Ксандер ухмыляется.

– *Moi aussi – Я тоже.* – Ронан проглатывает еду во рту. – Кто-нибудь занимается сексом втроём?

– В каком состоянии? – Спрашивает Ксандер.

– Дрочи, кактус.

Я бросаю на них самодовольный взгляд.

Выражение их лиц меняется, когда в первую очередь они понимают, что я всё равно никогда не планировала делать этого. Иногда они могут быть такими драматичными.

– Пасс, - вздыхает Ксандер.

– Сильвер, *ton atout – моя любовь*, твои сиськи прекрасны, но недостаточно красивы, чтобы я причинил вред Рону Астору Второму.

– Рон Астор Второй? – Спрашиваю я.

– Это его член.

Ксандер закатывает глаза.

– Фу, я не могу поверить, что ты дал имя своему члену.

– Все здоровые мужчины так делают. Не моя проблема, что ты сближаешься только с психами.

Ронан ухмыляется и выхватывает ещё один десерт из моих пальцев, чтобы съесть его, как будто он умирал с голоду.

– Итак, новая семья, да?

Ксандер шевелит бровями, показывая мне ямочки на щеках.

– Это просто Хелен.

Я продолжаю выполнять свою задачу.

– И Коул.

Ронан следует за мной, как щенок, чтобы украсть из каждого контейнера, который я открываю.

Я отмахиваюсь от его рук.

– Что? Я пробую их для тебя, *chéri - дорогая*. Ты должна поблагодарить меня. В любом случае, на чём я остановился? Верно, Коул. Как ты могла забыть его?

Не повредит попробовать.

Сегодня я не смотрела ему в глаза. Я проходила мимо него каждый раз, когда могла. Я не смотрела на его отглаженный костюм, которым так гордится Хелен. Я молчала, когда люди поздравляли нас с тем, что мы стали братом и сестрой.

Я просто держала рот на замке и играла в голове «Лунную сонату». Я притворилась, что нахожусь где-то далеко отсюда.

Где-нибудь, где он не будет принимать поздравления и вести себя так, как будто это самый счастливый день в его жизни.

Почему я не могу этого сделать?

Просто почему?

– Где Эйден?

Вместо этого я спрашиваю.

Он появился вместе с дядей Джонатаном, но потом куда-то исчез из виду.

– Зачем? – Ронан усмехается. – Ты скучаешь по нему?

Ни за что на свете.

– Нам нужно сделать снимки.

– Он, наверное, играет в шахматы против самого себя. – Ксандер отпивает из бокала шампанского и морщится. – Это дерьмо ужасно. У вас где-нибудь есть водка?

– У нас нет никаких отношений с мафией, уж большое спасибо.

– Ты не должна быть сукой из-за этого.

Он на всякий случай портит мои тарелки, прежде чем убежать.

Я чуть не ударила его сковородкой. Ронан крадёт ещё одну булочку и тоже убегает, прежде чем я успеваю его поймать. Он почти сталкивается с мамой на выходе.

– Мне очень жаль, мисс Дэвис. – Он берет её руку в свою и целует тыльную сторону. – Это только, мне кажется, или вы стали ещё красивее с годами?

Она смеётся, звук хриплый.

– Ты такой милый, Ронан.

Он кланяется ей, как подобает джентльмену, которым он никогда не будет, и уходит.

Мама присоединяется ко мне у стойки, двигаясь уверенной, женственной походкой. На ней красное платье. Без шуток. Её золотистые локоны уложены как у актрисы, и у неё идеальный макияж, сделанный для моделей.

Когда я сказала ей, что она не должна выглядеть лучше невесты, она сказала: «Чепуха. Ты хочешь, чтобы СМИ сказали, что Синтия Дэвис убита горем из-за повторного брака своего мужа? Мне нужно выглядеть как можно лучше».

Это было после того, как она заплакала в ванной, и я обняла её, тоже плача, но по другим причинам.

Да, теперь я понимаю, что мои родители никогда не будут вместе, но я потерял и кое-что ещё.

– Сколько раз я тебе говорила, что ты не обязана этого делать, Куколка? – Она с отвращением смотрит на контейнеры. – Твой отец платит людям за это.

– Я просто хочу помочь.

– Выйди на улицу и сделай снимки. Это будет твой величайшей помощью. Но не смей играть на пианино и казаться слишком счастливым для него.

– Я отойду ненадолго.

У нас есть эта ужасная новая семейная фотография, которую нам нужно сделать.

– Хелен ужасно выглядит в этом платье. Ей следовало приложить больше усилий.

– Мам...

– Что? Я просто говорю. Я надеялась на некоторую конкуренцию, но у неё даже нет шансов. Ещё со школы она всегда была ботаником.

– Мы можем перестать говорить о Хелен?

– Отлично. Я не могу поверить, что твой негодяй отец пригласил всю тусовку, – шипит она себе под нос. – Как будто он хочет смутить меня и заставить меня выглядеть жалкой перед ними.

Или он просто хотел, чтобы они разделили его счастье. Но я этого не говорю, иначе мама сошла бы с ума. Она все равно постоянно думает, что я на его стороне.

– Ты можешь уйти, мам. Тебе не обязательно оставаться.

– Синтия Дэвис сбежала со свадьбы своего бывшего мужа. Ты хочешь увидеть это в завтрашних заголовках? Я думала, ты на моей стороне, Сильвер.

Я на обеих ваших сторонах. Мне хочется закричать, но я не делаю этого, потому что это напугает её больше, чем сами слова.

– Ну, ты? – Настаивает она, нахмутив брови.

– Конечно, это так.

– Это моя Куколка. А теперь иди сюда. Дай мне посмотреть на тебя.

Она берет меня за руку и разворачивает, чтобы полностью рассмотреть моё нежно-розовое платье с юбкой из тюля. Он останавливается немного выше моих колен и плотно облегает грудь и талию. Мои волосы прямые и спадают на поясницу густыми светлыми прядями. Я накрасила губы светло-розовой помадой в тон.

– Я так горжусь тем, как ты выросла и стала прекрасной леди, Куколка. С днём рождения.

Она целует меня в щеку, и я тут же чуть не срываюсь.

Папочка и Хелен действительно поздравили меня с днём рождения этим утром, но, похоже, теперь они совсем забыли обо мне. Не то чтобы я их виню, но все же.

Это первый раз, когда мама на шаг впереди всех.

– Твой отец - эгоистичный ублюдок, раз назначил свою свадьбу на твой день рождения. – Отвращение написано у неё на лице. – Он хотел испортить твой особенный день.

– Мам...

Я замолкаю.

– Что? Я всего лишь констатирую факты. – Она достаёт свой телефон и подводит меня к себе. – Давай сфотографируемся.

Мои губы изгибаются в автоматической улыбке, когда я смотрю в камеру. Теперь это приходит ко мне слишком естественно, мне даже не нужно останавливаться, прежде чем я притворюсь.

Мама публикует снимок в Твиттере с подписью: *«Мне очень весело в восемнадцатый день рождения моей единственной дочери. Эта девушка прямо здесь - будущее. #Матьидочь #Копияменя».*

Почти сразу же появляются комментарии о том, как она похожа на мою старшую сестру, а не на мою мать, или о том, как я стала такой же потрясающей, как она.

Это тот тип комментариев, на которых мама преуспевает. Тип, который она делает скриншоты и отправляет мне в нашем чате. Она сохраняет каждый, который говорит, что я пошла в неё, а не в папу, а затем пересылает это нам обоим.

Я не могу удержаться, чтобы украдкой не взглянуть на её запястье. Оно прикрито толстыми часами, но я никогда не смогу забыть, что скрывают эти часы. Всю оставшуюся жизнь я буду постоянно беспокоиться о том, что мамины черные мысли однажды возьмут верх и я потеряю её.

Коул всегда говорил, что я мамина марионетка и что я становлюсь, как она, но этот ублюдок не видел, что я сделала. Он не вошёл в лужу крови и чуть не упал в обморок.

Если быть её марионеткой позволит мне спасти её, я не возражаю. Вот почему я никогда, никогда не враждую с ней. После развода я научилась запирает все свои мысли и чувства внутрь, надевать маску и двигаться дальше.

Это был самый безопасный выбор для всех.

Только не для меня.

Та же волна, что и раньше, вот-вот снова накроет меня, и у меня нет уверенности, что я смогу сдержаться, когда мама будет рядом.

Как бы сильно я ни хотела защитить её, иногда я ненавижу это. Я ненавижу то, что не могу спать по ночам, думая о том, что она могла бы делать, или что я должна звонить ей первым делом утром и пять раз в день, как навязчивый парень.

Я не должна был испытывать эти приступы беспокойства ежедневно с тех пор, как мне было долбаных одиннадцать.

– Я собираюсь забрать камеру из папиного кабинета. – Говорю я ей.

Она отвечает, что нам это не нужно, так как мой претенциозный отец заплатил тонне фотографов, но я все равно отклоняюсь и ухожу из виду.

Я игнорирую весь хаос в доме и улыбаюсь папиным друзьям, принимая их поздравления. Я ускользаю от их обычных вопросов о том, за кого бы я проголосовал, если бы мне дали выбор между папой и мамой.

Как только я вхожу в папин кабинет, я закрываю дверь и прислоняюсь лбом к прохладной поверхности.

Мои плечи трясутся, а голова вот-вот взорвётся от накопившихся мыслей, теснящихся в ней.

– Почему этот день не может уже закончиться? – Бормочу я себе под нос.

Затем голос, раздающийся позади меня, тасует все мои карты.

– Уже скучно, Бабочка?

Глава 13

Сильвер

Ты можешь убежать, но не сможешь спрятаться.

До этого момента я не верила в это высказывание.

За последние недели я делала все, чтобы убежать от Коула, избегать его, не смотреть на него. Я даже дошла до того, что притворилась измученной, чтобы не оставаться с ним в одной комнате.

Но вот я здесь, запертая с ним в папином кабинете.

Конечно, я могу выйти на улицу. Я могу открыть дверь и снова убежать, но это будет выглядеть трусостью, и я никогда этого не сделаю.

Сделав глубокий вдох, я медленно оборачиваюсь и впервые за сегодняшний день вижу Коула, как будто *действительно* вижу его, а не притворяюсь, отводя взгляд.

Коул сидит на краю папиного стола для совещаний и читает книгу Тома Бингема «Верховенство закона».

Темно-синие брюки от костюма облегают его мускулы и обтягивают сильные бедра в сидячем положении. На нем только белая рубашка и чёрная бабочка, пиджак аккуратно лежит на стуле рядом с ним.

Его каштановые волосы, потемневшие с годами, зачёсаны назад, открывая лоб и резкие черты лица. Его зелёные глаза останавливаются на мне, когда его тонкие пальцы держат книгу — пальцы, которые были во мне несколько недель назад. Пальцы, которые подняли меня на высоту, которой я никогда не испытывала. Пальцы, которые...

Нет.

Это было ошибкой. Мы теперь брат и сестра. Семья. Эта чушь больше никогда не повторится. Это разрушит карьеру моих родителей и даже Хелен.

У нас с Коулом все кончено.

Полностью, окончательно покончено.

А мы ещё даже не начали.

– Вот ты где. – Он улыбается, и его улыбка плоская, мягкая, почти угрожающая. – Ты избегала меня или мне это показалось?

– Мечтай. – Я складываю руки на груди, принимая свой самый твёрдый, самый непринуждённый тон. – Почему я должна избегать тебя?

– Я не знаю. Возможно, это как-то связано с тем, как ты убегала от меня последние пару недель. – Он переворачивает страницу, хотя и не читает. Как будто он рассеянно идёт в ногу со своим обычным темпом. – Ты же понимаешь, что не сможешь избегать меня вечно.

– Как я уже сказала, я не делала этого.

– Ты такая лгунья, Бабочка.

Он проводит пальцами по краю книги. Я хочу отвести взгляд, но не могу. Как будто он околдовал меня, и теперь все, о чём я могу думать, это его пальцы, мои бедра и...

Сосредоточься, Сильвер.

– Зачем мне вообще понадобилось бы лгать тебе? – Я задираю нос. – Ты так высоко думаешь о себе, Коул.

– Тогда что ты здесь делаешь?

– Я пришла, чтобы найти Эйдена. Нам нужно сделать снимки.

Он слишком долго молчит, наблюдая за мной тем нервирующим, тихим взглядом, от которого мне хочется выпрыгнуть из кожи или спрятаться под ковёр.

Коул всегда так на меня действовал. Я отрицала это, я убегала от этого, но это не исчезает.

То, что ты не заглядываешь под кровать, ещё не значит, что монстра там нет.

Он. Ожидание. Выжидает подходящего момента, чтобы выйти и поиграть.

Единственный способ сбежать - это никогда, *никогда* не смотреть. Я была так близка к тому, чтобы нарушить своё собственное правило в тот день в своей комнате, но это больше не повторится.

– Очевидно, его здесь нет.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти.

– Ты снова убегаешь.

Его спокойный голос останавливает меня на полпути.

– Нет, я не убегаю.

– Да, это так. Мой тебе совет, никогда не открывай мне спину. – Через секунду он уже позади меня, его горячее дыхание щекочет мою кожу. – Я приму это как начало для атаки.

Его указательный палец проводит по обнажённой коже моего плеча до самого верха молнии. Мурашки покрывают мою кожу. Моё дыхание становится прерывистым. Его прикосновения такие чувственные, но я знаю, я просто знаю, что это всего лишь закуска к тому, на что он действительно способен.

– Ты надела платье, похожее на то, что было в тот день десять лет назад. – Он хватает молнию и медленно скользит ею вниз по моей спине. – Это нарочно, не так ли, Бабочка?

– Н-нет, не льсти себе.

Мой голос слаб и звучит бессмысленно даже для моих собственных ушей.

Он скользит пальцами по моей обнажённой спине. Я закрываю глаза, прижимаясь лбом к двери. Всхлип вырывается наружу, но я прикусываю губу, чтобы сдержать его.

Почему это так приятно? Почему мои ноги раздвигаются сами по себе?

Его дыхание у моего уха и его присутствие позади меня посылают вспышки удовольствия вниз по моему позвоночнику и прямо между ног.

– К-Коул...

Это должно было быть протестом, но вышло как грязный, похотливый стон.

– Скажи это ещё раз. – Он скользит своей худой рукой по моей обнажённой спине, прежде чем останавливается посередине, легко прижимая меня к поверхности. – Моё имя со стоном.

– Н-нет.

– Нет?

Другой рукой он обхватывает моё горло. Это не так, чтобы перекрыть мне подачу воздуха, но это жёстко, с намерением удержать меня на месте.

Я сглатываю, моё тело напрягается, как будто я внезапно оказалась в эпицентре выброса адреналина.

Его зубы находят моё ухо, слегка покусывая. Его голос - это тот обманчивый тип спокойствия, который усиливается с каждым словом.

– Ты хочешь сказать, что не думала о моих пальцах внутри этой тугой киски, Сильвер? Что ты не трогала себя воспоминаниями или не думала о них каждый раз, когда видела меня, и, блядь, избегала меня?

Мои губы дрожат от натиска всего этого. Его слова. Его рот. Его пальцы на моём горле.

Всего слишком много.

– Потому что я - да.

Он толкает свои бёдра в меня, и безошибочно узнаваемая выпуклость упирается в мои ягодицы.

Он твёрдый.

Коул твёрдый для меня.

– С тех пор, как ты кончила у меня на руках, я фантазировал о том, чтобы взять тебя в каждой грёбаной позе.

Я чувствую, как падаю. Мои стены рушатся, а мои убеждения разлетаются вокруг меня в клочья. Все, чего я жажду, - это попробовать, на мгновение, на секунду то, что произошло в моей комнате.

Нет.

Я не могу.

Я толкаю его локтем достаточно сильно, чтобы он немного отступил. Я использую шанс вырваться из его хватки, схватившись за грудь, чтобы платье не упало. У него есть встроенный бюстгальтер, так что под ним на мне только трусики.

Моё дыхание частое и громкое, как у животного, когда я стою у папиного стола для совещаний. Папин кабинет. Это папин кабинет. Что сонной не так?

Потянувшись за спину, я застёгиваю платье и пытаюсь выровнять дыхание.

Коул все ещё стоит у двери, уставившись на меня, как хищник, который не может решить, что делать со своей добычей. Хотя он уже сделал это.

Он не из тех людей, которые начали бы что-то делать, прежде чем разобраться во всей ситуации. Он один из тех, кто знает концовку, прежде чем начать играть.

Это занимает у него одну секунду, две...

Он крадётся ко мне, медленно, но уверенно.

– Остановись прямо там, Коул.

Я так рада, что мой голос не дрожит.

– Зачем? Потому что ты не хочешь, чтобы люди знали, что ты запала на своего сводного брата?

– Я не запала.

Мои слова ломаются в конце, и я ненавижу его.

Я так сильно его *ненавижу*.

– У меня есть Эйден.

Я бросаю вызов и тут же жалею об этом, когда зелень его глаз темнеет до пугающего бездонного цвета.

– Нахуй его.

– Я-я ненавижу тебя.

- Это не значит, что я не могу трахнуть тебя.
- Ты ненавидишь *меня*.
- Я всё ещё не нахожу причины, по которой это должно мешать.
- Наши родители женаты.
- Ну и что?
- Мы брат и сестра для всех!

Я кричу, не зная, на себя это или на него, потому что чем ближе он подходит, тем больше я застываю на месте.

Во-первых, я не хочу убегать, как трусиха, но также я не хочу двигаться.

Когда-либо.

Он останавливается на небольшом расстоянии и смотрит на меня сверху вниз.

- Ну и что, черт возьми?

Моё зрение затуманивается, когда я поднимаю на него последний умоляющий взгляд, на который я способна.

- М-мы не можем этого сделать.
- И все же, ты хочешь этого.
- Ч-что?

Его голос понижается.

- Я чувствую запах твоего возбуждения, Бабочка.

Прежде чем я успеваю возразить, он переворачивает меня так, что моя щека и передняя часть приклеиваются к гладкой поверхности стола. Его рука обхватывает мой затылок, удерживая меня на месте.

- Коул, мы не можем.
- И все же мы это сделаем.

Окончателность его слов поразила меня.

Мы сделаем.

Тот факт, что он забирает это у меня, даёт мне какое-то успокоение.

Я этого не выбирала.

Я не нарушаю своих принципов.

Он нарушает.

Он тот, кто разрушает все мои убеждения. Это все его вина, а не моя.

Моё сердце бешено колотится, когда он задирает подол моего платья и обматывает его вокруг талии. Холодный воздух омывает мою кожу, когда он стягивает с меня нижнее белье, позволяя ему упасть у моих ног.

– Посмотри на свою киску, всю мокрую и готовую для меня, – хрипит он, когда я слышу звук его ремня.

– Это не так.

Я дышу на дерево, образуя на нем конденсат.

– Ты думаешь, что если будешь отрицать это, с тебя сойдёт это желание? Это всё, Бабочка?

Да. Но я этого не скажу.

Я не буду.

Он шлёпает меня по заднице. Жёстко. Удар отдаётся эхом в тишине кабинета, и я ахаю, когда ощущаю жжение. Но это не из-за боли. Это из-за того, что мои бедра сжались вместе с болью.

Что, чёрт возьми, со мной на самом деле? Со мной определённо что-то не так.

– Твоя привычка не отвечать на мои вопросы должна измениться.

Его член останавливается у моего входа, и мои руки хватаются за стол.

Это происходит.

Это происходит.

Я закрываю глаза, пытаюсь думать о таких важных вещах, как контроль над рождаемостью.

Ладно, я принимаю таблетки. Фу.

Нет, я не должна радоваться, что принимаю таблетки. Я должна подумать о том, почему этого не может произойти и что мне нужно это остановить.

Ничего не приходит в голову. Абсолютная пустота.

– Любой может войти к нам. Ты знала об этом? – бормочет он садистским тоном.

Мой взгляд устремляется к двери. Она не заперта. Папочка, Фредерик или кто-то из их друзей могут прийти сюда, чтобы воспользоваться телефоном в любую секунду. Они увидят нас такими.

Почему это не пугает меня так сильно, как должно было бы?

Коул сжимает руку у меня на затылке.

– Может быть, это испортит свадьбу.

– Нет, я этого не хочу.

– О, но ты хочешь. Ты мечтала об этом неделями, Бабочка. Ты не такая хорошая девочка, какой заставляешь всех себя считать.

– Заткнись.

– Ты фальшивка, но не со мной. Никогда со мной.

– Заткнись нахуй, Коул.

– О-о, Мисс Чопорная и Правильная ругается.

– Я ненавижу тебя. Я так сильно тебя ненавижу.

– Знаешь, я собирался подождать, пока они не расстанутся, чтобы сделать тебя своей, но они приняли это решение. – Он наклоняется так, чтобы прикрыть мою спину, затем обхватывает рукой мои волосы и крепко сжимает их в кулак. – И я сделал тебя своей.

Он вонзается в меня одним безжалостным движением.

Я кричу, мои глаза закрываются, когда боль пронзает меня.

О, Боже.

Не имеет значения, насколько я мокрая. Он большой, а я слишком узкая. Это больно.

– Блядь. – Он останавливается, прежде чем я чувствую его тёплое дыхание на своей коже. – Это твой первый раз?

– Очевидно, придурок.

Я напрягаюсь, мой голос дрожит.

– Открой глаза.

– Нет.

– Сильвер, открой свои грёбаные глаза.

– Просто покончи с этим.

– Сильвер, – предупреждает он.

Я знаю, что он не часто использует этот тон, если вообще когда-то использует, поэтому я медленно открываю веки. Моё дыхание прерывается, когда я обнаруживаю, что он смотрит на меня сверху вниз.

Если я и ожидала жалости, то её нет. Вместо этого в нём есть намёк на беспокойство, но больше всего в его глазах светится собственничество, такое осязаемое, что я чувствую его вкус на своём языке.

– Я твой первый.

Говорит он с чем-то похожим на благоговение. Я киваю, хотя он и не задавал вопроса.

– Почему я у тебя первый?

– Это не имеет значения.

– Лгунья.

Он начинает двигаться внутри меня, и я крепче сжимаю край стола, когда он мягко покачивает бёдрами.

Он позволяет мне привыкнуть к его размерам и ритму. О, ничего себе. Я никогда не думала, что у Коула будет такая сторона.

Достаточно скоро первоначальное ощущение проходит, и это почти... приятно.

Стон срывается с моих губ, когда Коул отпускает мои волосы, а затем массирует мой клитор. Боль исчезает, и волна затягивает меня под воду.

Его темп ускоряется с каждым движением пальцев. Громкое всхлипы разрывают воздух, и я понимаю, что они мои, когда я распадаюсь на части.

Я не продержалась и минуты.

Мой оргазм охватывает меня до тех пор, пока всё, что я могу распознать, - это что он у меня за спиной, во мне, повсюду вокруг меня.

Коул прижимает мой затылок к столу и трахает меня жёстко и дико. Он трахает меня так, словно вымещает на мне все предыдущие годы каждым своим безжалостным толчком.

Я снова кончаю, или, может быть, это первый оргазм, переходящий во второй. Я не могу ясно видеть, не говоря уже о том, чтобы думать прямо сейчас.

Всё, что я могу сделать, это почувствовать его — его силу, его присутствие, его потребность в большем, что отражает и мою.

Он не останавливается.

Не тогда, когда я стону, хнычу или рыдаю от оргазма. Только когда я не могу стоять и почти готова упасть в обморок, он выходит из меня. Горячая жидкость капает у меня между ног, и я закрываю глаза, впитывая это ощущение.

Всё ещё держа меня за шею, Коул собирает сперму, которая капает с меня, и погружает её во внутрь меня двумя удивительно нежными пальцами, пока я почти не прошу ещё одного оргазма.

Мне больно, и я чувствую себя использованной, но в то же время я все ещё хочу большего. Гораздо больше.

Осознание того, что я натворила, ударяет меня прямо тут, головой о папин стол для совещаний.

Я предала свои собственные принципы. Мои убеждения. Мои родители.

И все это из-за него.

Коула.

Он использовал меня и погубил безвозвратно.

И я знаю, я просто знаю, что отныне ничто и никогда не будет прежним.

— С днём рождения, Бабочка. — Шепчет он мне на ухо. — Теперь ты моя.

Глава 14

Кукольный Мастер

Моя маленькая куколка превратилась в женщину.

То, как её тело сжалось, а кровь потекла по бёдрам, смешиваясь со спермой, - это зрелище, которое я никогда не забуду.

Это искусство в его истинной форме.

Это настоящий шедевр.

И я буду заставлять его прокручиваться снова и снова.

Кровь изысканно смотрится на её фарфоровой коже. Как будто она сделана для того, чтобы душить её плоть, омывать её, ползти по ней, а не под ней.

Моя кукла Барби не понимает, насколько она красива. Как изысканна. У неё есть улыбка, за которую можно умереть, губы, которые можно пожирать, и глаза, в которые можно смотреть вечно.

Люди в школе называют её сукой, но они просто завидуют её красоте, грации и уму. Её интеллект, светлый ум. Это причина, по которой её красота усиливается. Она не из тех кукол-пустышек, от которых я устаю после одного взгляда.

Она не такая поверхностная, как они, глупая, как они, пустая, как они. Она - это всё, что нужно.

Она - то, что я искал всю свою жизнь, пока был занят их забывчивыми телами.

Я потратил годы на то, чтобы быть терпеливым, медленно прокрадываясь под её кожу, но не слишком явно.

С куклами нельзя быть очевидным. Люди говорят, что они не видят, но у них есть глаза. Они говорят, что не чувствуют, но у них есть кожа. Они тоже могут истечь кровью, если вы проведёте ножом по их телам.

С куклами нужно бережно обращаться, тщательно одевать, тщательно мыть.

Внимательно *наблюдать*.

Ты не можешь позволить им подозревать тебя. Вместо этого ты должен быть самой важной частью их жизни. Их кукольным мастером.

Тем, кто их одевает, моет, причёсывает.

Я смотрю на фотографию, где она спит на боку в одной футболке и без нижнего белья. Я стону, когда моё освобождение накатывает волнами.

Я достаю свой запасной телефон, покрываю её фотографии своим освобождением, затем печатаю теми же пальцами.

Неизвестный Номер: Ты сегодня прекрасна, как роза, наконец-то лишённая девственности. С восемнадцатым днём рождения. Теперь ты женщина.

Моя кукла.

Мой шедевр.

Теперь она никогда не уйдёт от меня.

ЧАСТЬ 2

Глава 15

Сильвер

Когда я иду в школу на следующий день, я не сосредоточена. Кажется, все вышло из-под контроля. *Всё.*

Во-первых, мама напилась в конце приёма и все время спрашивала, что папочка вообще находит в Хелен. Она красивее её? Лучше справляется? Она сказала, что даже её книги кажутся написанными психопатом.

Я сказала ей, что все книги о криминальных триллерах должны быть в какой-то мере пугающими. Книги Хелен всегда вызывают у меня озноб, и именно поэтому они так успешны.

Мне пришлось попросить Дерека помочь мне отвезти её домой. Мы едва успели усадить её в машину, как она снова поссорилась с папой. К счастью, это было вдали от репортёров или других членов их партии.

Они кричали друг на друга, и это было похоже на воспоминание о временах развода.

После того, как я благополучно уложила маму в постель, она обняла меня, поцеловала и сказала, что ей грустно и что она не хочет грустить. Поэтому я оставалась с ней, пока она не уснула.

К тому времени, как я вернулась домой, приём закончился. Папочка и Хелен уже ушли в свою комнату. Они решили отказаться от медового месяца из-за того, насколько они оба заняты.

Я была совсем одна с обслуживающим персоналом, Ронаном и Ксандером, которые не отходили от меня. Я была благодарна им так, как не выразить словами, поэтому я позволила им есть всю еду и алкоголь, который они хотят.

Коул просто сидел и читал свою книгу, как будто ничего не случилось. Как будто он не разбил мой мир на куски и не заставил меня ходить неровно

всю ночь. Мне пришлось притвориться, что я вывихнула лодыжку, на что он ухмыльнулся, ублюдок.

Этим утром папины друзья по партии и политическая жизнь вернулись в полную силу. Хелен приготовила им чай и велела мне идти в школу и ни о чём не беспокоиться.

А ещё есть чёртово сообщение, которое я получила вчера с неизвестного номера.

Роза лишилась девственности.

Он наблюдал за мной. Он видел, как я делала это с Коулом.

Что, если он расскажет папе или, что ещё хуже, средствам массовой информации? Это все испортило бы.

Всё.

С тех пор как я получила сообщение, я наблюдаю за своим окружением, как будто он выйдет из тени и нападёт на меня.

Когда я был младше, его сообщения были безвредными, просто комплиментами, как и любой комментарий к моим постам в социальных сетях, но примерно год назад я наконец начала воспринимать их как тревожные.

Никто не должен знать обо мне так много. Мои утренние процедуры, начиная с моих любимых духов Шанель и заканчивая типом шампуня, которым я пользуюсь.

Но последнее сообщение раздвинуло все границы, которые у меня могли быть. Тот факт, что он был там, на папиной свадьбе, и, возможно, видел, как я выходила из его кабинета, более чем тревожит.

Причина, по которой я чувствую, что задыхаюсь, заключается в том, что я больше не могу показать это папе или даже маме. Она убьёт меня, если узнает, что я переспала со своим сводным братом.

И папочка одарит меня тем разочарованным взглядом, который он приберегает для своих однопартийцев, которые ведут себя как сопляки и поднимают шумиху в СМИ.

Даже Фредерику. Он немедленно расскажет об этом папе. Это все из-за него. Коула. Ублюдок.

Почему он должен был это сделать? Почему он должен был заставить нас упасть в яму, из которой нет возврата?

Если я расскажу ему об этом, может быть, он...

Нет.

Этот сталкер — или кто-то ещё — не доберётся до меня. Папа однажды научил меня трюку, который должен быть у каждого политика в рукаве, — сомнению.

Если кто-то заставит вас усомниться в себе и своих основных принципах, он может легко уничтожить вас. Они используют это для тебя, чтобы погубить. Это похоже на то, когда тело самоуничтожается.

Вот что делает сталкер. Он пытается заставить меня запаниковать, и в результате я совершу ошибку, которую он использует в своих интересах.

Ты выбрал не того человека для этого, придурок.

Я дочь Себастьяна Куинса и Синтии Дэвис. Чтобы напугать меня, нужно нечто большее, чем глупые сообщения.

Подняв голову, я иду по коридору Королевской Элитной Школы. КЭШ восходит к средневековым временам. Его десять башен показывают величественную мощь этого места и то, на какие уровни оно может вас поднять.

Папочка, мама и даже Хелен ходили по коридорам этой школы. Там они и встретились в первый раз. После этого папа и мама учились в одном университете и обручились. В отличие от того, что о них писали СМИ, это не был брак по договорённости между двумя влиятельными семьями. Во-первых, очевидно, мамина семья, в которой есть длинная цепочка государственных секретарей, была недостаточно хороша для папиных родителей.

У них уже была власть, поэтому они хотели благородства. Папа предпочёл её дочери из какой-то знатной семьи, и, хотя мама улыбается,

когда пересказывает эту часть их истории, она следит за ней с хмурым видом и говорит, что они добровольно выбрали это несчастье.

Кстати, так она называет их брак. Несчастье.

Теперь моя очередь принимать правильные решения и извлекать максимальную пользу из школы. Это начало нашего последнего года, и я точно знаю, где буду в конце его.

В Оксфорде, изучать политику и международные отношения. Для этого я буду лучшей в классе. К чёрту Коула, если он думает, что сможет отнять это у меня.

Возле седьмой башни я замечаю, как Эйден загоняет Эльзу в угол, более известную как Холодное Сердце. Я свирепо смотрю на них.

С начала года Эйден был одержим ею. Ладно, может быть, его одержимость началась два года назад, когда она впервые пришла в КЭШ. Однако он никогда не действовал в соответствии с этой одержимостью. Он просто наблюдал издали, как псих.

Но что-то случилось в этом году, и он притягивается к ней, как магнит к стали.

Я не могу этого допустить.

Эйден - одна из моих карт против Коула. Вычеркни это. Он моя *единственная* карта против Коула.

Мне нужна эта помолвка, чтобы оттолкнуть моего ублюдочного сводного брата, а эта девчонка разрушает мой план.

Она всё равно всегда отталкивает Эйдена, так что я оказываю ей услугу, держа его психотические когти подальше от неё.

Она поблагодарит меня за это позже.

Ладно, может быть, она и не будет, но, эй, чувства здесь.

Я уже собираюсь пойти и разорвать их, когда рядом со мной появляется зловещее присутствие. Коул ухмыляется мне сверху вниз, сжимая в руках свои книги. Он был в ужасно хорошем настроении со вчерашнего дня.

– Я мог бы отвезти тебя в школу, Бабочка. Ну, знаешь, с тем, как ты растянула лодыжку и все такое.

– Нахуй. Тебя. – Шиплю я себе под нос.

Он смеётся, и звук эхом разносится вокруг нас, как нимб.

Я могу только остановиться и смотреть, когда он смеётся. Он делает это не так часто, и когда он это делает, я хочу поймать его и спрятать на хранение.

Приди в себя, Сильвер.

– Твои комплименты - музыка для моих ушей, даже лучше, чем твоя игра на пианино. – Его губы касаются моего уха. – И мне нравится, как ты играешь на пианино.

Моё сердце бьётся так громко, что вот-вот вырвется из своих оков. Это первый раз, когда он так говорит.

– Тогда почему ты всегда заставляешь меня проигрывать на соревнованиях? – шепчу я.

– Потому что ты ведёшь себя как сука.

Я хотела бы ударить его прямо сейчас, но, поскольку вокруг нас суетится бесчисленное множество студентов, я не могу.

Коул, должно быть, тоже это понимает, потому что его губы приподнимаются в приводящей в бешенство ухмылке. Нет, он не только осознавал это, но и планировал все это с самого начала. Он любит дразнить меня на публике, зная, что я не могу на это отреагировать. Клянусь, он живёт, чтобы мучить меня.

Я не могу поверить, что он был во мне вчера. Он толкнул меня к столу, прикасался ко мне, трахал меня и...

Нет.

Я проглатываю желание, которое вырывается на поверхность каждый раз, когда я вспоминаю, что произошло. *Перестань думать об этом. Просто остановись.*

Пыхтя, я шагаю в направлении Эйдена и Эльзы, чтобы продолжить свою миссию, но он кладёт руку мне на плечо, останавливая меня на полпути.

– Это один из тех моментов, которые заставляют меня мстить, Сильвер.

Его голос все ещё спокоен, но тот факт, что он называет меня по имени, означает, что он либо зол, либо раздражён. Или и то, и другое.

– Ну, мне все равно, что выводит тебя из себя, Коул. – Я отстраняюсь от него, потому что его прикосновение заставляет меня чувствовать то, чего я не должна чувствовать — даже через куртку и рубашку. Я хватаюсь за бедро и смотрю на него сверху вниз. – Кроме того, Эйден мой жених.

Он прищуривается, но вскоре меняет выражение лица.

– Ну и что? Это не значит, что ты выйдешь за него замуж.

– Что заставляет тебя думать, что я не выйду?

– Ты что, слепая? – Он слегка отстраняется от меня, так что мы оба наблюдаем за происходящим впереди. Его голос становится громче, когда его дыхание согревает моё ухо. – Разве ты не видишь, как он на неё смотрит? Он никогда не даст тебе этого, Сильвер. Никто этого не сделает.

Я крепче сжимаю бедро, но это не из—за Эйдена и Эльзы - мне было наплевать на них.

Это последняя часть того, что он сказал.

Никто этого не сделает.

Почему? Неужели я так и останусь одинокой и грустной, как мама? Будет ли у меня дочь и заставлю ли я её беспокоиться обо мне двадцать четыре на семь?

– Прекрати это.

Голос Коула выводит меня из ступора.

– Что?

Я смотрю на него в ответ.

– Фальшивую помолвку. Покончи с этим.

– Она не фальшивая.

– Иногда мне кажется, что ты знаешь меня лучше всех, а иногда кажется, что ты меня совсем не знаешь.

Он не прикасается ко мне, но его близости достаточно, чтобы я осознавала каждое слово, слетающее с его губ, его аромат, сочащийся корицей и лаймом. И тепло его тела, которое смешивается с моим.

Для кого-то такого холодного, он такой тёплый. Я почувствовала это. Чёрт возьми, я все еще чувствую это с каждым своим шагом.

Никакие ванны или домашние средства по уходу за собой не смогут избавить от ощущения его внутри меня.

– Ты действительно думала, что я не понял, что вы с Эйденем делали все это назло мне?

– Ч-что?

Он все это время знал?

– Если бы у меня и было хоть малейшее сомнение, оно исчезло, когда я узнал, что ты сохранила свою девственность для меня.

– Я... не делала этого.

– Почему ты такая лгунья, Сильвер?

– Почему *ты*?

Я незаметно толкаю его локтем, чтобы никто больше этого не увидел.

Он едва заметно морщится, прежде чем его ухмылка возвращается на поверхность.

– Если ты не закончишь это мирно, я вмешаюсь. Поверь мне, ты не хочешь, чтобы я вмешивался, Бабочка.

– Ты меня не пугаешь, Коул.

– Но я могу делать с тобой и другие вещи.

– В твоих снах, – шиплю я достаточно тихо, чтобы никто не услышал.

– Мы еще посмотрим. – Он указывает на Эйдена. – Я думал о том, чтобы рассказать Эйдену о нашем первом разе — *твоём* первом разе.

– Он бы не возражал. Мы открыты для этого.

– С Эльзой на фотографии я бы не был так уверен. – Он дёргает меня за волосы. – Кончай. Это.

И затем он исчезает с моей спины, оставляя меня пустой. Нет. К чёрту его. Я не пуста.

Я снова сосредотачиваюсь на Эйдене и Эльзе. Она что-то ему говорит, вернее, кричит на него, но он только ухмыляется, как ублюдок, которым он и является.

Коул прав. Это не займёт много времени, прежде чем Эйден бросит меня ради неё.

Я ненавижу, когда Коул прав.

В моей голове формируется новый план. Эльза ревнует меня, а она даже не знает о нашей помолвке. Эйден хочет, чтобы она ревновала, потому что это означало бы, что она заботится о нем, и его эго нуждается в этом подтверждении больше всего на свете.

Я заключу с ним сделку; мы останемся помолвленными, и я ни словом не обмолвлюсь об этом его драгоценной ледяной принцессе.

В свою очередь, Коул будет держаться подальше.

Идеально.

– Привет, Сил.

Вероника и Саммер присоединяются ко мне, когда мы идём в класс.

Они обе блондинки — не от природы, — и вся их жизнь посвящена последним тенденциям моды и макияжа, а также лучшему способу потратить деньги своих отцов.

«Мелочные» даже не начинают описывать их, но они - камуфляж, который мне нужен для моего имиджа в школе. Кроме того, не имеет значения, если они подойдут слишком близко. Они никогда не смогут прочитать меня.

– Привет, девочки.

Мы целуемся в воздухе, прежде чем они начнут говорить о последнем глупом реалити-шоу, которое я не смотрю, но притворяюсь, что смотрю. Это

легко сделать. Все, что мне нужно, просто подхватить то, что они говорят, и развить это.

Папа - следующий премьер-министр, большое вам спасибо. Если я не умею обращаться со словами, то кто сможет?

– Итак, мы идём на вечеринку Ронана или как? – Драматическим тоном спрашивает Вероника.

– О, у меня, типа, идеальное платье. – Саммер прыгает вверх-вниз, как легкомысленный ребёнок. – То, которое мы купили в Шанель на днях.

Помнишь его, Сильвер?

Я киваю.

– Ты будешь выглядеть в нем так сексуально.

– Я знаю!

– Эй, может быть, нам всем стоит надеть Шанель? – Говорит Вероника.

У неё пухлые щеки, даже после пластической операции, за которую она заставила отца заплатить в качестве подарка на восемнадцатилетие летом.

Она поехала за этим в Южную Корею. Без шуток.

– Конечно...

Я замолкаю, когда облака над нами расходятся, открывая намёк на солнце. Вот тогда-то я и замечаю это.

Тень.

Это большая тень — тень, которая слишком близко. Как будто они копировали мои шаги.

Вероника и Саммер обсуждают последнюю коллекцию Шанель, в то время как моё сердце готово выпрыгнуть из горла.

И все же я не оборачиваюсь. Я не предупреждаю человека о том, что видела его тень, потому что природа решила предупредить меня.

– Пойдёмте в туалет, девочки. – Говорю я.

– О, точно. Мне тоже нужно проверить свой макияж, – соглашается Вероника.

Я заставляю их идти немного быстрее. Это недостаточно быстро, чтобы предупредить тень, но достаточно быстро, чтобы убежать.

Когда мы сворачиваем за угол, я притворяюсь, что ищу что-то в своей сумке, и мельком вижу его.

Он стоит у входа в башню.

Тень - это Адам Херран. Капитан команды по регби. Его отец - один из папиных друзей по вечеринкам.

И он был на свадьбе.

Глава 16

Коул

Наблюдение - источник всего зла.

Если ты потерпишь неудачу в этом, тебе конец. Если ты являешься объектом этого, ты тоже облажался.

Лишь немногие люди тратят время на то, чтобы наблюдать за своим окружением и осознавать, что их окружает.

Большинство из них движутся вперёд, не заботясь о возможностях или шансах, которые они упускают. Если бы они просто посмотрели в сторону, если бы они остановились, чтобы посмотреть, их жизнь могла бы кардинально измениться.

Наблюдение за своим окружением — особенно за людьми — это то, что дало мне дар, которым обладают очень немногие... распознавание слабостей.

Если ты понаблюдаешь за кем-то достаточно долго, ты уловишь его привычки, а вскоре и его характерные признаки, и чувствительные кнопки. Все это там, разложено для взятия.

В наблюдении есть искусство. Ты не можешь быть слишком очевидным, иначе тебя заклеймят преследователем, подонком и целой кучей нелестных выражений.

Мои книги всегда служили камуфляжем для моих сеансов наблюдения. Таким образом, я могу сосредоточиться на словах, одновременно осмысливая своё окружение. Наблюдение не прерывает мой поток — во всяком случае, оно усиливает его. Наблюдая, я трачу необходимое время на то, чтобы обработать выученные слова.

Например, сейчас, во время тренировки. Ксандер трижды выбрасывал мяч с поля. Это не потому, что он плохой — из всех нас у него, вероятно,

лучшая подача. Он нарочно промахнулся, потому что ему нужно бежать туда и лучше видеть Кимберли, которая начала появляться на наших тренировках.

Он заикнулся на ней с тех пор, как нам было шесть или что-то в этом роде, но однажды он решил, что должен её ненавидеть. Я понял его причину некоторое время назад, и я все еще думаю, что это глупо.

Если ты чего-то хочешь, иди за этим. К чёрту общество и ожидания.

Ксандер не разделяет мою философию, поэтому вместо того, чтобы действовать в соответствии со своими чувствами, он продолжает находиться рядом с ней, умоляя её взглянуть на него или доказать, что она не забыла о нем. Но, когда она даёт ему подтверждение, он притворяется, что она камень под его ботинком.

Он жалок.

Потом есть Эйден. Его бесстрастное лицо трескалось всякий раз, когда в поле зрения появлялся некая Ледяное Сердце. Она в команде по лёгкой атлетике, и они тренируются напротив нас. Он не выслушал ни слова из того, что сказал нам помощник тренера. Вместо этого он наблюдал за ней с этой расчётливой жилкой.

Он более сдержан в этом, чем Ксандер, но это так, и я знаю, я просто знаю, что Эльза - мой билет в один конец, чтобы разлучить его на хрен с Сильвер.

И они разорвут её.

Занавес упал. Они больше не могут меня дурачить — хотя и не должны были с самого начала.

Я бегу обратно в оборону и отсекаю начало контратаки. Я хорошо умею разрушать вещи до того, как они начнутся. Помощник тренера кричит: «Фантастическая борьба, капитан!» Но его слова не доходят до меня.

Ничто не помогает.

Со вчерашнего дня я был на высоте, которую не мог контролировать.

Я сделал это.

Я наконец взял Хаос за горло и трахнул её так, как я тайно мечтал годами.

Это был её день рождения, но я получил лучший подарок — быть её первым.

Это был не ублюдок Эйден или любой другой неудачник, это был я. Она никогда не нарушала своего обещания, данного мне.

Моя голова была заполнена образами её фарфоровой кожи, её смелого цветочного аромата, того, как она стонала моё имя.

Блядь, как она стонала моё имя.

Это единственный способ, которым я хочу, чтобы она с этого момента произносила моё имя.

Я знаю, что это будет нелегко. Сильвер не просто отстранилась от меня, как только я вышел из неё, она убежала. Не говоря уже о том, что она с самого утра ведёт себя холодно и отчуждённо.

Эйден - мой жених.

Нахуй это.

Если она думает, что я позволю ей держаться за его руку после того, как я заявил на неё права, то она, должно быть, совсем меня не знает.

Я позволил ей повеселиться только потому, что знал, что настанет день, когда она официально станет моей. После свадьбы мамы и Себастьяна этот вариант исключён, но это не значит, что я не могу его обойти.

Первый шаг сделан, но впереди ещё многое.

Как только помощник менеджера объявляет перерыв, чтобы пройти через строй, я подхожу к скамейке, которую занимает Эйден, хватаю бутылку воды и устраиваюсь рядом с ним.

Он вытирает лицо полотенцем, его взгляд сосредоточен на Эльзе, когда она бежит. Тогда я вижу это — гордость. Он не просто без ума от неё, он еще и гордится ею. Интересно.

– Она хороша. – Говорю я небрежно.

Его внимание медленно переключается на меня. Должно быть, он заметил, что я сижу рядом с ним, потому что, хотя он ведёт себя так, будто ему все равно, он также очень хорошо осведомлён о своём окружении.

Однако он не понимал, что я наблюдаю за его сеансом наблюдения.

– Глаза. Прочь. – Приказывает он.

Есть. Реакция, в которой я нуждался.

– Расслабься. Я только сказал, что она хороша.

– Не говори, что она хорошая, даже не смотри, как она хороша, не говори с ней или о ней. По рукам? По рукам.

– Я бы, наверное, так и сделал, если бы не понял, что ты грёбанный лжец.

– Я? О чём я тебе солгал?

– Эй, как мне удалить девственную кровь из моего члена? Может, мне просто постирать его? – Я пересказываю его сообщение из тех времён и слова, которые, блядь, сломали меня. – Я уже смыл кровь со своего члена. Я бы этого не сделал, если бы знал, что у тебя есть склонность к девственной крови.

Он приподнимает бровь.

– Ты пытаешься доказать, что у тебя хорошая память? Я должен похлопать или что-то в этом роде?

– Я повторяю твою ложь, Кинг. Ты действительно думал, что я не узнаю?

– Это заняло у тебя три года. – Он ухмыляется. – Три года ты думал, что я был её первым. Три года умирал внутри, воображая, что я трахаю её всякий раз, когда мы были одни. Три года постоянных сомнений. Давай не будем упоминать о том, как ты ударил меня той ночью, или о твоих мелких действиях всякий раз, когда ты мог выкопать мне яму. Знаешь, как я это называю? Победа.

Мне требуется вся моя выдержка, чтобы не поднять кулак и не ударить его снова, и на этот раз я испорчу эти черты, чтобы никто не посмотрел в его

сторону. Я бы сделал из него уродливого монстра. Однако я знаю, что это вызовет у него только ту реакцию, которую он хочет, поэтому я делаю глоток воды, чтобы успокоить горло.

– Веселье закончилось. Покончи с этим. – Говорю я со спокойствием, которого не чувствую.

В этом-то и дело, когда замышляешь хаос. Вы чувствуете это, но не показываете этого — это самый смертоносный тип, который когда-либо существовал.

– С чего бы? – Эйден перекидывает полотенце через плечо.

– Потому что теперь она моя.

Моё горло сжимается от этого слова. *Моя*. Как долго я ждал, чтобы сказать это вслух?

Годы. Грёбанные годы.

И теперь я даже не могу сказать это всему миру — только ублюдку Эйдену, но это только начало.

– Я удивлён, что она осталась девственницей ради тебя, когда ты был придурком и всё такое. И ты мог бы подумать, что быть со мной в течение трёх лет повысило бы её стандарты.

– Скорее, опустило их.

– Я не знаю, в какую извращённую игру ты играешь, Нэш, но она согласна?

– Это не твоё дело. Твоя единственная роль - покончить с этим.

– Нет, не могу. Видите ли, мы с Куинс - это *одно целое*. Ну и что с того, что ты её трахаешь? Я тот, чьё кольцо она будет носить и за кого выйдет замуж.

Его лицо ничего не выражает, но оно не могло бы выглядеть более ужасным, если бы он ухмылялся.

Они заключили сделку. Я чувствую этот запах в воздухе, даже не зная этого наверняка.

Сильвер почувствовала угрозу и поэтому натянула доспехи, в которых Эйден играет определённую роль.

Этому ублюдку, должно быть, предложили что-то, что каким-то образом ему служит.

Я захлопываю крышку бутылки.

– Ты уверен, что хочешь поиграть в эту игру со мной? На этот раз я раздавлю тебя.

– Это обещание?

– Это твоё единственное предупреждение, Кинг. Я не буду играть честно.

– Ты хочешь сказать, что был таким все это время?

– Твой выбор.

– Покажи мне своё худшее, Нэш.

Перерыв заканчивается, и Эйден неторопливо возвращается на поле.

После того как Леви Кинг окончил школу, я стал капитаном. Он порекомендовал меня тренеру, потому что считает меня более уравновешенным, чем его придурок двоюродный брат. Он сделал правильный выбор. Я могу притвориться, что мне не все равно, Эйден даже не пытается.

Я следую за ним по пятам. Если бы это был любой другой человек, они бы отступили, особенно если бы это был кто-то, кто был свидетелем того, как я играю нечестно.

Однако Эйден создан для этого испытания. Чем труднее это становится, тем настойчивее он становится в том, чтобы закончить все с честью.

Это его отвратительная соревновательная натура, которая напоминает Сильвер, и, вероятно, единственная причина, по которой они ладят на каком-то уровне.

Чего Эйден не понимает, так это того, что я знаю его слабость. У него этого не было, когда он сбежал с ней и разыграл меня, отправив эти сообщения. Теперь он знает.

Я обещал ему, и я обещал ей.

На это у меня ушли годы, но я заставлю их обоих пасть так же низко, как и я.

Я заставлю их почувствовать каждую нить хаоса, которую я чувствовал, катаясь на велосипеде всю ночь под этим проливным дождём.



Когда я возвращаюсь в дом Себастьяна в тот поздний вечер, он гудит от энергии.

Помощник, команда по связям с общественностью, команда пресс-секретаря, публицист, секретарь и даже водитель. Они все там, бегают, звонят и превращают дом в избирательный зал.

Прощай, мой тихий дом. Мама сохранила дом, но я же не собираюсь жить там один.

Я бы все равно не стал. Даже при том количестве людей, которые находятся здесь ежедневно, пребывание здесь того стоит.

Мы живём под одной крышей. Мой хаос и я.

– О, Коул. – Мама возится с тарелками на кухонном столе. – Будь милым и дай мне эту тарелку.

– Я принесу их тебе.

– Ерунда. – Она указывает на пустое место у себя на руке. – Просто положи его туда и иди развлекайся.

– Я могу помочь, мам.

– Я поясню тебе одну вещь, точно так же, как я сделал это с Сильвер. Мне не нужна твоя помощь. – Говорит она полусерьёзны, полушутливым тоном. – Когда мне это понадобится, я попрошу об этом.

Я поставил тарелку туда, куда она указала. Каждый из членов команды Себастьяна берет по одной и благодарит её с широкими улыбками на лицах. Как будто они забыли, что им нужно есть.

Себастьян спускается в холл и помогает ей, затем целует её в висок. Они улыбаются друг другу, как, я полагаю, сделала бы любая сдержанная пожилая пара — вежливые и довольные, что им не придётся провести остаток своей жизни в одиночестве.

Ну что ж, если предвыборная кампания - это их представление о медовом месяце, так тому и быть. Мама знала, на что подписывалась, и ей лучше не жалеть об этом.

По дороге я приветствую всех членов команды Себастьяна по имени, спрашиваю их об их дне, их детях и статистике. Все они заводят разговоры и кажутся счастливыми, что кто-то считает их людьми, а не продолжением Себастьяна. Он будет в центре внимания и запомнится в книгах по истории. Они исчезнут, как будто их никогда и не было.

Я делаю это, чтобы казаться вежливым. Если ты добрый и заботливый, люди отстанут от тебя.

Они не наблюдают, не смотрят и не копают глубже в тебя.

Я чертовски уверен, что не делаю этого, потому что я на самом деле добрый. Это Сильвер. Она притворяется, что ей все равно, но при этом изо всех сил старается купить подарки их детям и приготовить им их любимый чай.

В этом мы отличаемся. Мне все равно, но я выгляжу так, как будто мне не все равно. Ей не все равно, но она притворяется, что это не так.

Я стою перед своей дверью, и да, я действительно выбрал комнату, которая находится рядом с её. Она хотела возразить, но у неё не было веских аргументов, поэтому она пыхтела, пыхтела и свирепо смотрела.

Мне нравится, когда она сверлит меня взглядом. Это значит, что я проникаю ей под кожу, и мне нравится быть там — под её кожей, я имею в виду.

Вместо того чтобы войти в свою комнату, я осторожно осматриваю коридор, и как только я убеждаюсь, что вокруг никого нет, я захожу в её комнату.

Кровать застелена, но её здесь нет. Из ванной доносится звук льющейся воды. Мой член твердеет при мысли о ней, обнажённой и влажной.

Никогда еще не было девушки, которая накачивала бы так много крови в мой член, как она. И это происходит, даже не прикасаясь к ней и не видя её.

Одной мысли достаточно, чтобы превратить меня в одного из тех гормональных подростков, которых я всегда считал дураками.

Нет ничего, чего я хочу больше, чем попасть туда и снова завладеть ею. Но перед этим мне нужно провести свой ритуал.

Я не утруждаю себя тем, чтобы поправить брюки, когда подхожу к её прикроватной тумбочке и ввожу код в её замок. Это дата, когда её родители объявили о разводе. Она совсем не изменила его с тех пор, как я это понял.

Сначала я записал её день рождения и улыбнулся, когда это не сработало. Это означало, что она непредсказуема. Я попробовал комбинацию её любимого числа, семь, но это тоже не сработало.

Затем я вспомнил причину, по которой она даже начала писать в своём дневнике, почему ей нужен был листок бумаги, чтобы поплакаться «молчаливому другу», как она назвала это в своей первой записи.

Развод её родителей.

Я попробовал указать фактическую дату, когда её родители завершили развод, которую легко найти в Интернете, но это тоже не сработало.

Правильный - это день, когда она узнала о разводе своих родителей, который, по иронии судьбы, также приходится на годовщину смерти Уильяма.

В ящике стола у неё десять дневников. По одному на каждый год. В некоторые дни она много говорит, в другие - пишет всего два слова.

Я достаю дневник за этот год. Со вчерашнего дня я не перестаю думать о том, о чём она могла написать прошлой ночью.

Когда она отвезла свою маму домой, я украдкой взглянул, но она еще не написала запись. Потом она вернулась и не выходила из своей комнаты.

Я открываю последнюю запись. Вчера.

Сегодня была папочкина свадьба и мой восемнадцатый день рождения.

Мама плакала, и я чувствовала себя такой виноватой за то, что мне нравится Хелен, хотя маме явно это явно не по вкусу.

Сегодня Коул лишил меня девственности. Он просто взял её, и она была такой грязной. Помнишь, я сказала, что ненавижу Коула? Ну, я не только ненавижу его. Я презираю его.

Я хочу, чтобы он исчез из моей жизни.

Я прищуриваюсь, читая её слова. Она ненавидит меня, презирает, желает, что я исчез из её жизни.

Нахуй это.

Это то же самое, что и каждая запись, которую она пишет обо мне. Почему она отказывается признать правду даже в своём чёртовом дневнике? Она делает это со всем остальным.

Когда она говорит о своих родителях, о своей школьной жизни или даже о том, как сильно она скучает по Ким, она говорит это искренне, но каждый раз, когда речь заходит обо мне, все это грёбаная ложь.

Мы ещё посмотрим на это.

Я кладу её дневник точно так, как я его нашёл, закрываю ящик и возвращаю комбинацию на нули.

Звук душа всё ещё продолжается. Я поворачиваю ручку двери и снимаю одежду по пути в её ванную.

Как только я оказываюсь у входа, тихие стоны останавливают меня, когда я кладу пальцы на пуговицы брюк.

Я стою там и смотрю на самый восхитительный вид, который я видел за всю свою жизнь.

Сильвер стоит под потоком во всей своей обнажённой красе. Возможно, я и видел, как время от времени соскальзывал кусочек за эти годы, или её нижнее белье, когда она забывала поджать ноги, когда надевала юбку, но я никогда не видел её полностью обнажённой.

И чёрт меня побери, почему я не сделал этого раньше?

Её сиськи стоят высоко и задорно, капельки воды прилипают к твёрдым розовым кончикам, умоляя, чтобы их слизали. Вода пропитывает её золотистые волосы, когда они прилипают ко всей спине.

Её тонкая талия и длинные ноги похожи на порнофантазию. Но это не лучшая часть сцены – её рука исчезает в её влагалище и выходит из него, когда она тянется другой рукой, чтобы потянуть за сосок.

Глаза закрыты, голова откинута назад, позволяя пару окутать её. Белые ровные зубы прихватывают нижнюю губу, чтобы сдерживать стоны.

Это не работает.

Лёгкий шум, который она издаёт, делает мой член чертовски твёрдым, если это вообще возможно, учитывая, что он уже был готов, когда я вошёл в комнату.

Вчера я подписал клятву «назад пути нет», и сегодня я её выполняю.

Глава 17

Сильвер

Я должна быстро принять душ и присоединиться к папе и его команде. Они собираются обсудить стратегию, и я хочу быть там.

В тот момент, когда я нахожусь под потоком, я начинаю думать. Вот что я делаю, когда нахожусь в душе — я думаю. Много.

Некоторые люди поют, но я превращаюсь в чёртов клубок мыслей. Может быть, это поток воды или спокойствие момента, но это всегда заставляет меня снова задуматься о своих решениях и выборе.

Это моё второе любимое место после парка. Покой, чистота и ясная голова.

Только это не совсем ясно.

Одна вещь не выходит у меня из головы... эти тёмно-зелёные глаза, его голос и властность в нём.

Конец. Этому.

К чёрту его. Я не положила этому конец. Эйден и я на одной стороне. Пока я продолжаю приносить ему пользу, он будет делать то же самое.

Я даже нанесла визит одной девушке, которая писала ему любовные письма. Коулу, а не Эйден. Кто, черт возьми, вообще теперь пишет любовные письма? Она из прошлого века или что-то в этом роде?

В любом случае, я сказала ей, что у него есть условие, как условие члена. Она думает, что он не может его поднять. Я только имела в виду, что он придурок, но, эй, пока это работает, я не жалуясь.

Затем я поймала себя на том, что ухмыляюсь, когда она ушла, думая, что никто все равно не увидит его член. Вот тогда-то я и поняла, что снова сбиваюсь с пути. Я саботирую любую частичку отношений, которые у него есть с другим полом.

Он заставляет меня терять рассудок вместе с моим здравым смыслом.

Придурок.

И все же единственные образы, которые продолжают крутиться у меня в голове, относятся ко вчерашнему дню. Как я прислонилась к столу, пока он задирает моё платье.

Моя рука скользит вниз по животу и между бёдер. Я промокла, и это не только из-за воды.

Неглубокое дыхание покидает меня, когда я засовываю палец внутрь. Я все еще чувствительна и немного побаливаю.

Я помню, как он шлёпал меня, удерживая за затылок. Он забрал мою волю, мой выбор, и я стала еще более влажной для него.

Мои соски болезненно сжимаются, и я закрываю глаза и откидываю голову назад. Я кручу один тугий бутон между пальцами и дёргаю за него. Стон пытается вырваться, но я ловлю его, как делала, когда он прикасался ко мне. Его руки, тело и грудь покрывали меня целиком, пока он не стал всем, что я чувствовала.

Я помню, как он в первый раз вошёл в меня, с какой силой, и добавляю ещё один палец, чертыхаясь от силы толчка. Я представляю, как это он врывается в меня, шепчет мне на ухо грязные слова, говорит, что я его, и мой темп ускоряется.

Мои килограммы становятся все тяжелее, и я причиняю боль своему соску, сжимая его ногтями, пока он не кричит от боли.

Я уже прикасалась к себе раньше, и он всегда был тем образом, который я себе представляла. Его полуголого у бассейна. Он потный, грубый и чертовски восхитительный после тренировки. Он бегал, забивал и был богом на поле.

Но я никогда не хотел причинять этим боль.

После вчерашнего, это все, чего я хочу. Лёгкий укол боли, который приходит с удовольствием. Сила, которая приходит, когда ты полностью в его власти.

Я погружаю пальцы быстрее, мои стоны наполняют тишину ванной.

О, Боже.

Сила того, что накапливается во мне, пугает даже меня. Мои ноги дрожат, и мой бедный сосок умоляет избавить его от страданий.

Мои глаза закатываются, заставляя мои веки немного приоткрыться. Вот тогда-то я и вижу кое-кого.

Нет, не кого-то.

Его.

Посреди моей ванной.

На мгновение мне кажется, что он - плод моего воображения. То, что я каким-то образом думала о нём достаточно усердно, мне удалось воплотить его в жизнь в формате 3D.

Но затем фокусируется остальная часть сцены. Он голый.

На его теле нет ни одного предмета одежды, прикрывающего его тело.

Мне всегда было интересно, как он будет выглядеть голым, и каждый раз это ускользало от меня.

И вот он здесь, во всей своей красе. Коул не такой мускулистый, как Ксандер. Он стройнее, и в нем есть тихая красота. Даже его широкая грудь и пресс из шести кубиков кажутся скромными в неотразимом стиле.

Благодаря игре в футбол его бедра и длинные ноги мощные и подтянутые.

Мышцы его груди сокращаются от того, как его рука сжимает член.

Я почувствовала это вчера — и продолжаю чувствовать это сегодня, — но я впервые вижу его член. Он такой большой, что я одновременно потрясена и поражена тем, что он поместился внутри меня. Я не могла отвести взгляд ни от него, ни от неё, даже если бы захотела.

И я действительно этого хочу. Я просто не могу отвести взгляд.

Он трогает себя.

Коул голый и трогает себя.

Его рука двигается вверх и вниз по члену, и по какой-то глупой, иррациональной причине я ненавижу его руку прямо сейчас.

Это вчера была я. Теперь это должна быть я, а не его рука.

Мои пальцы двигаются внутри меня в более медленном темпе, мои глаза опускаются, как будто они вот-вот закроются.

Именно тогда вся ситуация просачивается в мой ошеломлённый мозг. Тот факт, что я мастурбирую перед Коулом. Тот факт, что он делает то же самое, наблюдая за мной.

Он в моей ванной.

Я задыхаюсь, позволяя рукам упасть по обе стороны от меня, несмотря на протесты моего тела, и быстро оборачиваюсь.

– Ч-что ты здесь делаешь? У-убирайся.

В моем голосе нет силы, как бы сильно я этого ни желал. Моё сердце бьётся громко и быстро. Нежная кожа между моих ног болит, требуя освобождения, которое я только что прервала. Мои соски пульсируют, близкие к тому, чтобы что-то порезать, настолько они твёрдые.

От Коула не исходит никакого движения. Звук воды - единственное, что слышно в ванной. Я сглатываю сквозь прерывистое дыхание.

Он ушёл?

Почему, черт возьми, у меня опускается грудь при этой мысли?

Мне нужна психотерапия, потому что я не должна чувствовать себя не в своей тарелке всякий раз, когда он в поле зрения. Это потому, что он стал моим сводным братом? Я так себя веду, потому что моя воля была принята браком наших родителей, и я упустила время?

Неужели я так сильно жажду его только потому, что не могу его заполучить?

Должно быть, поэтому, потому что тот факт, что моё сердце почти вырывается из груди, не имеет никакого чёртового смысла.

Я медленно оглядываюсь через плечо.

Мурашки бегут по моей влажной коже, горячая вода никак не помогает её смягчить.

Коул стоит прямо за мной. Он достаточно близко, чтобы я почувствовала его запах, специи и лаймовую жвачку. Достаточно близко, чтобы я оказалась в ловушке его тепла. Достаточно близко, чтобы он промок, его шелковистые волосы промокли и прилипли ко лбу. Достаточно близко, чтобы струйки воды стекали по его грудным мышцам и вниз, вниз...

Я возвращаю своё внимание к его глазам, отказываясь быть пойманной на том, что шпионю за его членом.

– Что я тебе говорил о том, чтобы ты открывала мне спину, Бабочка? – Шепчет он мне на ухо.

Мои глаза пытаются закрыться от дрожи, которую он вызывает на моей коже.

Он хватает меня за ягодицу, и на этот раз я хнычу, сжимая бедра вместе.

– Или, может быть, ты искушаешь меня этим? Ты хочешь, чтобы я трахнул её?

– Н-нет.

Мой голос слаб даже для моих собственных ушей.

Я сама не знаю, чего я от него хочу. Пока он прикасается ко мне, касается меня своими руками, кажется, что все вдруг становится возможным.

– Нет, а? Однажды я заставлю тебя передумать. – Он лижет мочку моего уха, шепча горячими словами. – А теперь, как насчёт того, чтобы я закончил шоу, которое ты начала?

– Я не начинала никакого шоу.

Я удивлена, что могу говорить, когда раздражители бушуют по всему моему телу.

– О, но ты сделала это. Ты продолжала входить и выходить из своей киски даже после того, как увидела меня. Ты фантазировала о моём члене внутри тебя, Бабочка?

– Нет!

Мой голос повышается, полный стыда.

– Знаешь, чем больше ты это говоришь, тем больше я убеждаюсь в том, насколько же ты лгунья.

– Я не лгу... ох...

Мои слова заканчиваются стоном, когда он отпускает мою задницу и погружает в меня два пальца за один раз.

Зуд, возникший ранее, возвращается с удвоенной силой, и я выгибаю спину, нуждаясь в большем трении. Просто больше от него.

–Твоя киска не лжёт, она говорит мне, что хочет мой член. – Он сгибает пальцы, и я снова стою, моя голова падает на плитку. – Ты хочешь, чтобы я был внутри тебя, Бабочка?

– Нет, – шепчу я, в моем голосе слышится отчаяние.

– Ты уверена?

Конечно, я уверена, но я не говорю этого вслух. Я не позволю ему заставить меня говорить об этом.

Он подставляет свой твёрдый член в пространство моей задницы, и я сжимаюсь, прикусывая нижнюю губу.

– Мне показалось, что ты хотела этого раньше, когда смотрела на мой член и трахала себя.

Я закрыла глаза, не в силах выдержать нападение его слов и его прикосновений одновременно. Я так близка к тому, чтобы воспламениться, к тому, чтобы умолять, но я никогда этого не сделаю.

Коул не тот, кому я должна позволять так поступать со мной.

Я хочу его только потому, что не могу его заполучить, потому что, если бы кто-нибудь узнал о том, чем мы занимаемся за закрытыми дверями, они бы нас избегали.

И это отвратительное. Просто совершенно больное.

Если моя единственная форма защиты - бросить ему вызов, то так тому и быть. Он это получит.

– Открой глаза.

Я не делаю этого.

Он хватается меня за волосы и разворачивает к себе. Его пальцы выскользывают из меня, и я всхлипываю от потери, мои стенки сжимаются, как будто пытаюсь удержать его внутри.

Моя спина прижимается к холодным плиткам, заставляя меня задыхаться, но я не открываю глаза.

– Посмотри на меня.

– Нет.

Он дёргает меня за волосы.

– Ты согласишься или нет на меня?

– Нет.

– Я собираюсь выебать из тебя это слово, Сильвер.

Мои внутренности разжижаются от этого обещания, но я цепляюсь за свою стену окровавленными пальцами.

– Просто покончи с этим и оставь меня в покое.

– Ты не можешь относиться к этому как к обузе, когда ты, блядь, фантазировала об этом. Ты не можешь лгать себе только для того, чтобы спать по ночам.

Смотри на меня.

Он обхватывает рукой моё горло и сжимает. Грубо.

Мои глаза распахиваются, когда я пытаюсь отдышаться. Он ослабляет хватку, позволяя мне делать крошечные глотки воздуха.

– Попалась.

Он смотрит на меня сверху вниз теми глазами, в которых, как мне иногда, кажется, нет души.

Они зелёные, но на ощупь кажутся чёрными.

Они смотрят на меня, но иногда кажется, что они видят меня насквозь.

Он хватается меня за волосы и за горло, и по какой-то идиотской причине, мне кажется, что это самое правильное положение.

– Я собираюсь трахнуть тебя, и ты будешь кричать. – Он облизывает мою дрожащую нижнюю губу. – И, если ты этого не сделаешь, мы можем заниматься этим всю ночь.

Я ничего не говорю. Не могу.

Как будто я потеряла способность говорить и мыслить. Я потеряла все.

Все, что я могу сделать, это наблюдать за ним. Вода образует ручейки на его лице, придавая ему экзотический вид, пар из ванной кружится вокруг него, как нимб.

Я в заднице. Так чертовски в заднице.

Он отпускает мои волосы и хватается за бедро, приподнимая его и, в результате, заставляя мою вторую ногу встать на цыпочки.

– Обхвати меня ногами за талию, – приказывает он, но я не делаю этого.

Я хочу, чтобы он сделал все это.

Если я не буду участвовать, я могу притвориться, что не хотела этого. Это все его рук дело, а не моих.

Он, должно быть, видит это по моему лицу, потому что хватается за другую ногу и поднимает её, проскальзывая в меня, дюйм за дюймом, каждым мучительным дюймом. Я закрываю глаза, но только для того, чтобы погрузиться в это ощущение.

Я обхватываю ногами его крепкую талию, чтобы не потерять равновесие. Сила его толчков снова и снова ударяет меня спиной о стену.

Я наслаждаюсь каждым из них.

Коул резок и неуправляем, именно таким я его себе и представляла, когда фантазировала о нём раньше.

Он сжимает моё горло достаточно сильно, чтобы заставить меня открыть глаза.

– Ты не должна прятаться, Бабочка. – Он пристально смотрит на меня.
– Больше нет.

Вчера, когда он трахал меня сзади, я была немного благодарна, что он не мог видеть хаотические эмоции, бурлящие в моих глазах.

Теперь он делает это — в формате full HD. Я всегда думала, что проявляю эмоции так, как никто не понимает, но Коул мог бы это сделать.

Я не хочу, чтобы он понимал.

Эта поза, лицом к лицу, от сердца к сердцу, слишком интимна. Как будто он сдирает с меня кусок за куском, каждый чёртов кусок.

Я ненавижу то, что часть меня хочет, чтобы он добрался до сути.

Я ненавижу то, что часть меня благодарна ему за это, за то, что он освобождает меня так, как я никогда бы не освободила себя.

И потому что я ненавижу его, я причиняю ему боль.

Я провожу руками по его спине и длинными ногтями по влажной коже с намерением причинить ему боль.

Он шипит, но вместо того, чтобы остановиться, он набирает темп и с новой яростью врезается в меня, прижимая меня к стене за горло.

Затем он наклоняется к чувствительной плоти моей груди и сосёт её, прежде чем сильно укусить.

Моя спина выгибается от стены, и ужасающая волна накрывает меня, как лесной пожар.

– Я оставлю свой след, как ты оставляешь свой, Бабочка. – Говорит он сквозь громкий, эротичный звук, который эхом отдаётся в ванной. – Никто не увидит тебя так, как я, не прикоснётся к тебе так, как я, не трахнет тебя так, как я.

Тогда я кончаю.

Сила его ударов и смысл, стоящий за его словами, доводят меня до крайности.

Потому что я знаю, я просто знаю, что они настоящие.

Я могу отрицать это сколько угодно, но это не значит, что они исчезнут. То же самое, что и монстр под моей кроватью.

Мне не следовало смотреть. Теперь я не могу его не видеть или притвориться, что его там нет.

– Кричи, – хрипит он мне в рот, шлёпая меня по заднице.

Я действительно кричу. Наполненный похотью звук разносится вокруг нас, как рондо в заключительном туре фортепианного концерта.

Именно тогда Коул кончает внутри меня с глубоким горловым стоном.

Моя голова падает ему на грудь, мои пальцы вяло цепляются за его бока, и крошечная дрожь пульсирует у меня в ногах.

Кажется, целую минуту мы стоим там, вода обрушивается на нас, когда мы обнимаем друг друга.

Кто знал, что душ может быть таким интенсивным?

– Видишь? Нетрудно слушать приказы. – Говорит он мне на ухо, облизывая и покусывая раковину.

Реальность возвращается.

Будь проклята я и будь проклят он. Я отталкиваю его, заставляя его усмехнуться, когда он выходит из меня и отпускает моё горло.

В отличие от вчерашнего дня, ощущение его спермы лишь немного задерживается, прежде чем её смывает водой.

– Я ненавижу тебя, - бормочу я.

Он тянет меня за волосы и целует в нос.

– Конечно, Бабочка. До тех пор, пока это позволяет тебе спать по ночам.

Затем он уходит. Вода капает с его волос и твёрдого тела, когда его ноги ступают по полу.

В тот момент, когда за ним щелкает дверь, я издаю приглушенный, разочарованный крик в тишине ванной.

Глава 18

Коул

Мы проводим весь ранний вечер с Себастьяном и участниками его кампании.

Мы едим еду, пригодную для армии, которую приготовила мама. Себастьян тоже считает свою команду семьёй. Поскольку они усердно работают на его кампанию, они едят как члены семьи.

Часть кампании Себастьяна направлена на объединение классов, даже если существует чёткое разделение. Это разумный способ взглянуть на это. Он признаёт, что нет никакого способа искоренить классы — по крайней мере, не сразу, — поэтому он считает, что первым шагом должно быть их объединение.

Как только они решат, что у них достаточно общего, может быть, тогда классы можно будет убрать. Не то чтобы его партия когда-нибудь согласится с этим, но пока он только сеет семена.

Он умный политик, и я верю, что он далеко пойдёт. Я не сомневаюсь, что он станет следующим премьер-министром.

Это означает, что я буду сыном премьер-министра, а Сильвер - дочерью.

Ни за что на хрен мы никогда не сможем завести публичные отношения.

Это одна из причин, по которой я потерял это и взял её на свадьбе. Во мне кипело столько злой энергии, и мне приходилось улыбаться, фотографироваться и принимать поздравления с тем, чего я никогда не хотел, чтобы произошло. Но, как и Сильвер, я слишком забочусь о маме, чтобы лишить её шанса на счастье. Она воспитывалась в замкнутой среде своим

строгим отцом, прежде чем её отправили к жестокому мужу, на которого она потратила годы, оправляясь от пережитков его деградации.

С тех пор как Себастьян вошёл в её жизнь, ей не нужны таблетки, чтобы спать или есть. Она не ходит по дому, как призрак, и не целует меня, как робот, который ничего не чувствует из-за антидепрессантов.

Мама заслуживает этого.

Но это не значит, что я сделаю так, как требует Сильвер, и уйду от неё. Это не значит, что я позволю ей ускользнуть у меня из-под пальцев и уйти к какому-нибудь другому ублюдку, пока я буду смотреть, как киска.

Сейчас же она сидит напротив меня за столом для совещаний в офисе Себастьяна, пока глава его отдела по связям с общественностью Фредерик проходит семейную часть кампании.

Она выбрала самое дальнее от меня место, прижимаясь к отцу и глядя на меня при каждом удобном случае.

Я улыбаюсь в ответ, раздражая её ещё больше. После душа она переделалась в джинсовые шорты и чёрную майку, которая облегалась её изгибы. Волосы стянуты в тугий конский хвост, напоминая мне о том, как я схватил её за него, в то время как я входил в неё снова и снова.

Я заставляю себя сосредоточиться на Фредерике, лидере кампании, чтобы не стать чертовски твёрдым перед мамой и Себастьяном.

Фредерик - невысокий мужчина с пивным животом и пронзительными карими глазами. У него взгляд, которым он видит вещи насквозь, и острый ум, который подходит правой руке политика.

Когда он спрашивает о предложениях, Сильвер предлагает публиковать фотографии в социальных сетях, например, ту, которую она заставила нас всех взять на ужин ранее.

Подпись гласила: *«Семейный ужин #СебастьянКуинсВыиграет #Вперёдкпобеде»*

Селфи выглядит спонтанным. Фредерик и его люди одеты в свою наполовину растрёпанную одежду - в основном без пиджаков или галстуков.

Мама, Сильвер, Себастьян и я в домашней одежде. Его непринуждённое качество привлекло много внимания в социальных сетях. Мгновенно многие интернет-журналы подхватили это с такими заголовками, как:

«Дочь Себастьяна Куинса Называет Команду Своего Отца Семьёй».

Сильвер может показаться спонтанной, но она во многом похожа на своих родителей.

Её воспитание сделало её сюжетом даже в самые случайные моменты.

Вот почему она раздражается, когда все идёт не так, как планировалось, — например, недавняя одержимость Эйдена Эльзой.

Или меня.

Тот факт, что она не может спланировать меня, бесит её до чёртиков. Так получилось, что я дождался до того, чтобы увидеть это выражение на её лице.

– Слишком много постов в социальных сетях может быть истолковано как стремление привлечь внимание. – Говорю я.

Её светло-голубые глаза устремляются в мою сторону.

– Люди хотят знать о жизни тех, кому они доверяют свой голос. Если мы покажем, что папа живёт нормально, как они, это даст ему хороший толчок”.

– Но он не такой, как они. – Я поднимаю бровь. – Он будет править ими, и если этого нет в их сознании, то это похоронено в их подсознании.

– Так что ты предлагаешь? – Она сжимает руку в кулак, прижав её к боку. – Чтобы он держался подальше?

– Он должен быть рядом, но не настолько близко, чтобы они знали о каждой детали его жизни.

– Но...

– Коул прав. – Перебивает Фредерик. – Чувство тайны — это то, что заставляет людей возвращаться за большим - даже подсознательно. Ты можешь писать как обычно, Сильвер. Твоя статистика в Instagram работает очень хорошо.

Она поджимает губы, бросая на меня сердитый взгляд, когда мама говорит ей, что ей нравится её аккаунт в Instagram.

Может быть, это и так, но тот факт, что она не победила меня, даже во мнениях, придаёт её щекам слабый оттенок красного.

Именно по этой причине я продолжаю это делать. Я единственный, кому удаётся вырвать у неё эту реакцию.

Она достаёт свой телефон, похоже, проверяя сообщение. Её губы приоткрываются. Реакция настолько мала, что её можно интерпретировать по-разному.

Губы Сильвер приоткрываются, когда она удивлена, возбуждена или напугана. Первые два не мешают, потому что её кулак все еще сжат.

Она напугана? От чего? Или кого?

Мне нужно добраться до её телефона. Я сделал это однажды, но он защищён от отпечатков пальцев и делает снимок, а затем отправляет его прямо в её облако, когда кто-то пытается его разблокировать. Там нет опции PIN-кода, так что я не мог обойти это.

Я проверю, когда она уснёт.

Фредерик говорит о борьбе с преступностью. Есть сумасшедший, который нападает на женщин, когда они бегают трусцой в уединённых парковых зонах. Он их не убивает, но обычно пристаёт к ним с ручками или режет кожу. Никто из жертв, подавших заявление, его не видел. Их накачали иглой, и следующее, что они помнили, было либо пробуждение в одиночестве, либо то, что их нашёл кто-то другой.

Здесь редко можно встретить серийного злоумышленника, поэтому Фредерик рассказывает Себастьяну о том, как он должен предложить свою поддержку женщинам. Синтия уже очень активна в комитете женских ассоциаций, поэтому он должен подружиться с ней, от чего Себастьян отказывается, и лицо Сильвер слегка вытягивается, когда он это слышит.

Затем Фредерик переходит к разговору об использовании брака мамы и Себастьяна для продвижения в другую фракцию общества. Пока все

сосредоточены на нём, я достаю свой телефон и прячу его низко под столом для совещаний, чтобы Дерек, водитель, который в настоящее время сидит рядом со мной, не видел.

И да, даже водитель играет определённую роль в кампании. Это почти как поле боя, где даже лошадей нужно расставлять стратегически. Ошибки не допускаются.

Коул: Ты слышала, что сказал Фредерик? Я всегда прав.

Я наблюдаю за чертами её лица, как только нажимаю «Отправить». Они превращаются из сосредоточенных в возбуждённое выражение, когда она готова взобраться на стол и прыгнуть мне в глотку. Или ударь в неё. Честно говоря, я бы не удивился, если бы она сделала и то, и другое.

Она решает игнорировать меня, думая о себе как о лучшем человеке или о том, что еще может происходить в её праведном, ханжеском мозгу.

Только не под моим присмотром.

Я настойчиво пытаюсь разрушить её невинность, и на это есть причина.

Коул: *Это включает в себя тот факт, что ты фантазируешь обо мне. Признай это, и я, возможно, не использую это против тебя.*

Она поджимает губы, её пальцы порхают по клавиатуре.

Сильвер: *Я не фантазирую. Продолжай мечтать, придурок.*

Коул: *Ты хочешь сказать, что не потирала бёдра друг о друга с тех пор, как мы пришли сюда в память обо мне?*

Её щеки покрываются румянцем, и она крепче сжимает телефон.

Сильвер: *Я не делала этого.*

Коул: *Я вижу тебя. На самом деле, держу пари, ты сейчас сжимаешь бёдра. Держу пари, ты мокрая, Бабочка.*

Её губы приоткрываются, на этот раз от возбуждения, но она снова сосредотачивается на Фредерике, отказываясь отвечать.

Мне требуется все моё мужество, чтобы не пойти туда, не схватить её за руку и не похитить её к чёртовой матери отсюда. Поскольку об этом варианте не может быть и речи, я печатаю.

Коул: *Может быть, мне стоит проверить. Держу пари, если бы я засунул в тебя пальцы прямо сейчас, ты бы замочила меня так же, как мой член.*

Её губы дрожат, когда она читает текст.

Сильвер: *Прекрати это.*

Коул: *Зачем? Ты боишься, что они узнают, что тебе нравится, когда тебя трахает твой сводный брат? Что тебя трахали за этим же столом, когда любой мог войти и увидеть, как ты теряешь девственность?*

Она сглатывает и ёрзает на своём сиденье. Если бы кто-нибудь обратил на неё хоть малейшее внимание, и, если бы на ней была светлая майка, все увидели бы её соски, твёрдые и возбуждённые.

Тот факт, что я могу нажимать на её кнопки, заставляет меня улыбнуться. Затем я притворяюсь, что соглашаюсь с мамой насчёт какой-нибудь еды на выходные.

Вот в чем разница между мной и Сильвер. Она не может выполнять несколько задач, особенно когда возбуждена, но я никогда не стираю своё окружение, даже когда она - единственное, что в нем имеет значение.

Сильвер: *Просто заткнись.*

Коул: *Я сделаю это при одном условии.*

Сильвер: *Что?*

Коул: *Покончи с Эйденем.*

Теперь её очередь ухмыляться с другого конца стола.

Сильвер: *Я не буду. Что ты будешь с этим делать? Трахнешь меня?*

зевающий смайлик

Я слегка прищуриваюсь, а затем решаю нажать на кнопку, которую она ненавидит больше всего.

Коул: *Помнишь ту фотографию, которую ты видела в моем телефоне?*

Она хмурит брови, читая текст, и когда приходит осознание, её кулак сжимается сильнее, а ухоженные ногти чуть не трескаются от того, как она держит телефон.

Коул: *Если ты не сделаешь так, как тебе говорят, ты пожалеешь об этом.*

Сильвер: *Иди. К. Черту.*

Как только Фредерик заканчивает раздел, я встаю.

– Я собираюсь встретиться с ребятами.

Мама улыбается.

– Опять Ронан?

Да.

– Повеселись, - говорит мне Себастьян.

Глаза Сильвер расширяются, но она быстро скрывает свою реакцию.

Она уже знает, что очень сильно облажалась.

По дороге на улицу я набираю ей последнее сообщение.

Коул: Я буду с кем-нибудь трахаться. Это просто будешь не ты.

Глава 19

Сильвер

Я солгала.

Я сказала папе и Хелен, что встречаюсь с Вероникой и Саммер. Вместо этого я нахожусь в доме Ронана.

Ладно, Вероника и Саммер тоже здесь, так что это не совсем ложь.

Папочке не нравится, когда я веселюсь. Он не говорит этого вслух, но думает, что это ниже моего достоинства.

Не то чтобы мне самой это нравилось. В отличие от того, во что все верят, я не люблю внимания. Или, по крайней мере, мне это нравится на моих условиях, а не двадцать четыре-семь.

Мы втроём проходим через вход. Ларс, любимый дворецкий Ронана, приветствует нас по именам. И да, когда графа-отца Ронана нет рядом, он поручает своим дворецким организовывать для него вечеринки, и он практически бросается в них при каждом удобном случае.

Он делает любое событие поводом для празднования.

Саммер и Вероника откидывают волосы назад. Я тоже делаю это не для того, чтобы объявить о своём прибытии, а для того, чтобы придать себе немного уверенности — мне нужна каждая капля, которая существует.

Именно по этой причине я надела своё короткое платье персикового цвета от Louis Vuitton. Оно останавливается выше моих колен, разрезы спереди и сзади придают ему провокационный вид, всё ещё говоря: «Ты не можешь позволить себе то, что под этим дерьмом».

Я собрала волосы в конский хвост и накрасила губы красной помадой, думая о словах мамы.

Красный убивает их, Куколка.

Я завершила образ красными ногтями и такими высокими каблуками, что они делают мои ноги выше, а мою задницу идеальной.

Сильвер Куинс здесь, чтобы победить.

Эйден и Коул всегда были непобедимы в шахматах, но, похоже, они забыли, что я тоже играю. Я тоже в деле.

То, что я позволила Коулу вторгнуться в моё тело таким жестоким, непримиримым способом, не значит, что он может наступить на меня.

В воздухе эхом отдаётся грохот какой-то модной поп-музыки. Студенты КЭШ'а танцуют в такт, потягивая алкоголь и прижимаясь друг к другу.

Некоторые целуются открыто, прижимаясь друг к другу, как будто завтра будет апокалипсис.

– Фу, гадость. - Громко щебечет Вероника, когда мы проходим мимо них.

– Снимайте комнату, неудачники. – Продолжает Саммер.

Я смотрю на пару даже после того, как мы проходим мимо них. У меня болит в груди от этого вида, и я качаю головой, отказываясь думать о причине.

– Миссия? – Я спрашиваю их.

– Найди Коула, пока он не наделал глупостей.

Вероника поправляет своё шикарное декольте.

– На связи, Сил. – Саммер даёт мне знак «Я позвоню тебе», когда мы расстаёмся.

Я сказала им, что не могу позволить Коулу сделать ничего, что повредит имиджу папы. Это правда — но только отчасти.

Во-первых, Коул никогда бы так не поступил. Он слишком осторожен. Во-вторых, это далеко не та причина, по которой я здесь.

Я начинаю свою охоту по дому. Проблема в том, что особняк Ронана чертовски огромен. Я теряюсь в нем в обычные дни, не говоря уже о том, когда тут полно людей.

Достав свой телефон, я печатаю.

Сильвер: *Ты не видел Коула?*

Ответ приходит немедленно.

Эйден: *С каких это пор ты так явно его ищешь?*

Сильвер: *Ответь на вопрос.*

Эйден: *Это означало «нет». Мне не нравится, когда мной командуют.*

Попробуй еще раз через десять лет.

Эйден: *Желаю удачи в поисках его, когда он решит исчезнуть.*

Клянусь, однажды я ударю Эйдена, но это будет не сегодня и не до тех пор, пока он согласится быть помолвленным со мной. Я не идиотка. Я знаю, что он бросит меня в мгновение ока, если он захочет, и, если это произойдёт, я буду полностью во власти Коула — или его отсутствия.

По крайней мере, сейчас он чувствует угрозу. Теперь, когда он думает, что никто не смотрит, он смотрит на Эйдена так, словно хочет убить его.

Коул всегда тяготел к Эйдену больше, чем Ронан или Ксандер. Это своего рода понимание. Что, если он преследует меня только потому, что я есть у Эйдена, и как только Эйден исчезнет с моей стороны, он будет считать себя победителем и будет двигаться дальше?

При этой мысли у меня сжимается грудь.

С каких это пор у меня появилось мамино мышление? Мой телефон вибрирует от сообщения.

Саммер: *Замечен в восточном крыле пятнадцать минут назад.*

Это не помогает. Там примерно пятнадцать комнат.

Я печатаю быстрее, чем когда-либо.

Сильвер: *Один?*

Саммер: *С Дженнифер из команды по лёгкой атлетике.*

Мои пальцы зависают над клавиатурой, и слезы наполняют мои глаза.

Нет.

Я не позволю себе плакать из-за этого.

В тот момент, когда я поднимаю голову, мой взгляд сталкивается с Адамом. Он сидит в небольшой гостиной с остальными членами команды по регби. Эти парни тоже популярны. Не так сильно, как футбольная команда, но у них есть своя доля девушек и славы. В то время как члены его команды шутят, смеются и пьют, он - нет.

Бутылка пива уютно устроилась между его пальцами, когда он пристально смотрит на меня. Не мигая. Неподвижно. Как будто он наблюдал за мной таким образом с тех пор, как я вошла.

Мои лопатки сводятся вместе, и я сглатываю, быстро прерывая зрительный контакт. Лучше притвориться, что я его не видела

Мне нужно убраться подальше от него. Сейчас.

Я замечаю, как Ксандер наливает сок в свою бутылку водки. Прежде чем кто-нибудь из девушек набросится на него, я бросаюсь в его сторону, вне поля зрения Адама, и хватаю его за руку.

Он улыбается мне сверху вниз, показывая ямочки на щеках.

– Королева сук, я думал, что эта сцена ниже твоего достоинства со всей этой глупостью вокруг? Ну, знаешь, алкоголь и секс. Подожди, это все еще запретное слово? Я имею в виду секс.

– Заткнись.

Ксандер смеётся, и это очаровательно. Он очарователен. Почему, черт возьми, я не заикнулась на нём? Почему это должен был быть тот придурок?

– Ты все еще не хочешь показать мне свои сиськи?

– Нет.

– Знаешь что, я дам тебе сотню, чтобы ты заставила Ронана поверить, что показала их мне.

– Ронан пробовал эту тактику до тебя, и ответ по-прежнему отрицательный.

Ублюдок.

Он выглядит искренне обиженным.

– Тебе нужно усилить свою игру, Ксан.

– Я знаю... – Он замолкает, когда Ким появляется у входа с застенчивой улыбкой на лице.

Она переводит взгляд с меня на Ксандера, её подбородок слегка дрожит, что было её привычкой до того, как она заплакала, когда мы были детьми, затем она разворачивается и уходит.

Я прикусываю нижнюю губу, мои ноги зудят от желания подойти к ней и облегчить эту неловкость от одиночества на вечеринке. Но я не могу. Она не может подобраться ближе, иначе бы прочитала меня. Никому не позволено читать меня.

– Почему бы тебе не пойти за ней?

Спрашиваю я Ксандера, который все еще смотрит на то место, где она стояла, его пальцы сжимают бутылку.

– Зачем *ты* этого не делаешь?

– Я... не могу.

- -Может быть, я тоже не могу.

– Ты был её лучшим другом, Ксан. Она нуждается в тебе больше, чем когда-либо нуждалась во мне.

– Так теперь тебе не всё равно? Ты не сделала этого, когда вела себя с ней как сука.

– Ты тоже не святой. Она всегда хвасталась, что ты обещал никогда её не бросать и что ты её рыцарь.

Он сглатывает, его кадык двигается в такт движению.

– Да, неважно.

– Что случилось тогда, Ксан?

– Ничего. Или, может быть, все. – Он пренебрежительно махнул рукой и залпом выпил всю водку с соком. – Что ты вообще здесь делаешь?

Причина, по которой я пришла, всплывает у меня в голове.

– Ищу Коула. Хелен нуждается в нем и не может до него дозвониться.

Ложь, ложь и еще одна грёбаная ложь.

– Оу. – Он медленно моргает. – Ты уверена, что хочешь прервать его?

– Да.

– Это будет не очень красиво.

– Позволь мне беспокоиться об этом.

– Неважно. Он в западном крыле, предпоследняя комната.

Я целую его в щеку.

– Ты лучший.

– Еще бы.

Он подмигивает.

Единственная причина, по которой я не бегу, это то, что я не должна этого делать.

Никогда не знаешь, где прячутся репортёры, Сильвер. Всегда веди себя на людях наилучшим образом, Куколка.

Мамины слова отпечатались в моей голове, как мантра.

Как только я поднимаюсь по лестнице и оказываюсь вне поля зрения окружающих, я бегу по коридору, не обращая внимания ни на боль в пятках, ни на боль в груди.

Образы той связанной девушки, которую я видела на телефоне Коула, пронесли у меня в голове, как в фильме ужасов.

Остановившись перед дверью, я понимаю, что у меня болит сердце. Так сильно, что я чувствую, что брошу всё это, если меня тронут каким-нибудь неправильным образом.

Действительно ли я хочу увидеть, что внутри? Хочу ли я увидеть это своими глазами?

Может быть, мне стоит вернуться, достать свой дневник и проклясть его в нём. И что потом? Плакать, пока не усну, как жалкая дура?

Я не буду этого делать. Я не трусиха. Коул Нэш никогда не сломит меня.

Сделав глубокий вдох, я хватаюсь за ручку и толкаю. Она заперта.

Дерьмо. Конечно, она заперта. Почему я думала, что Коул об этом не подумает?

Но я все равно не уйду. Я стучу.

Вот что ты делаешь, когда решаешь напасть — ты не можешь отступить. Ты должна смириться с этим. Закончить это. Покорить его.

Если ты проиграешь, так тому и быть. По крайней мере, ты попыталась.

Я поднимаю руку, чтобы постучать во второй раз, но дверь открывается, и мой кулак едва не ударяет Коула в грудь. Меня так и подмывает это сделать, но тень, выглядывающая изнутри, останавливает меня.

Он все еще одет в футболку и джинсы, которые были на нем раньше. Его лицо нейтрально, за исключением небольшого подергивания в уголках губ.

– Зачем, Сильвер, что ты здесь делаешь?

Я отталкиваю его в сторону и врываюсь внутрь. Девушка, Дженнифер, сидит на кровати в одном кружевном лифчике и нижнем белье. Она даже не пытается скрыть свою наготу.

Моя кровь закипает при виде её. Она похожа на меня, или, скорее, на фальшивую меня с фальшивыми светлыми волосами, которые наполнены наращёнными волосами, фальшивыми голубыми глазами и фальшивым всем.

– Сильвер? – Она переводит взгляд с меня на Коула, который всё ещё стоит в дверях. – Я думала, мы собирались поиграть. Что здесь делает твоя сестра?

Сестра.

Чёртова сестра?

– Надираю тебе задницу. – Я поднимаю с пола её дурацкую юбку и футболку и протягиваю ей. – Убирайся.

– О, мне очень жаль. – У неё раздражающий голос, от которого мне хочется нажать кнопку отключения звука. – Что делает тебя моим боссом?

Я хватаю её за руку, мои ногти впиваются в её плоть. Она скулит.

– Останови её, Коул.

Он не делает этого.

Он просто стоит у входа с тем пустым выражением лица, которое, я уверена, скрывает дьявола и его приспешников.

Игнорируя его, я выволакиваю Дженнифер за дверь и бросаю её одежду позади неё.

Она поднимает их, качая головой.

– Никто ничего не говорил о сумасшедшей сестре.

– Я не его грёбаная сестра!

Я захлопываю дверь, чтобы заглушить её голос.

Моё дыхание поверхностное и хрипкое, когда я стою лицом к двери.

Тут. Еще одного убрали с дороги.

Мама права. Женщины могут побеждать.

– Не моя грёбаная сестра, да?

Зловещий голос шепчет у меня за спиной.

Именно тогда я понимаю, что я сделала, и что я совсем одна с Коулом.

Теперь, когда я остановила то, что он планировал, я могу идти. Я кладу свою руку на ручку двери, когда он говорит.

– Уходи, и я позвоню Дженнифер, чтобы закончить то, что мы начали.

Я разворачиваюсь и складываю руки на груди.

– Какого черта, по-твоему, ты делаешь?

– Доказываю, что ты хочешь меня, даже если тебе не нравится это признавать.

– Мы оба знаем, что это *неправда*.

Он убирает прядь волос мне за ухо, бормоча.

– Мы оба знаем, что ты лгунья.

Моё дыхание сбивается с ритма, когда его рука остаётся у моего лица.

– Ты нарядилась для меня, накрасила губы красной помадой, надела туфли на каблуках - трахни меня – и набрызгала свои любимые духи

«Шанель». – Он обнюхивает меня, и я борюсь с желанием наклониться и тоже понюхать его. – Но я предпочитаю, чтобы твои волосы были распущены.

Он дёргает за шпильку, удерживающую мои светлые пряди, позволяя им каскадом падать мне на спину.

– Ты не должна ревновать к Дженнифер.

– Перестань так говорить. Я не ревную.

– Так вот почему ты её выгнала?

– Я выгнала её, потому что она фальшивая. Она не я, ясно?

– Меня это устраивает.

– Ч-что?

– Мне все равно, пока есть сходство. – Он проводит пальцами по моим волосам. – Что это будет, Бабочка? Займи её место или мне перезвонить ей?

– Если ты это сделаешь, я пойду трахну Эйдена.

Он смеётся, но за этим смехом нет никакого юмора, когда он дёргает меня за волосы.

– Мы оба знаем, что ты этого не сделаешь.

– Ты хочешь видео на этот раз?

Он оттаскивает меня от двери и бросает на кровать. Мой вздох наполняет воздух, когда моя спина ударяется о мягкий матрас. Я сглатываю, когда попадаю в его потемневшие глаза.

Это та сторона Коула, которую он никому не позволяет видеть. Та сторона, где он готов закончить жизнь, пока он улыбается.

Он лезет в ящик у кровати и достаёт несколько верёвок. Мои глаза расширяются. Позволяет ли Ронан ему держать такие вещи в своём доме?

– Она или ты?

Я вздёргиваю подбородок.

– Она, должно быть, уже ушла.

– Она вернётся с простым сообщением. Что это будет, Сильвер?

– Ты трахаешь их после того, как связываешь?

В конце мой голос дрожит, и я ненавижу себя за это. Я ненавижу себя за то, что задаю вопрос, который мучил меня с того самого дня, как я увидела ту фотографию в его телефоне.

Он приподнимает бровь.

– Ты сможешь узнать это после того, как я свяжу тебя.

– Нет.

– Нет?

– Ты не можешь трахнуть меня. Ты можешь просто смотреть на меня и желать, чтобы я была у тебя, но ты не можешь трахнуть меня.

Я не буду одной из его других. Я буду собой. Ту, которую он не может иметь, как бы сильно он этого ни хотел.

– Я с этим не согласен. – Коул подходит ко мне.

– Это моя сделка или никакой сделки.

– Ты пожалеешь об этом, Бабочка.

– Это мы еще посмотрим.

– Сними платье, - приказывает он.

– Ты не будешь трахать меня, так что нет.

Он прищуривается, но быстро скрывает это.

– Очень хорошо, Сильвер. Давай сделаем это, по-твоему.

Да, по-моему.

Сила гудит во мне, как кайф. Я лежу на кровати, и, хотя я чувствую чувство контроля, я не могу отделаться от мысли, что это фальшивка.

Нет, я все контролирую. Мы делаем это, по-моему.

Коул раздвигает мои ноги и привязывает их к столбикам кровати. Ощущение его пальцев на моей коже подобно лаве. Верёвки впиваются в мою кожу, поэтому я проверяю их, шевеля пальцами ног; они сжимаются вокруг моей плоти. Он движется к моим рукам, и когда я распростёрта, я понимаю, какую ошибку совершила.

Я оставила себя под его контролем, где он может отменить ставки. Где он может решить никогда не развязывать меня.

Стараясь не волноваться, я говорю своим самым спокойным тоном.

– И что теперь?

– Я еще не закончил.

Он роется в ящике и достаёт кляп с шариком и повязку на глаза. Я сглатываю, а затем притворяюсь, что мысль о потере всех чувств не пугает меня до чёртиков.

– Ты хочешь, чтобы я остановился на этом, похлопал тебя по спине и отпустил?

Он спрашивает тем же насмешливым тоном, которым обычно спрашивает, трусиха ли я. Он говорит это без слов.

– Я не из тех, кто сдаётся. – Говорю я.

Улыбка изгибает его губы, когда он оборачивает кляп вокруг моего рта и завязывает его за моей головой, которую он опускает на подушку. Почти мгновенно на резине образуется слюна, сколько бы я ни пытался проглотить.

Садистская улыбка Коула - последнее, что я вижу, прежде чем он закрепляет повязку на моих глазах, погружая мой мир во тьму.

Потеря зрения заставляет меня очень хорошо осознавать всё остальное. Таких, как ощущение мягких простыней подо мной, аромат Коула с корицей и лаймом, мурашки, которые он оставляет, когда проводит пальцем по моей щеке.

– Ты облажалась, Сильвер. – Его зловеющий голос наполняет тишину воздуха, как рок. – Ты не должна был давать мне такую власть над тобой.

–Ммм. – Бормочу я, но кляп не даёт мне произнести ни слова.

Он проводит пальцем по моей верхней губе.

– Ты знаешь, как сильно я мечтал о том, чтобы ты была полностью в моей власти?

Коул фантазировал обо мне?

О, Боже. Почему это звучит более неправильно, чем нынешняя ситуация? И почему я хочу смотреть на его лицо, когда он это говорит?

Его пальцы обхватывают моё горло, и он сжимает. Это не удушающе и далеко не так сильно, как когда он трахал меня у стены душа, но дрожь всего тела охватывает меня и проносится прямо между моих ног. Это может быть беспомощность или тот факт, что я не смогу остановить его, если он будет сжимать слишком сильно.

– Я не могу трахнуть тебя, но я могу поиграть с тобой.

Его рука покидает мою шею, и всё его присутствие исчезает.

Потеря ощущается в моей груди прежде, чем я могу контролировать свою реакцию.

Где он сейчас? Он ушёл?

То, что кажется часами — но может быть всего лишь минутами, — проходит, пока я пытаюсь контролировать слюнотечение и считать пульс в ушах.

Боже, почему я чувствую себя такой сверхчувствительной ко всему?

– Коул...

Я бормочу его имя сквозь кляп. Это выходит неразборчиво.

Где он? Он поставил меня в такое положение, и самое меньшее, что он может сделать, - это снизить накал страстей.

Я чувствую, что сейчас взорвусь. Я никогда в жизни не была такой беспомощной, и тот факт, что Коул является свидетелем этого, вызывает небольшие всплески адреналина во мне.

Затем, внезапно, его пальцы сжимают мои бедра, и я пытаюсь сжать их, но моё положение и верёвки не дают мне ничего изменить.

Коул задирает моё платье до талии, обнажая мои бедра на прохладном воздухе.

– Лежи спокойно, Бабочка. Ты только оставишь синяки на этой прекрасной фарфоровой коже.

Прекрасной.

Он думает, что у меня прекрасная кожа.

Тьфу, мозг, серьёзно? Его рука скользит по моему бедру, и все, о чём я могу думать, это то, что это?

Он обхватывает меня через нижнее бельё, и я стону. Как будто я была в огне, и он, наконец, погасил его.

– Блядь, ты вся промокла.

Он стягивает моё нижнее бельё так далеко, насколько оно спускается по моим ногам, и прежде чем я успеваю сосредоточиться на прикосновении его пальцев к внутренней стороне моих бёдер, его руки исчезают.

– Тебе это нравится, не так ли? – Он обводит мой клитор своими длинными пальцами, заставляя мою спину выгибаться над кроватью. – Тот факт, что ты под моим контролем, тот факт, что я могу делать с тобой всё, что захочу, без твоего вмешательства?

Я хочу покачать головой, но ощущение, которое он вызывает в моём теле, заставляет меня замереть. Я просто хочу больше этого.

Большого.

– Я собираюсь попробовать тебя на вкус. На этот раз по-настоящему.

А затем его рот занимает место его пальцев, посасывая мой клитор. Я вскакиваю с кровати и тут же разваливаюсь на части, оргазм захлёстывает меня, как водопад.

О, Боже.

Я так возбуждена, что кончаю только от его губ, прижатых ко мне.

– Чёрт, детка. – Говорит он напротив моего клитора. – Я собираюсь насладиться тобой.

И он это делает.

Я ещё даже не отошла от первого оргазма, когда он начинает ласкать мои складки.

Одна его рука сжимает мои бёдра, в то время как другая скользит под моё платье и щиплет мой сосок под встроенным лифчиком.

Я не могу спокойно лежать на кровати, мои связанные конечности дёргаются в верёвках. Тот факт, что я связана и не могу видеть или кричать,

добавляет удовольствия, о котором я никогда не думала, что это возможно. Как будто он крадёт все мои чувства, все мои мысли, а затем засовывает их обратно, чтобы они сосредоточились на этом моменте.

Его язык погружается в меня и выходит из меня с безумной свирепостью, как будто он трахает меня своим членом.

Я кричу, но это выходит приглушённо, когда я кончаю снова, моя голова падает набок, а щеки пылают.

– Ты вызываешь привыкание, Бабочка. – Гул его голоса и лёгкая щетина создают другой тип трения о мои самые интимные части тела. – Я не остановлюсь, пока ты не признаешь, что принадлежишь мне. Только мне.

О, Боже.

– Если ты хочешь, чтобы я остановился, я остановлюсь. При одном условии. – Он заползает на меня сверху. – Я собираюсь вытащить кляп, и ты будешь стонать моё имя.

В тот момент, когда он развязывает кляп, я притворяюсь, что сделаю, как он просит. Я дам ему то, что он хочет, чтобы он покончил с этим, но вместо этого я сглатываю слюни и говорю.

– Я ненавижу тебя.

– Твой выбор, Сильвер.

Его голос спокоен, но я чувствую темноту под ним.

Я разозлила его, и он отомстит.

И может быть, просто может быть, это именно то, чего я хочу.

После того, как он вставляет кляп на место, он возвращается к поеданию меня, как животное, сумасшедший, который не может остановиться.

Я кончаю снова и снова.

К четвёртому оргазму я думаю, что у меня обезвоживание, и я упаду в обморок.

Колени Коула по обе стороны от меня, когда он снова заползает на меня и вынимает кляп.

– Теперь скажи это.

– Н-нет.

– Нахуй твоё упрямство, Сильвер. Ты думаешь, я отпущу тебя?

Это отнимает всю мою энергию, но мне удаётся выдавить.

– Покажи мне своё худшее, Коул.

Он невесело усмехается.

– Ты сама напросилась.

Пока он завязывает кляп на месте, я готовлюсь к большему. Ну и что, если я упаду в обморок? Я никогда не позволю ему сломать меня.

Затем дверь открывается, и я замираю, моё сердце чуть не выпрыгивает из горла.

О, нет. Нет, нет, нет...

Если кто-нибудь увидит нас и...

– Похоже, будет весело. Меня должны были пригласить, учитывая, что я жених и все такое.

Я глубоко вздыхаю, услышав голос Эйдена. Моё тело оседает, и я изо всех сил стараюсь держать глаза открытыми за повязкой. Моё дыхание начинает шуметь в ушах, и я едва могу различить своё размытое окружение.

– Отвали, – спокойно говорит Коул, разглаживая моё платье, и я чувствую, как он стягивает моё нижнее белье вверх по ногам.

Тот факт, что он скрывает мою наготу от Эйдена, должен заставить меня быть благодарной, но я ненавижу его слишком сильно, чтобы чувствовать какую-либо благодарность прямо сейчас.

– Что это было, шурин?

– Скажи это еще раз, и я убью тебя.

Это первый раз, когда я слышу от Коула такую прямую угрозу.

Как будто он готов выполнить свою угрозу прямо здесь, прямо сейчас.

– Разве ты не видишь, что делаешь? – Голос Эйдена. – Она в обмороке.

– Это не твоё дело. – Говорит Коул.

Руки снимают повязку с глаз, и я щурюсь на свет, прежде чем разглядеть выражение лица Эйдена. Он презрительно улыбается мне сверху вниз.

– Ты у меня в долгу.

– Йоу. – Доносится из-за двери пьяный голос Ронана. – Какого хрена? У тебя секс втроём, а меня не пригласили?

Коул прогоняет его, и к тому времени, как он возвращается, Эйден уже развязывает меня.

Мои веки трепещут, закрываясь, несмотря на мои попытки держать их широко открытыми.

Я чувствую себя не очень хорошо.

– Сильвер. – Коул хлопает меня по щеке. – Блядь, Сильвер?

– Я же говорил тебе, что она была без сознания. – Говорит Эйден. – Я знаю, что ты легкомысленный, но ты потерял кнопку «Стоп»?

– Ты, блядь, заткнись. – Коул фокусируется на мне. – Сильвер, ты меня слышишь?

– Я ненавижу тебя. – Бормочу я и затем сдаюсь темноте.

Глава 20

Сильвер

Я не знаю, как я добралась домой. Там были голоса, Эйдена и Коула, и они спорили о том, кто сядет за руль, а кто будет держать меня на заднем сиденье машины. Я помню, как мне хотелось открыть глаза, чтобы увидеть, как они дерутся.

– Я жених. Само собой разумеется, что я должен обнять её. В конце концов, ты будешь всего лишь любящим братом, не так ли?

– Если ты не заткнёшься нахуй и не сядешь за руль, я позвоню Эльзе, чтобы посмотреть, как ты ведёшь себя как *любящий жених*.

– Пошёл нахуй, Нэш.

Один из них, должно быть, победил, потому что сильные руки несли меня, а затем я погрузилась в этот аромат корицы и тепло.

Я наполовину ошеломлена, плыву, и я все еще чувствую его запах, чувствую его, тайно жажду его.

Что со мной не так?

Его пальцы гладят мои волосы, затем его губы касаются моего носа, моего виска. Он успокаивает меня, шепчет слова, которые я ни за что на свете не смогу разобрать.

И, вероятно, именно так я снова сдаюсь тьме. Я вхожу и выхожу из неё, как будто не могу слишком долго оставаться на одном месте.

Когда я снова прихожу в себя, слышу разные голоса — папы и Хелен. Я лежу на своей кровати; я узнаю её по цветочному аромату и текстуре.

Коул говорит что-то о том, что я упала в обморок, потому что мало ела.

Дерьмо.

Ему удаётся ускользнуть от всего, как ему заблагорассудится. Не то чтобы я хотел, чтобы кто-нибудь знал, что произошло. Достаточно плохо, что мы были обнаружены Эйденем и Ронаном.

– Это все из-за влияния Синтии и всех диет.

Папочка звучит разъярённым, как будто он собирается ворваться в её квартиру и начать драку из ниоткуда.

– Успокойся, Себастьян.

Спокойный тон Хелен немного успокаивает его — и меня. Она говорит, что принесёт мне что-нибудь выпить, и все будет хорошо. Что они все должны успокоиться.

Я не открываю глаза, даже когда часть моей энергии возвращается обратно.

Встретиться лицом к лицу с папочкой и тем, что я сделала, - это последнее, что я хочу сделать.

Кроме того, я не хочу видеть лицо Коула. Слышать этот низкий тенор его голоса, когда он говорит папе, что я не хотела морить себя голодом и что я могу быть в стрессе, уже слишком тяжело, чтобы справиться.

На этот раз я молюсь о бессознательном состоянии. Я хочу исчезнуть из этого мира и каким-то образом проснуться в том, где я не чувствую себя так, как будто убила несколько щенков.

Хелен вытирает мне руки влажной тряпкой, пахнущей жасмином. Это убаюкивающее ощущение заставляет меня чувствовать себя безмятежно, почти умиротворённо. Она каким-то образом выпроваживает папу и Коула, и вот тогда я сдаюсь черноте за своими веками.

Мне снятся голоса. Сначала это голос моей мамы, говорящий мне, что я разочаровала её и что она не так воспитывала меня, чтобы я стала такой.

Глубоко внутри я знаю, что это говорит чувство вины, но я не могу сдержать слез, которые текут по моим щекам. Я снова та восьмилетняя девочка, одетая в платье принцессы с ленточками-бабочками, бегущая по улице и плачущая.

– Папочка! Мамочка! Мне так жаль. Вернитесь, пожалуйста.

Они этого не делают. Они продолжают идти в разных направлениях. Я стою посреди улицы, не зная, за кем идти. У меня замёрзли ноги. Моё сердце бьётся быстрее с каждой секундой.

– Мамочка! Папочка!

Они не оборачиваются и не узнают меня. Они просто продолжают идти, становясь все дальше с каждым вдохом.

– Тебе нужна помощь, моя красавица?

Моя голова вскидывается от учтливового голоса. Адам. Он большой, как в реальной жизни, и на нем футболка для регби. Он улыбается, когда струйка крови сочится из его зубов, а затем стекает по подбородку.

– Д-держись от меня подальше.

Я отступаю назад. Он входит.

Кровь теперь капает на его голубую майку и белые шорты. Его улыбка покраснела, а глаза скрыты тенями.

– Ты прекрасна, настоящий шедевр. – Его голос становится монотонным, как у демонов из фильмов ужасов. – Пойдём со мной.

– Нет! – Я продолжаю пятиться, глядя на дорогу, по которой пошёл мой отец. – Папочка!

Он останавливается, и в моей груди вспыхивает надежда, но, когда он оборачивается, его лицо хмурится.

– Ты разочаровала меня, Сильвер. Ты больше не моя дочь.

Затем он испаряется в дым.

– Нет! Папочка!

Адам и его тень становятся все ближе. Я делаю большие шаги назад, моё сердце чуть не выпрыгивает из груди.

Я смотрю на другую дорогу.

– Мама! Вернись, пожалуйста.

Она возвращается, но плачет. Её слезы красные, а рука обхватывает запястье. Из него брызжет кровь и скапливается у её ног.

– Зачем ты это сделала, Куколка? – шепчет она, а затем падает в бассейн и тонет в нем.

– Мааам!

– Теперь у тебя есть только я.

Адам протягивает руку в чёрном пальто в мою сторону.

Я кричу.

Звук приглушается, когда другая рука обхватывает меня сзади и ломает мне шею.



Я вздрагиваю, просыпаясь, когда меня встречает темнота в моей комнате.

Моё хриплое дыхание эхом отдаётся в тишине, а одежда прилипает к спине от пота.

Он придёт за мной. Он поймает меня.

Он будет...

– Сильвер?

Звук голоса Коула мгновенно успокаивает меня. Я не знаю, как, но это так.

Он нажимает на выключатель, чтобы показать, что сидел на моей кровати. Схватив меня за руку, он медленно разжимает мои окоченевшие пальцы, сжимающие ожерелье. Я держала его и свою грудь мёртвой хваткой, как будто это могло спасти меня от кошмара, который я видела.

Нет. Я видела не только этот кошмар. Я прожила и прочувствовала это до мозга костей. Папа и мама бросили меня.

Адам шёл за мной, а потом он или что-то ещё убило меня. Никого не было рядом со мной.

Рыдание вырывается из моего горла, и мне кажется, что я целую вечность сдерживалась, чтобы выразить то, что скрывается внутри меня.

– Иди сюда, Бабочка.

Коул раскрывает объятия.

Я без колебаний ныряю в них, мои руки обвиваются вокруг его талии, а лицо исчезает в твёрдых мышцах его груди.

Всякий раз, когда я вдыхаю, я вдыхаю его чистый аромат, смешанный с корицей, и это похоже на мою собственную терапию.

В течение долгих секунд мы стоим там, пока он убирает мои волосы со лба и вырисовывает маленькие круги на моей спине.

Моё дыхание выравнивается, и как только я думаю, что снова засну, его тихий голос окружает меня.

– Что случилось?

Как будто чары были разрушены. Какой бы сильно я ни пыталась притвориться, что нимб существует, он разбивается вдребезги вокруг меня.

Он - причина, по которой мне приснился тот кошмар. Как, черт возьми, я могла найти в нем убежище?

Я начинаю отталкиваться, но Коул удерживает меня на месте, положив руку мне на спину. Буквально на моей спине. Он запустил руку под мою безразмерную футболку и положил ладонь на мою обнажённую кожу.

Чёрт возьми.

Внезапно я полностью осознаю, что под футболкой я совершенно голая.

– Т-ты передел меня?

Я смотрю на него с ужасом.

– Мама передела. – Его губы растягиваются в ухмылке. – Не то чтобы это было бы чем-то новым, если бы я увидел тебя голой. Я даже могу представить тебя прямо сейчас.

Я хмуро смотрю на него, затем сжимаю руку в кулак и бью его по груди. Он хихикает, звук тихий и непринуждённый в комнате.

– Попалась. – Он убирает мои волосы со лба. – Я думал, что потерял тебя там на секунду.

– Это был просто кошмар.

Причём очень реальный.

Я чувствую, что это кошмар всей моей жизни. После развода моих родителей мне снились похожие кошмары об их отъезде. После маминой попытки самоубийства мне месяцами снилась кровь.

Однако это первый раз, когда все выливается одновременно.

– Кошмары обычно являются проявлением твоего подсознания.

Пальцы Коула все еще запутаны в моих волосах, и я бы замурлыкала, как котёнок, если бы не хотела ударить его прямо сейчас.

– Да, и моё подсознание, как и моё сознание, ненавидит тебя.

Этот кошмар был симптомом моей вины за то, чему я позволила случиться с Коулом. Извращённое удовольствие, которое я получила от этого. Ощущение учащённого сердцебиения, которое я продолжаю испытывать всякий раз, когда он нажимает на мои кнопки или бросает мне вызов.

Это все из-за него и его проклятого существования я выхожу из-под контроля.

– Я не знал, что ты упадёшь в обморок. - Спокойно говорит он.

– Как будто тебя это волнует? – На этот раз я действительно отстраняюсь от него, устанавливая столь необходимую дистанцию между нами. – Твоя единственная цель - получить то, что ты хочешь. Что, если я упаду в обморок, или умру, или меня собьёт долбаный автобус? Всё это будет просто частью твоих дурацких игр.

– Это неправда.

– Неправда? Дай мне передохнуть, Коул. Ты делаешь это со мной только для того, чтобы доказать, что можешь, быть победителем, как обычно, видеть, как я разбиваюсь и проигрываю.

Он переплетает наши пальцы и кладёт их себе на живот, наблюдая за мной с непроницаемым выражением лица.

– Это то, о чём ты думаешь?

– Это то, что есть на самом деле.

– Это *не* так.

– Ты хочешь сказать, что сделал бы всю эту чушь, если бы не чувствовал угрозы со стороны Эйдена?

К концу мой голос теряет силу, и я проклинаю себя за то, что эта мысль так повлияла на меня.

– Перестань упоминать его, когда мы с тобой разговариваем. – Его тон понижается. – Если это касается только нас, то это будет касаться только нас двоих.

– Ты хочешь, чтобы это касалось нас двоих? Хорошо. Вот наш разговор вдвоём... Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое, чёрт возьми.

– Видишь ли, у тебя проблема, Сильвер.

– Проблема?

– Ты лгунья, и ты отрицаешь это. Ты можешь лгать себе сколько угодно, но ты не можешь лгать мне. Ты не можешь шпионить за мной, когда я играю в футбол или плаваю, а потом притворяться, что тебе на меня наплевать. Ты не можешь вести себя собственнически по отношению ко мне, прогоняя всех девушек, а потом решить, что ты сделала это только ради семейного имиджа. Ты не можешь кончать ото всего: моих пальцев, моего языка и моего члена, а потом притворяться, что ты, блядь, не хочешь меня.

О, Боже.

Я проглатываю комок в горле, уставившись на него так, словно у него выросло две головы.

– Но это не единственная ложь, которую ты говоришь себе, – продолжает он тем раздражающе спокойным тоном. – Ты притворяешься, что счастлива за своего отца, когда втайне ненавидишь его новый брак, потому что у тебя всегда была сказочная мечта о том, чтобы твои родители

снова были вместе. Ты любишь мою маму, но из-за этого чувствуешь себя виноватой перед своей мамой. Иногда ты жалеешь, что родилась ребёнком своих родителей, потому что, возможно, это заставило бы тебя чувствовать себя здоровой, как другие дети с неразделёнными родителями. Ты чувствуешь себя виноватой за то, что порвала дружбу с Кимберли, но ведёшь себя с ней как сука, потому что это твой единственный защитный механизм, чтобы держать её подальше. Ты же не хочешь, чтобы она видела твои уродливые стороны или то, какой пустой ты на самом деле чувствуешь себя внутри. У тебя есть недостатки, и ты ненавидишь эти недостатки, поэтому ты используешь своё отношение и внешность, чтобы заставить всех поверить, что ты идеальный человек, в которого они хотели бы превратиться.

– Ты оставляешь Саммер и Веронику своими друзьями, потому что они одноразовые, и поэтому ты не будешь чувствовать боль, которую всё ещё испытываешь, когда смотришь в сторону Кимберли и понимаешь, что она тоже оставила тебя и предпочла Эльзу тебе. Правда в том, что ты ревнуешь к Эльзе, и это не из-за Эйдена. Ты ревнуешь не только к тому, что она забрала Ким, но и к тому, что Ронан и Ксандер тянутся к ней и оставляют твой снобизм позади. Но ты не можешь сказать им, чтобы они проводили с тобой больше времени, потому что это заставит тебя казаться слабой, и ты ненавидишь это больше, чем потерять всех своих друзей, которые действительно важны. Ты позволяешь парням сблизиться, но никогда не подходишь достаточно близко, чтобы они могли увидеть, кто ты, *что* ты такое. Ты никому не позволяешь видеть своё лицо без макияжа, потому что стесняешься веснушек на носу. Ты также стесняешься слушать рок-музыку, и делаешь это втайне, потому что боишься, что, если Синтия или кто-нибудь другой узнает, что ты её слушаешь, они подумают, что ты не заслуживаешь играть на пианино. Ты...

– Заткнись!

Мой голос дрожит, затем срывается, выходя таким же загнанным, как я себя чувствую.

Как будто я выслушала искажённый пересказ своей жизни. Как будто кто-то погрузил свои пальцы внутрь меня и вырвал часть меня, которую я всегда держала под замком.

Нет. Не кто-то.

Коул.

Он снова принял мой выбор и узнал то, что не должен был узнать.

Учитывая, насколько он наблюдателен, я решила, что он кое-что знает обо мне, но никогда, даже в самых смелых мечтах, я бы не подумала, что он копает слишком глубоко.

– Почему? – говорит он небрежно, как будто он только что не перевернул мой мир с ног на голову. – Тебе не нравится слушать, как тебе бросают правду в лицо? Я могу рассказать тебе о...

– Прекрати. – Я подразумевала это как приказ, но звучит как мольба. – Просто остановись, Коул.

Он кладёт руку мне на затылок и притягивает меня к себе, так что наши лбы соприкасаются. Я делаю резкие вдохи, вдыхая его с каждым вдохом.

– Вот в чем дело, Бабочка, я не могу остановиться.

– Почему нет?

– Потому что ты мой хаос, а я не могу выжить без хаоса.

– Я - хаос?

– Худший из всех. Самый красивый из всех. И знаешь, что? С таким же успехом ты можешь быть самым смертоносным.

Моё дыхание прерывается.

– Ты когда-нибудь отпустишь меня?

– А ты?

Нет.

Это слово пронзает мою голову так же реально и так же выворачивает наизнанку, как тот кошмар. Не нужно об этом думать. Я точно знаю, что, если бы я снова увидела рядом с ним какую-нибудь девушку, я бы спланировала её уничтожение и разорвала её на неузнаваемые кусочки.

Но я этого не говорю, потому что, по правде говоря, я знала, что Коул жил ради хаоса. Под его спокойной внешностью это единственное, что он планирует. Единственное, ради чего он живёт изо дня в день.

Он всегда, без сомнения, теряет интерес, как только хаос становится скучным.

Для меня это тот же случай. Если я перестану вносить хаос в его жизнь и каким-то образом нарушать её течение, он бросит меня, как будто меня никогда не существовало.

Эта мысль пронзает моё сердце сильнее, чем проявление моего подсознания в том кошмаре.

Если я хотя бы отдалённо хочу заполучить его, то мне нужно быть его хаосом.

Его единственным хаосом.

И за это я подвожу папу, маму и даже Хелен. Я свободно падаю в грех, и у меня нет способа остановить это.

– Так я и думал.

Он усмехается, целует меня в нос и снова притягивает к себе.

Он ложится на спину и прижимает меня к изгибу своего тела так, что я наполовину лежу на нём.

– Коул? Что ты делаешь?

Его глаза уже закрыты.

– На что это похоже? Я сплю.

– Ты не можешь спать здесь, - шепчу-шиплю я, но, когда пытаюсь встать, он прижимает меня к себе.

– Конечно, я могу, Бабочка. На самом деле, мне не нравится моя кровать. Я буду пользоваться твоей каждый вечер.

– Ты не можешь этого сделать.

– Наблюдай.

– Папочка или Хелен могут войти.

– Она заперта, они не войдут.

– И все же...

– Просто заткни свой переполненный мозг на секунду. – Прерывает он меня, вздыхая. – Закрой глаза и спи.

– Ты думаешь, это так просто?

– Это просто. Я дам тебе советы, как лучше спать.

– Советы?

– На самом деле это один из них. Думай обо мне.

Я стону, кладя руку ему на грудь. Теперь, когда он вложил эту идею мне в голову, я так уверена, что так и сделаю.

– Я ненавижу тебя. – Говорю я ему.

Он улыбается, когда его губы касаются моего виска и остаются там.

– Не так сильно, как ты хочешь меня, Бабочка.

Глава 21

Коул

Как бы Сильвер ни вела себя как стерва или ни направляла всю свою злобу на меня, она спит как ангел.

Буквально как ангел.

Она прижимается ко мне, её ногти впиваются в мою футболку. И я внутренне стону при воспоминании о том, как она впивалась ими в мою спину. Она думает, что причинила мне боль, хотя на самом деле она доказывала, насколько собственнически она относится ко мне на самом деле.

Неужели она действительно думала, что я не замечу, что она оставляет эти следы, чтобы всё женское население увидело их? По сути, она метила свою территорию.

Сильвер, возможно, более сдержанно относится к своему собственничеству, но оно скрывается на заднем плане, ожидая, когда его выпустят в мир.

Её длинные ресницы трепещут на щеках, а губы чуть приоткрываются, желая, чтобы мои пальцы оказались внутри них.

Свободная футболка скользит вниз по её декольте, очерчивая бледную плоть груди, и есть намёк на её розовый сосок, который умоляет о моём грёбаном рте на нём.

Я медленно натягиваю рубашку, чтобы скрыть это. Мой член протестует, но ему нужно подождать. Сильвер, может, и спит как ангел, но спит она чутко. Если я прикоснусь к ней, она проснётся, и я знаю, что не остановлюсь, если начну прикасаться к ней. Сначала я должен позаботиться кое о чем другом.

Конечно, я не спал. Во-первых, она слишком отвлекает, вот так прижимаясь ко мне. Во-вторых, это один из самых редких шансов, которые я получу, чтобы позаботиться о незаконченных делах.

Я мог бы сделать это в машине раньше, после того как заставил Эйдена отвезти нас, пока я держал её на заднем сиденье, но я был слишком сосредоточен на её благополучии, чтобы думать о чём-то ещё.

Эйден был прав — я зашёл слишком далеко. Но в том-то и дело, что с Сильвер ясно, что у меня нет тормозов, когда дело касается её.

Это нехорошо.

Контроль - это всё, что у меня есть. Я командую ситуациями и людьми ещё до того, как действие разыграется. Я режиссёр, но мои декорации настоящие, а мои актёры - настоящие люди.

Однако, когда Сильвер появилась в моей комнате в доме Ронана, одетая как грёбаная фантазия, и не только выгнала Дженнифер, но и заняла её место, я потерял всякий здравый смысл.

После последнего сообщения, которое я ей отправил, я заподозрил, что она последует за мной; я никогда не думал, что она будет так прямолинейна в этом. Я никогда не думал, что она действительно позволит мне связать её, заткнуть ей рот кляпом и завязать глаза. Или что она будет наслаждаться этим так, как она это делала.

Потом она разозлила меня, отказавшись признать, что хотела этого, и я потерял счёт.

Я не могу этого сделать.

Мне нужен пульт дистанционного управления, когда я с ней. Или это то, что я сказал себе.

Потом я обнаружил, что снова пробираюсь в её комнату.

Было немного легче, когда её не было со мной. Теперь, когда она моя, я не могу оставаться в стороне. Не прикасаться к ней стало равносильно физической пытке.

А теперь мне нужно знать, что её беспокоит. Никто с ней не трахается. Или, по крайней мере, никто, кроме меня.

Медленно двигаясь, я беру её телефон с тумбочки и использую отпечаток её указательного пальца, чтобы разблокировать его.

Она что-то бормочет, но затем её дыхание снова выравнивается.

Её обои - это фотография нас четверых со свадьбы. Она обнимает Себастьяна за талию, а я стою рядом с мамой.

Я скриплю зубами.

Я знаю, что она делает. Она каждую секунду дня напоминает себе, что мир видит в нас брата и сестру, даже если она этого не делает.

Это мы еще посмотрим, моя Бабочка.

Я открываю её галерею и просматриваю последние фотографии. В основном это несколько селфи, которые она сделала с Саммер и Вероникой по дороге на вечеринку Ронана.

Затем я нахожу картинку, которая заставляет меня остановиться и щёлкнуть по ней.

Это снимок, на котором она выходит из душа, одетая в полотенце, её мокрые светлые волосы падают по обе стороны от неё. Это селфи, но всего её лица не видно — только от носа вниз.

Она прикусывает нижнюю губу зубами. Её полотенце слегка болтается вокруг сисек, чтобы показать засос — тот же самый, который я оставил над её правой грудью, когда трахал в душе.

Сильвер сделала этот снимок сразу после того, как я ушёл. Она хотела запомнить его, сохранить на память.

Я улыбаюсь ей сверху вниз. Если засосы - это то, чего она хочет, я буду омывать ими её тело, пока весь грёбанный мир не узнает, что она занята. Они могут никогда не узнать, что это я, но они будут знать, что она кому-то принадлежит.

После отправки фотографии на свой телефон я удаляю следы и перехожу к её сообщениям, игнорируя групповой чат с её пустыми друзьями. Мне не нужно долго искать, чтобы найти то, что я ищу. *Неизвестный Номер*.

Мои мышцы напрягаются, чем больше я читаю тексты. Они начались много лет назад — три, если быть точным. Это было примерно в то время, когда она приклеилась к своему телефону, иногда улыбаясь, а иногда хмурясь.

Номер отправляет сообщения почти ежедневно. В большинстве из них он говорит ей, что она красива, а в других он упоминает подробности её повседневной жизни, которые он не узнал бы, если бы не наблюдал за ней внимательно.

Особняк Куинсов имеет высокую степень безопасности. Никому, кроме членов семьи и команды Себастьяна, не разрешается входить внутрь без присмотра. И Синтии. Каким-то образом Себастьян позволяет ей свободно входить в его дом.

Он не отправлял сообщений о её домашней одежде. В основном они касаются того, что она надевает на выход. Так что это означает, что он близко, но не слишком близко.

Последнее сообщение, которое он отправил, было в день свадьбы.

Неизвестный Номер: Ты сегодня прекрасна, как роза, наконец-то лишённая девственности. С восемнадцатым днём рождения. Теперь ты женщина.

Моя хватка крепче сжимает телефон, когда мои чувства взлетают до уровня повышенной готовности.

Я смотрю на спящую Сильвер, на то, как её пальцы крепко сжимают меня, как будто она боится, что повторится тот же кошмар, что и раньше.

В другой руке она сжимает ожерелье с бабочкой, то самое, которое я ей подарил, и которое она никогда не снимала.

У Сильвер есть кто-то, кто одержим ею, наблюдает за ней, возможно, мастурбирует под её фотографии в темноте своей комнаты.

Кто-то, кто медленно, но, верно, становится угрожающим. И она скрывает это от всего мира.

У Сильвер есть кто-то, кто хочет её хаоса.

Совсем как я.

Глава 22

Кукольный Мастер

У тебя когда-нибудь возникало ощущение, что ты так близко? Что один шаг - это все, что тебе потребуется, чтобы получить это? Что ты сделал несколько шагов, но последний самый трудный?

У меня - да. Все время.

Однако в последнее время все складывалось не так хорошо. Слишком много глаз. Слишком много людей. Слишком много охраны.

Мне нужно вытащить свою куклу, пока не стало слишком поздно.

Я буду защищать её. Я искупаю и вымою её. Я накормлю её.

И в конце концов она поймёт, что её судьба всегда была со мной.

Она достаточно потратила свою жизнь на людей, которые её не заслуживают. Я заслуживаю.

На самом деле, я всегда так делал.

Я заслуживаю её больше, чем она заслуживает жизни.

Я должен действовать быстро, потому что другой понимает, что я пытаюсь сделать.

План уже в действии. Мне просто нужно убрать с дороги все эти раздражающие вещи, называемые людьми.

Никто не встанет между мной и моей куклой.

Моё искусство.

Мой шедевр.

Глава 23

Сильвер

Проходит неделя, и Коул оставляет меня в покое.

По крайней мере, частично. Он все ещё использует любую возможность, чтобы действовать мне на нервы и заставить меня проигрывать во всём, даже если это спор.

Он никогда не отступает. Клянусь, он живёт, чтобы видеть, как я страдаю.

Тем не менее, он не пытался заняться со мной сексом с того времени в душе. Он даже не пытался связать меня, как в доме Ронана.

Ну, я *запирала* дверь своей комнаты каждую ночь, но я не слышала, чтобы она открывалась, а это значит, что он не пытался. Я имею в виду, что он сказал, что ему не нравится его кровать и он предпочёл бы спать в моей.

Не то чтобы я разочарован или что-то в этом роде.

Я даже не была разочарована, когда проснулась тем утром после того, как заснула в его объятиях и обнаружила, что я одна в своей постели.

Я не была.

Дело в том, что я никогда не чувствовала, что моя кровать пуста, пока он не заснул в ней, превратив меня в карлика в своих объятиях, просто чтобы исчезнуть, как будто этого никогда не было.

Зачем обнимать меня перед сном, если он собирался уйти? Кроме того, почему я не почувствовала, как он ушёл? Я запуталась вокруг него со всех сторон. Я должна была почувствовать это, когда он высвободился из моих объятий.

Что бы я сделала, если бы знала? Не то чтобы я сказала ему что-то глупое вроде «останься».

Так или иначе, я был спокойна. Полный покой. Я навещала маму, и мы обедали вместе. Она все ещё, кажется, не в духе, но она работает и агитирует за партию. Маме лучше, когда её голова занята работой. Кроме того, она встречается с успешным французским бизнесменом Люсьеном, с которым она меня познакомила. Он кажется весёлым и обладает харизмой пожилого мужчины, которая на самом деле может соперничать с харизмой моего отца.

Очевидно, не в моих глазах, а в её. Если она познакомила его со мной, он не будет одним из тех парней, с которыми она встречается один раз, а потом исчезает.

Это означает, что мои родители никогда больше не будут вместе. Не то чтобы у них были какие-то шансы, когда они оба были одиноки.

Кампания папочки была фантастической. Мне нравится читать комментарии к нашим социальным фотографиям и то, как большинство людей уважают его, даже если они с ним не согласны.

Часто раздаются комментарии о том, насколько хорош собой Коул, и спрашивают, пойдёт ли он по стопам своего отца или отчима. Бизнес или политика. Я хочу протянуть руку и выколоть им глаза. У меня есть комментарии, которые хвалят меня в моих социальных сетях, но я понятия не имею, почему я прихожу в ярость, когда речь заходит о Коуле.

Ладно, значит, я волнуюсь по поводу всего, что связано с Коулом. Поверьте, я хочу контролировать это, как-то преодолеть это, но каждый раз, когда я лежу в постели, мои пальцы сами находят мою киску, и я представляю, как он лежит рядом со мной, когда я довожу себя до оргазма. Они никогда не кажутся такими интенсивными, как те, которые он мне приносит, и я всегда чувствую себя грязной после этого, и всё же я повторяю это каждую ночь.

Мне нужна помощь.

Но я отказываюсь признавать это вслух, поэтому я сосредотачиваю свои усилия на том, чтобы разлучить Эльзу и Эйдена.

Он начинает отдаляться от меня, и мне это не нравится. Мне нужен постоянный запасной план, и Эйден - это тот план для меня.

И ладно, может быть, я присматривала за Коулом. После его речи «Я все знаю», произнесённой прошлой ночью, я была осторожна в том, как я себя веду. Я сомневаюсь, что он знает о девушках, которым я солгала о его члене или о том, какой он холодный, — похоже, им нравится последнее, поэтому они продолжают возвращаться за большим, и вот тогда мне приходится угрожать им.

Иногда я чувствую себя виноватой из-за этого, а иногда мне кажется, что я делаю миру одолжение и защищаю этих девушек от безумия, которым является Коул.

И нет, я не ревную.

Потом есть Эйден. Когда я упомянула, что он встречался с Эльзой, и сказала ему, что мы договорились, он отмахнулся от меня.

– И я могу расторгнуть сделку, когда захочу. – Сказал он. – Я повеселился, и я волен покончить с этим. Кроме того, ты изменщица, Куинс.

Он рассмеялся, проходя мимо меня. Идиот.

Я изменщик? А как насчёт его чёртовых сексуальных сцен с Эльзой?

Не то чтобы это имело значение. Я знаю, что держусь за шаткую ниточку, но я не могу просто отпустить её.

Когда я направляюсь к школьной парковке, никого не видно. Я ускоряю шаг к своей машине, потому что Коул только что ушёл, и он сказал Хелен, что сегодня будет дома поздно. У него нет практики, и Ронан не устраивает вечеринку сегодня вечером, так что мне нужно выяснить, куда он собирается.

Тихий звук «тук-тук» раздаётся у меня за спиной, и я замираю. Мои лопатки сводит вместе, и мне кажется, что кто-то хватает меня за живот.

Я ускоряю шаг, и постукивание тоже ускоряется.

Дерьмо.

Чья-то рука сжимает моё плечо.

– Привет, Сильвер.

Я задыхаюсь, когда поворачиваюсь так быстро, что чуть не падаю. Вот тогда-то я и столкнулась лицом к лицу с Адамом. Он стоит, засунув руку в карман форменных брюк, и протягивает мне что-то.

Кошмар снова бьёт меня по лицу. Кровь. Чёрная рука. А...

– Ты уронила это.

Он даёт мне мою ручку, которую я не помню, как уронила. Я действительно помню, как потеряла её несколько дней назад. Я слишком ориентирована на детали, поэтому замечаю, когда что-то теряю.

– Спасибо, Адам.

Я улыбаюсь, беря ручку вместо того, чтобы вызвать его на дуэль за это.

Если я хочу сбежать от него и его когтей, мне нужно притвориться, что я его совсем не подозреваю.

– Ты знаешь моё имя.

Он приветливо улыбается.

Дед Адама со стороны матери носит титул барона, а его отец - влиятельная фигура в папиной партии. Он неплохо выглядит с точки зрения внешности. У него крепкое телосложение, пригодное для игры в регби. У него тоже красивое лицо. Его глаза, однако, обычно налиты кровью, и он всегда выглядит так, как будто хочет разрушить чью-то жизнь.

В прошлом году он сделал фальшивое признание Ким, и когда она появилась, он вылил ведро краски ей на голову, а затем издевался над ней, говоря: “Ты действительно думаешь, что кому-то понравится такая жирная свинья, как ты?”

Хотя я ставлю перед собой задачу держаться подальше от Ким, я пошла по этому поводу к директору. Адам перешёл непростительную черту.

Я должна была заподозрить его после этого.

– Конечно, знаю. – Я одариваю его безличной улыбкой, которую приберегаю для репортёров. – Мы учились вместе с младшими классами Королевской Элиты.

– Да, но я не знал, что ты замечала меня.

– Я замечаю всех, Адам. Послушай, мне нужно идти. Желаю удачи в вашей игре.

Я уже собираюсь уходить, когда он кладёт руку мне на плечо. Я замираю, моё сердцебиение учащается в груди.

– Что-то не так?

Его лицо становится пустым, а с налитыми кровью глазами он выглядит как демон, поднимающийся из земли.

– Он не заслуживает тебя.

Он улыбается, и я автоматически улыбаюсь в ответ, хотя в моей голове громко режут красные сигналы тревоги.

Мне нужно выбраться отсюда.

Сейчас.

Пытаясь сохранить невозмутимое выражение лица, я начинаю убирать руку. Он сжимает её один раз, прежде чем отпустить меня.

– Увидимся, Сильвер.

Когда он поворачивается и уходит, я бегу как можно быстрее к своей машине, не разбегаясь.

Что-то подсказывает мне, что я только что открыла ящик Пандоры и больше никогда не смогу его закрыть.

Это чувство не проходит, даже после того, как я выбрасываю ручку в окно, как только выезжаю с парковки.



К счастью, я догоняю Коула. Он выехал на автостраду.

Я чувствую себя сталкером, когда стараюсь держать две машины между его джипом и моей Ауди.

Он что-то скрывает. Я просто знаю это.

Что, если он хочет разрушить семейный имидж? Что, если он собирается встретиться с какой-нибудь девушкой, а потом свяжет её и сделает то, что сделал со мной в прошлый раз?

Я качаю головой и продолжаю своё супертихое, суперпрофессиональное преследование.

Это становится проблемой только тогда, когда он съезжает с автомагистрали и начинает двигаться по второстепенным маршрутам. Я не могу идти в ногу, чтобы меня не заметили, и здесь не так много машин, за которыми я могу спрятаться.

Поэтому я жду, пока он повернёт, прежде чем последовать за ним. Я начинаю чувствовать себя Шерлоком — или, скорее, полицейским-неудачником, за которым следят.

Я замедляю машину настолько, насколько это возможно, пока поворачиваю. Я жму на тормоза и даю задний ход. Коул остановился в каком-то закоулке. Несколько немецких и дорогих автомобилей выстроились вдоль того, что выглядит как задний вход в клуб — или морг.

Здесь даже нет названия или указания на то, что здесь происходит.

Может быть, это какая-то подпольная игорная сеть? Я знаю, что Ксандер дерётся в подпольных местах с бандами и прочим. Я слышала, как он говорил об этом с Ронаном в другой раз, но ни один из них не упомянул Коула.

Кроме того, насилие и азартные игры всегда казались ему ниже его достоинства.

Я паркую машину на соседней улице и остаюсь там на несколько секунд, обдумывая свой следующий шаг. Что, если люди внутри опасны? Должен ли у меня быть запасной план?

Да, конечно, должен.

Я достаю свой телефон и пишу Дереку.

Сильвер: *Если я не напишу тебе через полчаса, отследи меня по GPS моего телефона.*

Его ответ последовал незамедлительно.

Дерек: Да, мисс.

Сильвер: И, пожалуйста, не говори папе или Фредерику.

Дерек: Да, мисс.

Вот что мне больше всего нравится в Дереке. Он не задаёт вопросов. Он просто делает.

Как чудо.

Сделав глубокий вдох, я выхожу из своей Ауди и проверяю, что она заперта. Я поворачиваюсь, чтобы потянуть за ручку. Мама научила меня всегда проверять, действительно ли машина заперта, и не доверять звуковому сигналу.

Рука обхватывает мой рот сзади, и я кричу, но звук приглушен, когда сильное тело прижимает меня к моей машине.

Глава 24

Сильвер

Моё боевое настроение рвётся вперёд, и я собираюсь пнуть его, укусить, наступить ему на ногу и ударить в промежность.

Но потом что-то происходит.

Его тепло.

Его чёртово тепло, смешанное с корицей и лаймом.

– Что я говорил о том, чтобы ты открывала мне спину? – шепчет Коул мне на ухо.

Я глубоко вздыхаю, а затем понимаю, что сделала это против его руки. Я отталкиваю его, поворачиваясь к нему лицом.

В этом положении ещё хуже. Теперь его грудь близко к моей, а мои груди в дюйме от его рубашки.

Он сбросил пиджак, и рукава его рубашки закатаны до локтей, обнажая сильные, жилистые предплечья.

Сосредоточься, Сильвер.

– Ты напугал меня до чёртиков.

Я складываю руки на груди.

Он приподнимает бровь.

– Ты не должна бродить по местам, которые пугают тебя до чёртиков.

– И ты тоже не должен.

– Это место не пугает меня, Бабочка. – Он делает паузу, оглядывая меня с ног до головы, как будто я являюсь примером для подражания. – Итак?

– Итак, что?

– Почему ты следил за мной с тех пор, как я ушёл из школы? Может быть, ты скучаешь по мне?

– Нет.

– Если ты ещё раз произнесёшь это слово, я трахну тебя прямо здесь, прямо сейчас. – Он наклоняется и понижает голос. – У них есть камеры на этих улицах.

Мои глаза расширяются, но не только от перспективы быть пойманной. Это также из-за того факта, что он упомянул, что трахнет меня.

Зачем ему понадобилось рисовать эту картину в моей голове после целой недели лишения меня её? Это что, игра такая?

– Или ты можешь пойти со мной, – предлагает он небрежно. – Ты пришла за мной сюда, так что можешь посмотреть, что я задумал.

– Н... Я замолкаю, увидев тёмный взгляд его зелёных глаз.

– Что это было, Бабочка?

– Ничего. – Я прочищаю горло. – В любом случае, что это за место?

– Пойдём со мной, и ты узнаешь.

Его голос ровный, учтивый, как я представляю, как звучал дьявол, когда он искушал Еву.

Но он прав — не то чтобы я когда-нибудь это признаю. Я уже здесь, так что я могла бы также встретиться с другой стороной Коула.

Я иду впереди него, и когда он не следует за мной, я бросаю взгляд через плечо.

– Ты не идёшь, трус?

Он откидывает голову назад от смеха, и я замираю на месте. Моё сердце сильно колотится в груди при виде его счастливого лица. В случае Коула этот звук смеха так же редок, как проходящий мимо единорог.

Хотела бы я как-нибудь украсть его и спрятать на память.

Момент заканчивается, когда он вскоре присоединяется ко мне, и мы проходим через вход, возле которого он припарковал свою машину.

Кто-то, похожий на вышибалу, поднимает на него подбородок, и тогда я уверена, что мы в каком-то клубе.

– Она со мной.

Коул указывает на меня, и вышибала просто снова кивает. Я киваю в ответ, не совсем уверенная насчёт здешнего протокола.

Если Коул достаточно известен, чтобы его узнали и даже дали бесплатный пропуск, это должно означать, что он в некотором роде завсегдадай.

Миниатюрная женщина в атласном платье и чёрной кошачьей маске улыбается нам.

– Добро пожаловать в *La Débauche*.

Это что, какая-то костюмированная вечеринка? Если так, то я одета не по такому случаю. На самом деле у меня есть идеальное платье от Шанель для этого. Также...

– Разврат?

Я шепчу-шиплю на Коула.

Он игнорирует меня и указывает головой на девушку, ведя нас в комнату с черными обоями и без мебели, кроме дивана и стеллажа с вешалками, полными чёрной одежды.

– Должна ли я организовать отдельную комнату для мисс?

– Нет, мы в порядке, спасибо.

Коул одаривает её своей доброй улыбкой, которая может растопить лёд.

– Шоу начнётся через десять минут, сэр.

– Организуйте сеанс частного просмотра.

– Да, сэр.

Девушка кланяется и закрывает за собой дверь.

Да, сэр? Что, черт возьми, все это значит?

Я быстро осматриваю чёрные халаты и брюки в пластиковых пакетах. Есть также маски, подобные той, что была на девушке.

Реальность вещей медленно просачивается внутрь. Секретность, название клуба, одежда девушки и её слова. Я поворачиваюсь обратно к Коулу.

– Ты привёл меня в секс-клуб?

– Ты пришла сама по себе. Ты можешь уйти в любое время. – Он расстёгивает рубашку. – Но ты же не трусиха, не так ли?

Черт возьми. Он всегда заводит меня этим аргументом.

– Что ты делаешь? – бормочу я, когда он снимает рубашку, обнажая свои напряжённые мышцы, прежде чем перейти к поясу.

– Для этого места существует дресс-код. – Ухмылка растягивает его губы. – Почему ты стесняешься, когда уже видела меня голой, Бабочка?

– Я... я не стесняюсь.

– Возможно, тебе не терпится, потому что прошло уже некоторое время с тех пор, как ты видела меня голой?

– Мечтай.

Он одним движением стягивает с себя брюки и боксеры, стоя передо мной полностью раздетым. Я заставляю себя смотреть ему в лицо, чтобы не пялиться на его член и на то, как он направлен на меня.

Коул не торопясь достаёт черные брюки и натягивает их на ноги. Я стою там, скрестив руки на груди и притворяясь раздражённой, хотя на самом деле я киплю изнутри.

Я не должна быть в таком месте, как это, и, самое главное, я не должна украдкой подглядывать за его наготой.

– Если ты не собираешься уходить, тебе следует переодеться.

– Я не трусиха, но я не собираюсь заниматься сексом перед кучей незнакомых людей – даже в масках.

– Все будет наоборот.

– Что?

– Я прихожу сюда не для того, чтобы заниматься сексом. Я прихожу сюда, чтобы посмотреть на это.

О.

Я прикусываю нижнюю губу.

– И... эм... ты приводил кого-нибудь ещё в прошлом?

Он приближается ко мне медленными, хищными шагами. Когда он оказывается передо мной, он кладёт два пальца мне под подбородок и приподнимает его.

– Ты моя первая.

– И последняя. – Говорю я, прежде чем даже осознаю это. Теперь это вышло наружу; я не заберу его обратно.

– Последняя?

– Я останусь, если ты пообещаешь, что я единственная, кого ты приведёшь сюда.

– Договорились, но ты должна всё время ходить со мной.

Я сглатываю, кивая. Это решительный шаг, но мысль о том, что он приведёт сюда другую девушку, сводит меня с ума. Я никогда этого не допущу.

– И ты позволишь мне одеть тебя.

– Коул!

– Это моё условие.

– Хорошо, но секса не будет, пока ты меня одеваешь. –0 Я останавливаюсь, а затем быстро выпаливаю. – Включая оральный секс.

Он ухмыляется, снимая с меня куртку.

– Ты учишься.

Не то чтобы у меня был выбор. Мне нужно идти в ногу с его изворотливым умом. Коул похож на крошечные пункты, которых ты не видишь в контракте. Как будто он ищет возможности обратить решения людей против них самих.

Я притворяюсь невозмутимой, когда он развязывает ленту у меня на шее и расстёгивает рубашку моей школьной формы. Он не торопится с этим. Он все время наблюдает за моим лицом, вероятно, надеясь, что я буду корчиться или что-то в этом роде.

В его мечтах.

– В любом случае, откуда ты знаешь об этом месте?

Я пытаюсь сосредоточиться на чем-то другом, кроме его пальцев, когда они касаются моей кожи.

Когда моя рубашка расстёгивается, я позволяю ей упасть с моих рук и присоединиться к куртке на вешалке.

– Это принадлежало моему отцу.

О.

– Хелен знает об этом?

– Она просто знает, что это один из миллионов предприятий, которыми владел Уильям Нэш. Она не слишком увлекается.

– И... ты им владеешь?

Мой голос становится хриплым, когда он расстёгивает молнию на моей юбке, и она падает вниз по моим дрожащим ногам.

Я выхожу из неё и позволяю ему поднять её и повесить.

– Да. Вот почему тебя впустили. Здесь идёт жестокий процесс отбора кандидатов. Вам должно быть восемнадцать и старше, но не только любой совершеннолетний человек может войти в эти двери. Они должны быть исследованы и доказаны, чтобы иметь как финансовую поддержку, так и полномочия, необходимые для принятия. Это был способ моего отца получить компромат на тёмные и порочные умы большинства членов его совета директоров. Поэтому он не хотел, чтобы вокруг было много посторонних, если только он не сможет собрать на них немного грязи. Я получаю бесплатный пропуск за то, что являюсь наследником. Разве ты не рада, что знаешь меня?

Я не могу сосредоточиться на его словах, потому что его пальцы пробегают по моему животу. Он снова встаёт так, что его грудь почти приклеена к моей, и он тянется за мою спину, чтобы расстегнуть мой лифчик.

Когда она падает на пол, он стонет.

– Мне нравятся твои сиськи. Я полюбил их с тех пор, как ты отказалась показать их мне, когда нам было по четырнадцать. Но знаешь, что я люблю больше всего?

Я не смогла бы говорить, даже если бы попыталась, поэтому держу рот на замке. Он берёт мои груди в свои руки и проводит большими пальцами по твёрдым кончикам снова и снова, пока моё дыхание не разорвётся на кровавые куски.

– Помечать их.

Его губы прижимаются к плоти моей левой груди, где он оставил засос на днях. Как будто он хочет отметить одно и то же место.

Он сосёт и покусывает, и это почти так, как будто он дробит или трахает меня.

Мои бедра сжимаются, а сердцебиение учащается.

Такими темпами я буду умолять его взять меня прямо здесь и сейчас. Но я никогда этого не сделаю.

Я положила руки ему на плечи.

– Я сказала, н-никакого секса.

– Секс - это когда я вхожу в тебя, пока ты не закричишь, Бабочка. – Его глаза блестят, когда он отрывается от моей измученной груди. – Я только прикасаюсь к тебе очень нежно.

Придурок.

Его пальцы цепляются за моё нижнее бельё с обеих сторон, и он скользит ими вниз по моим ногам, оставляя за собой мурашки. Я бездумно выхожу из них.

– Мне не нужно прикасаться к тебе, чтобы знать, что ты возбуждена. Я чувствую твой запах.

Он сжимает нижнее бельё в руке и нюхает его.

Мои губы приоткрываются, и я чувствую себя так, словно кто-то облил меня огнём.

Это не должно быть так горячо, верно?

– П-прекрати, – бормочу я.

– Ты не устанавливала правила на этот счёт. Сейчас ты этого не сделаешь.

Он наблюдает за мной, и мои пальцы на ногах сжимаются, когда я сопротивляюсь желанию скрестить руки на груди.

Не имеет значения, сколько раз он видел меня голой. Я всегда испытываю это чувство страха.

Я не должна, и, если бы это был кто-то другой, я бы, наверное, не стала, но это Коул.

С ним случалось всё, что связано с сексом. Мой первый поцелуй, и второй, и третий, и вообще-то все. Моя первая фантазия, мой первый сексуальный сон, моя первая мастурбация, мой первый оральный секс и потеря девственности.

Всё это.

Он как определение секса в моём сознании, и почти невозможно избавиться от этого образа.

Он срывает чёрное платье с вешалки и набрасывает его мне на голову. Я помогаю ему, позволяя одежде без рукавов упасть на колени, смущённая его реакцией. Как будто он не хочет видеть меня голой. Но почему? Это он хотел меня раздеть.

Вместо того чтобы положить нижнее бельё вместе с остальной моей одеждой, он засовывает его в карман своих брюк.

– Эй! – Я протестую. – Это моё.

– Больше нет.

– Ты извращенец?

Он целует меня в нос, его голос дразнящий.

– Я всегда был извращенцем для тебя, Бабочка. Это не моя вина, что ты только сейчас начинаешь это понимать.

Я отталкиваю его, и он хихикает, надевая маску, прежде чем надеть другую на мои глаза.

Коул останавливается, чтобы посмотреть на меня, затем одобрительно кивает, прежде чем переплести мою руку со своей.

Я начинаю отстраняться, но он удерживает меня на месте.

– Никто не узнает, кто мы такие. Это отдельная комната, которой пользуюсь только я. Кроме того, маски.

Он прав. Теперь, когда я внимательно изучаю его, он немного неузнаваем, и я, должно быть, тоже с помощью маски.

После того, как мы выходим из комнаты, Коул ведёт меня по длинному коридору с тусклым красным освещением и чёрными обоями в цветочек. С потолка свисает несколько черных люстр.

Я бы никогда не сказала об этом Коулу, но я рада, что он держит меня за руку. Я чувствую, будто демоны спрыгнут со стен и сожрут нас.

Или меня, если быть более точным. Коул, вероятно, подружился бы с ними.

Мы останавливаемся перед дверью.

– Это смотровая комната.

– Что это значит?” - шепчу я, не совсем понимая, почему мне кажется, что я должна это сделать.

– Это значит, что мы можем наблюдать за тем, как пара занимается сексом через окно с односторонним движением.

Они знают, что за ними наблюдают, но они не знают, кто наблюдает, и они не могут видеть нас.

– Людям это *нравится*?

– Ты бы удивилась, Бабочка.

Он хватается за ручку.

– Подожди, - я сглатываю. – Я не хочу смотреть это с другими людьми.

– Почему? Ты стесняешься?

– Я просто не хочу этого. Это все равно что смотреть порно.

– Порно - это подделка. Это - нет. Кроме того, я все равно обычно смотрю один. Преимущества быть наследником.

Я выдыхаю и позволяю ему провести меня внутрь.

– Ах, они уже начали.

Я не сосредотачиваюсь на том, что говорит Коул, потому что пытаюсь приспособиться к темноте в этой комнате. Это почти как кинотеатр, но сиденья — диваны - больше по размеру и меньше по количеству.

Вместо экрана там большое окно, из которого открывается вид на другую комнату. Там такие же чёрные обои. Посередине стоит стол, на котором привязана миниатюрная брюнетка, раскинув руки и ноги, и большой темнокожий мужчина трахает её.

Звук их стонов и стонов эхом отдаётся вокруг нас, как симфония.

О, Боже.

Мои бедра сжимаются от силы его толчков. Он выглядит так, как будто причиняет ей боль своим размером, и все же она кричит:

– Ещё... быстрее... сильнее!

Я как-то смотрела порно. Только один раз после того, как была заинтригована всеми похвалами, которые Ронан и Ксандер получили за это. Меня это не впечатлило. Это казалось постановочным и фальшивым, и все звуки, которые они издавали, отключали меня.

Это не порно. Это... люди в их истинной, самой грубой, самой реальной форме.

Я не осознаю, что остановилась, пока Коул не тянет меня за руку, чтобы усадить рядом с собой на один из плюшевых стульев.

– Разве это не прекрасно?

Его горячее дыхание заставляет мою кожу покалывать, когда он шепчет мне на ухо.

Я хочу назвать его больным за такие вуайеристские наклонности, но я слишком увлечена этой сценой, чтобы строить свою защиту.

Экстаз на их лицах сжимает меня за живот, и я не смогла бы отвести взгляд, даже если бы попыталась.

Мои соски напрягаются под платьем, и, хотя ткань не является жёстким материалом, кажется, что они прорежут её.

Сильная рука сжимает моё бедро, и я вздрагиваю, когда во мне вспыхивает вспышка возбуждения. Я медленно сосредотачиваюсь на Коуле, на его затенённом лице и резких смертоносных, но красивых чертах. Мои глаза так опущены, что я не уверена, что он их видит.

– Ты хочешь, чтобы я облегчил эту боль, Бабочка?

Его рука пробирается под моё платье, вверх по бедру, электризуя мою кожу по пути.

Я раздвигаю ноги. Я не знаю почему, но я просто делаю это. Это может быть другая обстановка или стоны пары, то, как он входит в неё и овладевает ею.

Я хочу этого.

Но не с кем попало. Только Коул.

– Знаешь, здесь не обязательно снимать нижнее белье, - размышляет он.

– Тогда почему ты это сделал?

Я так возбуждена, что мой голос становится хриплым.

– Потому что это даёт мне прямой доступ к этому. – Он опускает два пальца на мои складки, и я стону, моё сердце колотится в груди. – Ты хочешь, чтобы я взял тебя пальцем?

В ответ я раздвигаю ноги ещё шире.

– Тебе придётся придумать что-нибудь получше этого.

Я смотрю на пару, затем на руку Коула, исчезающую под моим платьем, и я не думаю, когда просовываю руку в его брюки и сжимаю его толстый, твёрдый член.

Стон вырывается из горла Коула, когда я двигаю его вверх и вниз. Я никогда не делала этого раньше. Мной движет чистый инстинкт и потребность в большем. Я делаю это быстро и сильно, потому что подозреваю, что Коул хочет, чтобы все было интенсивно.

– Ах, блядь. – Его голос наполнен похотью, когда он кружит вокруг моего клитора. – Мне нравится твоя рука на мне, но ты должна сказать, чтобы я вставил в тебя палец, Бабочка.

Стоны женщины эхом отдаются громче, когда она кричит.

– Сильнее... сильнее... сильнее!

– К-Коул, пожалуйста...

Я ускоряю темп, и он, наконец, засовывает свои пальцы в меня.

Три за один раз.

Я чуть не падаю в обморок от одного этого ощущения. Я не прекращаю двигать рукой вверх и вниз, пока он входит в меня в ритме, соответствующем мужчине.

Я не могу видеть их лица из-за масок, но я чувствую страсть, грубое требование, и я стою вместе с ней. Я выгибаю спину, как она.

Мои всхлипы заполняют пространство, когда я сосредотачиваюсь не только на своём удовольствии, но и на удовольствии Коула. Я собираюсь довести его до оргазма, я буду причиной...

Он зацепляет меня пальцами и дразнит мой клитор. Я разваливаюсь на части вокруг него, мои бедра дрожат, и мой стон смешивается с его стоном.

Сначала я подумала, что он тоже кончил, но он этого не сделал. Он встаёт, моя рука все ещё обнимает его член.

– Возьми меня в рот.

Мои бедра дрожат от этого образа, когда я приоткрываю губы и беру его внутрь. Я не могу перестать пялиться на него, на пульсацию его грудных мышц и его Божественное присутствие. Я всего несколько раз провожу по нему языком, прежде чем он кончает мне на язык. Его сперма стекает по моим губам и подбородку.

Он собирает её большим пальцем, его глаза сияют неприкрытым собственничеством, когда он размазывает её по моим губам.

– Хм. Ты выглядишь отмеченной и моей.

Коул засовывает пальцы мне в рот и заставляет проглотить каждую каплю. Он облизывает свои пальцы, которые одновременно были внутри меня.

Глядя на него снизу-вверх, я осознаю две вещи.

Во-первых, он разрушил меня для кого-то другого.

Во-вторых, я облажалась.

Глава 25

Сильвер

Мы не сразу отправляемся домой.

Вместо этого Коул говорит, что мы должны поехать. Когда Дерек появился, потому что я, возможно, забыла написать ему, Коул сказал ему, чтобы он нашёл способ вернуть мою машину, когда я поеду с ним.

Всю дорогу он пытался засунуть мне палец под юбку, потому что я стащила своё нижнее белье с его брюк, когда мы переодевались. Я шлёпала его по руке, но безрезультатно.

Но в этом-то и дело с Коулом. Он никогда не сдаётся. Если он чего-то хочет, он не останавливается.

Даже близко нет.

Мы заканчиваем в уединённом ресторане, который находится не на главной улице. Как будто он знает все скрытые области, что не должно быть сюрпризом, учитывая тайную жизнь, которую он ведёт в этом клубе.

Моё сердце все ещё трепещет при воспоминании об этой паре, об их экстазе — и моём.

Это опыт, который я никогда не смогу забыть. Я никогда не знала, что мне нравится вуайеризм, пока не кончила вокруг пальцев Коула. Он медленно, но, верно, разрушает меня.

Ресторан итальянской кухни оформлен в деревянном стиле со столами и стульями в форме деревьев. Мы устраиваемся напротив друг друга и заказываем пиццу на дровах. Я сделала дополнительный заказ на картофель фри с майонезом.

Если я получаю калории, то могу пойти ва-банк. Я слишком голодна после того случая в клубе, и я не могу обмануть свой желудок, чтобы принять салат.

– Мы могли бы поесть дома.

Я изучаю свои ногти с французским маникюром, чтобы не смотреть на Коула.

Несмотря на то, что он читает книгу, он также наблюдает за мной таким пристальным взглядом, который превращает меня в застенчивую дуру. Я не из тех, кто стесняется. Когда-либо.

За исключением тех случаев, когда в этом замешан этот придурок.

– Я голоден. – Его голос понижается с явным соблазном.

– Ну, ты мог бы поесть дома.

– Я не могу дождаться, когда вернусь домой.

– Прекрати, – шиплю я, наблюдая за нашим окружением. К счастью, в это время здесь не так много народу.

– Прекратить что? Я только говорю, что голоден.

– Я знаю, о чём ты думаешь, хорошо?

– Я сомневаюсь в этом.

– Ты вспоминаешь, что только что произошло в клубе.

Я понижаю голос.

– Не смей никому об этом говорить.

– Да, мисс Чопорная и Правильная, – издевается он. – Но это не то, о чём я думал.

– Нет?

– На самом деле я представлял, как съем тебя вместо еды, которую мы заказали.

Мои губы приоткрываются, и я сглатываю, образ пронзает мой разум без разрешения. Прямо как Коул. Он играет с моим мозгом не одним способом.

Я прочищаю горло, решив сменить тему.

– Эта книга такая же удручающая, как и другая книга этого автора?

Он читает «Кафка на пляже» Харуки Мураками. Когда мне было четырнадцать, я прочитала «Норвежский лес» того же автора после этой

цитаты. Я провела ночь, плача от того, как обернулась эта история. Я так сильно любила героя и ненавидела то, как судьба обращалась с его эмоциями.

– Книги Харуки Мураками не угнетают. Они уникальны.

Коул не читает много художественной литературы, если вообще читает. Обычно он с головой погружен в философские и психологические книги. Я знаю, что он любит книги Хелен, но в основном это психологические криминальные триллеры. Я делаю паузу, когда он говорит, что любит одного писателя-фантаста, который не пишет в психологическом ключе.

– Что в них такого уникального? – Спрашиваю я.

– Это его образы. Он вырывает тебя из мира и предлагает загадки без решений, позволяя читателям решать их самостоятельно. Интерпретация каждого человека отличается от другой. Это искусство.

Тогда я это вижу. Блеск в его глазах всякий раз, когда он читает упомянутые книги. Коулу нравится бросать вызов и погружаться во что-то настолько глубокое, что он забывает о своём окружении. Это его собственная форма хаоса.

– Большинство, конечно, находят это разочаровывающим и засыпают издателя бесконечными вопросами.

– Я думаю, что это прекрасно.

Он поднимает голову, приподнимая бровь.

– Ты так думаешь?

– Да, я думаю, что многим людям нужен сюрреализм и возможность находить свои собственные решения.

Как Коулу.

Мне нравится Харуки за то, что он выпускает книги, которые заставляют Коула вкладываться и радоваться. Я даже прощаю его за то, что он разбил мне сердце в «Норвежском лесу».

Официантка приносит нам пиццу и хлопает на него ресницами. Сука.

– Э-э, прошу прощения? – Я заставляю себя фальшиво улыбнуться. – Я заказала майонез с картофелем фри.

– Сейчас подойду.

Она улыбается в последний раз. Я пристально смотрю ей в спину, когда она уходит, и даже когда она приносит его мне.

– Обслуживание здесь отстой, - ворчу я.

Коул улыбается.

– Чему ты улыбаешься?

– Твоя ревность может быть восхитительной, Бабочка.

– Я *не* ревную.

Я беру свой первый кусочек пиццы и обжигаю язык. Ой!

Коул пододвигает ко мне чашку с колой, все ещё улыбаясь так, что кровь закипает в жилах.

– Я не ревную, – настаиваю я, делая глоток напитка. – Я просто хотела свой майонез.

– Кто вообще ест майонез с картофелем фри, когда у них есть пицца?

– Я.

Я запикиваю одну в рот.

Он наклоняется над столом так, что его лицо оказывается всего в нескольких дюймах, и протягивает мне руку. Я замираю. Что он делает? Он собирается поцеловать меня на публике или что-то в этом роде?

О, Боже.

Коул вытирает мне нос и снова садится.

– У тебя там что-то было.

Я глубоко вздыхаю, не зная, должна ли я чувствовать облегчение или разочарование. Что, черт возьми, со мной не так?

Остаток ужина мы проводим в непринуждённой беседе о других писателях-фантастах, которых читает Коул, а их не так уж много. Кроме Харуки Мураками, там есть Хелен, Джон Ле Карре, Оноре де Бальзак, Халиль Джебран и Ли Чайлд.

Кстати говоря, Коул говорит, что ему нужно купить новый релиз Ли Чайлда, поэтому мы заскочили в книжный магазин после того, как вышли из ресторана. Он всю дорогу дразнит меня из-за моей привычки есть майонез. Ему действительно нравится действовать мне на нервы.

Поэтому в книжном магазине я ставлю всё против него.

– Привет, ботаник. Ты должен жить своей жизнью, а не проводить её, застряв в книгах.

– У меня есть и то, и другое. – Он достаёт несколько экземпляров с полки нового выпуска. – Я развлекаюсь и читаю книги.

– Нет, ты не делаешь этого.

– Разве я только что не доказал это в клубе, Бабочка?

Ранен.

– Ты все ещё ботаник, Коул.

– Ты все ещё находишь это горячим. Я знаю, что ты смотришь на меня, когда я читаю. – Он подмигивает. – Я тоже наблюдаю за тобой, когда читаю. Особенно в бассейне.

– Извращенец.

– Я думаю, что мы уже установили это. Но и ты тоже.

– Я не такая.

– Да, для меня.

– Я сказала, что это не так.

Ладно, так что, может быть, я немного понаблюдаю за ним. Ладно, как только у меня будет возможность. Теперь, когда мы живём под одной крышей, я не могу отвести от него глаз, даже если попытаюсь.

Он проводит пальцами по книгам, переходя от одного ряда к другому, и я сглатываю, вспоминая те же самые длинные пальцы внутри меня не так давно.

Я следую за ним, как потерявшийся щенок, не в силах оторвать глаз от его руки.

– Что-то вспоминаешь?

Он ухмыляется мне.

– Нет.

Я смотрю на противоположную полку.

– Что я сказал об этом слове?

– Что ты собираешься с этим делать? – Я кладу руку на бедро. –

Трахнешь меня посреди книжного магазина?

Он крадётся ко мне и, прежде чем я успеваю опомниться, обхватывает мой затылок рукой. Он толкает меня, пока я не упираюсь спиной в полку, а затем хлопает свободной рукой по моей голове. Его губы медленно двигаются вперёд, пока они не оказываются на расстоянии вдоха от моих, как будто он собирается поцеловать меня.

– Ты думаешь, я бы этого не сделал?

– К-Коул, остановись.

Я осматриваю наше окружение, моё сердце учащённо бьётся.

– Не испытывай меня, Сильвер. Я едва могу держать свои грёбаные руки подальше от тебя на публике.

– Сильвер и Коул сидят на дереве, П-О-Ц-Е-Л-У-Й!

Ронан появляется перед нами с огромной ухмылкой, хватая Ксана за плечо.

Я отстраняюсь от Коула, мои щеки пылают.

– Конечно. – Ксандер встаёт, между нами. – Продолжайте. Нам даже не нужен попкорн.

– Здесь нечего продолжать. – Говорю я холодным тоном.

Мама говорит, что даже если тебя поймают, веди себя так, как будто ты не сделал ничего плохого.

– Да, точно, королева сук, - фыркает Ксандер.

– *Merde!* – *Дерьмо!* - Лицо Ронана вытягивается. – Значит ли это, что мы больше не можем видеть твои сиськи?

– Не упоминай о них снова, или жизнь, какой ты её знаешь, закончится, Астор. – Лицо и голос Коула остаются спокойными, но в его глазах ясно читается угроза. – Ты тоже, рыцарь.

– Я знал, что ты ревнивый тип, – усмехается Ксан, показывая ямочки на щеках.

– Ты знал? – Ронан бьёт его по плечу.

– Я подозревал, что они делали детей в твоём доме прошлой ночью.

Моё лицо горит.

– Мы не делали!

– Да, ты делала. – Ксандер шевелит бровями. – Эйдену пришлось помочь отвезти тебя домой после одного из сеансов Коула.

– Под моей чёртовой крышей, и всё же я узнаю последним? Опять? – Ронан говорит драматическим голосом. – Я снова чувствую себя обделённым. Теперь мне нужно встретиться со своим психотерапевтом. Вы собираетесь оплатить его счёт или взять на себя ответственность за эмоциональный ущерб? А? Вот что я подумал. Почему я всегда остаюсь в стороне от крутых вещей, *merde - дерьмо?*

– Это не то, чем кажется.

Я пытаюсь сохранять внешнее спокойствие, но я в ловушке, из которой нет выхода.

Коул небрежно прижимает к себе свои книги в мягкой обложке.

– Так и есть.

– Коул!

Я свирепо смотрю на него.

– Я так и знал. – Ксан протягивает руку Ронану. – Дай мне мою сотню.

– Подожди. – Ронан смотрит, между нами. – Вы что, трахаетесь?

Потому что это единственное, на что я ставлю.

– Нет!

Я кричу.

– Да. Каждую ночь, - говорит Коул холодным тоном.

– Трахните *меня*. – Ксан показывает свои ямочки на щеках. – Пусть будет двести, Рон.

– Ты получаешь пять, *топ ати - мой друг*. Это дерьмо интересное. – Ронан усмехается. – Так ты, типа, делаешь это под крышей своих родителей ночью? Или в душе? Вы открыты для секса втроём?

Крик рвётся на свободу, но я сдерживаю его внутри и проношусь мимо них. Ронан кричит мне за спиной, что он здесь только для того, чтобы купить своей матери новую книгу, и не будет нас беспокоить, но я его не слышу.

Только когда я оказываюсь перед джипом Коула, я понимаю, что у меня нет моей долбаной машины, потому что этот придурок отослал е .

Он идёт сразу за мной, и как только он открывает дверь, я забираюсь внутрь, скрестив руки на груди и раздувая ноздри.

– Из-за чего ты так взъелась? – Небрежно спрашивает он, сев за руль.

– Ты ведёшь себя так, как будто не знаешь? Какого черта ты рассказал Ксандеру и Ронану о... о... Сам знаешь!

– Нас. Это называется «мы». – Его голос становится резким. – И они, по крайней мере, должны знать, что ты принадлежишь мне. Не похоже, что они кому-нибудь расскажут.

– Нет никаких нас, Коул. Перестань обманывать себя.

Он наклоняет своё тело в мою сторону, и я откидываюсь на сиденье, ожидая, что он что—то сделает - не знаю, что, но он не может поцеловать меня здесь, где все могут нас видеть.

Вместо того чтобы прикоснуться ко мне, он пристёгивает меня ремнём безопасности.

– *Есть* «мы». На самом деле, это единственное, что существует. Чем скорее ты прекратишь бороться с этим, тем лучше для тебя.

Он сильно дёргает меня за волосы, прежде чем снова сесть на место. Я притворяюсь, что его там нет по дороге домой. Или я все равно пытаюсь это сделать. Мне никогда не удавалось преуспеть в этом.

Как только мы оказываемся внутри, папочка и Хелен приглашают нас на ужин.

– Я рада, что вы ладите. - Говорит Хелен.

– Твоя пицца была хорошо принята, - добавляет папа.

– Пицца? - спрашиваю я, переводя взгляд с одного на другого.

Хелен показывает мне статью.

«Семья Себастьяна: Будущее»

Там есть хитрая фотография, сделанная со мной и Коулом, когда мы ели и улыбались. Это было, когда мне на нос попал майонез.

Я возвращаю папе приветливое выражение лица, хотя внутри у меня всё немного замирает.

Я стараюсь держаться подальше от Коула до конца вечера. Не садиться рядом с ним или напротив него. Не смотреть на него во время брифинга Фредерика. Когда приходит время ложиться спать, я запираю дверь и прячусь под простынями, едва сдерживая слезы.

Я набираю номер мамы, и она берет трубку после второго гудка.

– Мам...

– В чем дело, милая?

Её голос слабый, но обеспокоенный.

– Я просто скучаю по тебе.

– О, Куколка. Я тоже скучаю по тебе.

Она шмыгает носом.

– Мам, ты плачешь?

– Я скучаю по тебе. Я скучаю по дому. Я даже скучаю по Себастьяну.

Что со мной не так?

Я сажусь, моё сердце бешено колотится.

– Мам, ты пьёшь?«

– Нет. Я смотрю Дневник Памяти и ненавижу свою жизнь.

– Сколько раз ты смотрела этот фильм? Я думал, ты ненавидишь романтические фильмы.

– Да, – она делает паузу. – Он счастлив с ней?

Я сглатываю, но решаю смягчить удар.

– Я не уверена.

– Он счастлив. Ты просто не хочешь причинить мне боль, – она выдыхает. – Я буду лучше, Куколка. Я обещаю.

– Мама, если ты всё ещё заботишься о папе, почему вы, ребята, развелись?

– Мне на него *наплевать*. Твой отец поймёт свою ошибку с Хелен и будет умолять меня быть с ним, и знаешь, что я ему скажу? Нет. Кроме того, у меня есть Люсьен.

– Ты самая красивая женщина, которую я знаю, мама. Любому мужчине повезло, что у него есть ты.

– Какой смысл, если у меня нет единственного для себя? – Она вздыхает. – В любом случае, расскажи мне о своём дне.

Мы ещё несколько минут говорим о школе и фортепиано. После того, как она повесила трубку, я продолжаю думать о том, что она сказала.

Какой смысл, если у меня не может быть единственного для меня?

Действительно, какой в этом смысл?

Я уже собираюсь выключить прикроватную лампу, когда на балконе появляется тень. Раздаётся шорох занавесок, прежде чем кто-то врывается внутрь.

Мой рот открывается, чтобы закричать, но потом, я вижу, Коула.

На нем простые серые брюки и белая футболка, но в этом домашнем он выглядит как модель на съёмках.

– Что, чёрт возьми, с тобой не так? – Я тяжело дышу. – Что ты здесь делаешь?

– Иду спать.

– Убирайся. Я заперла дверь не просто так.

– Запертая дверь не может удержать меня на расстоянии. Кроме того, как ты думаешь, почему я выбрал комнату рядом с твоей? Я всегда прихожу через балкон. Я тоже должен держать свою дверь запертой на случай, если мама придёт проведать меня.

– Есть что-нибудь, о чём ты не подумал?

– Ты.

Он ныряет рядом со мной под одеяло и прижимает меня к себе. Его каштановые пряди беспорядочно падают на голову.

- Я?

– Ты - единственное, о чём я никогда не мог подумать.

У меня перехватывает дыхание, но я шепчу.

– Потому что я твой хаос?

– Потому что ты - причина, по которой я с нетерпением жду новых дней. Его рука скользит под мою просторную рубашку. – Ммм. Ничего. В этом году ты в списке непослушных.

– Я не такая.

– Да, это так. Моя непослушная девочка. – Он стягивает брюки, и я прикусываю губу, когда он останавливает кончик своего члена рядом с моим входом. – Я собираюсь трахнуть тебя, как тот мужчина сегодня трахнул ту женщину. Это будет тяжело и безжалостно, и ты будешь стонать моё имя.

Мои конечности разжижаются, и я вот-вот застонаю от одного только нападения его слов.

Я не успеваю ответить, как Коул врывается в меня одним безжалостным движением. И тогда он сдерживает своё обещание.

Глава 26

Коул

Есть правильные и неправильные дни.

Сегодня - последнее.

Я знаю правильные дни — точнее, я нашёл их за последние пару недель.

Правильные дни начинаются с лица Сильвер напротив моего, прежде чем я разбужу её своим языком в её киске, и она приглушит свои крики в подушку, чтобы никто не услышал.

Правильные дни включают в себя оставление засосов по всей её груди, животу и даже шее, а затем слезку за ней, когда она тайно смотрит на них в зеркало с улыбкой.

Эти дни включают в себя прокрадывание за спинами всех, когда мы ужинаем, и траханье её у стойки в ванной, пока её лицо в оргазме не станет единственным, что видно в зеркале.

Эти дни также можно провести в клубе, где мы смотрим, как люди занимаются сексом, пока она не станет такой горячей и озабоченной и не начнёт прикасаться ко мне. Где я трахаю её там, пока моё имя не слетает с её губ в сдавленном стоне.

Правильные дни заканчиваются тем, что я проскальзываю в её комнату и трахаю её, прежде чем обнять перед сном, только для того, чтобы разбудить её посреди ночи, чтобы трахнуть снова.

Вот в чем проблема с Сильвер... Невозможно насытиться ею. У меня нет кнопки «пауза» или «стоп», когда речь заходит о ней. В тот момент, когда я думаю, что насытился, она застонет во сне или рассеянно погладит меня по груди, и все, что я хочу сделать, это снова овладеть ею.

Соппротивление никогда по-настоящему не ослабевает в ней. Не имеет значения, что она кончает вокруг меня, или что она всё ещё идёт за моей спиной, чтобы угрожать любой девушке, которая приближается ко мне. После каждого раза, когда я беру её, каждого оргазма и каждого поцелуя, она не перестаёт бормотать, что ненавидит меня.

Её тело может открыться мне добровольно и без всякого сопротивления, но она все еще держит своё сердце и разум под замком.

В правильные дни мне было на это наплевать. Единственное, что имеет значение, это то, что она моя. Ну и что с того, что никто не знает? Я всё ещё единственный, за кем она приходит, о ком умоляет и чьё имя она стонет.

Я единственный, кто видит засосы, и единственный, кто их туда ставит. Я единственный, кто видит, как она закатывает глаза и «О» на её губах, когда она кончает. Единственный, кто чувствует, как дрожат её ноги вокруг меня, и слышит тот тихий удовлетворённый звук, который она издаёт, когда истощена.

Но в неправильные дни, как сегодня, я хочу схватить её за горло и похитить к чёртовой матери отсюда.

Из этого города. Этой страны. Этого мира.

Поскольку мы в школе и у нас много свидетелей, я на самом деле не могу этого сделать. Поэтому я наблюдаю за ней, как всегда.

Когда мы здесь, Сильвер притворяется, что меня не существует, рассказывая о своём дне. Я говорил ей тысячу раз, что чем больше она ведёт себя как сука по отношению ко мне или к кому—либо еще — чем больше она притворяется своей жизнью - тем сильнее я буду трахать её ночью.

Я думаю, она делает это нарочно. Её глаза будут сиять от волнения и страха всякий раз, когда я загоняю её в угол, потом она откинёт волосы и скажет мне, что не боится меня.

Иногда она такая и есть. Или, возможно, она боится глубины своего желания ко мне.

Всякий раз, когда я прокрадываюсь ночью в её комнату и нахожу её в одной из этих огромных футболок, она прыгает в постели, понимая, насколько сильно её трахнули.

Я связываю её большую часть времени, и она кончает сильнее, чем во время любого другого вида секса.

Как только мы заканчиваем тренировку, Сильвер решает встретиться один на один с Эйденом рядом с полем.

Недавно, после того как Эльза чуть не утонула в бассейне, она порвала с Эйденом. Сильвер использует этот шанс, чтобы снова заявить о своих правах, и Эйден делает это, чтобы заставить Эльзу ревновать и вернуться к нему.

Улыбка Сильвер в лучшем случае фальшивая. Я знаю её искренние улыбки, и они обычно приберегаются для её родителей и дома. Она предлагает их всякий раз, когда хвалит мамину еду, или, когда целует папу с добрым утром и говорит ему, что любит его.

Они также выходят, когда она спит, обернувшись вокруг меня. Но она никогда в этом не признается.

При каждом напоминании о том, что мы брат и сестра, она физически отстраняется от меня. Если она сидит напротив меня, она будет ёрзать. Если она каким—то образом окажется рядом со мной — что бывает чертовски редко, - она отодвинется на дюйм.

Тот факт, что я не могу быть с ней на публике, поначалу меня устраивал. Раньше мне нравилось знать, что снаружи она стерва, но превращается в послушную подчинённую всякий раз, когда я прикасаюсь к ней. Что я единственный, кто видит эту её сторону.

В неправильные дни, как, например, сегодня, это не нормально.

Эйден может быть с ней, может прикоснуться к ней, может даже, блядь, жениться на ней и получить всеобщее благословение. Тот факт, что я не могу, усугубляет хаос, царивший в моей голове с тех пор, как они обручились, когда нам было пятнадцать.

Я же не могу сказать маме: «Эй, ты повеселилась с Себастьяном, а теперь оставь его».

Это не только эгоистично, но и я слишком забочусь о благополучии мамы, чтобы когда-либо так с ней поступать.

Это не значит, что я не думаю об этом.

– Ух ты. Посмотри, как они уходят.

Ронан сжимает моё плечо, когда я стою у скамейки и притворяюсь, что пью из бутылки с водой.

Сопротивляясь желанию бросить на него свирепый взгляд, я притворяюсь беззаботным.

– Посмотреть на кого?

– Что? – Ксандер бежит к нам, тяжело дыша. – Кто? Драма?

– Капитан притворяется, что ему наплевать на Кинга и Сильвер.

Почему я должен это делать? Они оба играют в какую-то игру. Но я не говорю этого перед этими двумя ублюдками, иначе они воспользуются этим как шансом подумать, что мне не все равно.

– Я не думаю, что Сильвер нравится Кинг. – Ксандер пожимает плечами. Наконец-то кто-то увидел правду. – На самом деле я не думаю, что ей кто-то нравится или что она о ком-то заботится. Все называют Эльзу Холодным Сердцем, но Сильвер - это чистый металл.

Это не так. Ей не все равно. Сильвер звонит своей маме пять раз в день и следит за тем, чтобы её отец поддерживал водный баланс, а мама оставалась сосредоточенной всякий раз, когда у неё был дедлайн. Она наблюдает за распадом Ким издалека с грустным выражением лица, которое она стирает, прежде чем кто-либо сможет это увидеть.

Причина, по которой Сильвер кажется безразличной, эгоцентричной сукой, заключается в том, что она не показывает своего беспокойства. Она считает это слабостью и делает все, чтобы подавить её.

– Ерунда. – Ронан указывает на себя. – Я ей нравлюсь.

– Ей никто не нравится. – Говорит Ксандер.

– Кроме *toi - меня*. – Ронан усмехается. – Я всем нравлюсь.

– Не мне. – Насмехаюсь я.

– Мне тоже большую часть времени, – соглашается Ксан.

– Да пошли вы оба, *connards - мудаки*. Я действительно подаю заявление о пренебрежении. – Ронан переходит на драматический тон. – Мои проблемы с одиночеством возвращаются ко мне. Мне нужна терапия.

Ксан приподнимает бровь.

– Вечеринка сегодня вечером?

– Блядь, да.

Затем Ронан продолжает рассказывать о дамах, которые будут доступны ему, и о том, как он забудет наше предательство с ними.

Я отключаюсь от него, хотя всё ещё понимаю суть его слов.

Все, на чём я могу сосредоточиться, - это взгляд ярко-голубых глаз Сильвер. То, как они светлеют под лучами солнца. То, как они сверкают от волнения всякий раз, когда её отец выигрывает опрос, или Дерек вручает ей пакет с мини-батончиками «Сникерс», которые она все еще использует в качестве еды для комфорта.

Или, когда я вхожу в её комнату каждую ночь.

Посмотри на меня, я мысленно разговариваю с ней. *Не на него. Черт возьми, посмотри на меня.*

Я стою там несколько секунд, считая, ожидая момента, когда она поймёт, что не должна разговаривать с Эйденем.

Что я найду её на вечеринке Ронана, затащу в ту комнату, где я впервые связал её, и сделаю это снова.

Я знаю, что именно поэтому она устраивает это шоу. Она любит острые ощущения, лёгкий страх и даже запретный аспект этого. Она промокает, когда я спрашиваю её, не боится ли она, что кто-нибудь войдёт.

Но тот факт, что она не смотрит на меня, даже не оглядывается, сводит меня с ума.

Не помогает и то, что это самый неправильный день из всех.

Она, как никто другой, должна это знать.

Я оставляю Ронана и Ксандера посреди их обычной перебранки, быстро принимаю душ и направляюсь к своему джипу.

Вместо того чтобы ехать к Себастьяну домой, я возвращаюсь домой.

Мой родной дом, который до сих пор хранит мама.

Я иду прямо туда, где мой разум жил последние десять лет. Я бросаю свою сумку на шезлонг и стою на краю бассейна, засунув обе руки в карманы брюк.

Вода голубая, я это знаю. Но все, что я вижу, - это красный цвет.

Глубокие, тёмно-красные и пустые глаза и рука.

С той самой ночи я не мог плавать в этом бассейне. Я плаваю в других бассейнах и никогда не представляю, как меняется их цвет.

Этот совсем другой.

Даже сейчас вода становится мутно-красной. Оттуда появится рука. Он будет булькать словами.

Я до сих пор не помню последних слов, которые он сказал. Что иронично для человека с отличной памятью.

Были ли это вообще слова?

Хотя я помню первую часть. Я никогда этого не забуду. Может быть, поэтому я не могу вспомнить остальное.

Ты чудовище.

Мой чудовищный отец называл меня чудовищем. Насколько это иронично?

Очевидно, недостаточно иронично, потому что я не могу выбросить это из головы. Это похоже на старый, искажённый диск, который воспроизводится в моей голове на повторе.

Я не могу забыть кровь, или руку, или булькающие слова, которые он сказал, прежде чем совсем перестал говорить.

Сегодня годовщина смерти Уильяма Нэша. Десять лет спустя я всё ещё стою на краю бассейна, как будто я тот маленький ребёнок.

Я всё ещё удивляюсь, почему я протянул руку, чтобы вытащить его.

Почему я не хотел, чтобы он утонул, хотя он этого заслуживал.

Я до сих пор удивляюсь, почему я не кричал, не вопил и не плакал, когда не мог до него дотянуться. Когда он плавал в кровавой воде. Почему я развернулся и ушёл? Дети моего возраста не должны так реагировать на то, что их отец тонет в собственной крови.

Мне следовало пойти к маме. Я должен был, по крайней мере, отреагировать.

Я не сделал этого.

Это было... ничто. Оно есть, но ты его не чувствуешь, не видишь и не чувствуешь запаха.

Тонкие руки обхватывают меня сзади за талию. Её цветочный аромат окутывает меня, когда её бледные, ухоженные руки обхватывают мой живот.

На секунду я закрываю глаза и обрываю связь с кровавой водой.

Сильвер - это мой хаос. Она первый человек, которого я увидел после всей этой крови, и только по этой причине она связана с этим.

Она не должна быть моим спокойствием. И все же, когда её голова падает мне на спину и её тепло смешивается с моим, я понимаю, что она - единственное спокойствие, которое у меня когда-либо было в жизни. Даже книги не сравниваются — и это о чём-то говорит.

Сильвер - это красота и уродство.

Спокойствие и хаос.

– Как ты попала внутрь?

Я не пытаюсь смотреть ей в лицо.

– Я попросила у Хелен код. Я думала, ты вернёшься домой на годовщину. – Её голос срывается. – Я хотела сказать тебе это на похоронах, но ты вёл себя подло, поэтому я не стала.

– Сказать мне что?

– Я так сожалею о твоей потере, Коул. Ты был слишком молод, чтобы потерять родителя.

– Или, может быть, я был достаточно взрослым, чтобы понять, что лучше, если я потерял этого родителя.

Она поднимает голову с моей спины, но не отпускает меня.

– Что ты имеешь в виду?

– Мой отец был жестоким. Он бил меня и маму, особенно маму, всякий раз, когда был пьян.

– Ох. Я этого не знала.

– Никто этого не знал. Мы с мамой отличные актёры.

Я не знаю, почему я говорю ей это — ей, из всех людей. Должно быть, это потому, что сегодня, блядь, неправильный день. Я становлюсь странным в неподходящие дни.

– Хотя я не думаю, что ты хотел его смерти.

Её голос смягчается.

– Может и хотел.

– Если бы ты хотел, то не приходил бы стоять здесь на каждую годовщину.

– Откуда ты это знаешь?

Тишина. Её руки сжимаются вокруг меня, но она не отвечает.

Я распутываю их и поворачиваюсь к ней лицом.

– Ты наблюдала за мной?

Она смотрит в землю, пиная воображаемые камешки.

– Может быть.

Я приподнимаю её подбородок двумя пальцами, пока огромные голубые глаза не оказываются в ловушке моих.

– Что заставляет тебя думать, что я пришёл сюда, чтобы отдать дань уважения? Может быть, это потому, что я чувствую себя виноватым.

– Это не похоже на чувство вины. – Её голос нежный, эмоциональный.

– Похоже, ты хочешь горевать, но не можешь. То же самое было и на похоронах, верно?

Мне нечего сказать, поэтому я молчу, позволяя её интерпретации впитаться. Как она могла так хорошо меня знать?

– Для меня это тоже чёрный день, Коул. Мои родители решили расстаться в этот день десять лет назад. Люди говорят, что становится лучше, но этого никогда не происходило. Я всё ещё чувствую эту потерю, и это больно, но я скорблю. Почему бы тебе не попробовать?

Как вы можете попробовать то, чего никогда не чувствовали? Я даже не знаю, что такое горе.

Безумная идея приходит мне в голову, и я озвучиваю её, прежде чем подумать об этом.

– Прыгай со мной, Бабочка.

– Прыгнуть с тобой куда?

– В бассейн.

– Сейчас? – Она переводит взгляд с меня на воду. – Но здесь так холодно.

– Ты трусиха?

– Нет.

– Тогда сделай это.

– Хорошо...

Прежде чем она успевает закончить свой ответ, я хватаю её за руку, и мы оба прыгаем.

Плеск воды смешивается с судорожным вздохом Сильвер, прежде чем мы погружаемся.

Вниз...

В кровь.

Вода - это кровь.

Краснота заключает меня в свои объятия. Чёрная рука тянет меня за лодыжку, дёргая на дно. Я не борюсь с этим. Я не могу. Если я это сделаю, он меня не отпустит. Если я это сделаю, он просто схватит меня крепче. Он скажет мне, что я монстр и что я должен...

Две руки касаются моих щёк — мягкие, нежные руки — и выводят меня на поверхность.

Сильвер.

Её золотистые волосы мокрые, прилипшие к вискам, и её безумные, яркие глаза ищут мои. Её ладони всё ещё обнимают мои щеки, когда её тело сливается с моим под водой. Только наши головы находятся на уровне поверхности.

Вода всё ещё кровавая, но она медленно возвращается к тому голубому цвету. Никакая рука не тянет меня в никуда.

– Что с тобой не так? Ты напугал меня до чёртиков, Коул. – Она задыхается. – Ты в порядке?

Я обхватываю рукой её затылок и завладеваю губами. Я целую её в знак благодарности. Я поглощаю её как свою форму благодарности.

Сильвер вытащила меня из воды не только сейчас, но и десять лет назад.

Мой хаос.

Моё проклятие.

Глава 27

Сильвер

– Я ухожу!

Я сбегаяю по ступенькам, жонглируя сумкой и контейнерами.

– Дорогая, – кричит мне вслед Хелен, неся мой термос. – Ты забыла заварить чай.

– О, точно. Спасибо, Хелен. Ты лучшая.

Я обнимаю её и звонко целую в щеку.

Я чувствую себя обманщицей всякий раз, когда я с Хелен или с мамой.

Почему у меня не может быть обеих матерей?

Она машет мне, когда я выхожу из дома.

– Будь осторожна, дорогая.

– А ты иди и пиши. – Я провожу её внутрь. – Сжатые сроки, Хелен.

Сжатые сроки.

Она улыбается, радость искрится в её глазах.

– Я иду, иду. Ты хуже моего агента.

Я снова машу ей рукой, ухмыляясь, когда кладу свою сумку, термос и еду, которую я готовила всё утро — или, скорее, помогала Хелен готовить — на пассажирское сиденье своей машины.

Когда я собираюсь направиться к водительскому месту, папина машина медленно останавливается рядом с моей. Дерек выходит, чтобы открыть заднюю дверь, но папа опережает его.

Подбегая к нему, я обнимаю его за талию.

– Папочка, у тебя успешно прошло партийное собрание?

– Кроме того, что Синтия оспаривает каждый пункт, который я предложил? – Он гладит меня по волосам. – Конечно.

– Мне жаль.

– Это просто она, и она никогда не изменится. Я начинаю думать, что она обманывает нас, используя Лейбористскую партию.

– Ты же знаешь, что она никогда бы этого не сделала. Твои принципы текут в её жилах.

– Только когда я их не озвучиваю. – Он наблюдает за мной. – Ты собираешься к ней?

Я медленно киваю.

– Я провожу выходные.

– Тебе обязательно это делать? Ты всегда можешь остаться. Теперь, когда ты стала взрослой, нет законов об опеке, которым мы должны подчиняться.

– В конце концов она просто придёт сюда.

– Позволь ей. – Говорит он бесстрастным тоном. – Мы можем продолжить дискуссию.

– Папочка. – Я глажу его по куртке. – Я хочу провести с ней время. Она моя мама.

Возможно, в прошлом были времена, когда мне не нравился её выбор, её решения и то, во что она меня превратила, но, когда я выросла, и после того, как я увидел её в той ванне, я поняла, насколько хрупкой на самом деле является мама. В глубине души она так строга со мной, потому что не хочет, чтобы я превратилась в такую же оболочку, как она, независимо от того, насколько она гордится тем, что я похожа на неё.

– Я понимаю. – Папа целует меня в висок. – Ты знаешь, почему в последнее время она была более сварливой, чем обычно?

– Я не знаю.

Мама убила бы меня, если бы я сказала ему что-нибудь о её личной жизни.

В тот день, когда она перерезала себе запястье, она заставила меня поклясться не унижать её и сказала, что сделает это снова, если я нарушу

нашу клятву. Я плакала, умоляя её поехать в больницу. Она этого не сделала, потому что это унизило бы её и вывело бы её имя в заголовки газет.

Я наблюдала, как она накладывала себе швы, следуя онлайн-урокам. Я почти уверена, что у неё была инфекция, но она занималась самолечением антибиотиками и транквилизаторами. Она все делала сама и отказывалась, чтобы какой-либо медицинский персонал осматривал её.

С тех пор она носит толстые часы, чтобы скрыть шрам.

– Это из-за того французского бизнесмена, с которым она встречается?

– Папа поднимает бровь. – Бедный ублюдок. Может быть, мне следует предупредить его, что она будет бросать ему вызов на каждом шагу и в конце концов высосет из него жизнь.

– Папочка, нет. Люсьен великолепен. Они действительно ладят.

– Они ладят, да?

– Да. – Я останавливаю себя, прежде чем сказать: «Они не ссорятся, как вы двое», и вместо этого говорю ему. – Ты просто позаботься о Хелен, хорошо? У неё дедлайн.

– Хорошо. – Он снова целует меня в висок. – Развлекайся. Хотя я сомневаюсь, что Синтия позволит тебе ворчать по любому поводу.

Качая головой, я целую его в щеку и машу Дереку, прежде чем сесть в машину.

По пути к выходу я наблюдаю за входом в дом в поисках знакомой чёрной машины. Не то чтобы Коул так скоро вернулся домой.

У него поздняя тренировка перед сегодняшней игрой.

С тех пор как несколько недель назад у его отца была годовщина, между нами, что-то изменилось.

Я не могу понять, в чем дело, но я чувствую это по тому, как он наблюдает за мной, как он использует каждый шанс, чтобы похитить меня где-нибудь вне поля зрения, задрать мою юбку и трахнуть меня.

Как будто он не может насытиться мной. И чем больше он это делает, тем больше мне кажется, что я тоже не могу насытиться им. Как будто я попала в лабиринт, из которого нет выхода.

Он всё ещё пробирается в мою комнату каждую ночь, без исключений. Он всё ещё водит меня в тот клуб. Моя любимая часть в этом — не наблюдение, хотя мне это нравится, а тот факт, что мы носим маски, где никто не может сказать, кто мы такие.

Сначала я оглядывалась, ожидая, что кто-нибудь нас узнает, но со временем это беспокойство улеглось.

В «La Débauche» я могу прикоснуться к Коулу и даже позволить ему поцеловать меня на глазах у других людей, не беспокоясь о том, что на следующий день мы попадём в заголовки газет.

Во всяком случае, Коул узнает большинство людей, за которыми мы наблюдаем. Несмотря на то, что они носят маски, он иногда играет со мной в викторину, чтобы угадать имя этого политика / влиятельной фигуры / генерального директора.

Игра проста — при каждом неверном предположении он что-то получает от меня. Поскольку я всегда проигрываю, я обычно оказываюсь на одном из диванов, когда он съедает меня или трахает, пока мой голос не становится хриплым.

Излишне говорить, что все игры Коула ведут обратно к сексу. Серьёзно. Он придумывает всевозможные схемы, в результате которых я оказываюсь голой и распротёртой или связанной.

Если он болен, и мне втайне нравятся окольные пути, которыми он меня ведёт, кем это делает меня?

Думаю, мы никогда не узнаем, потому что я бы никогда не сказала ему, что мне нравится то, что он делает со мной. Дело не в нём и не во мне, а в папе, маме, Хелен, Фредерике — который убьёт меня, если папа этого не сделает — и всём миру в целом.

Мы с Коулом относимся к определённой категории, и мы просто не можем перейти в другую.

Как бы я ни была осторожна, чтобы никто не узнал о наших отношениях на публике, я всегда чувствую, что, может быть, кто-то узнает. Может быть, кто-нибудь заметит, как я рассеянно наблюдаю за ним, когда он тренируется или, когда он читает в одиночестве в школьном саду.

Может быть, кто-то поймёт, что я прогоняю всех этих девушек не из-за семейного имиджа, а потому, что мысль о том, что он прикасается к кому-то ещё, делает меня красным быком.

Мне трудно показать какую-то грань себя, когда внутри я царапаюсь, желая вырвать её и освободиться. Эта часть меня хочет позволить Коулу поцеловать меня на публике, назвать его своим перед всем миром, показывая им средний палец.

Но эта часть - идиотская.

Мир устроен не так, особенно тот, в котором мы живём.

Это разрушит не только наше будущее, но и наших родителей; и только по этой причине я знаю, что все, что у нас с Коулом есть, никогда не продлится долго.

Это просто интрижка.

Приключение.

И, как любое приключение, наступит день, когда оно в конце концов закончится. Что-то в моей груди сжимается от этой мысли, но я качаю головой, отгоняя её.

Сегодня он станет пассивно-агрессивным. Он всегда такой, когда я провожу ночи с мамой.

В последнее время у неё не очень хорошо идут дела, так что я навещаю её, даже если это не выходные.

По правде говоря, я на самом деле не настолько самоотвержена. Хотя я делаю это, чтобы убедиться, что с ней все в порядке, я также делаю это, чтобы отвлечься от Коула.

Иногда это становится слишком грубым и слишком... сильным. Иногда, когда я просыпаюсь и не нахожу его рядом, слезы появляются из ниоткуда.

И это не нормально. Это не то, как должны работать интрижки. Так что я прохожу детоксикацию у мамы.

Хотя это бесполезно. В тот момент, когда я возвращаюсь и он вынимает все потерянные ночи на моём теле, мне кажется, что я никогда не уезжала.

Мой телефон звонит. Я улыбаюсь маминому нетерпению. Она, должно быть, спрашивает, там ли я еще. В третий раз за последние полчаса.

Моя улыбка исчезает, когда я читаю текст.

Неизвестный Номер: *Ты выглядишь так соблазнительно в этом коротком розовом платье.*

Я сглатываю, моё сердцебиение ускоряется, когда я замечаю тишину — и пустоту — подземной автостоянки.

Значит ли это, что он здесь? Или он следил за мной от самого дома?

Так как я стала почти уверена, что это Адам, я заблокировала номер. Несколько дней спустя я получил сообщение с другого неизвестного номера, в котором говорилось, что я не могу сбежать от него.

Поэтому я попросила Фредерика сменить мой номер неделю назад, притворившись, что он есть у некоторых репортёров и это беспокоит меня.

Я могла бы сделать это сама, но это означало бы, что мне придётся зарегистрировать новый номер с моими личными данными. Команда кампании папы приняла специальные меры безопасности, чтобы вся наша личная информация была засекречена.

Фредерик немедленно достал его для меня, и я подумала, что покончу с привычками Адама преследовать меня.

Текст передо мной - доказательство того, что это ещё не конец.

Как, черт возьми, он узнал мой номер? Конечно, его отец - член партии, но он же не стал бы просить об этом папу, верно?

Глубокий вдох. Ты можешь это сделать, Сильвер.

Я могу держать это при себе до тех пор, пока папа не победит на выборах. Тогда я расскажу Фредерику все об Адаме.

Дело не только в жутких, навязчивых сообщениях, но и в том, как он продолжает наблюдать за мной в школе. Я притворяюсь, что не замечаю, как он следует за мной повсюду, или как он смотрит на любого, кто встаёт у меня на пути.

Когда он приветствует меня добрым утром, я приветствую его в ответ, потому что его тип не может и не должен быть спровоцирован.

Схватив свою сумку, я открываю дверцу машины только для того, чтобы она во что-то врезалась - или, скорее, *в кого-то*. Я ахаю, когда Адам появляется прямо передо мной. На нем джинсы и простая чёрная футболка, на губах играет улыбка.

Моя первая мысль - это то, что мне нужно бежать.

Прямо сейчас.

Я дёргаю за ручку двери, но моя быстрота и сила не выдерживают его.

Он хватается за дверь и наклоняется так, что блокирует мой выход и запирает меня в пределах моей собственной машины.

– Привет, Сильвер.

Он улыбается, показывая мне свои зубы.

Я приклеиваю свою собственную фальшивую улыбку.

– Привет, Адам. Что ты здесь делаешь?

– Здесь живёт мой дядя. Такой маленький мир, да?

– Да.

Я притворяюсь, что собираю свои вещи.

– Кого ты навещаешь?

Я не могу сказать ему, что я здесь из-за своей мамы. Я не хочу, чтобы этот псих знал, где живёт моя мать, но в то же время мне нужно выбраться из этой ситуации, не вызывая подозрений.

– Я встречаюсь с друзьями.

– Кто-нибудь, кого я знаю?

– Только Эйден и ребята.

– Я понимаю.

Всё ещё улыбаясь, я указываю на то, как он блокирует меня.

– Э-э, прошу прощения?

Он не двигается. Ни на дюйм.

Моё сердце вот-вот перестанет биться. Что, если у него другие планы вместо того, чтобы отпустить меня?

Может быть, мне стоит позвать на помощь или Коула?

– Конечно.

Адам отходит, все еще держа дверь открытой.

Я выдыхаю, когда выхожу, неся свою сумку и контейнеры с едой.

– Спасибо.

Он закрывает за мной дверь, его улыбка в лучшем случае зловещая.

– Нет, спасибо *тебе*, Сильвер.

Я киваю ему и иду так быстро, как только могу, по парковке, фактически не убегая. Я продолжаю оглядываться через плечо, ожидая, что Адам последует за мной.

Моё единственное облегчение - это когда один из маминых соседей выходит из машины и поднимается со мной на лифте.

По дороге наверх я не могу стереть из памяти тревожное выражение лица Адама. Или тот факт, что первым человеком, о котором я подумала, когда дело дошло до получения помощи, был Коул.

Я бы ударилась головой, если бы мои руки не были заняты.

Затем я вспоминаю причину, по которой Адам оказался здесь. Он сказал, что навещал своего дядю, но тот не поднялся.

В мамином здании вы не можете подняться наверх, если у вас нет кода этажа.

Кроме того, я знаю всех жильцов этого здания с тех пор, как Фредерик проверял их перед кампанией папы. В списке жильцов нет никого с фамилией Херран.

Конечно, Адам мог иметь в виду дядю со стороны матери, но вероятность этого очень мала.

Я отбрасываю его и эту мысль на задворки сознания, когда выхожу из лифта и вхожу в мамину квартиру.

Она сжимает меня в объятиях, как только я оказываюсь внутри, и я закрываю глаза, вдыхая её запах.

Безопасно.

Здесь чувствуешь себя в безопасности.

Она отстраняется, уставившись на то, что я принесла.

– Что это такое?

– Еда и мой особый чай.

Мама хмурится, складывая руки на груди. На ней голубое атласное платье и халат. Её волосы мокрые, а это значит, что она недавно вышла из душа.

– Их сделала Хелен?

– Она просто дала мне инструкцию.

– Да, верно. Ты так же безнадёжна, как и я, когда дело доходит до приготовления пищи. – Она усмехается. – Себастьян, должно быть, в восторге от того, что у него жена, которая умеет готовить. Хорошо для него.

– Давай, мам. Это просто еда.

– Хелен, должно быть, думает, что я благотворительный фонд, для которого она может приготовить еду.

– Это неправда. Она помогла только тогда, когда увидела, как я борюсь.

– Святая Елена. – Она закатывает глаза. – Я говорю тебе, что под всем этим она змея.

– Мама!

– Как скажешь. – Она снова обнимает меня. – Не позволяй ей забрать и тебя у меня, Куколка.

– Ты моя мама. Никто не заберёт меня у тебя.

– Моя девочка.

– Значит ли это, что ты это съешь? – с надеждой спрашиваю я.

– Я выпью только чай, который ты заварила, – она идёт в гостиную. – В любом случае, я на диете.

Я ставлю контейнеры в холодильник на случай, если она проголодается. У мамы так много гордости, это безумие.

У папочки, я думаю, тоже. Вот почему они всегда вцепляются друг другу в глотки.

Я наливаю нам по чашке чая и присоединяюсь к ней на диване. Она смотрит Дневник Памяти. Снова.

– Мам, ты серьёзно?

– Что? – Она забирает у меня кружку. – Романтика в фильмах и художественной литературе намного лучше, чем в реальной жизни.

– Ты та, кто сказал мне, что всё это ложь.

Я устраиваюсь рядом с ней.

– Вот почему это лучше, чем реальная жизнь.

Я провожу пальцем по краю чашки.

– Как у тебя дела с Люсьеном?

– Хорошо, – говорит она бесстрастным тоном.

– Мам, ты хотя бы пытаешься?

– Конечно, я пытаюсь. Люсьен не такой неудачник, как другие. Мы много разговариваем, и мой мозг его не пугает.

– Это здорово, правда?

– Угу. Он хочет отвезти меня во Францию.

– Почему бы тебе не поехать? Это будет так романтично.

– О чём я только что говорила? Романтики не существует в реальной жизни, Куколка. В любом случае, я подумаю об этом. – Она поворачивается ко мне лицом. – А теперь расскажи мне о себе.

– О-обо мне?

Она лукаво улыбается.

– Не думай, что я не заметила, как твои черты посветлели в последнее время.

– О-они этого не сделали!

Мои щеки так горят, что вот-вот взорвутся.

– О да, они это сделали. – Она прищуривает глаза. – Это даже не сын Джонатана, не так ли? Моя дочь - убийца мужчин.

– Мама!

– Что? Ты с двумя мужчинами одновременно, и ты можешь выбрать, какой из них лучше. Пока ты в конечном итоге выходишь замуж за Эйдена, все хорошо.

Я сглатываю при этих словах. Мало того, что Эйден настолько увлечён Эльзой, что физически не может видеть никого, кроме неё, но и я бы ни за что не вышла за него замуж.

Единственная причина, по которой я всё ещё поддерживаю помолвку, - это камуфляж и кампания папы.

– Не позволяй этому поглотить тебя. – Мама убирает волосы с моего лба. – Ты единственная, кто будет страдать.

Я оставляю чашку на столе, обнимаю её за талию и прячу лицо у неё на груди.

– Что, если уже слишком поздно, мам?

– Ох, Куколка. – Она ставит кружку на стол и обнимает меня. – Почему ты должна была повторять мои ошибки?

Я не повторяю её ошибок.

Я делаю еще один шаг вперёд.

Я делаю всё намного хуже.



Мама засыпает на диване, выпив два бокала вина. Я накрываю её одеялом и забираю папин план кампании у неё из пальцев.

Это то же самое, что он представил сегодня на вечеринке — то, что она резко критиковала. Она сказала, что это может быть лучше.

Я целую её в висок, а затем мою посуду, прежде чем удалиться в свою комнату в маминой квартире.

Она украсила все, чтобы сделать его похожим на ту, что у меня дома. Только здесь нет балкона, с которого «кто-то» может проникнуть внутрь.

Достав одну из своих больших футболок, я надеваю её и отправляюсь в постель. В прошлом я обычно носила трусики, но с тех пор, как Коул стал постоянной частью моих ночей, у меня появилась привычка ничего не носить под футболками.

Это... освобождает.

Я достаю свой телефон и просматриваю Instagram. Элита проиграли сегодня, потому что Ксандер и Эйден были слишком отвлечены.

Ронан опубликовал селфи с тремя другими всадниками несколько часов назад — прямо перед началом игры. Коул стоит сзади, а Ксандер обнимает его и Эйдена за плечи.

Он не улыбается и не хмурится. Это его лицо по умолчанию. Я приближаю его, и моё сердце начинает так же трепетать, как и всякий раз, когда я смотрю на него.

Мои пальцы тянутся к ожерелью, и я на секунду закрываю глаза, представляя, как он проходит через несуществующий балкон и прыгает на меня на кровать.

Это нормально, что я скучаю по нему, когда только что увидела его сегодня утром? Мой телефон звонит, и я вздрагиваю, мои глаза распахиваются.

Если бы моё сердце могло выплеснуться на землю, оно бы выплеснулось прямо сейчас.

Сообщение от Коула. Как будто он телепат и точно знает, когда я думаю о нем.

Коул: *Я в твоей комнате. А ты - нет.*

Моё дыхание прерывается, когда я печатаю.

Сильвер: *Что ты делаешь в моей комнате?*

Коул: *То, что я делаю каждую ночь, Бабочка. Получаю свою дозу тебя.*

Невольная улыбка скользит по моим губам.

Сильвер: *Но меня там нет.*

Коул: *Твои простыни тут. Твой запах тут. Даже твой ящик с нижним бельём.*

Сильвер: *Не смей туда заглядывать!*

Коул: *Уже сделал. Ты действительно думаешь, что есть что-то твоё, что я еще не просмотрел?*

Сильвер: *Ты такой извращенец.*

Коул: *Признайся, ты возбуждаешься, думая обо мне, лежащем голым в твоей постели, когда я дрочу на тебя.*

Я не была возбуждена, но теперь - да.

Я не могу выкинуть из головы образ Коула, трогаящего себя на моей кровати. Мои соски напрягаются под футболкой, и я поправляю её, только чтобы они болели сильнее.

И все же я печатаю ложь.

Сильвер: *Это не так.*

Коул: *Почему я тебе не верю?*

Сильвер: *Мне всё равно, во что ты веришь.*

Я печатаю дрожащими пальцами, в то время как другая моя рука исчезает у меня между ног, и я позволяю своей голове откинуться на подушку.

Мои пальцы обхватывают клитор, и я заглушаю свой стон зубами, когда просовываю в себя два пальца, притворяясь, что это он снова пробирается в мою комнату.

Коул: *Знаешь, что я думаю, Бабочка? Я думаю, ты мокрая и тебе до боли хочется прикоснуться к себе. То есть, если ты ещё этого не сделала. Ты*

представишь, что это я, как ты делала это в душе. Ты будешь думать о своих пальцах как о моем члене и будешь толкаться сильно и глубоко, желая, чтобы это был я.

Мои стоны эхом разносятся в воздухе, когда я позволяю телефону упасть в сторону и щиплю себя за соски под футболкой. В тот момент, когда я провожу пальцами по засосам, которые он там оставил, я кончаю.

– К-Коул...

Я стону его имя в тишине комнаты, когда у меня вырывается вздох.

Я все еще тяжело дышу, когда снова хватаюсь за телефон.

Коул: Трогай себя сколько хочешь, но мы оба знаем, что это будет не так приятно, как когда я рядом.

Высокомерный ублюдок. Хотя он прав. Это ничего особенного, с точки зрения интенсивности.

Я ненавижу, когда он прав.

Коул: Приходи завтра пораньше. Я скучаю по тебе, Бабочка.

Я тоже скучаю по тебе.

Я позволяю своему мозгу думать об этом, когда засыпаю, прижимая телефон к груди.

Глава 28

Сильвер

Тошнота.

Это второй день, когда я просыпаюсь с таким чувством в течение недели.

Я почувствовала это несколько дней назад, когда готовила еду с Хелен перед тем, как пойти к маме. Потом вчера, когда Саммер заставила меня понюхать новые духи, которые ей подарила мама.

И сегодня тоже.

Вот тогда-то я и взглянул на свой календарь. У меня месячные задерживаются на два дня. Это не должно быть большой проблемой, так как у меня всегда были нерегулярные месячные.

Кроме того, я переживала из-за папиной кампании, из-за психического состояния мамы и из-за того, что держала в секрете все, что у меня было с Коулом. Я каждый день теряю несколько месяцев своей жизни из-за стресса и даже принимаю транквилизаторы.

Вот что я говорю себе.

Это то, что я продолжаю повторять в своей голове во время занятий на фортепиано или даже когда замечаю Адама слишком близко к женскому туалету вскоре после того, как выхожу из него.

Я говорю себе, что принимаю таблетки. Я впервые начал принимать их, чтобы регулировать свой цикл. После того, как я стала сексуально активной, а Коул не пользовался долбаным презервативом, я принимала их почти религиозно.

Я ни разу не пропустил ни одной таблетки.

“Теперь запомните, что таблетка эффективна на девяносто девять процентов, и только в том случае, если вы не пропустите ни одного приёма”. Слова моего врача уже несколько дней крутятся у меня в голове по кругу.

Вчера был день, когда я начала сходить с ума.

Вчера был день, когда я читала ужасные истории от женщин, которые также доверяли противозачаточным таблеткам и забеременели.

Так что прошлой ночью я притворилась спящей, когда Коул прокрался в мою комнату. Это не помешало ему обнять меня сзади, обвиться вокруг меня.

Я не могла уснуть.

Все, на чём я могла сосредоточиться, - это его рука на моём животе, пока он спал.

Моём животе.

Я не дура. Я знаю, что не могу притворяться спящей каждую ночь. Коул не только увидит меня насквозь, но и столкнётся со мной лицом к лицу. Он уловит перемены в моем настроении.

И что потом?

Что, если эта тошнота и потребность вырвать не являются нормальными? Что, если таблетка подвела меня, и я подведу себя, своих родителей и всех остальных?

Это не обсуждается.

Я остаюсь в своей машине напротив аптеки, надев свои огромные солнцезащитные очки и наблюдая за окружающим, как будто ожидая, что репортёр набросится на меня.

Я почти могу представить заголовки газет:

«Замечено: Себастьян Куинс и Дочь Синтии Дэвис в аптеке, покупают тест на беременность».

«Скандал: Дочь Себастьяна Куинса и Синтии Дэвис Беременна До Брака. Отец - её сводный брат».

Меня чуть не стошнило от этой мысли.

Нет.

Я выезжаю из аптеки и направляюсь в школу, слушая свой плейлист на полную громкость.

Мои нервы на грани срыва к тому времени, как я заканчиваю свой первый урок. Коул продолжает наблюдать за мной, и я знаю, я просто знаю, что он поймёт это.

Я должна что-то сделать.

Остаток дня я выжидаю, занимаясь на пианино самым рассеянным образом, пока составляю свой план.

Я жду окончания футбольной тренировки, чтобы сделать свой первый шаг. Впервые за все время Эльза не с Эйденем. Ронан упомянул что-то о том, как она собиралась встретиться с ними в доме Эйдена, чтобы они могли вместе посмотреть игру.

Идеально.

Я на парковке, стою у «Феррари» Эйдена. Как и ожидалось, он выходит первым, его волосы все еще влажные, а сумка небрежно перекинута через плечо. Он даже не потрудился надеть куртку.

Он такой, когда дело касается Эльзы. Поскольку она встречается с ним у него дома, он пропускает несущественные шаги, чтобы быстрее добраться до неё.

Он нетерпеливо отмахивается от меня.

– Убирайся с моего пути, Куинс.

– Я думаю, что я беременна.

Он приостанавливает свою игру «отвали от меня» и прищуривается, глядя на меня, прежде чем вернуться к своему бесстрастному лицу.

– Поздравляю. Я пришлю подарки. Но я не буду предлагать услуги няни.

– Я не шучу.

– И я, честно говоря, не могу дать и двух трахов. Ты заварил эту кашу. Разбирайся с этим.

– Какую кашу?

Голос Коула вырывает меня из этого мгновения, как обречённость.

– Издавай звук, когда приближаешься, чёрт возьми.

Я свирепо смотрю на него.

– Зачем? – Он наклоняет голову набок. Боже, я ненавижу, как хорошо он выглядит после душа, его влажные каштановые пряди падают на лоб, а губы немного краснеют. – У тебя есть секрет с Кингом?

Я вздёргиваю подбородок.

– Может быть, и есть.

Эйден хватает меня за плечи и толкает в объятия Коула.

– Вот, твоя каша. Всегда пожалуйста.

Он садится в свою машину, прежде чем завести двигатель. Я пытаюсь пойти за ним, но сильная рука на моей талии удерживает меня на месте.

Коул стоит позади меня, его передняя часть приклеена к моей спине, а его рука обхватывает меня за талию. Он шепчет мне на ухо тихими, пугающими словами.

– Какого хрена ты делаешь?

Я сглатываю, но во рту у меня пересохло, так что это не успокаивает то, что застряло у меня в горле.

– Мы в школе. Отпусти меня.

– Нет, пока ты не скажешь мне, что, черт возьми, с тобой происходит? Сначала ты притворяешься, что спишь. То ты не будешь завтракать с нами. И теперь ты бегаешь за Эйденем?

Он уловил всё это.

Конечно, он уловил. Коул слишком проницателен. Вот почему мне нужно убраться отсюда к чёртовой матери, пока он не выяснил всё остальное.

Я понятия не имею, как он отреагирует, но я знаю, что бы это ни было, мне это не понравится. Так что мне нужно взять все в свои руки.

Я заставляю свой голос звучать как можно более нейтральным тоном.

– Я решила объявить о своей помолвке с Эйденем для публичности.
Дядя Джонатан считает, что это отличная идея.

Он знает. Это всегда было одной из вещей, на которых он настаивал с тех пор, как началась помолвка.

Я жду реакции Коула, готовлюсь к его гневу, но его спокойный ответ застаёт меня врасплох.

– Зачем?

– Что ты имеешь в виду, *зачем*?

Он все еще говорит мне на ухо, и каждое его слово вызывает дрожь у меня по спине.

– Ты делаешь это не только ради рекламы, так почему бы тебе не прекратить нести чушь и не рассказать мне настоящую причину этого.

– Ты. – Я поворачиваюсь к нему лицом. – Это для того, чтобы я могла избавиться от тебя.

Горячие обжигающие эмоции кружатся внутри меня, и мне хочется плакать, хочется кричать.

Коул смеётся. Звук сильный и глухой, заставляющий меня напрячься.

– Ты такая милая, что думаешь, что можешь избавиться от меня. – Он резко хватает меня за подбородок. – Ты уже должна знать, что чем сильнее ты давишь, тем злее я становлюсь. Чем громче ты говоришь, что ненавидишь меня, тем безжалостнее я отношусь к этой ненависти. Не имеет значения, в какую игру ты играешь. Ты даже можешь изобрести новую игру, но я её выучу и все равно поставлю тебя передо мной на колени. Так скажи мне, Сильвер, ты действительно думаешь, что сможешь когда-нибудь победить меня?

Нет.

Ответ звучит громко и ясно в моей голове, но я также знаю, что должен победить в этом.

Я должна оттолкнуть Коула.

– На этот раз я так и сделаю. – Я упираюсь подбородком в его ладонь. –
А теперь, если ты меня извинишь, мне нужно догнать моего жениха.

Его хватка усиливается, пока я не вздрагиваю, но я не отталкиваюсь и не прерываю зрительный контакт.

На секунду мы застываем во времени, как будто мы единственные люди на земле. Мою кожу покалывает, а на руках появляются мурашки. Что-то подсказывает мне, что это не из-за холода.

Момент резко обрывается, когда Коул отпускает меня.

Стоп. Он отпускает меня?

– Если ты последуешь за Эйденем и поиграешь в эту игру, тебе не понравится, как я отреагирую.

Несмотря на мои попытки не поддаваться влиянию, дрожь пробегает по моей коже от его тихо произнесённых слов.

Я знаю, без сомнения, он выполнит своё обещание, и, хотя мои лопатки сводит от зловещих чувств, я не сдамся.

Я разворачиваюсь и иду к своей машине.



Мне не требуется много времени, чтобы добраться до дома Эйдена.

К тому времени, когда я паркуюсь рядом с его Феррари сразу после того, как он выходит из него, идёт сильный дождь. Я не утруждаю себя зонтиком, когда преграждаю ему путь ко входу.

Особняк Кинга всегда казался немного готическим. Возможно, это из-за печальных статуй ангелов, льющих воду в фонтан. Они вызывали у меня странные ощущения, когда я была ребёнком.

Ронан, Ксандер и Коул проходят мимо нас по пути внутрь.

Последний даже не удостоил меня взглядом. Он уже высказал свою угрозу.

Теперь он подождёт, чтобы посмотреть, как я буду действовать, прежде чем отреагирует.

Он такой расчётливый, что это сводит меня с ума.

Эйден снова пытается подтолкнуть меня к нему, но Коул говорит ему, чтобы он сам убрал свой беспорядок, а затем следует за Ронаном и Ксандером в дом.

– На случай, если ты не поняла, это называется преследованием.

Эйден засовывает руку в карман своих мокрых брюк.

– Как будто ты что-то знаешь о преследовании.

– Что это должно означать?

Я проклинаяю себя за то, что проговорила об этом перед Эйденем.

Будем надеяться, что он ничего не скажет Коулу, потому что у меня действительно нет настроения разбираться со всей этой ерундой прямо сейчас.

Скрестив руки на груди, я пригвождаю его взглядом.

– Я ещё не закончила разговор на парковке.

– Ну, я закончил. – Он поворачивается, чтобы уйти. – Я скажу Эльзе, что ребёнок твой.

Эйден останавливается и оборачивается, его левый глаз дёргается. Он у меня в руках.

Это единственная реакция, с которой Эйден не мог ходить в школу на протяжении многих лет.

Это значит, что он взбешён и будет разрушать жизни.

Риск, на который я готова пойти.

– Это не так. – Говорит он.

– Она этого не знает.

– Тест ДНК докажет, что это не так.

– Серьёзно?

– *Серьёзно.*

– Ты действительно веришь, что кто-то вроде Эльзы будет ждать, пока не получит тест ДНК? Она и так тебе не доверяет и бросит тебя в мгновение ока, как только я вобью ей в голову мысль, что ты отец моего ребёнка.

Тишина.

Он снова у меня в руках. У кого-то вроде Эйдена, который никогда не позволял себе слабостей, теперь они есть.

Не похоже, что я каким-то образом причиню ему боль. У него есть полная возможность помочь мне, но, поскольку он псих, он не сделает этого, если у меня не будет чего-то, что принесёт ему пользу. Или, в данном случае, не разрушает его.

– Какого хрена тебе нужно? – спрашивает он.

– Не разрывай со мной, и, если что-нибудь из этого выйдет наружу, ты объявишь, что ты отец.

– Это означает «нет». Я не беру на себя ответственность за ублюдка Нэша.

– Эй! Скажи это еще раз, и я убью тебя.

– Извини, мама-медведица, – издевается он. – Но это сводит на нет весь смысл этой сделки. Помнишь Эльзу?

– Я говорю, *на всякий случай*. Я найду решение.

Он наклоняет голову.

– Я могу поискать подпольные клиники и всё. Уходи. Никто не узнает, что дочь будущего премьер-министра сделала аборт.

Я прижимаю защитную руку к животу, мои губы дрожат. Это... это сделало бы меня убийцей.

– Мы пойдём по моему плану.

Я стою на своём.

– Я соглашусь только на то, чтобы не разрывать помолвку. На сегодня. Все остальное - это «нет».

– Эйден!

– Сильвер. – Он улыбается.

– Я скажу Эльзе.

– И не оставишь себе выбора?

– Если я пойду ко дну, я возьму тебя с собой.

– Если ты поговоришь с Эльзой, я поговорю с Нэшем. Поверь мне, ты не сможешь победить меня в этом. Погуби меня, и я погублю тебя в ответ.

– Помнишь нашу сделку тогда?

– Что за сделка?

– Ты сказал, что исправишь это, – топаю я. – Ты обещал, Кинг.

– Я обещал тебе набить всех.

– Но ты сказал...

– Я ничего не сказал. Ты сама всё приняла на себя. Игра была весёлой, пока она длилась, но я больше не играю.

– Ты не играешь? – Я фыркаю. – Значит, когда это в твоих интересах, ты весь в деле, но когда это не так, ты просто бросаешь это?

– Именно. Очнись, Куинс. Всё, что ты делаешь, – это временное решение.

– Это не твоё грёбаное дело. – Я скриплю зубами. – Я знала, что ты передумаешь из-за этой маленькой сучки.

Он толкается в меня, и я отступаю назад, так что я приклеена к своей машине.

– Следи за этим. Если ты назовёшь её так ещё раз, я не оставлю тебя в покое, Куинс.

– Ты не можешь отъебаться от меня, Кинг. Знаешь, почему? Потому что дядя Джонатан на моей стороне.

Его левый глаз снова дёргается.

Эйден поможет мне. Мне всё равно, что я должна сделать, чтобы он прикрыл меня, но он это сделает.

Я не могу разрушить карьеру своих родителей. Но мысль об убийстве собственной плоти и крови вызывает у меня желание вывернуться наизнанку.

– Тогда как насчёт Нэша? – Спрашивает Эйден нейтральным голосом. – Как ты думаешь, на чьей он стороне? Если он узнает о твоих маленьких играх, как ты думаешь, на кого он набросится? Предупреждение о спойлере. Это буду не я.

Моё сердцебиение учащается при мысли, что Коул узнает и заставит меня отказаться от ребёнка.

– Не смей, Кинг.

– Тогда, блядь, исчезни, Куинс. Это твоё последнее предупреждение. Если ты будешь угрожать тому, что принадлежит мне, я уничтожу тебя, пока Нэшу не останется ничего, что можно было бы забрать.

Слёзы застилают мне глаза, несмотря на все мои попытки сдержать их. Я никогда в жизни не чувствовала себя более одинокой, чем сейчас.

Был тот день, когда мои родители объявили о разводе, но тогда у меня был Коул — или мне нравится думать, что был.

Теперь он не только не принадлежит мне, но и бросит меня при первой же возможности.

Я собираюсь ещё немного пригрозить Эйдену, когда чья-то рука отталкивает его. Эльза.

Я не почувствовала её присутствия, когда она подкралась к нам. Она сделала это и в другой раз, когда схватила меня за волосы.

Я уже собираюсь прогнать её, когда она бьёт меня кулаком в лицо. Жёстко.

Ощущение жжения взрывается в моей щеке, и я поднимаю дрожащую руку, чтобы схватиться за неё, не уверенная в том, что только что произошло. Я знаю, Эльза ненавидит меня, потому что она собственница Эйдена, но ударить меня?

Никто меня не бьёт. Я Сильвер Куинс.

Как раз в тот момент, когда я собираюсь ударить её в ответ, она бьёт меня в живот.

Что-то внутри меня шевелится. Или, может быть, это моё воображение, но я это чувствую.

Я кричу, обхватив себя обеими руками за живот.

Мой малыш.

Нет.

Мой малыш.

Я не могу сосредоточиться ни на чём, кроме этой мысли. Что-то случилось с моим ребёнком?

Эльза хватает меня за воротник рубашки.

– Я сказала тебе держаться, блядь, подальше от того, что принадлежит мне!

А потом она снова меня бьёт. Я отталкиваю её, держа руку на животе. Но Эльза похожа на быка, который не только хочет ударить меня, но и убить.

О, Боже.

Мой малыш.

Он скоро умрёт.

Я наклоняюсь, пытаюсь прикрыть живот, одновременно слепо толкая Эльзу. Нет, нет, нет...

Эйден хватает Эльзу за руку и прижимает её спиной к своей груди.

Она отбивается от него, пытаюсь снова добраться до меня. Я упала на землю, дрожа и все еще держась за живот.

Если что-то случится с моим ребёнком, это все потому, что я не смогла его защитить. Эйден сжимает шею Эльзы, и она, наконец, перестаёт пытаться дотянуться до меня. Она несколько раз моргает и смотрит на Эйдена, который шепчет:

– Не ходи туда снова.

Она кивает, и он обнимает её, когда она прячет голову у него на груди.

– Заставь её уйти, – бормочет Эльза. – Заставь её уйти.

Он смотрит на меня сверху вниз. “Уходи”.

Я стою на нетвёрдых ногах, готовая обрушить ад на её голову. Моё лицо горит, и я уверена, что эта сука оставила синяки, но все, на чём я сосредотачиваюсь, - это повреждения, которые она могла бы сделать.

Тот факт, что она, возможно, причинила мне боль...

Мой взгляд блуждает за ними, и все слова, которые я хотела сказать, исчезают.

Коул стоит у входа в особняк Кинга, замаскированный жуткой статуей ангела. Обе руки в карманах брюк, и ухмылка кривит его губы.

Если ты последуешь за Эйденем и поиграешь в эту игру, тебе не понравится, как я отреагирую.

Он придёт за мной. Он найдёт меня. И я заплачу.

Вслепую потянувшись назад, я дрожащими пальцами открываю дверцу машины, врываюсь внутрь и быстро выезжаю из этого поместья.

Я знаю, что это вопрос времени, когда он найдёт меня, так что всё, что я могу сделать, это убежать.

Глава 29

Сильвер

Я планирую уехать так далеко, как только хватит бензина.

Может быть, я смогу уйти и никогда не возвращаться.

Я могу уехать в восточноевропейскую страну и вечно жить там в одиночестве.

Я могу поехать в Финляндию. У них самый красивый пейзаж, который я когда-либо видел.

Вместо этого я оказываюсь в парке.

В том же парке, куда я бегал, когда мне было восемь. Тот же парк, в который я бегу всякий раз, когда чувствую, что мир надвигается на меня.

Я игнорирую дождь и паркую свою машину, выхожу из неё и направляюсь внутрь. Дождь промочил меня насквозь в одно мгновение.

Мои волосы прилипают к лицу, а одежда снова прилипает к спине.

Я стою посреди пустого парка, тяжело дыша. Моё лицо горит, но это ничто по сравнению с тем, что царапается и бьётся внутри меня.

Это должно быть раскрыто.

Запрокинув голову, я смотрю в темно-серое небо и кричу. Я кричу так громко, что думаю, кто-нибудь позвонит в скорую.

Я кричу от всех накапливающихся эмоций и боли, и ничто из этого не имеет отношения к горящим синякам, которые Эльза оставила на моем лице.

Я кричу, потому что возможность уехать в другую страну невозможна.

Неважно, сколько я теоретизирую об этом.

Мама, папа, Хелен и вся моя жизнь здесь. Даже этот ублюдок, Коул.

Я кладу руку на живот и даю волю слезам. Мысль о том, чтобы избавиться от ребёнка, вырывает из меня резкие рыдания.

Странно, что я даже не сделала тест, и всё же я каким-то образом чувствую это. Это может быть моё воображение, верно? Я могла бы выдумать беременность, потому что схожу с ума.

Или это может быть реально, и мне придётся с этим смириться.

С одной стороны, у меня есть моя семья, моё будущее — *наше* будущее. Нам с Коулом по восемнадцать. Мы всё ещё не получили должного старта в жизни. У нас всё ещё есть все наше будущее впереди. Я никогда не смогу заняться политикой, если стану мамой—подростком - или, что ещё хуже, переживу роды до замужества.

Эйдена вышел из игры. Я знаю, что его предел - оставаться помолвленным со мной. Он никогда — и я имею в виду, *никогда* — не причинит Эльзе вреда, взяв на себя ответственность за ребёнка.

Хуже того, мы с Коулом сводные брат и сестра. Он не может взять на себя ответственность, даже если бы захотел. Наш мир так не устроен.

С другой стороны, во мне растёт жизнь. Маленькие ручки и ножки. Человеческое существо. Как я буду жить с собой, если убью его? Как у меня будет будущее? Как я буду просыпаться каждый день и притворяться, что я не убийца?

Я снова кричу, от напряжения у меня закладывает уши. Во мне так много сдерживаемого разочарования, осколков и желаний альтернативной реальности.

В моем периферийном зрении появляется тень, и я отпрыгиваю назад, моё сердце колотится в груди. Если это Адам, клянусь Богом...

– Ты отчасти предсказуема, Бабочка. В парке, серьёзно?

Коул появляется в поле зрения и останавливается, когда замечает слезы в моих глазах, то, как мои руки сжаты в кулаки, мои дрожащие губы и общий беспорядок, в котором я нахожусь.

Он хмурит брови.

– Почему ты плачешь?

– Почему я плачу? – Я ударила его в грудь. – Почему я, блядь, плачу?
Пошёл ты, Коул, ладно? Это все из-за тебя.

Он позволяет мне бить его, проклинать его и не пытается остановить меня.

– Поправка, Сильвер. Это из-за тебя. Тебе не следовало провоцировать Эльзу. Ты знала, что однажды она сорвётся.

Он думает, что это из-за Эльзы? Я била его снова и снова. *Удар. Удар. Удар.*

– Идиот. Придурок. Ублюдок. Я ненавижу тебя. Если бы не ты, ничего бы этого не случилось. Ты ворвался в мою жизнь и вторгся в моё пространство, а теперь... Теперь посмотри на этот беспорядок!

– Я ворвался? – Он хватает меня за обе руки, заставляя остановиться, но не отрывает их от своей груди. – Я сделал это? А как насчёт тебя? Какого хрена тебе понадобилось быть здесь в тот день? Почему ты набросилась на меня, толкнула на скамейку и пролила на меня свои блестящие слезы? Почему ты отказалась отпустить меня и пообещала мне свои первые разы? Если ты хочешь кого-то винить, вини себя. Ты сделала меня одержимым тобой до такой степени, что я, блядь, не могу дышать, пока не увижу тебя.

О Боже.

О. Мой. Долбаный. Бог.

Это первый раз, когда он сказал мне что-то подобное.

Я икнула, мои пальцы скользнули по его мокрой рубашке, ощупывая мышцы его твёрдой груди.

– Коул...

Мой голос замолкает, когда я не могу найти слов, чтобы сказать. Должна ли я быть зла или тронута прямо сейчас? Должна ли я поцеловать его или откусить ему губу?

Коул всегда был загадкой, которую я не могла разгадать, даже если бы попыталась.

– Что?

Его голос смягчается.

– Почему это должен был быть ты?

– Что это за вопрос такой?

– Прекрати отвечать на мои вопросы вопросами, придурок.

Он убирает мои мокрые волосы с лица, и я вздрагиваю, а затем вздрагиваю, когда он касается моей ушибленной щеки.

– Идём, укроемся от дождя.

Коул ведёт меня к своей машине, припаркованной неподалёку. После того, как мы проскальзываем внутрь, он достаёт полотенце из продуктового пакета.

– Ты сделал остановку, чтобы купить это?

Оно выглядит новым.

– Заткнись.

Он набрасывает полотенце мне на голову и вытирает мои волосы и лицо. Он достаёт тюбик с мазью и наносит её на то место, куда Эльза ударила меня.

Его забота нежна, и я оказываюсь в плену его нежных прикосновений. Коул не показывает эту сторону. Когда-либо. По крайней мере, не по-настоящему, так что я знаю, что не следует принимать это как должное.

– Сними свою одежду.

Я скрещиваю руки на груди.

– Нет. Мы на публике.

– Окна тонированные. Сними её, пока не простудилась.

– Нет.

Его челюсть сжимается, но он продолжает говорить тем раздражающе спокойным тоном.

– Что я сказал об этом грёбаном слове?

– Я не буду её снимать.

– Я зол на тебя прямо сейчас, так что не заставляй меня срывать одежду с тебя.

– Ты... не будешь.

Верно?

Как только я обдумываю этот вариант, Коул тянется ко мне. В последнюю секунду я вырываюсь из его безжалостной хватки.

– Хорошо, я сделаю это! – Я снимаю куртку и расстёгиваю рубашку, бормоча себе под нос. – Скотина.

– Я это слышал.

Я корчу гримасу, а затем морщусь, когда мои синяки горят.

К тому времени, как я опускаюсь до нижнего белья, Коул сдёргивает лифчик, и я дрожу, хотя он уже включил обогреватель.

Я хватаю большое полотенце и заворачиваюсь в него, поглядывая на него сквозь ресницы. Его рубашка тоже мокрая и совершенно прозрачная, показывая его мускулистую грудь и твёрдые соски.

– Ты тоже простудишься.

– Я не простужаюсь.

Он лезет в пакет с продуктами и достаёт термос.

– Что это?

– Горячий шоколад, который я стащил с кухни Эйдена.

Я стараюсь не быть тронутой тем, что он не только пришёл за мной, но и все продумал.

Потягивая из термоса, я позволила теплу просочиться сквозь меня.

– Что еще у тебя в этой сумке?

Он достаёт батончик «Сникерс», и мои глаза удваиваются в размерах. Я выхватываю его и съедаю почти половину за один раз.

Я даже не думаю о калориях в большом размере. Обычно я ем маленькие, и только изредка или, когда мне очень плохо.

– Никто не отнимет его, Сильвер. Ешь медленно.

Я отворачиваюсь от него, чтобы закончить. Что, если он передумает?

– Чёрт. Ты действительно не ты, когда голодна.

Я бросаю на него неприязненный взгляд через плечо, все еще жуя свой батончик.

Он хихикает, звук похож на музыку в тишине машины. Я делаю паузу, жуя, чтобы послушать её и запомнить, как будто это фортепианная соната. Настанет ли день, когда я не остановлюсь и не буду пялиться, когда он смеётся?

– Что мы теперь будем делать? – спрашиваю я, чтобы отвлечь свой мозг.

– Мы подождём, пока ты согреешься, а потом вернёмся домой.

– Правильно.

Он приподнимает бровь.

– Если только ты не хочешь остаться здесь на ночь?

Я не хочу, чтобы папочка и Хелен видели меня такой, и я не хочу чувствовать вину, которую испытываю всякий раз, когда смотрю на них и понимаю, что подвожу их. Кроме того, я не в настроении объяснять мокрую одежду и синяки.

– Я хочу остаться здесь на ночь, – шепчу я.

Его глаза немного расширяются.

– Я просто выбросил эту фразу, но ничего себе, это сработало.

– Всё же сними свою одежду. Ты простудишься.

– Просто признайся, что хочешь увидеть меня голым.

Он расстёгивает рубашку, а затем брюки, бросая их среди мокрой одежды на заднее сиденье.

Вода образует блеск на гладких выпуклостях его пресса и бёдер. Его темно-синие боксерские трусы туго обтягивают его полутвёрдый член.

– Это неправда. – Я прочищаю горло, притворяясь, что не пялюсь на его полуобнажённость. – Так что же мы будем делать?

– Что ты хочешь сделать?

Я думаю об этом, и меня осеняет идея.

– Почитай мне.

– Почитай тебе?

– Ты всегда читал спокойно, даже когда был ребёнком. Мне было интересно, как бы это было, если бы ты читал вслух.

Или, скорее, я фантазировала о том, как он читает мне вслух.

– Что ты хочешь, чтобы я прочитал? – Он лезет в свой бардачок. – У меня здесь есть несколько книг.

– Нет. Не одна из твоих скучных книг по философии.

Он приподнимает бровь.

– Скучных, да?

– Да, ну, ты можешь прочитать мне их, когда я захочу спать. – Я лезу в сумку, достаю телефон и открываю приложение Kindle. – Прочти мне этот роман.

– Я не читаю из электронных книг.

Он смотрит на мой телефон с отвращением, как будто не хочет прикасаться к нему даже длинной палкой.

– Перестань быть снобом в мягкой обложке. Кроме того, в приложении Kindle все ваши книги собраны в одном месте. Тебе не нужно таскать с собой несколько тонн всякий раз, когда ты хочешь куда-то пойти.

– Я не ношу с собой тонны. Я беру только те, которые хочу прочитать.

– Давай, попробуй.

– Я сделал это, и ответ - нет.

– Только на этот раз.

– Все еще нет.

Ухмыляясь, я использую против него его собственную тактику.

– Ты трус, Коул?

Он прищуривается, глядя на меня, но выхватывает телефон у меня из пальцев. Как только он видит текст, его снобистское выражение исчезает, уступая место ухмылке.

– Что у нас здесь есть? Эротика?

– Нет, эротический роман. В этом есть разница.

Ладно, ладно, может быть, я переборщила с этим, но я хотела увидеть выражение его лица.

– Это сексуальная сцена, Бабочка.

– Итак?

Он приподнимает бровь.

– Ты хочешь, чтобы я прочитал тебе «секс»?

Я киваю, плотнее оборачивая полотенце вокруг себя.

– Зачем читать это, когда я могу это сделать? Я даже могу сделать намного лучше, чем то, что написано здесь.

– Перестань быть высокомерным ублюдком и читай.

Он похлопывает себя по бедру.

– Положи голову сюда.

– Зачем?

– Сделай это, или я не буду читать.

Я притворяюсь, что ворчу, кладя голову на его твёрдое бедро. Вид снизу - неземной. То, как его лицо становится безмятежным всякий раз, когда он читает, всегда было одним из моих любимых пейзажей. Я думала, что он будет выглядеть несколько встревоженным, когда он читает сексуальную сцену, но она остаётся прежней.

– Их одежда лежала кучей на полу под ними. Он схватил её за талию, прижал спиной к двери, затем приподнял так, чтобы её ноги обвилились вокруг его бёдер. Он начал входить в её жар, и она застонала от удовольствия, когда он ударил её в лоно. – Он делает паузу. – Он может это сделать? Я имею в виду, ударил её по матке.

– Коул.

– Я задаю невинный вопрос. Мне искренне любопытно.

– Ну, ты и не должен быть таким. Читайте без комментариев.

Он возвращается к своему холодному повествовательному голосу.

– Она извивалась рядом с ним, и все, о чём она могла думать, это о том, что его член снова и снова вонзался в неё, пока она не перестала дышать. Он завёл её так далеко, что она и не подозревала, что это возможно. В этот момент всё прояснилось, и она поняла, что сделает следующий шаг. Её решение было принято.

Он снова делает паузу.

– Почему ты остановился?

Я хмуро смотрю на него.

– Все ли женщины слишком много думают о вещах во время секса?

– Какую часть «без комментариев» ты не понимаешь?

– Ладно. – Он снова сосредотачивается на телефоне. – Его руки схватили её за талию, и он ускорился, пока всё здание не услышало его ворчание и стоны. Вот тогда-то она и поняла, что достигнет оргазма.

Он снова останавливается.

– Что теперь?

Он смотрит на меня сверху вниз с блеском, сияющим в его тёмно-зелёных глазах.

– Это тебя заводит?

– Почему ты спрашиваешь?

Я притворяюсь, что моё сердце не покалывало с тех пор, как он начал читать. Только это имеет меньше отношения к сцене и больше к его голосу.

– Это твоя форма порно, не так ли?

– Заткнись и читай.

– Секс мог бы быть более интенсивным, например, скажем, верёвки?

– Не все такие помешанные, как ты.

– Так и должно быть. Они что-то упускают. В конце концов, я обратил тебя, мисс Чопорность и Порядочность, на тёмную сторону. Признайся, ты думала об этом с тех пор, как увидела ту фотографию в моём телефоне.

– Я этого не делала!

Мой голос звучит слишком оборонительно.

Он усмехается, но возвращается к чтению. Я засыпаю, слушая его
успокаивающий голос, надеясь, что завтра найду решение всей этой
неразберихи.

Глава 30

Коул

Преимуществом наблюдательности является наличие элемента неожиданности.

Если вы сможете предсказать действия каждого до того, как они их совершат, это даст вам шанс сразить их на их собственной стороне поля боя.

Недостатком является то, что кто-то знает, что вы наблюдательны, и прячется от вас.

Например, то, что Сильвер делала последние пару дней.

Она не избегает меня, но она была осторожна со мной, сразу же отбрасывая любой шанс, который у неё появляется. Она проводила ночи у своей матери, чтобы я не прокрался в её комнату.

Потом я услышал, как вчера она шёпотом спросила Фредерика, есть ли вероятность, что у кого-то за пределами команды её отца может быть её номер телефона.

Я знал, что она изменила его из-за преследователя. Тот факт, что она делает это сейчас, после многих лет их получения, означает, что он улучшил свои методы.

Он ведь не мог вступить в контакт, верно?

Моя теория состоит в том, что её изменение связано с ним, и для того, чтобы вернуть её, мне нужно позаботиться об этом.

Но сначала...

После того, как все покинули раздевалку, я упёрся рукой в стену, блокируя выход Эйдену.

Он не пришёл на тренировку и пришёл только для того, чтобы убедиться, что мы собираемся навестить Эльзу в Meet Up, потому что ей нужна компания после проблем со здоровьем. Или, скорее, такие люди, как

Ксандер, Ронан и Ким. Он специально сказал мне не ходить. Я знаю, почему. Он больше не доверяет мне рядом с Эльзой, не с тем ущербом, который я могу нанести его отношениям с ней.

– Что на этот раз? – Он приподнимает бровь. – Ты хочешь начать полиаморную интрижку? Хотя я не думаю, что Куинс смогла бы это вынести.

Я делаю глубокий вдох и улыбаюсь, хватая его за воротник.

– Ещё раз так о ней заговоришь, и я изменю твои черты.

– Ты забыл ту часть, где она моя невеста? – Он разглаживает что-то на моей куртке. – Ты мой шурин. Разве там не полно единорогов, или что?

Я продолжаю улыбаться, хотя и хочу, чтобы его голова оказалась посреди лужи крови в моём старом доме.

– Это моё последнее предупреждение, Кинг. Покончи с этим вместе с ней. Официально.

– Дай мне подумать об этом... хммм. Я собираюсь отказаться.

– Это твой выбор. Не вини меня потом.

Я оставляю его и выхожу на улицу.

Сильвер сказала Себастьяну, что на несколько дней останется у своей мамы. Я вижу её только в школе, где она следит за тем, чтобы её друзья всегда были с ней.

После той ночи, которую мы провели в моей машине, когда я читал ей, я думал, что она приходит в себя. Что она наконец-то отказалась от своего проклятого упрямства и сопротивления, но Сильвер не из тех, кто сдаётся. Даже если ты приставишь нож к её горлу.

Она из тех, кому нужно бросить вызов, а потом заставить её проиграть.

Беги, пока можешь, Сильвер.

Я направляюсь к своей машине и, когда открываю дверь, замечаю, что кто-то стоит у входа.

Адам Херран.

Капитан команды по регби и сын одного из членов Консервативной партии. Обычно мне было бы наплевать на него, но позиция, в которой он

стоит, находится прямо на виду у того места, где Сильвер обычно паркует свою машину.

Она уже ушла; я видел её не так давно.

Тот факт, что он стоит так близко к тому месту, где она была, может быть совпадением, но вот в чем дело, я не верю в совпадения.

Все происходит по какой-то причине. Совпадение - это просто термин для интерпретации вещей, которые, кажется, не имеют объяснения.

Они это делают. Вам просто нужно заглянуть глубже.

Я наклоняю голову в сторону, когда Адам достаёт свой телефон и ухмыляется, глядя на него. Его указательный палец слегка подёргивается, и я предполагаю, что это возбуждение, трепет... удовлетворение.

Я прячу все эти реакции на задворках своего сознания. Адам Херран сейчас находится под моим радаром, и ничто — абсолютно ничто — не спасёт его от меня, если он действительно сделал то, что я думаю, что он сделал.

Но сначала мне нужно выполнить своё обещание Эйденоу и проехать весь путь до Meet Up.

Когда я прихожу, я игнорирую протесты Ронана и Ксандера о том, что мне не следует быть здесь. Эльза выглядит растрёпанной, в беспорядке, как будто она не могла заснуть. В её отношениях с Эйденом есть что-то такое, что совсем не то, чем кажется. Все называют её Холодным Сердцем, но я верю, что за этим льдом всегда есть причина.

Лёд Эйдена существует из-за похищения.

Лёд Сильвер существует из-за развода её родителей, который она до сих пор не преодолела, как бы сильно она ни любила маму.

Мой - из-за этой лужи крови и потребности в хаосе.

И чтобы отомстить Эйденоу, мне нужно растопить лёд Эльзы. Единственный способ сделать это - рассказать ей правду, которую Эйден никогда бы не раскрыл.

Пока Ксандер и Ронан препираются, а Кимберли наблюдает за ними мечтательными глазами — вернее, она наблюдает за Ксаном, — я вывожу Эльзу на улицу и рассказываю ей о похищении.

Я рассказываю ей все, что произошло, от моего лица. Конечно, я не рассказываю ей о встрече с хаосом или о том, что не хотел, чтобы меня нашли. Это сделало бы меня похожим на психа, и мне не нужно, чтобы этот багаж сваливался на Эльзу.

Ей нужно доверять мне, а не опасаться меня.

Я собираюсь рассказать ей о помолвке Эйдена с Сильвер, когда Ксандер обрывает нас, как маленькая сучка.

Хорошо. Возможно, на этот раз я упустил свой шанс, но не в следующий раз.

Эльза узнает о помолвке, и у Эйдена не будет другого выбора, кроме как разорвать её с Сильвер.

И тогда она будет моей. Всей, блядь, моей.



Когда я возвращаюсь домой, в доме жутко тихо. У Себастьяна идут какие-то дебаты в СМИ, так что вся его команда с ним.

У мамы дедлайн, так что она, должно быть, пишет. В последнее время здесь царит спокойное и умиротворённое настроение.

И пусто.

Отсутствие Сильвер заставляет это место чувствовать себя грёбаным кладбищем.

Что со мной не так? Я должен был видеть в ней свой хаос, но теперь она - причина спокойствия?

Но она всё равно вернётся. Я избавлюсь от Эйдена и всего, что удерживает её подальше от меня, пока у неё не останется другого выбора, кроме как снова броситься в мои объятия.

Когда я читал об истории Европы, у меня было небольшое увлечение Испанией — современной Испанией и Португалией. Одна история осталась со мной. Во время завоевания мусульманским халифатом Испании в восьмом веке был один берберский вождь, который провёл небольшую армию с севера Африки в Гибралтар, который теперь назван в его честь. Его люди были напуганы, потому что их было значительно меньше.

Что он сделал?

Он сжёг все их корабли и сказал им знаменитую фразу: «Враг перед вами. Море позади вас.»

Он не оставил им другого выбора, кроме как сражаться. Они не только сражались, но и побеждали и правили Испанией более семи столетий.

Вот что я сделаю с Сильвер. Я сожгу её корабли, чтобы у неё не было другого выбора, кроме как вернуться ко мне.

Быть моей в течение семи грёбаных столетий — или что-то близкое к этому в человеческих годах.

Я готовлю мамин любимый жасминовый чай и несу его в её кабинет, который она приготовила, как только мы сюда переехали. Маме всегда нужно было свободное пространство, чтобы писать. Если кто-нибудь её перебьёт, она потеряет ход мыслей и, возможно, никогда не вернётся в эту «зону».

Вместо того чтобы постучать, я медленно открываю дверь, планирую поставить напиток на стол и уйти.

Мама стоит перед своей доской, записывая то, что кажется идеями. Для меня они всегда выглядят как очередной хаос. Слова, разбросанные повсюду без видимой цели или смысла. Как ей удаётся потом соединить их во что-то связанное, до сих пор ускользает от меня.

Однако мама - художница, и никто не должен их понимать. Она говорит, что даже художникам иногда бывает трудно понять самих себя.

Я ставлю чашку на стол и планирую уйти, не потревожив её, но она оборачивается и улыбается.

– Дорогой, ты дома.

– Я принёс тебе немного чая. – Я указываю на доску. – Когда я смогу это прочитать, мам?

– Ещё нет.

– Я думал, что у меня есть преимущества быть сыном и рано начинать читать.

О предстоящей книге мамы много говорят, и, как и любой другой её поклонник, я не могу дождаться, когда смогу заполучить этот шедевр в свои руки. У мамы есть способ будоражить человеческий разум, не романтизируя его. Я влюбился в её творчество с тех пор, как украл её первую книгу и прочитал в доме Эйдена.

Она смеётся.

– Отлично. Я дам тебе копию в то же время, когда отправлю её своему агенту. Счастлив?

– Да. Ну а теперь, ты поела?

Мама забывает о своих таблетках и еде, когда у неё сжатые сроки, и мне приходится постоянно напоминать ей о них. Сильвер тоже взял на себя эту роль.

В последнее время у мамы была бессонница, но это только потому, что она писала. Кажется, она всегда немного отстывает, когда у неё дедлайн. Её психотерапевт сказал мне, что беспокоиться не о чем, потому что она в стрессе и в конце концов придёт в норму, как только убедится, что уложились в срок.

– Я поела. – Она подходит ближе и гладит меня по щеке. – Посмотри на моего маленького мальчика, выросшего в мужчину. Я говорила тебе, что горжусь тобой сегодня?

– Ты только что это сделала.

– Где Сильвер? – Она смотрит мне за спину. – Я планировала приготовить лазанью на ужин.

– Она сказала Себастьяну, что останется со своей мамой. – Я ухмыляюсь. – Давай устроим свидание для двоих?

Выражение её лица падает, так как она всецело поглощена семейными сборищами, но затем она снова улыбается.

– Безусловно.

Я собираюсь оставить её в покое, но останавливаюсь у двери и оборачиваюсь.

– Мам?

– Да?

Она бросает на меня взгляд через плечо.

– Ты счастлива? С Себастьяном, я имею в виду.

Я бы сказал, что да. Он внимателен и даёт ей пространство, в котором она нуждается, но дьявол во мне хочет, чтобы её ответ был «нет» настолько плохим, что это отвратительно.

– Ну, конечно. – Её лицо расплывается в еще одной тёплой, ободряющей улыбке. – У меня наконец-то есть семья, о которой я мечтала.

– Я рад за тебя, мама.

Я не рад.

Да, я хочу, чтобы мама больше улыбалась, и она улыбается с тех пор, как мы переехали сюда, но теперь я начинаю сожалеть.

Я начинаю думать, а что, если бы я не согласился, когда она впервые рассказала мне о Себастьяне? Что, если бы я сказал ей «нет» вместо того, чтобы надеяться, что они в конце концов устанут друг от друга и расстанутся?

И самое смешное, что я не делаю «что, если». Я из тех, кто не оглядывается на прошлые события, а вместо этого смотрит вперёд.

Однако из моих правил всегда было исключение.

Она.

Моя Бабочка.

Мой хаос.

Я на секунду останавливаюсь у её комнаты, но решаю зайти в свою.

Хотя её аромат Шанель помогает мне спать по ночам, это также своего рода пытка - представлять её там, когда её нет.

Я переодеваюсь в домашние брюки и футболку, затем сажусь на кровать, опираюсь на одну руку и снова открываю книгу по выбору.

Тошнота.

Может быть, потому что я сам испытываю чувство тошноты, или что я вот-вот впаду в другой тип тошноты.

Вероятно, мне следует почитать историю, вместо того чтобы сосредотачиваться на чьём-то экзистенциальном кризисе. Как раз в тот момент, когда я собираюсь согласиться с этой идеей, моя дверь распахивается. Я ожидаю, что это будет мама, но она не распахивает двери.

Медленно я поднимаю голову и нахожу эти голубые глаза — яростные, темно-синие, как буря.

Сильвер стоит на пороге моей комнаты. Бретельки джинсового платья спадают с её бледных плеч. Золотистые волосы рассыпались по спине и лицу.

Она захлопывает дверь и шагает ко мне, как будто ад лежит у неё на голове.

Она вернулась и сейчас в моей комнате. Сильвер никогда не заходит в мою комнату, если только мама или Себастьян не попросят её позвать меня. И обычно она исчезает слишком рано.

– Скучаешь по мне?

Я улыбаюсь, все еще сжимая свою книгу.

– Скучаю по тебе? – Она повышает голос. – Скорее, я здесь, чтобы задушить тебя.

– Ха. Я думал, что я единственный, кто задыхается.

Она сует свой телефон мне в лицо. Это разговор между ней и Эйденем не так давно.

Эйден: Нэш трахнул Джонссон из команды по лёгкой атлетике.

Сильвер: Какого хрена?

Эйден: Я подумал, что тебе следует знать.

Вот ублюдок.

Он должен знать, что я сказала Эльзе, чего я и ожидал, учитывая, что Ксандер был там, а Эльза выглядела так, словно была на грани срыва.

Чего я не ожидал, так это его ребяческих способов отомстить.

Впрочем, шутка в его пользу. Его сообщение привело Сильвер прямо в мою комнату.

Я тот, кто сжёт корабли. Враг перед ней, а море позади неё.

– Когда это было? – выпаливает она. – Как ты смеешь трахать её?

– Я не понимаю, почему я не должен этого делать. – Я притворяюсь, что мне скучно. “– У тебя есть жених. Почему у меня не может быть приятеля по траху?”

Её губы приоткрываются. Они дрожат, прежде чем она соединит их в линию, и я знаю, я просто знаю, что мне не понравится то, что она скажет дальше.

– Я тоже собираюсь завести себе приятеля для траха.

– Забавно. – Я заставляю себя улыбнуться. – Мы оба знаем, что ты слишком консервативна для этого.

– Ну, ты сделал меня менее консервативной в грёбаный день папиной свадьбы, так что, думаю, у меня больше нет принципов. – Она откидывает волосы. – Я пришлю фотографии.

Я прыгаю вперёд и тащу её за руку так сильно, что она визжит, падая обратно на кровать.

Я нависаю над ней, прижимая оба её запястья к матрасу, в то время как мои колени находятся по обе стороны от её талии.

Она смотрит на меня дикими, огромными опухшими глазами. Она плакала, совсем одна, в темных углах, чтобы никто — даже её мать — не видел боли.

Сильвер и её грёбаная фобия по поводу имиджа начинают действовать мне на нервы.

– Отпусти меня. – Говорит она ясным, твёрдым тоном. – Я устала играть в твои игры, Коул.

– Игры. – Я толкаюсь в неё, заставляя её губы приоткрыться, когда мой твёрдый член вонзается в её живот. Я не стал утруждать себя нижним бельём, чтобы она могла почувствовать каждую деталь. – По-твоему, это похоже на грёбаную игру?

– Ну, по-видимому, так оно и есть. – Говорит она тем же тоном, хотя и сжимает бёдра. – Я не буду твоим гарниром или твоей игрушкой.

– По-моему, это похоже на ревность.

– Пошёл ты, Коул. Ладно? Давай посмотрим, кто будет ревновать, когда я найду себе другой член.

– Ещё один член? – Моя челюсть сжимается. – Ты думаешь, что это когда-нибудь случится в этой жизни?

– Ты не можешь следить за мной двадцать четыре часа в сутки.

– Нет. Но я могу трахнуть тебя так сильно, что больше ни для кого ничего не останется.

Я хватаю её за обе руки одной из своих и задираю платье. Она пытается пнуть меня в промежность.

Я шлёпаю её по ногам, и она останавливается, с её губ срывается вздох. Воспользовавшись её ошеломлённой реакцией, я стягиваю с неё нижнее белье и свои брюки.

Она качает головой, когда я подхожу к её входу.

– Перестань сопротивляться мне, когда твоя киска сочтётся для меня. – Говорю я ей в шею, прежде чем вцепиться в кожу, оставляя засос на всеобщее обозрение. – Скажи мне трахнуть тебя.

– Н-нет.

– Если ты этого не сделаешь, мы будем здесь всю ночь.

Я скольжу головкой члена по её складкам, медленно и неторопливо, пока она не стонет, её глаза закатываются.

– Коул, прекрати...

– Скажи мне трахнуть тебя, Сильвер. На этот раз ты сам об этом попросишь.

– Нет! – Она скрипит зубами, даже когда её тело содрогается подо мной. – Я не гарнир. Ты не сможешь трахнуть меня после того, как погрузил свой член в кого-то другого.

– Погрузил свой член в кого-то другого, а?

Я кусаю чувствительное место на её горле, и она хнычет.

Её голос дрожит, и слезы застилают глаза, но она стоит на своём.

– Мне все равно, как сильно я хочу тебя, Коул. Я могу быть душой ради тебя, я могу позволить тебе разрушить мои чёртовы принципы, но я не позволю тебе унижать меня. Я Сильвер Куинс. Я не делю с другими небрежных секунд.

– Ты никогда этого не делала.

Она моргает, глядя на меня сквозь слёзы разочарования, выступившие у неё на глазах.

– Ч-что?

– Тот раз на свадьбе тоже был моим первым.

Её губы приоткрываются, и она молчит так долго, что я начинаю подозревать, что она потеряла голос.

– Но... но... но... в тот раз, когда вы все обсуждали свою девственность в Meet Up, и Ронан сказал...

– Я солгал, чтобы они оставили меня в покое, чёрт возьми. И так, ты уволила мисс Голдман без всякой причины. Хотя она действительно соблазнила меня.

Она прикусывает губу, подавляя улыбку. Сильвер может быть суровой, но она самая настоящая из всех, кого я когда-либо видел.

– Ты знал об этом?

– Я знаю о тебе все. – Я утыкаюсь носом в её шею, вдыхая её цветочный аромат Шанель. – После того, как я подумал, что ты отказалась от своей девственности с Эйденем, я собирался попробовать с другими, а затем

втереть это тебе в лицо, но остановился в последнюю минуту. Все, что я в итоге сделал, это связал их.

– Почему?

– Что почему?

– Почему ты не мог сделать это с другими?

Её голос низкий, эмоциональный.

– Они не были тобой, Бабочка. Никто - это не ты.

Дрожь всего тела охватывает её, и её ноги охотно раздвигаются. Но прежде, чем я успеваю что-то сделать, она поднимает голову.

– Как насчёт Джонссон?

– Эйден лжёт, когда ему это удобно. Кроме того. – Я провожу губами по впадинке на нежной коже её шеи. – Ты думаешь, у меня хватит сил сосредоточиться на ком-то, кроме тебя? Ты сводишь меня с ума, чёрт возьми.

– Не больше, чем ты меня.

– Да?

– Ты ублюдок, и я ненавижу тебя большую часть времени.

– Большую часть времени? Значит ли это, что бывают моменты, когда ты не ненавидишь меня?

– Может быть.

– Может быть, этого достаточно. – Я изучаю её мягкие черты, слабые веснушки, заметные на её носу, потому что она прибежала сюда, не покрасившись. Она забыла ради меня свой священный макияж. – Ты хочешь мне что-то сказать, Сильвер?

Если она проговорится, если она расскажет об этом или, по крайней мере, достаточно доверит мне то, что её беспокоит, я смогу справиться с её отказами.

– Да. – Она сглатывает. – Трахни меня, Коул.

Все моё тело напрягается от её тихо произнесённых слов. Это первый раз, когда она просит меня трахнуть её.

В первый раз она призналась, что хочет меня без того, чтобы мне пришлось извлекать это из её тела.

Я завладеваю её губами и обхватываю пальцами её горло, входя в неё одним долгим движением. Мои яйца шлёпаются о её бледную кожу, и я на секунду наслаждаюсь ощущением того, что она полностью со мной.

Она всхлипывает мне в рот, когда я целую её с силой, которая соответствует силе моих толчков.

– Обхвати меня ногами, – приказываю я, и она подчиняется, прижимая меня к себе. Я трахаю её в постели, её запястья скованны, а волосы разметались по простыням, когда её тело скользит взад и вперед по матрасу.

Сильвер - это не только хаос, она еще и богиня. Из тех, за кем каждый может наблюдать издалека, но я единственный, кто может поклоняться у её алтаря.

Тот, кто будет владеть каждым её дюймом.

– К-Коул, – стонет она, покусывая мою нижнюю губу. – Давай медленнее.

– С каких это пор тебе нравится медленно?

– П-просто сделай это.

Когда я не слушаю, прищурившись, она целует меня в губы, подбородок и даже в нос.

– Пожалуйста.

Трахните меня.

Я сделаю все, что угодно, если она это сделает. Если она простонет моё имя и целует меня так, как будто я единственный, кого она когда-либо захочет.

Медленно вращая бёдрами, я впервые неторопливо беру её. Мне не нравится медленный трах, это похоже на ласку, и я не получаю всего интенсивного опыта.

Спина Сильвер выгибается над кроватью, и она сжимается вокруг меня, душа меня внутри себя.

Что-то меняется в воздухе. Это похоже на то чувство волнения, которое ты испытываешь, переворачивая новую страницу в книге.

Её стоны смешиваются с моими стонами, наполняя комнату. Я не тороплюсь, вонзаясь в её скользкий жар медленными, размеренными толчками, прижимая все её тело к своему.

– О, о, Коул... Я-я думаю... я... о...

Её рот остаётся открытым, когда она разбивается вдребезги вокруг меня.

Я изливаюсь в неё одновременно, и моё освобождение - самое тяжёлое, что я когда-либо испытывал.

Сильвер Куинс официально трахнута.

Теперь она ни за что не сбежит от меня.

Глава 31

Кукольный Мастер

Вопреки распространённому мнению, нетрудно наблюдать и при этом оставаться незамеченным.

Нетрудно подойти достаточно близко, чтобы почувствовать запах духов Шанель моей куклы и прикоснуться к её нежной коже.

Нетрудно сделать это в своей голове, а затем каким-то образом воплотить это в реальность.

Всё, что мне нужно сделать, это двигаться по шаблонам, которые ни она, ни кто-либо другой не могут обнаружить.

Она начала замечать меня, она начала бояться меня. Она перестала отвечать этими мягкими улыбками, когда читает мои сообщения, и теперь меняет свой номер, чтобы сбежать от меня.

Разве она не знает, что это невозможно?

Верно. Она этого не знает. Она просто маленькая испуганная девочка. Она только трахается как шлюха, думая, что никто не знает о её запретном романе.

Но это нормально, потому что кукла в конце концов упадёт к ногам своего хозяина.

Она уже сделала это.

Она просто еще не знает об этом.

Я думаю, это та часть, где вы даёте кукле немного передышки. Пусть она поверит, что избавилась от меня.

В конце концов, так охота становится более захватывающей.

Как только она поверит, что она в безопасности, я выйду, вымою её, понюхаю, прикоснусь к ней.

Буду с ней.

А до тех пор мне нужно чем-то себя занять. Другая кукла лежит передо мной, без сознания, в темноте леса.

Эта кукла втайне жаждала кайфа, элемента неожиданности, иначе она не побежала бы в безлюдное место так рано утром.

Её светлые волосы похожи на волосы Сильвер, но не совсем. Её белая кожа того же оттенка, что и у Сильвер, но не такая мягкая.

А пока мне приходится довольствоваться вторым выбором, когда первое - это все, чего я когда-либо хотел.

Скоро, моя куколка.

Очень скоро.

Ты видишь, на какие жертвы я иду ради тебя?

Глава 32

Сильвер

Сегодня выходной.

Это началось.

Я должна была позавтракать с мамой, но она сказала, что у неё работа в партии и она не может сделать этого вместе.

Затем Хелен принесла мне пакет, который я заказала. Мне не нравится заказывать онлайн только потому, что я предпочитаю видеть вещи, примерять их и трогать, прежде чем покупать. Но отчаянные времена, верно?

Я не могла рисковать, идя в аптеку за тестом на беременность, поэтому я заказала его вместе с кучей косметики и одежды, которую я, вероятно, никогда не надену, просто чтобы покрыть первоначальную покупку.

У меня есть собственный банковский счёт, и с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать, ни папа, ни мама не имеют права просматривать мои счета без моего одобрения, так что это просто мера предосторожности.

– Спасибо, Хелен. – Говорю я ей, помогая с рюкзаком.

– Что у тебя здесь, дорогая? – Она бросает коробку на кровать. – Он такой тяжёлый.

– Просто вещи.

– Не задерживайся надолго. Завтрак готов.

– Ладно.

Я целую её в щеку, затем запираю за ней дверь. Я также на всякий случай закрываю балконную дверь.

Как только я открываю коробку, я роюсь в купленном мусоре, пока не нахожу тест.

Мои пальцы дрожат, когда я сжимаю его.

Ты можешь это сделать. У тебя есть это.

Я внимательно читаю инструкции, прежде чем пойти в ванную, и следовать им. Пока я мою руки, я продолжаю смотреть на тест.

Две строчки означают «беременна».

Одна строка означает «нет».

В инструкции сказано, что я должна подождать пять минут. Прошло десять секунд, а я уже схожу с ума.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы купить этот тест. То есть больше, чем на пару недель. Я продолжала думать, что если бы я не знала наверняка, то ничего бы не случилось. В типичном бегстве от ответственности. С каждым днём, когда у меня не появляются месячные, я все больше нервничаю.

Все это время я позволяла Коулу трахать меня медленно и глубоко, пока мне не показалось, что я упаду в обморок от той мягкости, которой он на самом деле обладает.

Кроме этого, вокруг нас происходят странные вещи.

Например, когда дядя Джонатан взял меня в Meet Up, чтобы объявить Эльзе, что я помолвлена с Эйденем. Там было целое дерьмовое шоу, в котором участвовал её отец и много других вещей.

Я хотела убежать оттуда, и я сделала это, как только смогла. Эйден всё ещё охотится за моей головой, потому что я не предупредила его о неожиданном визите его отца, но пошёл он к чёрту. Он заставил меня поверить, что Коул трахал Джонссон, когда у него никогда не было секса ни с кем, кроме меня.

Лёгкая улыбка появляется на моих губах при этой мысли, и я нежно прикусываю нижнюю губу.

Коул был девственником до меня. Трудно поверить, что у него никогда не было секса до свадьбы наших родителей.

Я первая и последняя у Коула.

Я хмурюсь, услышав это. Последняя?

Этого не может быть. Не в той ситуации, в которой мы оказались. Вот почему я сделала тест. Мне нужно понять, что делать с тем, что растёт внутри меня.

Я бросаю взгляд на таймер, затем на тест. Осталось три минуты.

Уронив голову на руки, я притворяюсь, что играю в уме «Лунную сонату».

Меня здесь нет. Я нахожусь в другой вселенной, где я могу быть с тем, с кем хочу, без каких-либо ограничений.

Тогда я даже смогу родить этого ребёнка. Я могу быть матерью и пообещать не перекладывать на него свой эмоциональный багаж.

Боже. Я мысленно говорю, как стерва о своих родителях.

Таймер срабатывает, и я выдыхаю, когда выглядываю из-под пальцев.

Две строчки.

Беременна.

Я беременна ребёнком Коула.

Чёрт. Дерьмо.



Я извиняюсь перед Хелен, притворяясь, что у меня встреча с Саммер и Вероникой, поэтому я не могу позавтракать дома.

Если я сяду за один стол с Коулом или папочкой, я в конце концов сдамся, а я не могу этого сделать.

В моей голове полный хаос в течение всего дня. Я не могу сосредоточиться. Я не могу играть на пианино. Я не могу сделать и двух шагов, не будучи в оцепенении.

Как будто меня вытолкнули из моей собственной кожи.

Я знаю, что в конце концов мне придётся принимать решения. Я должна пойти к врачу и либо спросить его о здоровье ребёнка, либо сказать ему, чтобы он убил его.

При этом втором варианте у меня на глаза наворачиваются слезы.

Я не хочу убивать своего собственного ребёнка. Мне плевать, что мне восемнадцать и что отец - мой долбаный сводный брат. Почему невинная душа должна платить за это?

Каждый раз, когда Коул появляется в поле зрения, я веду себя спокойно, а потом убегаю.

Он поймёт, что я избегаю его. Он всегда так делает, придурок.

Кроме того, я не могу заснуть без того, чтобы он не прочитал мне сейчас одну из своих скучных книг. Он так снобистски относится к книгам в мягкой обложке, что я отказался от попыток заставить его читать мне с моего Kindle.

Мысль о том, что я потеряю всё это, как только правда о том, что я ношу, выйдет наружу, вызывает у меня тошноту.

Может быть, я смогу переночевать у мамы несколько дней, пока не пойму, что, чёрт возьми, я собираюсь делать.

Если только она не узнает и не убьёт меня.

И папочка.

Он такой старомодный и консервативный. Он будет так разочарован во мне, если узнает, что я не только трахалась со своим сводным братом под его крышей, но и забеременела.

Я заканчиваю, как только заканчивается последний урок. Обычно я задерживаюсь на тренировке футбольной команды и притворяюсь, что они сводят меня с ума, пока я тайно глазею на Коула.

Что? Он выглядит чертовски сексуально в своей футбольной майке и с капитанской повязкой на толстом бицепсе.

Все девушки по уши влюблены в Эйдена и Ксандера, потому что они нападающие, которые забивают голы. Или в Ронана, потому что он делает шоу из всего, что делает. Но Коул - это секретное оружие.

Я думаю, что только тренер и сами игроки понимают, насколько важна его позиция в команде. Десяносто процентов передач, которые приводят к

голам, сделаны им. Все владение мячом в центре поля также обеспечивается им. Большинство нападений организовано им. Защита - это буквально его сучка.

Он единственный, кто выкладывается на сто процентов как в обороне, так и в нападении. Ронан тоже может быть полузащитником, но он больше идёт вперёд. Коул ходит вперёд и назад.

Коул - сильнейший игрок в этой команде, и люди - идиоты, что боготворят остальных троих.

То, что он молчалив и не хвастается, не значит, что он не усердно работает.

Но опять же, я не хочу, чтобы все его боготворили. Я раздавлю их всех до последнего.

И да, я выучила всю эту футбольную чушь с тех пор, как Коул начал интересоваться игрой. Я всегда притворялась, что меня это не волнует, и на самом деле это не так, но мне небезразлично, как он играет.

Как он владеет полем и всеми на нём, а они этого не замечают. Он мастер игры, потому что он все продумывает до мелочей.

Но сегодня я не останусь и не буду смотреть. Мне нужно забрать кое-какие вещи из дома и бежать к маме, пока он не вернулся.

Я уже собираюсь сесть в машину, когда сзади ко мне подкрадывается тень. Я вздрагиваю, оборачиваясь.

– Привет, Сильвер.

Адам улыбается мне. Его глаза налиты кровью, а плечи кажутся напряжёнными под школьной формой. От него исходит запах алкоголя.

Какого черта он здесь делает?

Я не получала от него сообщений больше недели, и он держался на расстоянии в школе, так что я подумала, что он наконец-то взял себя в руки.

Мне не нравится выражение его лица. Ни капельки.

– Привет, Адам. – Я пытаюсь казаться рассеянной, хотя нахожусь на грани панической атаки. – Я тороплюсь, так что...

Он так сильно сжимает мою руку, что я подавляю визг.

– Какого хрена ты всегда так делаешь?

Я пытаюсь высвободиться, но его хватка подобна стали, пальцы впиваются в мою плоть.

– Адам, отпусти меня. Ты делаешь мне больно.

– Делаю тебе больно. – Он отрывисто смеётся. – Ты знаешь, какого это - больно, Сильвер? Потому что ты снова и снова растоптала моё сердце.

Дерьмо. Дерьмо.

Сглотнув, я оглядываюсь по сторонам в поисках помощи. Здесь, конечно, никого нет.

– Я не понимаю, о чём ты говоришь, Адам.

– Ты хочешь сказать, что притворяешься, что не знаешь. – Его другая рука ласкает мой подбородок. – Знаешь, я так долго был влюблён в тебя, но ты продолжаешь притворяться, что тебя трудно заполучить. Я все сделал для тебя. Когда эта сука Кимберли приставала к тебе, я насмешливо признался ей и пролил краску ей на голову. Я сделал все, чтобы защитить тебя.

У меня отвисает челюсть.

Он псих. Я не могу поверить, что он сделал это с Ким из-за меня. Она была так сильно ранена, что это подтолкнуло её к диете в нацистском стиле, которая высасывала из неё жизнь.

Никто не знает, что он со мной сделает. Боже, я должна была рассказать папе об этих сообщениях с тех пор, как я их впервые получила. Почему я должна была заполнять ими свой эмоциональный пробел? Насколько же глупой я могла быть?

– Пойдём со мной, Сильвер. – Он улыбается, как маньяк. – Нам с тобой суждено быть вместе.

Я отодвигаюсь от него, прижимаюсь спиной к машине и обхватываю рукой своего ребёнка.

– Отвали. Не принимай моё молчание за слабость.

– Ты знаешь, как долго я мечтал об этом.

Мои внутренности вот-вот расплавятся от ужаса, но я сохраняю резкий тон, которому научилась у мамы.

– Отвали, или я клянусь...

– Шшш, заткнись. Заткнись нахуй.

Он стучит кулаком по крыше машины рядом с моей головой.

Мои глаза расширяются, когда я пытаюсь сохранять спокойствие. Я дочь Себастьяна Куинс и Синтии Дэвис. Я *не* сломаюсь.

Сделав глубокий вдох, я говорю слегка надтреснутым голосом, несмотря на мои попытки сохранить нейтральный тон.

– Адам. Если ты не прекратишь, я скажу...

– Заткнись нахуй, Сильвер.

Он снова бьёт кулаком по машине.

– Что здесь происходит?

Я выдыхаю, когда кто-то приближается к нам. Эльза. Я никогда в жизни не была так счастлива видеть её.

– Отвали, сука. Это не твоё дело, – рычит на неё Адам.

– Сильвер? – Она осторожно спрашивает меня.

Я слегка качаю головой и одними губами произношу: “Коул”.

По какой-то причине он единственный, кого я хочу видеть прямо сейчас. Кроме того, я знаю, что он может держать когти Адама подальше от меня.

И мне нужно, чтобы Адам убрал от меня свои чёртовы когти.

Эльза берет свой телефон, расправляя плечи.

– Отвали прямо сейчас, или я позвоню директору, Адам. Может быть, это *его* дело.

Он делает шаг к ней.

Она засовывает руку в рюкзак.

– Подойди еще ближе, и я ослеплю твои грёбаные глаза перцовым баллончиком.

Взгляд Адама блуждает по мне ещё секунду, и я задерживаю дыхание, только когда его внимание отрывается от меня, когда он рычит на Эльзу.

– Тупая грёбаная сука.

Эльза продолжает наблюдать за ним с этой жёсткой позой и решительным взглядом, пока он не сядет в свою машину и не уедет.

Я падаю спиной на свою машину, обхватив живот руками.

Всё будет хорошо, малыш.

Всё кончено.

Всё кончено.

– Ты... в порядке?

Эльза останавливается передо мной.

Я не могу поверить, что из всех людей именно она помогла мне. После всей драмы, которую я привнесла в её отношения с Эйденем, я бы ожидала, что она снова побьёт меня или что-то в этом роде.

По крайней мере, так я подумала, когда она поймала меня на рвоте в ванной на днях.

Вместо этого она спросила меня, не нужна ли мне помощь.

Она полная противоположность Эйдену, и, может быть, поэтому они так хорошо подходят друг другу.

– Ты не должна была этого делать, – шепчу я. – Я... мне нужно идти. Забудь, что я сказала раньше. Не говори ни слова об этом Коулу.

Если он узнает, то обвинит меня, а не Адама. Он придёт за мной за то, что я скрыла это от него.

Мне нужно поговорить об этом с Фредериком. Он гений пиара, он может сказать мне, как справиться с этим наилучшим образом, чтобы не навредить папе.

Он также захочет убить меня, но я приму это.

Я хотела бы также рассказать Фредерику о беременности, но он сказал бы мне избавиться от неё. Вот что бы все сказали.

Включая Коула.

И это ранит больше, чем я хотел бы признать.

– Ты должна сказать Эйдену. – Говорит Эльза.

– Какое он имеет ко всему этому отношение? Кинг тебе не сказал?

– Сказал мне что?

– Неважно. Это не моё дело. – Я открываю дверцу своей машины и проскальзываю внутрь. – Я ничего не скажу, пока ты не поговоришь с ним.

– О чём?

– Как ты думаешь?

После того, что она сделала для меня сегодня, я могла бы рассмотреть приказ Эйдена и фактически признаться во всём.

Какой смысл держаться за эту помолвку, если он не возьмёт на себя ответственность за ребёнка?

Когда я выезжаю, я кладу руку на живот, и слеза скатывается по моей щеке при мысли, что я, возможно, буду вынуждена потерять эту жизнь в конце концов.

Глава 33

Сильвер

Каждый день, который проходит, подобен бомбе замедленного действия.

Каждый раз, когда папа или мама говорят, что хотят поговорить со мной о чём-то, я прыгаю в собственной шкуре.

Каждый раз, когда Хелен приносит мне еду, я морщусь, думая, что меня стошнит по утрам.

Каждый раз, когда Фредерик и Дерек говорят мне: «Доброе утро, мисс» или «Добрый вечер, мисс», я кричу внутри. *Они знают!*

Я провожу всю неделю с мамой, чтобы избежать встречи с Коулом.

Сначала он загоняет меня в угол, требуя, чтобы я сказал ему, что я скрываю, и угрожая, что я заплачу, если ему придётся узнать это самому.

Его форма оплаты не играет с моим телом так, как я хочу. Вместо этого он полностью отключает меня.

Впервые с тех пор, как мы начали то, что у нас было, Коул не разговаривает со мной.

Он говорит, что не сделает этого, пока я не расскажу ему, что происходит.

Всякий раз, когда я прохожу мимо него, а он делает вид, что меня не существует, я немного умираю внутри. У Коула совершенно пустое лицо, поэтому он может заставить вас почувствовать, что вы ничем не отличаетесь от пыли на его ботинке.

Это больно.

Из-за этого я каждую ночь засыпаю со слезами на глазах.

Но что ранит больше всего, так это мысль о том, что он сделает, когда узнает, что я ношу его ребёнка.

Сегодня я отказалась от ужина с мамой и Люсьеном. Обычно я люблю компанию француза. Он классный и харизматичный и напоминает мне о дяде Джонатане — без пугающей безжалостности. Пока он заставляет маму улыбаться и забывать о своих демонах, я одобряю.

Несмотря на приятную компанию Люсьена, я решаю вернуться в дом папы, надеясь, *молясь*, чтобы Коул действительно прокрался в мою комнату.

Он не делает этого.

Он не обращает на меня особого внимания за ужином, как будто я не сижу прямо перед ним. Даже Хелен спрашивает меня, возвращаемся ли мы с Коулом в то время, когда мы терпеть не могли друг друга.

Я думаю, что так и есть.

Почему он дал мне все эти мгновения только для того, чтобы забрать их? Мы прекрасно справлялись, вцепившись друг другу в глотки перед свадьбой.

Кого я обманываю? Я ненавидела прежние времена. Он всегда был далеко.

Просто слишком далеко.

Я просматриваю аккаунты Ронана и Эйдена в Instagram, надеюсь мельком увидеть фотографию Коула, как чёртова дура.

Эйден посмеялся над тем, как Коул не разговаривает со мной. Этот засранец не заслуживает той огромной услуги, которую я ему оказала.

Несколько дней назад я сказала Эльзе, что помолвка и всё, что было, между нами, были фальшивыми. Хотя она еще не полностью простила его, моё добровольное признание - это только начало.

Я стала такой мягкой за эти дни.

Мой телефон вибрирует, и я сажусь, волнение кружится внутри меня. Это Коул?

Неизвестный номер: *Встретимся.*

Я сглатываю. Это первый раз, когда он об этом спрашивает. Это из-за того, что произошло на парковке несколько дней назад? Это новый номер.

Он продолжает менять их, как будто играет в прятки с мерами безопасности папиной команды.

Неизвестный Номер: *Я за забором твоего дома.*

Неизвестный Номер: *Если ты не выйдешь, я выложу твою голую фотографию на всеобщее обозрение.*

Я могу разоблачить его блеф и сказать, что у него нет такой фотографии, но что, если у него есть? Я не могу рисковать кампанией папы или репутацией мамы.

Слезы щиплют мои глаза, когда моя грудь сжимается сама по себе.

Что, чёрт возьми, со мной не так? Почему я оказываюсь в одной неудаче за другой? Сначала Коул, потом беременность, а теперь чёртов сталкер.

Могу ли я быть большим позором для своих родителей?

Я всегда была хорошей девочкой. Когда я начала терять себя? Когда я успела превратиться в этого проклятого неудачника, который каждое утро видит неудачу в зеркале?

Глотая слезы, я печатаю дрожащими пальцами.

Сильвер: *Зачем ты это делаешь, Адам?*

Неизвестный номер: *Потому что я люблю тебя. Помнишь, как эта сучка Эльза приставала к тебе? Это я толкнул её в тот бассейн. Для тебя, любовь моя. За твои прекрасные голубые глаза.*

Неизвестный Номер: *Я знаю, что ты порвала с Эйденом ради меня. Потому что ты тоже всегда любила меня.*

О, Боже.

Он подтолкнул Эльзу из-за меня. Она могла утонуть и умереть.

Я должна увидеть его и положить этому конец.

Спотыкаясь на кровати, я выбегаю из своей комнаты, но меня останавливает широкая рама.

Коул.

Мы стоим перед моей дверью. На нем толстовка с капюшоном и хлопчатобумажные брюки. Его каштановые волосы падают на лоб.

– Куда, чёрт возьми, ты собралась в таком виде?

Я смотрю на себя и понимаю, что на мне только прозрачная футболка большого размера, под которой ничего нет, потому что я хотела соблазнить этого ублюдка.

– Н-никуда.

Он прищуривается, глядя на моё лицо, затем на мою руку, и я подсознательно прячу телефон за спину. Он выхватывает его, и когда я пытаюсь бороться с ним, он использует мой палец, чтобы разблокировать его.

Я даже не вышла из чата.

Он держит его вне досягаемости, и его глаза темнеют с каждой секундой. Черт возьми.

– Так это был Адам. – Говорит он холодно, почти без эмоций. Эта сторона Коула всегда пугала меня до чёртиков.

Я никогда не могу сказать, что он сделает дальше — взбесится ли он или уйдёт.

Хотя я никогда не видел его в ярости, по-настоящему.

– Это то, что ты скрывала от меня, Сильвер?

Я ненавижу, когда он называет меня по имени.

– Я должна встретиться с ним, – бормочу я. – Он опубликует фотографию, и разразится скандал.

– Он не сделает этого.

– Откуда ты это знаешь?

– Если бы она у него была, он бы прикрепил её к тексту и пригрозил тебе ею. Он блефует.

– А что, если это не так?

Он хватается меня за руку и заталкивает в мою комнату, затем прижимает к двери, удерживая на месте.

– Он не сделает. Даже если он это сделает, ты сделаешь только хуже, если встретишься с ним.

– Но...

– Заткнись.

– Коул...

Я умоляю.

– Заткнись нахуй, Сильвер. Я же сказал тебе, что не буду снисходителен, если узнаю сам. – Он достаёт свой телефон и прикладывает его к уху. – Фредерик. Как твои дела? Я думаю, что в саду за домом может быть злоумышленник. Можешь попросить кого-нибудь из охранников проверить?

Я ёрзаю, прижавшись спиной к двери, мои пальцы скручиваются на полу, прежде чем я их отпускаю.

– А он не разозлится, если мы его спровоцируем? – шепчу я.

Коул прикладывает палец к моему рту, заставляя меня замолчать. Однако в моем мозгу есть и другие мысли, например, поцеловать этот палец и рассказать ему всё, что у меня внутри.

– Понятно, – говорит он Фредерику. – Спасибо. Желаю вам хорошо провести вечер.

– И что? – спрашиваю я, как только он вешает трубку.

– Там никого не было. Должно быть, он ушёл.

– А что, если он этого не сделал?

– Что ты собираешься с этим делать? Выйти вот так и встретиться с ним?

– Нет. Я очень торопилась. Я не подумала.

– Кажется, в последнее время ты не часто этим занимаешься.

Это больше похоже на то, что я слишком много думаю.

– Я конфискую твой телефон. Иди спать.

Я смотрю на него сквозь ресницы.

– Ты не будешь спать со мной?

– Я думал, ты ненавидишь меня. Почему ты хочешь, чтобы я переспал с тобой?

Тьфу. Задница.

Я фыркаю, забираясь под одеяло и натягивая его до подбородка. Он выдвигает мой стул и книгу, которую мы читаем для литературы, и садится напротив меня.

– Ты можешь идти. Мне не нужна нянька.

Я стараюсь не казаться расстроенной из-за того, что он предпочитает кресло мне.

– Учитывая, что ты собиралась встретиться со своим стакером в одежде «трахни меня», тебе, очевидно, это нужно. – Говорит он, не отрывая головы от книги.

Грозовой перевал. Подходяще.

– Какое тебе дело? Я думала, ты не собираешься со мной разговаривать.

– Я не собираюсь.

– Ну, сейчас ты явно прав.

– Спи. Ты признаешься завтра.

– Признаешься? Кому?

– Эльзе, которая чуть не утонула из-за тебя. Потому что ты была эгоцентрична и наслаждалась, когда сталкер говорил, что ты красивая.

Слезы покалывают мои веки, и я еще глубже прячусь под простынями.

– Ты же знаешь, что это не так.

– Ага.

– Ты думаешь, я хочу причинить боль другим людям? Что с тобой не так? Ты с ума сошёл?

– Следи за своим грёбаным языком, Сильвер.

– А если я этого не сделаю?

– Спи, – тихо повторяет он.

Я делаю это со слезами на глазах и пустотой в груди.

Впервые с тех пор, как он переехал сюда, Коул не обнимает меня перед сном. Впервые я вызываю у него такое отвращение, что он не хочет ко мне прикоснуться.

Я ненавижу себя за то, что ненавижу это.

И я ненавижу его.

Я ненавижу его так сильно, что мечтаю о том, как он обнимет меня.



Утром Коул ведёт меня в Meet Up.

Скорее, он тащит меня за собой.

Он всё ещё не разговаривает со мной, и я начинаю чувствовать себя жалкой.

Я ненавижу быть жалкой. Это навевает воспоминания о том времени, когда я была ребёнком, и каждый из друзей моих родителей бросал на меня такой взгляд.

Бедная Сильвер.

С тех пор я построила стены и совершенно новую личность, чтобы никто больше не смотрел на меня так.

Мы с Коулом сидим в маленьком коттедже, и я вспоминаю боль, которую испытала, когда подумала, что он потерял девственность с мисс Голдман.

Ну и что с того, что этого не произошло? Он заставил меня поверить в это.

Ну, я заставила его поверить, что потеряла девственность с Эйденем, вот и все.

Фу. Я ненавижу это напряжение.

Я сижу на стуле, ожидая Эйдена и Эльзу. Коул стоит прямо за мной, как Мрачный Жнец.

Верный своему образу Мрачного Жнеца, он также молчит.

Я слишком напугана, чтобы оглянуться, поэтому бормочу.

– Ты долго собираешься молчать?

– Ни слова, Сильвер. Я не хочу слышать твой голос.

Я притворяюсь, что он не вскрыл мне этим сердце, и бормочу.

– Пошёл ты, Коул.

Дверь открывается, и Эйден и Эльза входят внутрь.

Она смотрит на меня, как на урода, в то время как Эйден выглядит в основном раздражённым.

– Что ты здесь делаешь, Куинс?

– Спроси Коула. - Говорю я тихо.

Эльза заходит внутрь, внимательно наблюдая за мной и Коулом, как будто мы собираемся наброситься на неё.

– Привет.

Коул одаривает её своей фирменной вежливой улыбкой, которую он дарит всем. Образ хорошего мальчика. Хороший сын, хороший пасынок, хороший долбаный гражданин.

Но я знаю Коула лучше всех. Я знаю образ, который он выставляет, и тот, который он прячет под слоями практики.

Он джентльмен на публике. Монстр в уединении.

Со мной.

Сейчас он ведёт себя со мной как монстр, и я ненавижу, как это больно.

– Эльза, – говорит он. – Садись. Есть кое-что, что тебе нужно знать.

Эйден бросает свой вес на диван, и она устраивается рядом с ним, всё ещё пристально наблюдая за нами, как будто пытается разобраться в ситуации.

Интересно, видит ли она боль в моих глазах?

Никто не должен видеть твою боль, Куколка. Твоя боль принадлежит тебе, а не людям. Они будут использовать это только против тебя.

Я глубоко вдыхаю, вспоминая мамины слова.

– Скажи им, – приказывает Коул низким, спокойным тоном. – Если ты этого не сделаешь, это сделаю я. Ты хочешь, чтобы они слышали мою версию?

Он скажет им, что я хотела причинить Эльзе боль. Я хотела, чтобы Ким причинили боль.

Что я тварь.

Что я вызываю у него отвращение.

– Покончи с этим, Куинс, – нетерпеливо говорит Эйден. – У меня нет целого дня.

Я поднимаю голову и сосредотачиваюсь на Эльзе.

– Я не знаю, почему мы продолжаем быть связанными, ты и я.

Она бросает на меня взгляд, который говорит: «То же самое».

– Это моё последнее предупреждение. – Безжалостный голос Коула пронзает мою голову, как нож. – Говори, или я это сделаю.

Сделав еще один глубокий вдох, я говорю самым спокойным тоном, какой у меня есть.

– Помнишь Адама?

– Он снова причинил тебе боль? - выпаливает она.

Дерьмо. Почему она должна была упомянуть об этом?

- *Снова.* – Голос Коула понижается. – Значит, это случалось и раньше, да?

Он не позволит мне смириться с этим, не так ли?

Эйден крепко хватает Эльзу за плечо. Я почти могу представить, как напряглась бы челюсть Коула, если бы у меня хватило смелости взглянуть на него.

– Откуда ты знаешь об этом, милая? Хм?

– Он приставал к ней на парковке; я остановила его. – Говорит она.

– Ты остановила его, – повторяет Эйден. – Как именно ты его остановила?

– Я только что пригрозил ему позвонить директору и использовать перцовый баллончик.

– У тебя нет перцового баллончика.

– Он поверил, что я это есть. Чего ты так разволновался?

– Из-за чего я так волнуюсь? – Его слова отрывисты. – Почему ты, блядь, так думаешь? Он мог бы отвезти вас обоих Бог знает куда в своём штате. У тебя что, совсем нет чувства самосохранения?

– Я делал только то, что считал правильным. Хорошо?

– Не хорошо. Это, блядь, не нормально так подвергать себя опасности.

Он смотрит на неё, а она смотрит в ответ, непреклонно.

Я уважаю это в Эльзе. Эйден - псих, но он встретил в ней достойную пару.

Во время всего их разговора я пытаюсь игнорировать мрачную энергию за моей спиной, но терплю неудачу.

– Очень хорошо, Сильвер. Очень хорошо. – Голос Коула подобен удару тысячи ножей. – Скажи им, зачем мы здесь.

– Я узнала только вчера. – Я уставилась на свои ногти. – Адам подошёл и... ну, он наговорил много дерьма.

– Скажи это, - Коул берёт всё в свои руки.

– Адам сказал, что... – Я облизываю губы. Чёрт. Почему я чувствую себя такой виноватой из-за этого? – Это он столкнул Эльзу в бассейн.

Голубые глаза Эльзы увеличиваются вдвое, но она молчит.

– Он сделал это, да? – Эйден растягивает слова.

– Продолжай, – настаивает Коул. – Скажи им, почему он это сделал.

– Он сказал, что сделал это, чтобы заслужить моё расположение, ясно?

– Я перевожу взгляд на Эльзу. – Клянусь, я не имею к этому никакого отношения. Я сам только что узнала. Если бы я знала, я бы сказал тебе.

– Но ты знала о намерениях Адама. – Коул вонзает нож глубже. – И, по-видимому, ты знала о них уже давно.

Я сглатываю.

– Коул...

– Ни слова.

– Коул...

– Иди, подожди в машине.

Фу. Серьёзно. Почему он продолжает это делать?

Знаешь что? Хватит, значит, хватит.

Я вскакиваю, вскидывая руки в воздух.

– Иди сюда, Сильвер. Иди туда, Сильвер. За кого ты меня принимаешь?

Твою грёбаную игрушку?

Он остаётся неподвижным, повторяя.

– Иди, подожди в машине.

Затем я делаю то, чего никогда раньше не делал на публике. Я показываю ему средний палец. Я показываю фак Коулу Нэшу.

И поскольку я в некотором роде трусиха, я бросаюсь ко входу.

Не доходя до него, я останавливаюсь, вспоминая кое-что важное. Я поворачиваюсь к Эльзе и шепчу.

– Прости.

Я захлопываю за собой дверь, но не ухожу. Дело в том, что эта дверь не звуконепроницаемая — скорее всего, потому, что она старая. Я обнаружила это однажды, когда пришла сюда и подслушала, как Леви, двоюродный брат Эйдена, занимался сексом со своей девушкой Астрид. Но я убежала прежде, чем они смогли обнаружить мои извращённые наклонности.

Это был мой первый опыт вуайеризм. Ну, это было просто слышно, но это имеет значение. Именно тогда я начал думать, что, возможно, мне нравятся вещи на грани.

Может быть, именно поэтому я слишком быстро связалась с Коулом. Он не только не осуждает меня, но и разделяет со мной эти тенденции, и он совсем не извиняется за это.

– Давай встретимся позже. — Говорит Коул - Эйдену, я полагаю. – Я свяжусь с тобой, – отвечает другой член.

– И, Эльза? – говорит Коул.

– Да?

Она кажется рассеянной.

– Она узнала эту информацию только вчера. Не бей её больше.

Моё сердце чуть не разрывается от слов Коула. Я не могу поверить, что он только что сказал это, когда злится на меня.

– Говорит парень, который наблюдал, как её избивали до полусмерти.

Эйден усмехается.

– В тот раз она сама навлекла это на себя.

И он должен был все испортить.

Впрочем, это не имеет значения. Он заступился за меня.

Прежде чем он выйдет, я бегу на главную улицу и некоторое время иду пешком, прежде чем поймать такси.

Да, я трусиха, и я действительно не хочу иметь дело с его гневом прямо сейчас.

Я знаю, что только оттягиваю неизбежное, но в конце концов он остынет.

Верно?

Глава 34

Коул

Сильвер убежала в дом своей матери.

Снова.

У неё это начинает входить в привычку, и я собираюсь выебать это — помимо прочего — из неё.

Но сначала я должен позаботиться о бизнесе.

Как тот жалкий ублюдок, который сейчас идёт домой после попойки в пабе.

Эйден, Ксандер и я ждём его на темной парковке. Адам выбирает этот бедный район, потому что он даёт ему столь необходимый камуфляж. Он может пить столько, сколько хочет, и никто не беспокоит его и не угрожает рассказать об этом отцу.

Ксандер - тот, кто дал нам эту информацию, так как он делает то же самое всякий раз, когда хочет избежать гнева своего отца. Хотя он всё ещё не хочет признавать, что у него развиваются проблемы с алкоголем.

Однако сейчас это не важно. Ублюдок, который собирается выйти, важен.

– Где Ронан? – спрашивает Ксандер.

– Он под кайфом. – Говорит Эйден. – Я собираюсь набить ему морду, если он будет жаловаться, что мы не пускаем его.

– Он хочет, чтобы его не пускали.

Я засовываю руку в карман, чтобы она не сжалась в кулак. Я планировал этот момент со вчерашнего вечера. С тех пор, как я увидел страх в глазах Сильвер, когда она выскочила в прозрачной одежде. Она не из тех, кто выходит на улицу неподготовленной, а это значит, что она боялась за карьеру своих родителей больше, чем показывала. Тот факт, что это ублюдок

Адам проник ей под кожу таким образом, что мне хочется стереть его из этого мира.

Никто не смеет играть с ней под моим присмотром.

Эта игра моя, и Сильвер одна. Посторонним вход воспрещён.

– Астор хочет, чтобы его оставили в стороне? – Эйден поднимает бровь. – Мы говорим об одном и том же человеке?

– Он притворяется. – Я бросаю на Эйдена снисходительный взгляд. – Если бы ты не был таким эгоцентричным, ты бы это заметил.

– Хэштег горит.

Ксандер усмехается. Мы с Эйдемом никогда не вцепляемся друг другу в глотки — по крайней мере, не перед остальными. Поэтому всякий раз, когда это происходит, Ксандер и Ронан ведут себя как обезьяны, которые нашли банан.

– Я же сказал тебе, что с Куинс все кончено. Я официально покончил с этим в присутствии Джонатана. – Эйден нивелирует меня своей собственной снисходительностью. – Перестань быть мелкой маленькой сучкой.

До того, как мы встретились здесь, Эйден сказал мне по телефону, что все кончено. Он больше не помолвлен с Сильвер.

Она также скоро поговорит об этом со своим отцом.

Несмотря на облегчение, которое я чувствую, этого недостаточно. Как будто я не могу выбросить из головы мысль о том, что она помолвлена с кем-то другим. Несмотря на то, что она с самого начала знала, что это ложь, она все еще была чьей-то невестой.

Не моей. *Его*.

Больше всего меня бесит тот факт, что она никогда не будет моей невестой. Она никогда не будет полностью моей, независимо от того, насколько она мне принадлежит.

Тогда ей пришлось скрывать от этого ублюдка Адама. Она медленно, но, верно, выталкивает меня из своей жизни, и довольно скоро я стану всего лишь увлечением в её прошлом.

Сильвер в конце концов выберет образ своих родителей и свой собственный. Я никогда не принадлежал к этой идеальной рамке.

Может быть, именно это заставляет меня чувствовать себя еще более взбешённым, чем следовало бы, из-за всего этого грёбаного беспорядка.

– Эй, капитан. – Ксандер хватает меня за плечо. – Теперь ты хранишь Сильвер только для себя, да?

– Чего нельзя сказать о твоём случае. – Эйден ухмыляется ему.

Улыбка Ксандера исчезает, и он показывает ему средний палец. Они оба думают, что могут хранить от меня секреты, но я уже понял это. Мне любопытно посмотреть, как Ксандер справится с этим.

– Вот он идёт, – шепчу я, когда Адам, спотыкаясь, выходит из паба. Ему приходится долго раскачиваться, чтобы добраться до своей машины.

Он не видит нас, так как мы прячемся в слепой зоне у стены. Адам ругается себе под нос, когда не может найти свои ключи.

Плечи Эйдена напрягаются, и выражение его лица мрачнеет. С тех пор как он подтвердил, что Адам был тем, кто толкнул Эльзу в бассейн, он жаждал крови. Почти как я.

Ксандер только что присоединился, потому что в последнее время ему нравится бить по вещам.

Никто здесь не хочет выебать этого засранца больше, чем я. Он не только терроризировал Сильвер, но и думал, что может заполучить её.

Он думал, что может владеть тем, что, блядь, моё.

Эйден идёт первым, но он не утруждает себя лыжной маской. Он бьёт Адама прямо в лицо.

Адам вопит, как школьница, зажимая нос.

– Время расплаты, ублюдок. – Эйден снова поднимает кулак.

Глаза Адама расширяются, когда мы с Ксандером присоединяемся. В тот момент, когда он осознает, в какое дерьмо он вляпался, его лицо искажается, как у шлюхи, симулирующей оргазм.

Он понятия не имеет, что его ждёт. Мне будет весело препарировать его на кровавые куски, но мне не понадобится насилие, как Ксандеру и Эйдену.

Душевная боль более разрушительна, чем физическая.

После того, как Эйден бьёт его во второй раз, Адам кричит, бормоча какую-то чушь.

– Эй... эй... – Он поднимает обе руки, его глаза, красные и налитые кровью. – Д-давай поговорим об этом. Наши родители - друзья. Мы можем найти решение.

– Да, давай поговорим.

Я кладу руку на руку Эйдена, опуская её. Мой голос на удивление спокоен, учитывая хаос, пронзающий меня изнутри. Но я всегда был из тех, кто становится пугающе тихим и спокойным во время решений.

Сначала я подумал, что это из-за спокойной ночи похищения, но, возможно, это больше из-за лужи крови, в которой утонул Уильям. Было так чертовски спокойно после того, как он тонул.

Так тихо.

Такой мёртвый.

Таким, каким будет этот подонок, когда я с ним закончу.

– Хорошо, Коул. – Адам улыбается, выпрямляясь. – Я знал, что ты будешь более разумным.

– Так и есть. Видишь ли, я не думаю, что насилие что-то исправляет. В конце концов ты исцелишься от порезов и ушибов. Они не живут внутри тебя и не напоминают вам о том, что ты делал каждый день, не так ли? Если мы не сможем привести тебя в состояние рака четвертой стадии по крайней мере на десять лет — без лекарств — я не вижу, как мы можем заставить тебя заплатить физически.

Эйден и Ксандер ухмыляются, когда вся надежда исчезает из глаз Адама. Это всегда вызывает эйфорию, когда они понимают, что я худший выбор, который они могли когда-либо получить. Люди боятся Эйдена и

думают, что могут найти убежище в моей кажущейся доброте и приветливых улыбках, но они меня не знают.

Никто из них этого не делает.

Кроме моей Бабочки.

И именно из-за неё Адам пожалеет о том дне, когда оказался в непосредственной близости от неё. Он будет сожалеть каждый раз, когда она будет хмуро читать эти сообщения или в страхе оглядываться через плечо.

– Вот как это будет происходить, Адам, – продолжаю я. – Мы уже знаем, что ты используешь препараты, повышающие производительность. Но это не причинит тебе большого вреда, даже со школой, поэтому сегодня днём мы подбросили несколько тайников с кокаином в твой шкафчик. Уборщики уже должны были найти их и доложить директору. Он должен быть на телефонном разговоре с твоим отцом, но это не единственный телефонный звонок, который он получит, не так ли, Ксан?

– Нет. – Ксандер притворяется сочувствующим, когда говорит. – Мой отец Льюис Найт, ты знаешь? В любом случае, он вроде как большая шишка в партии твоего отца, и он скажет ему, что, если он не отошлёт тебя, его положение может оказаться под угрозой. Однако, если он это сделает, это может оказаться полезным для него. Он может подняться в звании. – Ксандер подмигивает. – Политика.

– У моей матери также есть сеть ресторанов твоей матери. – Я делаю шаг вперёд. – Учитывая, что папина компания является одним из их крупнейших акционеров, я бы сказал, что могу разрушить бизнес твоей матери простым собранием Совета директоров, тебе не кажется?

Я должен был рассказать маме об Адаме. Либо это, либо вовлечь Себастьяна. И как бы сильно я ни злился на Сильвер, я знаю, что она сделала всё, чтобы не допустить этого в политическую жизнь своих родителей.

Поэтому я уважал её желания и ничего им не сказал. Мама любит Сильвер, поэтому она сразу согласилась и сказала, что сделает всё, чтобы защитить нашу семью.

Наша семья.

Я ненавижу эти грёбанные слова.

— И это, мой друг, — Эйден хватает Адама за плечо, и ублюдок слишком ошеломлён, чтобы даже вздрогнуть, — это только начало. Мы всё ещё не вовлекли Джонатана Кинга и Себастьяна Куинса в это дело. Хочешь предварительный просмотр?

— Ч-что ты хочешь, чтобы я сделал?

Адам смотрит на нас троих, как будто мы его Мрачные Жнецы.

Я подхожу к нему и разглаживаю его рубашку.

— Ты примешь свою судьбу и отправишься в военную академию без грёбаного протеста. Если ты этого не сделаешь, я раздавлю тебя.

И я это сделаю. Адаму не сойдёт с рук только то, что его переведут. Как только я вырасту достаточно, чтобы завладеть бизнесом моего отца, я выслежу его и снова уничтожу.

Я превращу его жизнь в такой ад, что он никогда не найдёт выхода.

Он оплатит за отсрочку.

Он в страхе будет оглядываться, как и она.

Это моя лучшая форма мести.

Как только Адам думает, что я отпущу его, он вздыхает. Я поднимаю кулак и бью его по лицу, пока у меня не начинают болеть костяшки пальцев.

Правда, насилие никогда ничего не решает, но в каком-то смысле оно освобождает.

Ирония в том, что я, когда-либо бил только двух людей из-за гнева — Эйдена и Адама.

Оба раза это было из-за Сильвер.

Все в моей жизни перевернулось и вращается вокруг неё.

Так или иначе.



Я возвращаюсь домой поздно.

Отчасти из-за Адама. Отчасти потому, что я подумывал о том, чтобы пойти в дом Синтии и ворваться внутрь.

Единственная причина, по которой я остановился, - это Синтия. Я ей не нравлюсь — полагаю, из-за моей матери – и она устроила бы бунт, прежде чем позволила бы мне увидеться с Сильвер так поздно.

К тому времени, как я прихожу домой, уже около часа ночи. Здесь темно и тихо, так что Себастьян и его команда, должно быть, проводят всю ночь в здании партии. Похоже, в последнее время они часто это делают.

Возможно, он знает, как сильно маме нужен покой, когда она пишет. Кроме того, это удобнее, чем перемещаться туда-сюда между домом и его рабочим местом.

Когда я открываю дверь в свою комнату, мой разум наполняется мыслями о том, как притащить Сильвер сюда завтра.

Мне нужно застать её в школе, прежде чем она побежит к Синтии. Хотя я ненавижу пропускать тренировки, из-за контроля, который я чувствую во время игр, я, вероятно, должен, чтобы я мог...

Я останавливаюсь на пороге своей комнаты, мои мысли тоже останавливаются.

Сильвер сидит на стуле у моего стола — или, скорее, спит. Её голова лежит на книге, которую она, должно быть, читала, светлые пряди наполовину скрывают лицо.

Её большая футболка для этого дня розовая и едва достигает до середины обнажённых бёдер.

Мгновение я стою и наблюдаю за ней. На мгновение я погружаюсь в образ.

Она вернулась.

Она не только не осталась у своей матери, но и пришла в мою комнату.

Она ждала меня.

Блядь. Я не должен чувствовать себя легкомысленным подростком, влюблённым в школьную королеву сук, но это так. Это... радость.

Сильвер никогда раньше не приходила ко мне по своей воле. Даже не для того, чтобы притвориться. У неё такие высокие стены, что я думал, что никогда не смогу перелезть через них, как бы я ни старался.

И я действительно пытался.

Я перепробовал все грёбаные трюки под солнцем.

Часть меня все еще злится из-за всей этой истории с Адамом, но теперь, когда я знаю, что он исчезнет навсегда, часть этого гнева исчезает.

Кроме того, я не могу на самом деле злиться на неё, когда она спит. Она выглядит такой чистой и умиротворённой.

Я осторожно убираю её руку, чтобы поймать название книги, которую она читала.

Тошнота.

Лёгкая улыбка скользит по моим губам, когда я осторожно обхватываю её одной рукой за спину, а другой под ноги и несу на руках. Её голова падает мне на грудь с удовлетворённым стоном.

Она такая красивая, что это сводит меня с ума.

И дело не только в её внешней красоте, в ней есть все, начиная с её неуверенности в себе и заканчивая её нежной и ответственной стороной.

Это всего лишь она.

Я сажусь на кровать и поворачиваю её так, чтобы она полулежала на мне, прислонившись спиной к моей груди и поджав ноги между моими.

Мои пальцы гладят чувствительное место на её шее. Она стонет, и на этот раз её глаза распахиваются.

Ладно, значит, я вёл себя как придурок и разбудил её. Но мне нужно было увидеть эти детские голубые глаза.

На секунду она кажется дезориентированной, затем её губы расплываются в улыбке, когда она смотрит на меня, её голова лежит на моем бицепсе.

– Что ты здесь делаешь, Сильвер?

Улыбка медленно исчезает.

– У мамы поздняя встреча в партии, и мне не нравится оставаться там одной. Кроме того...

– Да?

– Я больше не хочу убегать.

– И ты решила прийти в мою комнату?

Она кивает.

– Если я правильно помню, ты убежала, когда я сказал тебе подождать в машине раньше. Как ты думаешь, Сильвер, ты можешь приходить и уходить, когда захочешь?

– Коул...

– Отвечай на грёбанный вопрос.

– Я была напугана, ясно? Иногда ты можешь быть страшным. – Она полуоборачивается, устраиваясь у меня на коленях, и проводит пальцами по моей груди. – Но, когда я приехала к маме и поняла, что её не будет дома, мне стало не по себе. Знаешь, я встретила там Адама в прошлый раз. Он сказал, что там живёт его дядя, но это не так. Поэтому я испугалась, что он придёт и найдёт меня.

Этот ублюдох. Мне следовало ударить его еще несколько раз.

– Я не могла там оставаться, – бормочет она. – Ты единственный человек, которого я хотела видеть.

Я пытаюсь не позволить этим словам поглотить меня, но у меня не получается. Все, что я могу сделать, это наблюдать за ней — за румянцем на её щеках, за тем, как расслабляются её плечи, когда она прижимается ко мне.

– Ты все еще злишься на меня? – шепчет она.

– Зависит от обстоятельств.

– Каких?

– От того, будешь ли ты снова что-то скрывать от меня.

Она сглатывает.

– Я не буду.

– Ты не будешь, а?

– Нет.

– Адама больше нет. – Говорю я ей. – Он будет вынужден перевестись завтра. Тебе больше не придётся беспокоиться о нём.

Её глаза загораются и расширяются, как тогда, когда мы были детьми. И точно так же, как тогда, я бы сделал все, чтобы снова вызвать это выражение.

– Действительно?

– Да.

– Спасибо. – Она оставляет небрежные поцелуи на моих губах, моей щеке, моей челюсти. – Спасибо, спасибо.

Как будто она снова стала маленькой девочкой, но я единственный, кто видит её с этой стороны.

Только я. И так будет продолжаться до тех пор, пока мы оба дышим.

Я запускаю пальцы ей под футболку.

– Коул, что ты делаешь?

Она сглатывает, выражение её лица меняется от возбуждения к возбуждению.

– Наказание.

– Н-наказание?

– Ты думаешь, что сможешь что-то скрыть от меня, бросить меня и убежать, не заплатив за это?

Мои пальцы находят её обнажённую киску, и я рыкаю, когда её возбуждение покрывает мою кожу.

– Похоже, ты пришла готовая к своему наказанию, Бабочка.

Её дыхание прерывается, когда я засовываю в неё два пальца.

– Ты больше никогда не будешь мне лгать?

– Н-нет.

Её бедра сжимаются вокруг меня.

– Убегать от меня?

– Нет...

Это звучит как стон, когда я вхожу в неё и играю с её клитором.

– Принимать чью-то сторону вместо моей?

– О, Боже. Коул...

Она сжимается в моих пальцах, её губы складываются в букву «О».

Другой рукой я шлёпаю её по заднице, и она ахает, даже когда её стенки сжимают меня, как тиски.

– Это не то слово.

– Нет, нет...

Она разваливается на части рядом со мной.

– Ты моя, Сильвер. Только, блядь, моя, – шепчу я ей на ухо.

Она не кивает. Она не согласна, но впервые после оргазма она не говорит мне, что ненавидит меня.

Глава 35

Сильвер

В отличие от того, чего я боялась, папочка ничего не говорит, когда я рассказываю ему о разрыве помолвки с Эйденом.

Он просто похлопывает меня по спине и говорит, что моё счастье важнее всего остального. Кроме того, Джонатан не перестанет поддерживать его только потому, что у него нет отношений со свёкром. По-видимому, папа может помочь ему в партнёрстве с семьёй герцога взамен.

Однако Джонатан не был так терпим к Эйдену. Я думаю, он увёз его куда-то в Китай.

Мама такая же. Она не разговаривала со мной с тех пор, как узнала эту новость.

Она появилась здесь и начала свои обычные боевые шоу с папой.

– Ты так ужасно влияешь, Себастьян. Это из-за тебя, что у Сильвер нет чувства ответственности.

– Я? – Он угрожающе рассмеялся. – Мы действительно хотим пойти по этому пути, Синтия? Потому что ты та, кто пытается сделать её точной копией тебя, и не лучшим образом. Если она не хочет выходить замуж из-за денег и статуса, она не выйдет замуж из-за денег и статуса. Я не продам свою собственную дочь, как шлюху, как ты продаёшь себя этому французу.

После этого их ссора стала еще более ожесточённой, всё было как в те дни развода.

Я сжала руку Хелен, когда мы слушали их из-за двери папиного кабинета. Хелен была бледна, и я могла сказать, что ей было неловко, но она не вмешивалась и не смотрела на маму. Если бы это был любой другой человек, она бы выгнала её, и, честно говоря, мама заслужила бы это.

Я извинилась от её имени перед Хелен, и она погладила меня по щеке и сказала, что это не моя вина.

Это было вчера.

С тех пор я не слышала от мамы ни слова. Сейчас выходные, так что я понятия не имею, где она может быть. Обычно она придумывала работу, потому что, в отличие от того, в чём она не признается, мама тоже трудоголик, как и папа.

Мы должны были проводить время вместе, но она не отвечала на мои звонки или сообщения. Её также нет в её квартире, и это меня пугает.

Я планирую собраться с мыслями и сдержать своё обещание Коулу — часть о том, чтобы больше ничего от него не скрывать. Я думала о том, как рассказать ему о беременности, потому что, как он сделал с Адамом, я знаю, что он позаботится об этом. Или, по крайней мере, помоги мне принять решение, поскольку очевидно, что я не могу этого сделать.

Часть меня боится, что он прикажет мне избавиться от этого.

Чего еще мне следует ожидать? Что он предложит нам уехать из страны или что-то в этом роде?

Черт возьми, Сильвер. Перестань быть наивной дурочкой.

У Коула сегодня ранняя тренировка из-за вечерней игры, так что мне не нужно смотреть на его лицо и чувствовать вину за то, что я что-то скрываю от него.

Кроме того, исчезновение мамы ощущается как тяжесть, давящая мне на грудь, нависающая надо мной, как демон.

Я чувствую себя как та девушка, которая вошла к ней, когда она тонула в собственной крови.

Она не отвечала на мои звонки уже пятнадцать часов. Она пообещала никогда больше так со мной не поступать.

Я стучу в дверь папиного кабинета, балансируя подносом с чаем на руке, и вхожу внутрь. Натянутая улыбка скользит по моим губам, когда я обслуживаю папу, Фредерика, Дерекка и остальных членов их команды.

– Спасибо, мисс. – Дерек улыбается, но быстро скрывает это.

Я возвращаю его, а затем спрашиваю папу.

– Могу я поговорить с тобой секунду?

– Безусловно. – Он кивает им, прежде чем последовать за мной на улицу. Мы стоим перед закрытой дверью его кабинета. – В чём дело, принцесса?

– Мама пропала.

Его челюсть напрягается.

– Она взрослая женщина, Сильвер. Перестань беспокоиться о ней, как о ребёнке.

– Папа...

– Почему ты вообще хочешь поговорить с ней после шоу, которое она устроила вчера?

– Ты не понимаешь. Её нельзя надолго оставлять одну.

Я стучу ногтями друг о друга.

Выражение его лица меняется от гнева к задумчивости.

– Что ты имеешь в виду?

Мама убьёт меня, если узнает, что я рассказала ему, но она подтолкнула меня к этому. Я больше не могу выносить эту боль. Я не могу скрывать это от папы.

– Помнишь тот раз, когда я поехала провести с ней выходные и не хотела оставлять её на целый месяц?

Он кивает.

– Я думал, ты чувствуешь себя виноватой из-за того, что оставила её одну.

– Так и есть. Она порезала запястье, папочка.

– Она что?

– Она не хочет этого показывать, но страдает молча. Картинка, которую ты видишь, дебаты, улыбки и титулы богини социальных сетей - это просто её способ казаться сильной.

– Принцесса. – Он обнимает меня за плечи, выглядя таким же потрясённым, как и я тогда. – Ты справилась со всем этим самостоятельно? Почему ты мне не сказала?

– Она бы мне не позволила. Ты её знаешь; она скорее умрёт, чем проявит какую-либо слабость. Во время вашего развода она громко и властно говорила перед камерами, но плакала, когда думала, что там никого нет. Она боролась с тобой каждый раз, когда видела тебя, но она всегда работала над улучшением твоих планов на будущее партии, когда была одна. Дело не в том, что ей всё равно, папа, а в том, что она не любит это показывать.

И я думаю, что унаследовала эту черту, даже не осознавая этого.

– Эта её отвратительная привычка. – Он вздыхает, поглаживая меня по спине. – С ней все будет в порядке. Она слишком сильно любит тебя и никогда бы тебя не бросила.

– Но вчера она была так зла. – Я шмыгаю носом. – Что, если она... что, если...

Папа озабоченно хмурит брови.

– Она не будет. – Даже когда он произносит эти слова, он, кажется, не верит им. – Она останется, принцесса. Если не для кого-то, то для тебя.

– Что ты имеешь в виду?

– Знаешь, Синтия всегда была из тех, кто не хотел детей, потому что думала, что они будут мешать её амбициям и планам. Я обманом втянул её в это, вроде как, и в тот момент, когда она узнала, что беременна тобой, она сказала, что любит тебя, даже не видя тебя. Когда мы впервые встретились с тобой, она плакала и благодарил меня за то, что я передумал. – Он улыбается с ностальгией и качает головой. – Потом она сказала, что убьёт меня, если я кому-нибудь скажу, что она плакала. Дело в том, принцесса, что ты придала её жизни и моей более глубокий смысл. Ради этого мы бы никогда не бросили тебя, даже если бы оставили друг друга.

Мои руки обвиваются вокруг его талии, и я борюсь со своими слезами.

– Я люблю тебя, папа.

Люди говорят, что вы не можете сами выбирать себе родителей, и многие жалеют, что у них никогда не было своих родителей. Только не я. Я ненавидела ссоры, развод и всё, что с этим связано, но я бы ни за что на свете не изменила своим родителям. К чёрту недостатки и драки.

Мой телефон вибрирует, и я вытаскиваю его быстрее, чем когда-либо в своей жизни. Это не мама. Это Люсьен.

Я звонила ему раньше, но получила только его голосовую почту.

– Привет, Люсьен.

– Привет, Сильвер.

У него очаровательный французский акцент, который я могу слушать целыми днями.

– Мама с тобой?

Моё сердце громко бьётся, пока я жду его ответа.

– Да, со мной.

О, слава Богу.

– Могу я поговорить с ней?

– Боюсь, что нет. Она спит.

Ох.

– Можно мне прийти?

После того как мама нас познакомила, мы обычно обедали либо у него, либо у неё дома. Он очень замкнутый человек и не любит есть в ресторанах. С тех пор как я встретила его, я всегда думала, что он будет тем, кто выведет маму из состояния паники.

Ей нравится его общество, и она не спешит расставаться с ним. На самом деле я никогда не чувствовала между ними ничего, кроме дружбы, и думала, что этого достаточно для душевного состояния мамы.

– Да, конечно. – Говорит Люсьен. – Но мы не в Лондоне.

– Не в Лондоне?

– Да, мы немного отдохнём в моем особняке в Ницце.

– Вы во Франции?

– Именно.

О, мам. Не могла бы она сообщить мне об этой маленькой детали? Хотя она, вероятно, перезвонит мне, когда проснётся.

Или, может быть, она этого не сделает.

Мне нужно увидеть её и убедиться, что с ней все в порядке.

– Ты можешь прислать мне адрес?

– Я сделаю лучше, чем это. – В его голосе слышна улыбка. – Я пришлю водителя и свой личный самолёт.

– Большое спасибо, Люсьен.

– В любое время. Как насчёт того, чтобы провести выходные с нами, а?

– Хорошо.

Повесив трубку, я облегчённо вздыхаю и понимаю, что папочка стоял там все это время. Судя по напряжённым чертам его лица, он, кажется, слышал весь разговор.

– Видишь? Она была со своим любовником, пока ты беспокоилась о ней. Синтия всегда будет Синтией. Она только использует твою вину против тебя.

– Папа, как ты можешь так говорить?

– Ты хочешь сказать, что она этого не делает?

– Ну, иногда, но она действительно страдает молча.

– Ясно. Во Франции. Во время романтического отдыха. – Он коротко качает головой. – Тебе не обязательно ехать.

– Я хочу. Мне нужно убедиться, что с ней все в порядке.

Он целует меня в висок.

– Позвони мне, когда доберёшься туда.

После того, как папа возвращается в свой кабинет, я быстро собираю сумку. Водитель Люсьена подъезжает к нашему дому полчаса спустя.

Как раз в тот момент, когда я собираюсь забраться внутрь, джип Коула медленно останавливается перед особняком. Моё сердце трепещет, и мне приходится напоминать себе дышать, когда он подходит ко мне, одетый в

черные джинсы, низко сидящие на бёдрах, и серую футболку, которая натягивается на его плечи.

Я планировала написать ему, как только окажусь в машине, но, думаю, так будет лучше.

– Куда ты направляешься?

Он критическим взглядом наблюдает за «Мерседесом» и водителем.

– Повидаться с мамой во Франции.

Он приподнимает бровь.

– Теперь ты убегаешь во Францию? Ты думаешь, я не могу понять?

– Она поехала с Люсьеном, и я хочу убедиться, что с ней все в порядке.

И не злись на меня.

Он наблюдает за мной в течение нескольких нервирующих секунд. То, как он наблюдает с этим пустым выражением на лице, заставляет меня чувствовать, что он копается во мне и все понял.

Как будто он может видеть ребёнка и теперь будет спорить со мной об этом.

– Я поеду с тобой, – наконец говорит он.

– Ты поедешь со мной?

– Если ты не собираешься убегать, ты ведь не будешь возражать, верно?

– Но...

Он протискивается мимо меня к машине и садится на заднее сиденье.

– Ты садишься?

Я присоединяюсь к нему, закрывая дверь.

– Разве ты не должен сказать Хелен?

– Она пишет и не выйдет до завтра. Тогда я ей позвоню.

– Разве у тебя сегодня вечером нет игры?

Он пожимает плечами.

Коул никогда не пропускает тренировки, не говоря уже об играх. Тот факт, что он готов сделать это, чтобы быть со мной, заставляет крошечных бабочек порхать внизу моего живота.

Когда машина отъезжает от особняка, я позволяю своим мыслям проникнуть внутрь. В глубине души я счастлива, что он едет со мной. Я и раньше бывала в поездках, но это мой первый раз с Коулом.

Водитель доставляет нас прямо к специальному месту посадки, где нас ждёт самолёт.

– Ух ты. Люсьен выложился до конца. Может быть, он хочет жениться на моей маме.

– Я так не думаю. – Говорит Коул, когда красивая стюардесса ведёт нас к нашим местам.

– Почему нет? Что не так с моей мамой? – огрызаюсь я.

Он улыбается.

– Полегче, Тигрица. Я не думаю, что у них такие отношения.

– Почему ты так думаешь?

– Они кажутся только близкими друзьями.

Я сжимаю губы, отказываясь признать, что у меня тоже была такая мысль. Капитан приветствует нас, сообщает, что полет продлится около двух часов, и желает нам комфортного путешествия.

Вскоре мы летим в воздухе, и я фотографирую облака, а затем делаю селфи.

Пока Коул спит, вероятно, измученный тренировкой, я наклоняюсь к нему поближе и, как полная дура, делаю ещё одно селфи.

Когда стюардесса предлагает мне поесть, я беру модную пасту. Вскоре после того, как я закончила, я пожалела, что съела его. Тошнота накатывает на меня из ниоткуда, и я бегу в ванную и опорожняю желудок.

Меня так давно не рвало. Она липкая, и у меня такое ощущение, будто в живот вонзаются крошечные иголки.

Сильные руки убирают мои волосы в сторону, и Коул нежно гладит меня по спине.

– Эй, ты в порядке?

– Я не в порядке.

Слёзы застилают мне глаза, когда я смотрю на него.

– Что не так? Ты съела что-нибудь плохое?

– Нет.

– Тогда в чем дело, Сильвер? И даже не думай лгать мне.

Я устала лгать, прятаться, смотреть, как дни проходят, как бомба замедленного действия. Я хочу, чтобы кто-нибудь разделил это со мной. И не просто кто-нибудь, а он.

Коул.

Стоя на шатких ногах, я прополаскиваю рот и возвращаюсь на сиденье. Коул следует за мной, нахмутив брови. Я уронила голову на руки, тяжело дыша. Сиденье скрипит, когда Коул садится рядом со мной и на дюйм приближается.

– Сильвер, что это?

Ладно, вот и все. Момент истины.

Встречаясь с его тёмно-зелёными глазами, я бормочу.

– Я беременна.

Глава 36

Сильвер

Коул смотрит на меня с тем нервующим молчанием, которое почти разрывает меня на части.

На его лице ничего не меняется.

Абсолютно ничего. Как будто он в оцепенении.

Из всех случаев, когда он мог быть пустым, это худшее. Почему он должен быть таким непроницаемым?

Я знаю его целую вечность, поэтому обычно мне удаётся проникнуть за эту маску и увидеть, что он скрывает.

Но не сейчас.

Подглядывая за ним сквозь ресницы, я наблюдаю, затаив дыхание, ожидая его реакции.

Он ничего не говорит.

Даже ни слова.

Может быть, он ненавидит меня. Может быть, ему противно, что я разрушаю его будущее этой новостью.

Стюардесса снова подходит к нам, её присутствие прерывает наш несуществующий разговор.

– Вы в порядке, мисс? Могу я вам что-нибудь принести?

– Нет, я в порядке, – бормочу я.

– Вода с мёдом. – Говорит он. – Лайм тоже, если он у вас есть.

Она кивает, прежде чем исчезнуть туда, откуда пришла.

Значит, у него действительно есть голос. Он просто не использует его, чтобы говорить со мной. Он продолжает наблюдать за мной, как будто я инопланетянин, пришедший оккупировать планету.

– Ты собираешься что-то сказать? – Я хотела огрызнуться, но мой голос звучит тихо, почти испуганно. – Что-нибудь?

– Ты ходила к врачу? – он спрашивает.

– Нет.

– Тогда откуда ты знаешь, что беременна?

– Я сделала тест.

– Тебе следует сходить к врачу.

– Я не могу просто пойти к врачу, Коул, ладно? Что, если кто-нибудь узнает меня? Дочь Себастьяна Куинс и Синтии Дэвис в гинекологическом кабинете. Ты понимаешь, насколько это было бы скандально? Я даже не могла пойти купить этот чёртов тест, и мне пришлось заказать его онлайн.

– Может быть, ты перестанешь думать о скандалах и своих родителях и начнёшь думать о себе? – огрызается Коул. Вау. Он никогда не срывается. – Это твоё здоровье, твоя жизнь. Ты носишь в себе ребёнка. Ты думаешь, это игра? Или что они в конце концов не узнают?

Слезы щиплют мои глаза, и мне требуется всё, чтобы не сломаться прямо здесь и сейчас. Я чувствую себя ребёнком, на которого кричат за идиотское поведение.

– Ты думаешь, я об этом не подумала? Подумала. В течение нескольких недель. Я подозревала это в течение чёртовых недель, прежде чем, наконец, сделала этот чёртов тест, Коул. Я та, кто живёт с этой реальностью изо дня в день, представляя все возможные сценарии и ненавидя тот факт, что мне, возможно, придётся убить эту жизнь. Так что не сиди здесь и не говори мне, что я не принимаю это всерьёз, потому что это так. Больше, чем ты когда-либо узнаешь.

Он прищуривает глаза.

– Ты подозревала это в течение нескольких недель и не сказала мне?

Я приподнимаю плечо, глядя в окно.

– Почему?

Потому что он мог сказать слова, которые пугают меня больше всего.
Что я должна сделать аборт.

Вместо этого я говорю, не глядя на него.

– Потому что я ненавижу тебя.

– Сильвер... – предупреждает он, кажется, сдерживая любые эмоции, которые он когда-либо мог проявить.

– Просто забудь об этом, хорошо? Я разберусь с этим.

Он хватается меня за подбородок и поворачивает мою голову. Мои глаза наполняются слезами, и мне требуется сверхчеловеческая сила, чтобы сдерживать их.

– *Мы* разберёмся с этим. Мы оба несём ответственность за эту жизнь.

– Коул...

Слеза скатывается по моей щеке, и он вытирает её подушечкой большого пальца.

– Ты думала, я брошу тебя?

– Нет, но я думала, что ты будешь против этого.

– Это уже произошло. Я точно не могу быть против этого.

Я отстраняюсь от него.

– Значит, если бы этого не случилось, ты был бы?

– Нет, но *ты* была бы.

– Что?

– Если бы это зависело от меня, ты бы трахалась со мной на глазах у всего мира, и да, я бы планировал поместить в тебя целую футбольную команду младенцев, чтобы ты всегда была приклеена ко мне. Но ты постоянно думаешь о своих родителях, о своём имидже и о грёбаном мнении всех остальных, так что именно ты не позволишь ничему случиться. *Не я.*

Мои губы дрожат, когда я снова отворачиваюсь от него. Чёрт бы его побрал.

Он поднимает меня только для того, чтобы вскоре после этого опустить.

Служащий приносит стакан воды, которую он просил. Он берёт его у неё из рук и благодарит.

Я не упускаю то, как она говорит страстными словами, когда просит позвонить ей, если ему «что-нибудь понадобится». Я собираюсь сказать Люсьену, чтобы он уволил её.

Что? Флирт, должно быть, противоречит её кодексу трудовой этики. Когда Коул предлагает мне стакан, я отказываюсь пить.

– Выпей это.

– Нет.

– Перестань вести себя как ребёнок. – Говорит он.

– О, подожди. Это потому, что у меня внутри уже есть один? – Я издеваюсь. – Нет, спасибо.

– Брось это отношение и выпей эту грёбаную воду, Сильвер.

– Или что? Ты заставишь меня?

Он обхватывает рукой мой затылок и притягивает меня ближе. Я ахаю, и он использует этот шанс, чтобы заставить меня выпить. Когда я закрываю рот, он зажимает мой нос, заставляя меня дышать через единственное другое отверстие.

Коул не отпускает меня, пока я не допью весь стакан.

Я вытираю рот тыльной стороной ладони, свирепо глядя на него.

– Ты скотина.

– И ты ненавидишь меня и хочешь, чтобы мы никогда не встречались. Я знаю эту мантру. – Он скользит взглядом вверх и вниз по моему телу, и я чувствую себя неловко от того, как напряжённо он наблюдает за мной. – Я также тот, кто поместил в тебя ребёнка.

– Это не то, чем можно гордиться.

– Может быть, так оно и есть.

Он ухмыляется.

– Разве ты не видишь, что это делает с нами? Это может разрушить всё.

– Ну, вот в чём дело, Бабочка. – Он наклоняется и касается губами моего носа. – Я не против самоуничтожения, если это с тобой.



Как только мы приземляемся, Коул говорит водителю отвезти нас по адресу, который он даёт ему.

Это акушер-гинеколог, которого он искал в Интернете, когда мы летели.

Я умоляла его не везти меня к врачу, потому что водитель расскажет Люсьену, а тот мог рассказать маме, но все мои протесты остаются без внимания.

Коул говорит по-французски с секретаршей в приёмной. Я тоже говорю на нём, но его акцент лучше всего подходит для иностранных языков. Его почти нет. Я говорю по-французски как английский сноб.

Доктор, доктор Касим Лоран, - пожилой мужчина с оливковой кожей и светло-зелёными глазами. После того, как он делает тест и задаёт мне несколько вопросов, он говорит, что мы должны подождать.

Коул говорит ему, что мы хотим убедиться, что с ребёнком все в порядке. После того, как доктор оставляет нас одних, меня на столе и Коула, стоящего рядом со мной, я сглатываю.

– Почему ты хочешь знать, в порядке ли ребёнок? Ты... думаешь о том, чтобы оставить его?

– А ты?

– Я первая спросила, Коул.

– Ты никогда не приходишь первой, Мисс Номер Два.

– Член, – бормочу я.

– Что это было, Бабочка?

– Давай, ответь мне.

– У тебя было больше шансов получить ответ, прежде чем сводить меня к моему члену. Я знаю, тебе он нравится, но, в общем, в таких ситуациях это не работает, – дразнит он.

– Коул!

Выражение его лица возвращается к безмятежной пустоте.

– Я действительно хочу оставить его.

Если бы моё сердце могло разорваться на куски, оно бы уже разлетелось по всей белой комнате.

– Правда?

Он кивает.

– Но мы... Я твоя сестра перед всеми.

Он бросает на меня неприязненный взгляд.

– Ты не моя грёбаная сестра. Я ненавижу это слово.

Я тоже его ненавижу.

Я переплетаю свои пальцы с его. Если мы с ним захотим сохранить его, то сможем что-нибудь придумать, верно?

Секунду он как-то странно наблюдает за мной, его пристальный взгляд скользит от моего лица к животу, а затем обратно. Его глаза не только видят меня, но и разрывают мою плоть и заглядывают в мою душу.

– Что? – шепчу я.

– Неужели ты... Я имею в виду, ты была беременна, когда Эльза избивала тебя в тот раз?

Воспоминание об этом страхе остаться одной и не быть в состоянии защитить своего ребёнка нападает на меня. Я киваю.

– Мне так жаль, Сильвер. Я бы не стоял на месте, если бы знал. Я бы защитил тебя.

Он поднимает наши переплетённые пальцы и касается губами тыльной стороны моей ладони, вызывая острое покалывание.

– Я знаю.

Моё горло сжимается от этих слов.

– Ты знаешь?

– Да, ты был придурком, но ты исправил это, когда появился в парке. Я слышала, когда ты сказал ей, чтобы она больше не била меня в Meets Up.

Его губы растягиваются в ухмылке.

– Подслушивала, мисс Чопорная и Правильная?

– Заткнись. Тебе повезло, что я тебя прощаю.

Он снова целует мои пальцы.

После этого мы молчим, просто переплетя наши пальцы вместе, и Коул ласкает тыльную сторону моей ладони большим пальцем. Как будто мы не можем понять, что хотим сказать.

Поэтому я представляю, как мы с Коулом живём в далёкой стране. Ну, не так уж далеко — где-нибудь вроде Франции. На самом деле, нет, это всё ещё слишком близко к дому и может отразиться на наших родителях. Мы можем поехать в Азию, Африку или даже Австралию.

К тому времени, как доктор возвращается, в моей голове уже сформировались всевозможные сценарии.

– Что ж. – Доктор Лоран прочищает горло и говорит с сильным французским акцентом. – У вас язва, которую можно вылечить с помощью des IPP. Вот причина рвоты и тошноты. У тебя были напряжённые времена, да?

Я киваю.

– Но как насчёт беременности?

– С ребёнком всё в порядке? – спрашивает Коул.

– Нет никакого ребёнка. – Доктор бесстрастно улыбается. – Вы не беременны, мадемуазель.

Не беременна? Что он имеет в виду, говоря, что я не беременна?

– Я делала тест. – Я смотрю то на него, то на Коула. – Я делала тест, и он показал положительный результат.

– Это редко, но это может быть... Как вы говорите, *фальшивый позитив*? Ах. Ложноположительный результат.

Нет, нет, нет...

– Сколько тестов вы сделали, мадемуазель?

– Один.

– Значит, ложноположительный результат. Если бы вы сделали ещё один сразу после этого, результат был бы отрицательным. Если вы часто принимаете транквилизаторы, это может изменить результаты теста. Вот почему мы рекомендуем вам пройти несколько тестов.

– А как насчёт моих месячных? Уже на несколько недель задержка.

Он листает свой блокнот.

– Да, из анкеты я вижу, что вы принимали противозачаточные таблетки, чтобы регулировать это. Поскольку в последнее время вы этого не делали, это повлияло на ваш цикл. Опять же, стресс и транквилизаторы играют свою роль.

– Значит, я действительно не беременна?

В конце мой голос срывается.

– Нет. Ваш анализ крови показывает нормальный уровень ХГЧ — это гормон беременности.

– Разве это не может быть неправильно?

– Нет. Анализ крови - это окончательный вердикт. – Он что-то записывает в своём блокноте. – Я дам тебе что-нибудь от болей в животе.

Я пристально смотрю на Коула.

Он выглядит таким же ошеломлённым, как и я. Такой же безмолвный, как и я.

Я не беременна.

Это должно было бы сделать меня счастливой, но все, чего я хочу, - это плакать.

Глава 37

Коул

Сильвер за всю дорогу не сказала ни слова.

Она откинулась на сиденье, уставившись в окно и изо всех сил стараясь не сломаться.

Как будто она тут, но её нет.

Не совсем.

Она оставила часть себя в кабинете того врача. Я знаю, потому что я тоже оставил часть себя.

На мгновение я позволил себе задуматься о перспективе стать отцом. Несмотря на то, что я сказал ей в самолёте, моё видение отцовства было похоже на кровь в луже.

Быть отцом означало стать моей собственной версией Уильяма, и я никогда не был бы тем грёбаным мужчиной.

Однако идея быть отцом детей Сильвер... Ладно, это совсем другое дело.

Я начал строить планы, куда мы пойдём. Как бы мы жили. Всё это.

Я начал представлять себе будущее, в котором мне не придётся пробираться в её комнату или тащить её в тёмный угол, чтобы иметь возможность прикоснуться к ней.

Будущее, в котором она вся моя перед всем миром.

Доктор убил его. Он прервал сон, который еще не полностью сформировался.

Не зная, что и как сказать, я молчу. Я всегда любил тишину — она позволяет мне спокойно читать и позволять своим мыслям быть громкими. Тишина - моё святилище.

Не сейчас.

Теперь я хочу разрезать его ножом и покончить с этим раз и навсегда, чёрт возьми.

К тому времени, как мы подъезжаем к дому Люсьена, уже почти вечер.

Сильвер выходит из машины, как робот, прижимая к себе сумку, а я следую за ней. Дворецкий встречает нас перед зданием. Оно построено рядом с обрывом пляжа. Отсюда виден близлежащий город, но он достаточно далеко, чтобы никто не бродил вокруг дома.

Люсьен, должно быть, скрытный человек.

- *Bonsoir – Добрый вечер*, - дворецкий приветствует нас у входа приветливой улыбкой и указывает на сумку Сильвер. – *S'ill vous plait – Позвольте*.

Она протягивает ему сумку и спрашивает усталым голосом.

– Где мама?

– *Madame Davis - Миссис Дэвис?*

Я спрашиваю, когда он, кажется, теряется. Я сомневаюсь, что он не понял; он, должно быть, один из тех французов, которые отказываются признавать любой язык, кроме своего собственного. Уровень его снобизма похож на любимого дворецкого Ронана, Ларса.

– *Ah, oui. Madame Davis a retourné à l'Angleterre avec Monsieur Lucien - Ах, да. Миссис Дэвис вернулась в Англию вместе с месье Люсьеном.*

Действительно? Синтия вернулась в Англию с Люсьеном, не сказав об этом дочери?

– *Что?* – Сильвер берёт свой телефон и морщится. – Тьфу. Я забыла, что он в авиарежиме. Она набирает номер, затем прикладывает устройство к уху. – Мам? Где ты находишься?

Сильвер меряет шагами вход, в то время как дворецкий просто стоит там, совершенно не обращая внимания на происходящее.

– Я уже в долбаной Франции. Люсьен, должно быть, сказал тебе, что я приеду. Как ты могла уехать? – Она на секунду прислушивается. – Это всегда

чрезвычайные ситуации, работа то, работа сё. А как же я, мам? Я? Ты когда-нибудь думала обо мне во всех решениях, которые принимаешь?

Осознав, что огрызнулась на мать, она быстро отступает.

– Мне жаль. Я не хотела... ладно... Поговорим с тобой позже.

Она со вздохом вешает трубку и продолжает концентрироваться на своих туфлях, пока говорит.

– У мамы была срочная работа. Люсьен сможет отправить самолёт обратно к нам завтра вечером. Я собираюсь остаться на ночь. Ты можешь сесть на самолёт в аэропорту, если хочешь.

И с этими словами она входит внутрь, и дворецкий следует за ней, кивая мне.

Я глубоко вздыхаю, а затем иду за ней. Мои плечи напряжены, а затылок вот-вот сломается от того, насколько он напряжён.

Я нахожу Сильвер наверху, стоящую посреди комнаты.

Это похоже на то время, когда я впервые прикоснулся к ней, впервые попробовал её на вкус, когда мама и Себастьян объявили, что собираются пожениться.

Я никогда не верил в эффект бабочки, в тот факт, что одно простое изменение начальных условий в нелинейной системе может впоследствии привести к катастрофическим последствиям.

Тем не менее, я считаю, что небольшие инциденты, такие как слух Сильвер о том, что я потерял девственность в тот раз, привели к целой куче неприятностей. Именно из-за того, что она услышала, она отомстила. Она сопротивлялась. И с тех пор мы продолжаем бороться и бросать вызов друг другу в порочном круге.

Теперь мы здесь, и ничего нельзя изменить.

– Почему ты всё ещё здесь? – Она возится со своей сумкой на кровати.

– Поезжай домой. Водитель может отвезти тебя.

– Я знаю, что ты делаешь, и это не сработает. Ты никогда не сможешь оттолкнуть меня, так что тебе лучше перестать пытаться.

Она делает вид, что не слышит меня, когда вытаскивает всю одежду из сумки, её спина сгибается и напрягается под джинсовой курткой.

Я шагаю к ней и хватаю её за руку, заставляя её повернуться ко мне лицом, посмотреть на меня. Она не может сейчас быть одна.

Слезы блестят в её глазах, когда она толкает меня в грудь.

– Чего ты хочешь от меня? Просто оставь меня в покое.

– Я не могу.

– Почему нет?

– Потому что тебе больно. Я ненавижу, когда тебе больно, Бабочка.

Тогда она ломается. Рыдание вырывается из неё, когда она обнимает меня за талию тисками и прячет лицо у меня на груди.

Я притягиваю её ближе, одной рукой кладу ей на спину, а другой защищающе обнимаю за голову. Я позволил её боли впитаться в мою, потому что, если бы у меня была возможность принять боль в её криках или жестокость её горя, я бы сделал это.

В любом случае, я был эмоционально испорчен с тех пор, как был ребёнком, что может добавить еще одну боль?

Только это имеет совершенно другое значение.

Сильвер из тех, кто не часто плачет, а когда плачет, это как будто разбивает тебе сердце. В этих тихих звуках и сопении. В том, как все её тело сотрясается от силы её боли.

– Это больно. Почему это так больно, Коул? Так не должно быть. Я должна быть счастлива, что меня не заставят сделать аборт, но почему я чувствую, что я убила ребёнка, которого там вообще никогда не было? Почему я чувствую себя так ужасно?

– Ты не ужасна. Ты просто человек, и ты чувствуешь боль. В конце концов это пройдет.

– Ч-что, если этого не произойдёт? – говорит она сквозь икоту. – Что, если я всегда чувствую эту... эту *потерю*.

– Тогда мы почувствуем это вместе.

Она поднимает на меня заплаканное лицо и налитые кровью глаза.

– Что ты имеешь в виду?

– Я же сказал тебе, ты не единственная, кто несёт ответственность за это. Твоя боль - это моя боль, Бабочка.

Глава 38

Сильвер

Той ночью Коул обнимает меня, пока я плачу, пока не засыпаю.

Я плачу о том, чего никогда не было. Но только потому, что тест был отрицательным, не значит, что я не чувствую потери.

Это не значит, что я не чувствую, что мне не хватает какой-то части себя. Шанс на альтернативное будущее, на другую жизнь, на другую... возможность.

Потому что я знаю, я просто знаю, что, если бы это было реально, мы с Коулом боролись бы за это. Он бы отвёз меня туда, где нас не смогли бы найти ни репортёры, ни люди из дома.

Теперь я должна вернуться к реальности, что я трахаюсь со своим сводным братом и что, хотя на этот раз ребёнка нет, жизнь, какой мы её знаем, закончится, если нас кто-нибудь поймает.

Я витала в облаках, а теперь должна снова опуститься на землю.

На следующее утро Коул пытается затащить меня в город. Он устраивает мне засаду после того, как я выхожу из душа, стоя перед ванной в своих стильных джинсах и футболке с расчёсанными волосами.

Как бы мне ни нравилась его внешность, сегодня я не в настроении вставать с постели.

– Я хочу остаться в своей комнате, пока не придёт время ехать домой.

– Хм.

Он смотрит на меня сверху вниз со своим фирменным пустым выражением лица.

– Что?

– Я не знал, что ты такая зануда, кроме того, что ты трусиха.

– Эй!

Я бью его кулаком в плечо.

Едва заметная улыбка скользит по его губам.

– Забудь об этом. Я пойду без тебя. Мне не нужны трусики в моих путешествиях.

Я слышу, как он приветствует дворецкого с добрым утром и говорит ему, что позавтракает на улице.

Придурок.

Я надеваю милое мини-платье персикового цвета с ремешками на спине и собираю волосы в конский хвост. После того, как я засовываю ноги в первую попавшуюся пару туфель, я выхожу следом за ним.

Только когда я стою у входа, я понимаю, что не нарядилась. Что ж, я не в настроении для этого.

Я догоняю Коула у холма дома, медленно иду.

– Я не трусиха.

Я тяжело дышу, стараясь не отставать от него.

Он улыбается, но ничего не говорит. Вместо этого он переплетает свои пальцы с моими. Мягкость его прикосновения почти снова разбивает мне сердце.

Твоя боль - это моя боль, Бабочка.

Это был первый раз, когда я смогла дышать с тех пор, как доктор сказал, что это ложноположительный результат. Знание того, что Коул, как никто другой, понимал, что боль делает её менее острой. Это всё ещё там, но я чувствую определённый покой, зная, что он со мной.

Стоп. Он держит меня за руку. Он не должен.

Я оглядываюсь и пытаюсь увернуться, но он не отпускает меня.

– Коул! Мы на публике.

– Мы не в Англии. Здесь нас никто не знает. – Он притягивает меня ближе к себе. – Будь спокойна.

Нас здесь никто не знает.

Единственный, кто знает, это, вероятно, дворецкий Люсьена, и сейчас он вне игры.

Сюрреалистическое чувство левитации охватывает меня, когда я позволяю Коулу вести меня в направлении ближайшего города.

Меня переполняет новая энергия. Я наслаждаюсь своим окружением, ярким голубым небом и тёплым солнцем. В тесноте узких улиц и винтажном стиле дорог это похоже на сцену из романа.

– Во время мировой войны здесь было разрушительное сражение. – Говорит Коул, когда мы проезжаем мимо старых зданий. – Наши войска сражались за французов на этих же улицах.

Я усмехаюсь, наблюдая, как он изучает старый тротуар с этим любопытным блеском в глазах. Так редко можно увидеть, как он высвобождает своего внутреннего ботаника.

– Ну, это была не наша битва, и всё же мы потеряли так много солдат из-за неё.

– Ты действительно в это веришь?

Он бросает на меня любопытный взгляд.

– Да, французы сами вляпались в эту историю. Нам не нужно было вести себя как рыцари в сияющих доспехах.

– Мы были кем угодно, только не ими. Это называется прецедентной борьбой, Бабочка. Мы всё равно собирались вмешаться, поэтому сделали первый шаг и сразились с врагом на чужой земле. Подобные сражения происходили много раз на протяжении истории, например, в колониционных войнах Османской империи или в войне персов против римлян.

– Ты такой зануда.

Он отпускает мою руку и притягивает меня к изгибу своего тела за талию. Это первый раз, когда он так собственнически прикасается ко мне на публике. Это почти так же, как если бы он объявил о своём праве собственности.

– Кого ты называешь ботаником, Бабочка?

– Тебя. – Я прячу улыбку. – Держу пари, ты можешь дать точные пересказы и даже повторить то, что говорили эти генералы перед каждым сражением.

– Конечно. Предбоевая часть - самая важная. Это момент перед смертью. До хаоса.

Коул и раньше называл меня своим хаосом, и я до сих пор не знаю, хорошо это или плохо. Поскольку он связывает это со смертью, ясно, на чью сторону она падает. Моё сердце сжимается, когда я пытаюсь побороть это чувство.

– Это прекрасно. – Говорит он.

– Прекрасно?

– Да. Это неизвестное, а неизвестное может быть самой прекрасной вещью.

– Или самой ужасной.

– В тот момент никогда не знаешь наверняка. Когда войска стоят там, слушая своих генералов, они не знают, умрут ли они, будут ли ранены или останутся в живых. Они не знают, увидят ли они снова свои семьи или все уже кончено. Это человеческая природа в её истинной форме.

– Это называется выживанием.

– Это называется жизнью. – Он касается губами моего носа. – Это хаос.

Моё сердце колотится так сильно, что я боюсь, что оно перестанет биться или что-то в этом роде. О, чёрт.

Я не должна быть так увлечена им, как сейчас. Я не должна желать, чтобы я всё ещё была его хаосом, и чтобы он никогда не нашёл мне замену.

– Ты хочешь сделать что-нибудь хаотичное?

Я прикусываю нижнюю губу.

– Например, что?

Я показываю на тату-салон через дорогу, из которого выходит пара, выглядящая наполовину счастливой, наполовину страдающей.

Он приподнимает бровь.

– Ты хочешь сделать татуировку?

– Вместе. Ты и я.

Это безумная идея, но я хочу отметить этот момент. Я хочу помнить боль, но также и то, как Коул держал меня, несмотря на это.

В конце концов мы вернёмся домой, и я хочу сохранить момент, когда мы должны были держаться за руки на публике, как постоянное напоминание о сегодняшнем дне.

Я ожидаю, что он откажется, так как Коул не из тех, кто любит наносить метки на кожу — по крайней мере, не навсегда, но затем он говорит.

– Я могу выбрать, что ты нанесёшь на свою кожу.

Я вздёргиваю подбородок.

– И я могу выбрать, что ты нанесёшь на свою.

Его губы изгибаются в очаровательной улыбке.

– Договорились.

В гостинной мы решаем сделать татуировки на наших боках, так как их легко скрыть одеждой. Коул требует, чтобы женщина заботилась обо мне, а не мужчина. Что меня вполне устраивает, так как это означает, что она не будет прикасаться к нему.

Два часа спустя, и после такой сильной боли, которая чуть не довела меня до слёз, мы стоим друг перед другом посреди комнаты с темными стенами.

– Покажи мне.

Я указываю на его футболку.

– Ты первая.

– Одновременно?

Он кивает, и мы поднимаем одежду, одновременно обнажая кожу. Коул сделал татуировку, которую я выбрала для него, и она даже красивее, чем я себе представляла. Кожа вокруг него красная из-за того, насколько она

свежая, но дизайн чёткий. Это открытая книга, из которой выходят струйки дыма, а сверху аккуратным шрифтом написано слово “ХАОС”.

– Это так красиво, – выдыхаю я, приближаясь к нему, чтобы лучше рассмотреть.

Коул держит меня на расстоянии вытянутой руки.

– Стой там, я всё ещё не насытился.

Я остаюсь на месте, сглатывая от того, как напряжённо он изучает мою татуировку. Это бабочка. И не просто какая-нибудь бабочка. Коул набросал что-то похожее на булавку-бабочку, которую я носила в тот день десять лет назад в парке.

Татуировка получилась идеальной со всеми мелкими деталями в крыле. Она точно совпадает с булавкой и похожа на ожерелье у меня на шее.

– Ну что? – Я спрашиваю. – Тебе это нравится?

– Мне это нравится.

Он целует меня в нос.

Мои пальцы на ногах поджимаются, как каждый раз, когда он это делает. Это мягкость там, где Коул обычно твёрд. Это то, что он делает только со мной.

После того, как мы покидаем тату-салон, мы бродим по улицам, держась за руки, пока Коул рассказывает мне больше истории.

Запах выпечки манит меня, как мультяшного персонажа, когда мы проходим мимо маленькой кондитерской.

– Давай попробуем круассаны. – Говорю я ему.

Коул покупает нам круассаны с шоколадом, и мы садимся за маленький столик перед магазином. За соседними столиками есть несколько старых посетителей, и они кажутся расслабленными, наслаждаясь яркой погодой.

Я откусываю кусочек горячего круассана и стону от удовольствия.

– Теперь я хочу батончик «Сникерс». Давай потом поищем что-нибудь...

Я поднимаю голову и перестаю жевать, когда обнаруживаю, что потемневшие глаза Коула устремлены на меня.

Он сидит напротив меня, нас разделяет маленький столик. Он достаточно близко, чтобы я почувствовала его аромат корицы и вдохнула его в свои лёгкие.

То, как он смотрит на меня, так зловеще, как будто он схватит меня и трахнет на столе прямо здесь, прямо сейчас.

Я прочищаю горло, но мой голос все равно звучит с придыханием.

– Почему ты так на меня смотришь?

– Почему ты только что застонала?

– Я... я этого не делал.

– Да, ты сделала это. Не лги мне.

– Это было из-за круассана.

– И вот я подумал, что ты соблазняешь меня.

– Я-я нет.

– Ну, это сработало.

– К-Коул...

Мои слова застревают у меня в горле, когда он сжимает мой подбородок двумя пальцами и притягивает меня ближе, прежде чем его губы завладеют моими. Это поцелуй с открытым ртом, сплошные языки и зубы и... свобода.

Никто из нас не беспокоится о том, что мы находимся на публике или что нам не следует этого делать или что кто-то увидит.

К чёрту их.

К чёрту всех.

Потому что то, что бьётся, между нами, намного сильнее, чем их слова и их суждения.

Потеря, которую мы почувствовали, намного глубже, чем социальные стандарты и запретные отношения.

Это мы.

Как бы это ни было извращённо.

В тот день мы не перестаём целоваться. Мы целуемся на улицах. В продуктовом магазине. Везде. Мы даём людям в городе зрелище, на которое они никогда не подписывались.

Я фотографируюсь с едва готовым Коулом, который почти не смотрит в камеру и отказывается позировать, если это не связано с поцелуем или моими прикосновениями к нему.

Я вспоминаю каждое мгновение и каждую секунду. Я документирую время, когда я могу поцеловать его в любом месте, где захочу.

Потому что реальная жизнь снова нанесёт удар.

Реальная жизнь разорвёт нас на части.

И единственное место, где я могу его заполучить, - это за закрытыми дверями.

Глава 39

Кукольный Мастер

Давным-давно жила-была кукла.

Ты думал, что сможешь избавиться от меня, потому что я больше не посылаю тебе сообщения.

Я рядом, даже когда я далеко.

Я последую за тобой, как звезда.

И эта звезда в конце концов станет твоей судьбой и твоей единственной отсрочкой.

Он будет следовать за тобой, когда ты вырастешь. Когда ты падаешь. Как только ты встанешь, ты снова упадешь.

Ты не можешь убежать. Ты не можешь спрятаться.

Куколка, что ты наделала?

Веселье только началось.

И скоро ты будешь уничтожена.

Глава 40

Сильвер

В конце концов, жизнь продолжается.

Мама была в порядке, и, по её словам, ей нужно было только проветрить голову в месте, где папы не существует. Обычно она при каждом удобном случае выставляет его злодеем, но не в этот раз. Может быть, она наконец-то двигается дальше? По крайней мере, я на это надеюсь. Мне так жаль Люсьена.

После тех выходных, которые мы провели в Ницце, мы с Коулом эволюционировали. Я не могу найти слов, чтобы описать это должным образом, но мы просто подняли это на новый уровень.

Может быть, потому что мы разделили потерю, или потому, что мы стали более осторожными.

Или я это сделала.

Тревога и стресс, которые я испытывала, когда думала, что беременна, были пыткой. Это год папиных выборов – мечта, ради которой он работал всю свою жизнь. Та, из-за которой он развёлся с мамой, потому что хотел сосредоточиться на своей политической карьере.

Я не могу погрузиться в себя и разрушить это для него.

Или популярность мамы в обществе. Или успех Хелен.

Так что единственный раз, когда Коул прикасается ко мне или даже находится рядом со мной, это когда он пробирается в мою комнату ночью. Когда обе наши двери закрыты и внешний мир перестаёт существовать.

Я всё ещё притворяюсь, что не хочу, чтобы он был тут, и он трахает меня все сильнее каждый раз, когда я это делаю. Как будто он наказывает меня за нашу дурацкую ситуацию.

Коул любит наказания. Контроль и тот факт, что я полностью отдаюсь на его милость, являются его движущей силой.

Всякий раз, когда я веду себя как ребёнок в школе, или, когда он говорит мне что-то сделать, а я этого не делаю, он посылает мне такие сообщения, как:

Коул: *Я собираюсь отшлёпать тебя по заднице так сильно, что ты будешь вспоминать меня каждый раз, когда будешь сидеть завтра.*

Коул: *Тебе лучше быть голой и растянуться на кровати, когда я войду, иначе сегодня вечером у тебя не будет оргазмов.*

Коул: *Что я говорил о разговорах с Эйденом? Ты хочешь, чтобы тебя наказали, Бабочка? Это всё?*

Скажем так, я сделала большинство из этих вещей нарочно, чтобы он обрушил на меня свой пыл. Есть что-то завораживающее в том, что Коул сбрасывает маску крутости и выкладывается на полную, когда он со мной.

Я единственная, кто может спровоцировать эту его сторону. Единственная, кто поднимает его более чем на один уровень.

И он понимает меня.

Он знает, когда закрадываются сомнения, когда моё сердце сжимается всякий раз, когда я вижу ребёнка на улице и вспоминаю потерю того, чего мы не могли иметь.

Каждый раз, когда я бегу в парк, он следует за мной с батончиком «Сникерс» и целует меня в нос.

На прошлой неделе я выиграла конкурс пианистов. Что ж, Коул позволил мне победить. Я знаю, что он мог бы победить меня, но в тот день он почти не играл. Когда я толкнула его, требуя, чтобы он не жалел меня, он сказал.

– Это была не жалость. Я всегда хотел увидеть ту искру, которая появляется в твоих глазах, когда ты выигрываешь.

– Но ты сделал своей работой сокрушать меня во всем.

– Это потому, что ты была с Эйденом. А теперь это не так.

Сказать, что Коул ревнует, было бы преуменьшением. Ему не нравится ни один мужчина в моём окружении, но он так деликатен в этом. Например, пинать Эйдена при каждом удобном случае или планировать гибель Ронана только потому, что он положил руку мне на плечо.

Эйден называет его мелочным, и в некотором смысле так оно и есть. Коул не останавливается, когда он на задании — всё в его окружении становится средством достижения цели. Он не сомкнёт глаз, пока не добьётся этого.

Не то чтобы я была лучше в том, что касается ревности. Я считаю своей работой следить за тем, чтобы ни одна другая девушка не крутилась вокруг него или в его ближайшем окружении. На прошлой неделе Тил, приёмная сестра Эльзы, сидела с Коулом в школьном саду и читала книгу, которую он специально заказал из-за границы.

Мои отношения с Тил — если это можно назвать отношениями — лучше, чем те, что у меня с Эльзой. Отчасти потому, что наши пути пересеклись в «La Débauche», и мы обе увлекаемся вуайеризмом. И ладно, я могла бы оттолкнуть Коула, когда узнал её, потому что не хотела быть связанной с ним где-либо на публике.

Эта фантазия о том, что мы будем вместе, чтобы весь мир увидел, началась и закончилась в том маленьком городке во Франции.

Увидев её с ним и зная, что они ладили на каком-то уровне, когда Коул в прошлом никогда не проявлял никакого интереса к противоположному полу, я разозлилась как вулкан.

Я единственная, кому он должен читать. Единственная, кто засыпает, слушая его голос, мечтая о параллельном мире, где он может читать мне в парке, пока моя голова лежит у него на коленях.

Поэтому я флиртовала с Ронаном в качестве двойной расплаты. Тил - невеста Ронана; ему тоже не понравилось видеть её с Коулом.

В тот вечер Коул привязал меня к столбику кровати и трахал всю ночь. Без шуток. Он разрешил мне поспать только на рассвете.

Ну, он мне не позволил. Я заснула на нём, когда он пошёл приготовить мне ванну.

Я всё ещё не разговариваю с ним из-за всей этой истории с Тил. Она чуть не поцеловала его в ответ. Он не остановил её, это сделал Ронан. Если бы он этого не сделал, Коул позволил бы ей, блядь, поцеловать его.

Теперь это я веду себя мелочно, но неважно. Достаточно мучительно, что я не могу поцеловать его на публике, что я даже не могу взять его за руку или пофлиртовать с ним, что я не могу крикнуть всему миру, что он мой. Мне не нужно видеть, как другие девушки впиваются в него когтями вдобавок ко всему остальному.

– Веселитесь, дети.

Хелен машет нам от входной двери.

Её лицо выглядит измученным, что вполне объяснимо, учитывая, что она почти готова отправить окончательную рукопись для своего следующего выпуска своему агенту. Он прочитал первую половину и был в восторге, назвав её лучшей работой на сегодняшний день.

Она как бы немного умерла в процессе выполнения своего дедлайна. Мне жаль её, потому что папы больше нет рядом.

Большую часть своих ночей и дней он проводит в партии. Хотя он почти не появляется дома, Хелен только поддерживала его. Теперь, когда я думаю об этом, большинство ссор моих родителей были из-за того, что они не находили времени друг для друга в разгар своей карьеры.

Хелен добрее и менее откровенна, чем мама. Прошло уже несколько месяцев, но она ни разу не вызвала папу и не обвинила его. Она просто предоставила его самому себе и заботилась о доме и о нас, как будто прожила здесь всю свою жизнь.

Я люблю Хелен, но иногда мне не хватает мамы рядом. Это безумие, учитывая, что она съехала давным-давно, но до замужества она всегда заявлялась без предупреждения только для того, чтобы поссориться с папой.

Теперь этого больше не происходит. И в какой-то степени я благодарна Хелен за это.

Я пристёгиваю ремень безопасности поверх своего простого нежно-розового платья, которое ниспадает выше колен, когда Коул отъезжает на своём джипе от дома. Ронан устраивает вечеринку в Meet Up. С тех пор как его родители вернулись из заграничной поездки, у него нет полного доступа в свой особняк, поэтому Meet Up - его следующий лучший вариант.

Вечеринки никогда не были моим увлечением, поэтому я решила пропустить и бездельничать, чтобы посмотреть последние политические дебаты. Однако этот грубиян, Коул, ворвался в мою комнату и сказал, что мы идём.

Я точно знаю, что он не любит вечеринки и что единственная причина, по которой он их посещает, — это наблюдать за всеми, изучать их привычки и слабости для последующего использования - особенно его друзьями.

Он чувствует, что они могут быть самыми опасными для него, учитывая, что они знают его дольше всех, поэтому ему нужно быть готовым к ним.

Когда я сказала ему, что он слишком недоверчив, он сказал, что готов только потому, что они ублюдки. Его слова, не мои.

Он одет в джинсы, футболку и свой королевский синий пиджак Элиты. Они выиграли сегодня вечером, так что это своего рода праздник.

Я стараюсь не заикливаться на том, как ему так идёт синий цвет, или как пряди его каштановых волос падают ему на лоб, или как хорошо он пахнет прямо из душа.

Учитывая покалывание между моих бёдер, я бы сказала, что терплю неудачу.

— Зачем ты снова вытащил меня?

Я складываю руки на груди.

Он не сводит глаз с дороги, ведя машину, положив сильную руку на нижнюю часть руля. Боже. Мне всегда нравилось, как он водит машину —

это так легко и по-мужски. И он делает это с такой уверенностью, как будто мог бы сделать это с закрытыми глазами.

Они говорят, что стиль вождения человека говорит об его характере. Я часто сталкиваюсь с идиотами-водителями, которые не уважают дорожные знаки или этикет, но Коул игнорирует их все, как будто их не существует, как будто они пыль на его ботинке.

Его бесстрастное пренебрежение к другим так странно, учитывая, как сильно он наблюдает за людьми, но я думаю, что он наблюдает за ними не потому, что они ему нравятся. Это больше потому, что ему нужно увидеть, как они впишутся в его планы.

– Ты не пришла на игру, Сильвер.

– Это потому, что я сказал, что не пойду.

Я злюсь на него.

– И что я сказал?

Я не отвечаю. Он сжимает моё полуобнажённое бедро свободной рукой. Мне требуется все, чтобы не сжать ноги вместе от того, как он прикасается ко мне.

– Что. Я. Сказал? – он подчёркивает каждое слово.

– Что я должна прийти. – Я стараюсь говорить ровным голосом. – Ты действительно ожидал, что я появлюсь после всей этой живописной сцены с Тил?

– Сильно ревнуешь, Бабочка?

– Пошёл ты, Коул, ладно? Я ха...

Он так сильно сжимает моё бедро, что я вздрагиваю.

– Не заканчивай это предложение.

– Или что?

Коул качает головой.

– Ты не захочешь этого знать.

Мои внутренности почти разжижаются от этого обещания. Поэтому я шепчу.

– Я ненавижу тебя.

Машина с визгом останавливается. Я бы ударилась о приборную панель, если бы не ремень безопасности.

Я сглатываю, ожидая, что Коул набросится на меня здесь и сейчас, но его следующие слова удивляют меня.

– Убирайся.

– Ч-что?

– Ты слышал меня.

– Ты бросаешь меня здесь? – Я бросаю взгляд в окно. Дорога в Meet Up немного пустынна. Уличных фонарей мало, и они далеко друг от друга, и вокруг нет ни одной человеческой души. – Это у чёрта на куличках. Что, чёрт возьми, с тобой не так?

– Убирайся. Вон.

Его слова тверды и окончательны.

Мой подбородок дрожит, когда я отстёгиваю ремень безопасности и дрожащими пальцами открываю ручку двери.

Я не могу поверить, что он делает это со мной.

Как только я выхожу на улицу, я стою возле двери и захлопываю её, а затем показываю средний палец ему через окно.

Если он ожидает, что я буду умолять его взять меня с собой, ему придётся долго ждать.

Я отворачиваюсь от машины, взяв свою сумку, чтобы позвонить в Uber.

Звук открывающейся двери привлекает моё внимание.

Стоп. Он не ушёл?

Медленно поворачиваясь, я замечаю, как он поднимает багажник джипа. Его тёмно-зелёные глаза прорезают путь к моей душе, когда он направляет их на меня.

– Иди сюда.

– Залезть сюда?

Он указывает на багажник.

– Ты что, с ума сошёл?

– Очевидно, ты сделала это, когда сказала то, что я просил тебя не говорить. – Он так спокоен, что это тревожит. – Ты собираешься залезть внутрь или нет?

Я собираюсь сказать «нет», но он перебивает меня.

– Несколько дней назад здесь произошло преступление. На светловолосую девушку, которая бежала одна в этом пустынном районе, напали и приставали. В настоящее время она находится в отделении интенсивной терапии.

Я сглатываю. Даже я слышала об этом.

– Это не первый инцидент. Помнишь, что Фредерик сказал об этом серийном нападавшем? – Леденящий тон, которым он говорит, покрывает мою кожу мурашками. – Многие женщины, которые бродят в одиночестве ранним утром или поздним вечером в подобных местах, попадают в засаду. Но вот поворот сюжета, возможно, серийный злоумышленник превратится в серийного убийцу, учитывая, что у него уже есть образец и профиль жертвы. Все девушки блондинки и со светлой кожей.

– П-прекрати.

– И голубые глаза тоже, Бабочка. Совсем как у тебя.

– Отлично, придурок. – Я подхожу к нему сбоку. – Ты же не планировал оставлять меня здесь, не так ли?

– Конечно, нет, но ты не можешь ехать со мной после того, как сказала, что ненавидишь меня.

Я хмуро смотрю на него, затем забираюсь в багажник. К счастью, он достаточно велик, чтобы вместить меня, но мне приходится сгибать ноги.

– Ты болен. – Говорю я ему.

– Тебе это нравится.

Да. Мне действительно, *действительно* нравится.

Он тянется мне за спину, и я вздрагиваю, когда его рука касается моего обнажённого плеча.

Будь проклят он и его прикосновения. Коул достаёт несколько верёвок.

– Здесь?

Я шепчу-кричу, когда он связывает мои лодыжки вместе. Натянутость верёвок теперь кажется такой знакомой. *Так волнующе.*

Закончив с моими запястьями, он отступает назад и смотрит на меня с садистским блеском в глазах.

– Вот так. Намного лучше.

– Ты действительно бросишь меня вот так?

Обычно за связывающей частью следует секс и головокружительные оргазмы. Вот почему они мне нравятся. Какой смысл в закусках, если нет основного блюда?

– Еще кое-что.

Он роется у моей головы, затем достаёт кляп с шариком и завязывает его вокруг моего рта.

Мои протесты превращаются в приглушенные звуки. О, да ладно тебе! Багажник автомобиля не должен быть подходящей настройкой для этого.

Верёвки и кляп. Может быть, он и есть тот псих, который нападает на женщин. Он даже знает о профилях жертв и обо всем остальном.

Откуда, черт возьми, взялась эта идея?

Его пальцы ласкают мою щеку, прежде чем схватить меня за подбородок. Его большой палец гладит мою нижнюю губу. Я хочу попробовать его на вкус.

– Ты действительно думала, что сможешь сказать мне, что ненавидишь меня, и это сойдёт тебе с рук, Сильвер? В конце концов я вытрясу из тебя это слово.

Я содрогаюсь от этого обещания. Прямо сейчас? Здесь?

– Будь хорошей девочкой.

Он закрывает багажник, убивая мою надежду и превращая мой мир в черноту.

Я проглатываю своё разочарование, когда машина движется по дороге. Он отличный водитель, так что я ни во что не врезаюсь, ни разу.

Когда мы останавливаемся и до нас доносится шум людей, я понимаю, что мы, должно быть, прибыли в Meet Up.

– Ты хочешь выйти? – шепчет он, не открывая багажника. Я ударила ногой о крышу.

Смех исходит от него, когда он приоткрывает багажник. Я щурюсь на свет с вечеринки. Люди из школы гудят по всей парковке, смеются и готовы хорошо провести время.

Мои глаза расширяются. Они не могут видеть меня такой.

– Что ты на это скажешь?

Глаза Коула блестят, как будто он точно знает, о чём я думаю.

Я качаю головой, бормоча что-то сквозь кляп.

– Я так и думал. – Он снова гладит меня по щеке. – Веди себя хорошо.

И тьма возвращается.

Ублюдок.

Я не могу поверить, что он бросает меня вот так, чтобы пойти на вечеринку.

Такое чувство, что я остаюсь там часами, если не днями. Ладно, я преувеличиваю. Прошло, наверное, минут пятнадцать, но мне не по себе. Я двигаюсь и случайно несколько раз ударяюсь о ботинок, прежде чем понимаю, что кто-то может услышать.

Дерьмо.

Снаружи доносится шум. Я слышу голоса Коула и Ронана, но не могу разобрать, о чём они говорят.

Вскоре после этого все голоса исчезают, и машина начинает двигаться. Слава Богу.

К тому времени, когда это снова прекращается, я уже готова высказать Коулу все, что думаю.

Он открывает багажник, и я несколько раз моргаю, чтобы привести в порядок зрение.

Мы в парке.

Этот ублюдок знает, куда меня отвести, чтобы уменьшить мой гнев. Он вынимает кляп, и я сглатываю всю слюну, которая собралась у меня во рту.

Коул развязывает мне запястья. Я отталкиваю его, пытаюсь освободить лодыжки, но в итоге затягиваю узлы ещё туже.

У него вырывается смешок, когда он берёт на себя эту задачу.

– Сиди спокойно.

Как только я больше не связана, я выпрыгиваю из багажника и бью его кулаком в грудь.

– Что, если бы у меня была клаустрофобия, ты, придурок?

– Это не так. Ты прячешься в своём шкафу каждый раз, когда пишешь в своих дневниках.

Мои губы приоткрываются.

– Т-ты знаешь о них?

– Может быть.

О. Боже. Мой.

Он не должен был этого делать. Какого чёрта он вообще о них знает?

– Как много ты прочитал?

– Всё.

– Ты... ты... ты такой извращенец!

– Не такой большой, как твои записи обо мне в последнее время.

Мои щеки пылают до глубокого красного оттенка.

– Заткнись.

– Зачем? Ты стесняешься признаться, что ночь - твоё любимое время суток?"

– Как угодно. – Я складываю руки на груди. – Если ты сделаешь это со мной ещё раз, ты прочитаешь о чёрной магии и кукле Вуду, которую я готовлю для тебя.

Он хватается меня за руку и притягивает ближе, так что я оказываюсь вплотную к нему спереди.

– Если ты снова скажешь, что ненавидишь меня, это будет только усугубляться.

– Усугублять?

– Ага, – шепчет он мне на ухо. – И это включает в себя грёбаный дневник.

Я отталкиваюсь от него, собираясь сесть на пассажирское сиденье, но он не отпускает меня.

Коул бросает меня на заднее сиденье, закрывает дверь и задирает моё платье.

– Кто-нибудь увидит, – выдыхаю я, даже когда мои ноги обвиваются вокруг его талии в тот момент, когда он стягивает брюки.

– Они не увидят.

– Что, если они это сделают?

– Что, если они это сделают, Сильвер? Что, если они, блядь, сделают это? – Он входит в меня одним долгим движением, которое вырывает стон из моего горла. – Это не изменит того факта, что я трахаю тебя и сплю с тобой каждую ночь. Это не меняет того факта, что ты моя.

Дрожь охватывает меня в своих тисках, когда он владеет мной во всех смыслах этого слова. В последнее время мне кажется, что он трахает не только моё тело, но и моё сердце и душу.

Он владеет каждой частью меня, нравится мне это или нет.

Сначала я думала, что это будет интрижка и скоро закончится. Я думала, что мне станет скучно, я устану, или, может быть, все сойдёт на нет.

Но прошли месяцы, целые чёртовы месяцы, и все это только усиливалось, а не угасало.

О чём я только думала? Это Коул. Он завладел частью моей души с того самого дня в этом самом парке.

У него всегда была я. Тем или иным извращённым способом.

Когда мы остаёшься вместе, осознание поражает меня, как гроза.

Чувства, которые я испытываю к нему, никогда не были временными и никогда не будут.

Ничто из этого не будет временным. Все это выдача желаемого за действительное.

– Блядь, - бормочет он мне в шею. – Ты сбиваешь меня с толку, Сильвер. Почему я не могу перестать думать о тебе ни на секунду?

– Они не реальные.

– Что не реальные?

– Чувства. Всё. Они существуют только потому, что мы не можем быть вместе.

– О чём, чёрт возьми, ты говоришь?

Он отрывает голову от моей шеи, наблюдая за мной с неодобрением. Со злостью.

Я отталкиваю его, и, к счастью, он не протестует, когда выходит из меня, его сперма капает между моих бёдер.

Достав салфетку, я вытираюсь, не желая встречаться с его умоляющим взглядом.

– Отвези меня к маме.

Если я проведу с ней ночь, то наверняка прочищу голову и придумаю лучший план на будущее.

Тот, который не разрушит обе наши семьи.

Потому что в таком темпе мы направляемся прямо к обрыву, где мы оба упадём.

Челюсть Коула тикает. Он не говорит ни слова, когда одевается, выходит и садится за руль.

Я остаюсь сзади, притворяясь, что смотрю в окно, когда на самом деле украдкой бросаю на него взгляды.

Как только мы оказываемся на парковке, он бросает мне батончик «Сникерс», его лицо ничего не выражает.

– Я купил его раньше. Он тает.

Моё сердце согревается. Коул не ест Сникерс или шоколад вообще, но он всегда покупает их для меня.

– Спасибо.

– Я устал играть в твои игры, Сильвер. Это последний раз, когда ты убегаешь от меня.

– Чего ты от меня ждёшь?

– Я ожидаю, что ты будешь со мной, потому что хочешь этого, а не убегаешь, потому что не можешь признаться в этом себе.

– А как насчёт всех остальных?

– К чёрту всех остальных. Они значат не больше, чем мы с тобой.

И с этими словами он уезжает. Я нажимаю кнопку маминой квартиры, мои плечи опускаются, когда я рассеянно ем батончик «Сникерс».

Может быть, мне стоит приберечь его для того, чтобы мы с мамой посмотрели фильм, а не Дневник Памяти.

Я ввожу код её квартиры и захожу внутрь, всё ещё покусывая шоколад.

Внутри темно, единственный свет исходит из её комнаты. Я просто нахожусь за её пределами, когда звуки проникают внутрь.

Стоны. Вздохи. Удары плоти о плоть.

Мои щёки пылают. Наверное, мне следовало сначала позвонить. Но опять же, Люсьен почти не приходит в мамину квартиру, и я вроде как думала, что у них были несексуальные отношения.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, когда слышу безошибочно узнаваемое имя.

Мои пальцы медленно открывают дверь. То, что осталось от моего
Сникерса, падает на землю. У меня шрамы на всю жизнь.

Мама лежит на спине, пока мужчина жёстко трахает её.

И этот человек - не Люсьен.

Это папочка.

Глава 41

Сильвер

Мы втроём сидим в маминой гостиной.

Сказать, что воздух неловок и полон напряжения, было бы преуменьшением века. Я не так представлял себе наше семейное воссоединение.

Мама завязывает атласный халат вокруг ночной рубашки и продолжает трогать свои волосы, пытаясь привести в порядок растрёпанные светлые пряди.

Папа выглядит совершенно нормальным, весь заправленный в свой костюм, как будто он родился в нём.

Боже. Я не могу поверить, что застала своих родителей за сексом. Сейчас это еще более тревожно, учитывая, что они больше не женаты.

Они сидят рядом друг с другом, а я напротив них, сложив руки на груди, как судья, собирающийся привлечь к ответственности своих подзащитных.

Мама одаривает меня неловкой улыбкой.

– Это не то, чем кажется.

Я морщу нос.

– Я думаю, что видел именно то, чем это кажется.

– Принцесса. – Папа прочищает горло. – Нам жаль, что тебе пришлось быть свидетелем этого.

– Разве тебе не следует больше сожалеть о других людях? Я не знаю, Хелен и Люсьен?

– Люсьен и я просто друзья, Куколка. Мы выходим вместе только для того, чтобы избежать хлопот с поиском пар на бесчисленные мероприятия, которые мы посещаем.

– Тогда как насчёт Хелен? – Я вздёргиваю подбородок в сторону папы.
– Как ты мог так поступить с ней?

Мама изучает свои красные ногти.

– Они не сексуально активны.

– Синтия, - возмущается папа.

– Что? – Она притворяется беззаботной. Сильвер достаточно взрослая, чтобы понять это. Она сама сексуально активна.

– Мне не нужен был этот образ.

Папа смотрит на меня странно, почти с ужасом, как будто он только что понял, что я больше не его маленькая девочка.

– Мама! – Мой голос понижается. – Откуда ты это знаешь?

– Я знаю о тебе всё, Куколка. Ты думаешь, я не заметила бы, что ты влюблена?

– Я-я н-не влюблена. – Я прочищаю горло. – В любом случае, дело не во мне. Папа?

– Мы с Хелен поженились только для удобства. Она понятия не имела, как распорядиться состоянием, оставленным Уильямом, поэтому я предложил свою помощь. Одно привело к другому, и мы как бы заключили партнёрство.

– И брак. – Мама фыркает. – Она думала, что, если ты будешь у неё достаточно долго, ты, вероятно, попадёшься на её милость. Эта женщина - змея.

– Синтия, – папа делает еще один вдох.

– Всё равно, это неправильно, папочка.

Я такая лицемерка. В конце концов, я трахаюсь с его пасынком под его крышей каждую ночь.

– Разве ты не всегда хотела, чтобы мы были вместе? – спрашивает мама. – Ты планировала это годами.

– Не за счёт чужого счастья. Это неправильно со стороны Хелен, и ты это знаешь, папа. Это твои основные принципы, и ты предал их.

– Сильвер! – Мама усмехается. – Я не могу поверить, что ты принимаешь сторону этой змеи, а не своей матери.

– Она права. – Губы папы растягиваются в натянутой улыбке. – Мне жаль, что я разочаровал тебя, принцесса.

– Дай мне, блядь, передохнуть. – Мама вскидывает руки в воздух. – Значит, теперь я плохой парень во всем этом?

– Не выражайся, Синтия, – папа понижает голос.

– Ты не возражал против языка, когда трахал меня раньше.

– Мама!

– Синтия!

Папочка говорит в то же время.

– Хорошо. – Мама резко вскакивает. – Я всегда ошибаюсь. Я всегда говорю неправильные вещи. Очевидно, я не могу наладить какие-либо личные отношения и вместо этого должна сосредоточиться на своей работе. Если моя собственная дочь и мужчина, которого я считала любовью всей своей жизни, не понимают меня, бесполезно продолжать пытаться. Возвращайся к своей нежной, милой Хелен.

Она собирается выскочить, но мы с папой встаём. Он хватается её за запястье, прежде чем она успевает уйти.

Слезы блестят в её глазах, и она пытается скрыть их. Чувства всегда были маминым проклятием. Теперь я это вижу. Тот факт, что она не могла идти в ногу со своей карьерой и своей семейной жизнью одновременно, был её судьбой. Она так и не простила себя за то, что отказалась от своего брака, и именно поэтому после развода у неё развилась депрессия. Но у неё было слишком много гордости, чтобы попросить папу попробовать ещё раз. Как и у него самого. Поэтому вместо этого они продолжали сражаться при каждом удобном случае.

Лицо папы смягчается впервые за... годы. Впервые с тех пор, как мама ушла из дома.

– Хелен действительно мягкая и милая.

– Тогда чего ты ждёшь? – огрызается она. – Дверь прямо там.

– Но она не та женщина, которая сводит меня с ума каждым своим словом. Она не ты, Синтия.

Моё сердце чуть не разрывается, когда выражение лица мамы становится нежным, как будто она на десять лет моложе.

Папочка ласкает её руку.

– Я закончу с ней как следует сегодня вечером, и мы сможем позавтракать всей семьёй завтра?

Мы с мамой одновременно киваем.

Как бы мне ни было жаль Хелен, я верю в сказки. Я верю в маму и папу. Я всегда так делала. Единственная причина, по которой я отказалась от них, заключается в том, что я думала, что они были более спокойны друг без друга. Оказывается, они оба были несчастны.

Мы с мамой провожаем папу до двери. Я обнимаю его и говорю, что люблю его, что горжусь его решениями, даже если эта суматоха может повредить его кампании.

Он целует меня в висок, потом маму в губы.

– Я люблю вас обеих.

– И я люблю тебя, Бастиан. – Мама закрывает глаза, вдыхая его запах. – Я никогда не прекращала.

Папа снова целует её и уходит. После того, как мама закрывает за ним дверь, она визжит.

Без шуток. Синтия Дэвис визжит и обнимает меня. Её счастье заразительно, и я обнимаю её в ответ, когда она кружит меня на месте.

– Я знала, что в конце концов он выберет меня.

Она отстраняется и откидывает волосы.

– Хелен, кто?

– Мам, ты не должна быть такой стервой из-за этого.

– О, но я знаю. Она знала о наших чувствах друг к другу и притворилась Мэри Сью. Я ненавижу её тип паиньки.

Выражение лица мамы падает.

– Хорошо, я солгал. Я не знала, что в конце концов он выберет меня. Я думала, что потеряла его из-за неё навсегда.

– Я боюсь спрашивать, но с каких пор вы двое начали свой роман?

– С тех пор, как я вернулся из Франции. – Она улыбается, её щеки краснеют. – Твой отец ревновал к Люсьену.

После того, как он узнал о порезе. Но маме не обязательно знать, что я ему это сказала.

В каком-то смысле я участвовал в этом воссоединении.

Я рада за своих родителей, но мне так жаль Хелен. У неё ведь нет чувств к папе, верно?

– Я так сильно люблю тебя, Куколка. – Мама снова обнимает меня, и на этот раз мне становится теплее. – Мне жаль, что нам пришлось заставить тебя пережить наш провал, но ты знаешь, иногда требуется потеря, чтобы понять, с кем ты действительно хочешь быть.

– Потеря?

– Я потеряла твоего отца, и именно тогда я поняла, как много вы оба значите для меня. Даже больше, чем моя карьера, мои принципы. Всё.

В ту ночь мама обнимает меня перед сном — в моей постели, а не в её. Я никогда не буду спать в её постели после сцены, свидетелем которой я только что стала.

Её слова продолжают звучать у меня в голове. Часть о необходимости пережить потерю, чтобы понять, с кем ты действительно хочешь быть.

Единственный человек, который продолжает вторгаться в мои мысли - это Коул.

С того дня в кабинете врача что-то изменилось, и теперь я знаю почему. Я также знаю, почему мои чувства к нему напугали меня до чёртиков на парковке.

Это потому, что они самые искренние из всех, что я когда-либо чувствовала. Несмотря на его придурковатую натуру и на то, каким извращенцем он может быть.

Я могу быть его хаосом, но он также и мой. Мой хаос и моя безопасность.

Теперь, когда папа покончит с Хелен, у нас наконец-то появится шанс. Это займёт у нас некоторое время из-за внимания СМИ, но мы можем это сделать.

Я подумываю написать ему, но он был так зол раньше. Я поговорю с ним лично завтра.



На следующее утро он первым делом пишет мне.

Я чуть не выпрыгиваю из своей кожи, когда нахожу его текстовое сообщение после освежения.

Коул: Встретимся в моём старом доме.

Сильвер: Хорошо! Увидимся там!

В этом сообщении я звучал слишком взволнованно, но неважно.

После того, как я надеваю вчерашнее платье и пару туфель, я хватаю ключи своей матери.

– Я одолжу твою машину, мам!

– Эй, куда это ты собралась, юная леди? – Она выходит из своей комнаты в потрясающем красном платье. – Твой отец будет здесь в любую секунду.

– Я позволю вам, ребята, наверстайте упущенное и присоединитесь позже. – Я ухмыляюсь. – Ему нужно будет наверстать упущенное, когда он увидит тебя такой.

– Ты думаешь?

– Я уверена. Пока!

Я лечу по коридору и захожу в лифт, прежде чем она успевает ответить.

Мама не единственная, кто взволнован. Я чувствую, что сейчас вылетаю из своей кожи. Коул может быть собственником до крайности, но он ведёт себя бесцеремонно. Если он злится на меня, ему требуется много сил, чтобы нарушить своё молчание.

Не то чтобы я делала это легче... У меня мамино упрямство. И хотя хорошо не позволять никому наступать на меня, это не так хорошо, когда я вспоминаю, как я продолжала отрицать то, чего мы с Коулом оба жаждали.

Я приезжаю к нему домой в рекордно короткое время. Поскольку я знаю код, я вставляю его и захожу внутрь.

В доме никого нет. Я думаю, он упоминал что-то о том, чтобы вернуться сюда после того, как он выйдет из КЭШ.

Так вот почему он позвал меня сюда? Будет ли это наше место после того, как мы закончим школу?

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы подавить улыбку.

Не забегай вперёд, Сильвер.

Толкнув дверь, я захожу в особняк.

– Коул, я здесь...

Мои слова умирают, когда что-то укололо меня в шею сзади. Мой язык отяжелел во рту.

Чёрные пятна образуются за моими веками, когда моё тело с глухим стуком падает на землю.

– Коул...

Я бормочу

– Шшш. Твой хозяин здесь, Куколка.

Мир гаснет.

Глава 42

Коул

Странно, как ты проводишь всю свою жизнь с кем-то, и оказывается, что ты совсем его не знаешь.

Ты сам себя не знаешь.

Ты просыпаешься каждый день и принимаешь себя как должное, когда это «я» отделилось от чего-то другого.

Чего-то мощного.

Чего-то преступно безумного.

Я провожу всю ночь за чтением книги. *Кукла*.

Альтер-эго никогда не позволяло мне читать книгу раньше или приближаться к ней до завершения.

Пока я не отправился на поиски этого альтер-эго и не нашёл его.

Тем не менее, я нашёл книгу. Полная рукопись была оставлена в конверте на столе для агента.

Я нашёл умные слова, которые намекали на что-то реальное, но всё ещё оставались в стране фантастики.

Но что Гэв сделал со своими куклами? Да, это было описано в мельчайших деталях.

Но Гэв не хотел ни одной из этих кукол. Они были пластиковыми. Они не были настоящими.

Отец Гэва не разрешал ему играть в куклы. После смерти матери Гэва отец поставил его на колени и сказал, что теперь он возьмёт на себя обязанности матери.

Отец Гэва ударил его и прикоснулся к нему. Отец Гэва лишил его девственности, когда ему было девять лет, потому что он имел на это право

раньше всех остальных. Он создал его, поэтому он должен владеть каждой его частью.

Отец Гэва был развращён.

Гэв сошёл с ума.

Но он этого не знал. Гэв похож на Антуана Рокантена из-за тошноты. Антуан не знал, что у него экзистенциальный кризис, а Гэв не знал, что он безумен.

Преступно. Психологически.

Гэв спрятал свою любимую куклу под подушку и продолжал смотреть на неё, пока отец трахал его, прижимая голову к подушке, чтобы приглушить звук, чтобы никто в доме не слышал.

У куклы были длинные светлые волосы и ярко-голубые глаза.

Кукла улыбалась ему каждый вечер, когда отец приходил за ним. Кукла помогала ему оставаться в здоровом уме.

Кукла заставляла его чувствовать себя в безопасности.

Он стал её Кукольным Мастером, потому что это было единственное, что он мог контролировать в своей жизни.

Отец Гэва трахал его, пока ему не исполнилось восемнадцать. Каждую ночь. Никаких исключений. Он сказал Гэву, что любит его и не может жить без него, потому что пустил ему кровь. Он сказал Гэву, что он его единственный и неповторимый, когда тот хлестнул его по спине.

Гэв просто посмотрел на свою куклу. Даже когда он стал старше. Даже когда все в школе называли его ботаником, а самая популярная девушка сказала ему, чтобы он смотрел, когда он наткнулся на неё.

Гэв обещал разрушить жизнь этой девушки.

Потом отец Гэва погиб в результате несчастного случая. Гэв больше не мучился, но в ту ночь он плакал. Он порезался, чтобы почувствовать кровь, которую его отец использовал, чтобы извлечь из него.

Он плакал, когда его никто не бил и не трахал.

Гэв мастурбировал со своей куклой, но он больше не был удовлетворён.

Поэтому Гэв решил найти замену своему отцу. Он женился на жестокой женщине, которая говорила так же, как его отец, и изнасиловала его таким же образом.

Гэв вернул своего отца. Он восстановил равновесие.

И каждую ночь, когда его жена спала, Гэв смотрел на эту куклу. Он улыбался и говорил ей: «Твой хозяин здесь, так что можешь поспать, Куколка».

Иногда она его не слушала, поэтому он ставил её себе между ног и наказывал.

У Гэва была дочь, но она не была куклой. Она была просто продолжением его. Он не любил её так, как любил свою куклу.

Его дочь тоже была напоминанием о его жестокой жене. Она была так похожа на неё, и каждый раз, когда он видел её, ему хотелось оттолкнуть её, чтобы жена только била его.

Гэв знал, что должен вести себя нормально. Он был хорош в том, чтобы вести себя нормально. Никто не подозревал его — даже в особняке его отца. Его жена тоже его не подозревала.

Гэв был хорошим мальчиком.

Он вырастил свою дочь хорошей девочкой. Он знал, когда и как плакать.

Гэв каждый день упражнялся в улыбках и слезах. Он тоже практиковал людей.

Он наблюдал за ними и знал, как добаться до них — как заставить их полюбить его. Чем больше он нравился людям на вечеринках, тем сильнее его насиловала жена. Так что Гэв старался казаться более симпатичным, пока его жена чуть не убила его своими побоями.

Гэв улыбнулся, когда заснул, обнимая свою куклу.

Потом жена Гэва нашла куклу. Она смеялась над этим и над ним. Она сказала ему, что он псих, и бросила куклу в камин. Гэв закричал, когда запах горелого пластика наполнил воздух.

Его жена убила его куклу.

Гэв не знал, как это произошло. В одну секунду его жена смеялась, когда уходила. А в следующий момент Гэв подбежал к ней сзади и толкнул её.

Она упала, а потом перестала дышать.

Что-то внутри Гэва открылось. Его отец был мёртв. Его жена была мертва. Никто не понимал ни его самого, ни его потребностей.

В ночь, когда умерла его жена, Гэв плакал, потому что больше не мог улыбаться. Он потерял свою куклу.

Но потом он нашёл её. Он видел её раньше, но в то время у него была своя кукла, так что ему было наплевать на любую другую куклу.

Но в ту ночь всё было по-другому. В ту ночь она плакала. Его кукла не плакала, она только улыбалась.

Теперь она плакала из-за него. Ей было грустно за него, и Гэв решил, что снова нашёл свою куклу.

Гэв знал, что эта кукла будет принадлежать ему.

Но он не хотел причинять ей боль. Он не хотел показывать, как сильно скучает по ней.

Поэтому он нашёл других кукол, временных. Он ударил их сзади, мастурбировал на их беспомощные тела, а затем оставлял их в лесу.

У них были золотисто-светлые волосы и ярко-голубые глаза. Они были похожи на его куклу, но не были ею.

Теперь у Гэва есть его кукла. Она приходит к нему. Она улыбается ему и делает комплименты.

Он готовит для неё, моет её и расчёсывает ей волосы. Он переодевает её и фотографирует. Когда никто не смотрит, он мастурбирует на них.

На неё.

Его куклу.

Та, которая будет принадлежать ему вечно.

Никто не верил в его счастливое будущее, но он верил.

Он верил, что у него и его куклы будет вечность. Так или иначе.

Мои руки дрожат, когда я нахожу фотографии в коробке.

Бесчисленные фотографии Сильвер в нескольких неприличных позах — пока она спит, полуобнажённая, через глазок душа.

Дверь в кабинет открывается, и я поднимаю взгляд. Себастьян пристально смотрит на меня.

– Что ты здесь делаешь?

– У тебя есть пистолет? – спрашиваю я незнакомым голосом. Он кивает.

Я никогда не предвидел этого, когда должен был.

Вот что происходит, когда вы наблюдаете за всеми, кроме себя. Когда вы наблюдаете за всем, кроме того, что находится прямо перед вашими глазами.

Я никогда не вспоминал последние слова отца, но теперь вспоминаю.

Когда я выбежала на улицу в тот день, я испугалась, потому что услышала мамин крик.

Я подумал, что с ней что-то случилось.

Папа тонет в бассейне, из его головы сочится кровь.

Звук бульканья почти душит меня. Папа сейчас утонет. Я не хочу, чтобы он утонул.

Он протягивает руку, и я протягиваю свою, поменьше. Красная вода затягивает его под воду. Красная вода уносит его прочь.

– Папа... – Мой шёпот преследует меня, моя маленькая рука дрожит вместе со всем моим телом.

Его лицо искажается. Хаос. Это возвращается.

Точно так же, как это унесло меня во тьму, теперь это уносит и его.

– Т-ты чудовище, – булькает папа в воде. – Б-беги, Коул.

А потом он ушёл.

БЕГИ, КОУЛ.

Это были его последние слова, обращённые ко мне. Не та часть, что «Ты монстр». Он не смотрел на меня, когда произносил эти слова.

Он смотрел мне за спину.

На тень, которую я, возможно, не мог почувствовать, потому что меня трясло, я смотрел, как тонет папа, и не мог ничего с этим поделать.

Он смотрел на меня.

Или то, что написано в книге как Гэв.

Гэв - моя мать.

Сильвер - её кукла.

Глава 43

Кукольный Мастер

Из телефона доносится «Лунная соната», и я напеваю вместе с ней, вытирая руки своей куклы.

Это её любимая фортепианная пьеса. Это мне нравится, и это заставляет меня думать о ней.

Она всё ещё без сознания. Может быть, на этот раз я положила в шприц слишком много пропофола?

Что ж, я промахнулась.

Я была немного зла всю ночь.

Всё, что я сделала, чтобы быть рядом со своей куклой, медленно увядает. Эта стерва Синтия всегда была большим пальцем еще со средней школы. Её единственная спасительная благодать - это рождение моей куклы.

Теперь они с Себастьяном думают, что она может забрать её у меня?

Он сказал, что мы должны развестись. Мне нужно съехать. Я больше не могу её видеть. Я не могу готовить для неё, мыть её, расчёсывать ей волосы, целовать её, смотреть, как она трахается с моим сыном.

Я не завидую Коулу. Он всегда был неинтересной куклой, но он единственный, кто может заставить её закатить глаза и приоткрыть губы с таким удовольствием. Поэтому я позволил им поступать по-своему.

Даже если они иногда запирают меня снаружи.

Теперь, из-за Синтии, Себастьян говорит, что я больше не могу жить со своей куклой. Я предложила ему все, что Уильям оставил мне, с единственным условием, что я останусь с ним — со своей куклой.

Я только собиралась продолжать наблюдать издалека. Я собиралась расчесать ей волосы и поцеловать её на ночь и утром, и чтобы она поцеловала меня в ответ.

Это всё, о чём я просила.

Я даже причиняла боль другим куклам, чтобы не потерять хладнокровие и не прикоснуться к ней.

Ни одна из этих жертв не сработала. Она всё равно собиралась меня бросить.

Что бы я ни сделал, она предпочла бы мне эту стерву Синтию.

Я убью Синтию, как только моя кукла проснётся и поцелует меня.

Тогда мы можем остаться здесь.

Она всегда приходила сюда и готовила со мной. Ей это нравится.

Сильвер стонет, медленно открывая глаза. Эти *голубые-голубые* глаза. Как моя предыдущая кукла, которую я прятала под подушкой, когда папа любил меня.

Хотя она лучше, чем эта кукла. Сильвер более утончённа, и её улыбка более реальна.

– Х-Хелен? – Она прижимает ладонь к виску и медленно садится. – Что случилось?

– Ты в порядке, дорогая.

Я ласкаю её руку, её нежную кожу, её фарфоровое кукольное личико.

Я мастер этой куклы.

Так много гордости наполняет меня при этой мысли.

– Я пришла сюда, чтобы встретиться с Коулом и... – она замолкает, наконец-то осмотревшись.

Мы сидим на краю бассейна.

Где все это началось.

Смерть Уильяма освободила меня. Это дало мне так много, о чём я и не подозревала.

Это сделало меня гением. Тип человека, который может играть с эмоциями людей с помощью письма. Я маскировалась под каждого персонажа, которого писала. Люди ненавидели меня, были в ярости из-за моих действий, но больше всего они были заинтригованы мной.

Я была Уильямом. Я была Себастьяном и Синтией. И последнее, но не менее важное: я - это я и со своей куклой.

Мне всегда нравилось приносить свою куклу в бассейн и купать её в нём.

Мы плавали в нем раньше, но я не могла прикоснуться к ней так, как хотела, потому что она была умна и испугалась бы.

Мой сын тоже умён, поэтому мне пришлось надеть маску, которую я так хорошо отточила, когда жила в доме своего отца.

Мне пришлось сыграть на его чувстве вины и любви ко мне, чтобы он забыл о своём увлечении моей куклой, позволил мне встречаться с Себастьяном и в конце концов выйти за него замуж.

Коул пожалел меня. Он чувствовал себя виноватым, потому что меня ударили из-за него.

Нет. Я просто не хотела пропустить ни одного избиения Уильяма. Я не защищала Коула. Я отталкивала этого сопляка с дороги, чтобы он не забрал то, что по праву принадлежало мне.

Мой сын такой умный, он похож на меня, но он не на моем уровне. Коул слишком ослеплён моей куклой, поэтому он скучает по мелочам.

Как сообщения сталкера. Он пришёл ко мне за помощью, сказав, что какой-то подражатель в школе хотел причинить вред моей кукле. Я, конечно, позаботилась о нём и прекратила переписку, чтобы он и моя кукла поверили, что все закончилось с Адамом.

Этого никогда не будет.

Моя кукла улыбнулась мне, когда я впервые отправила ей эти сообщения, и она будет продолжать.

– Почему мы здесь? – Сильвер выглядит скорее смущённой, чем подозрительной.

– Мы собираемся поплавать.

– Мне...Мне нужно идти.

Она начинает вставать, но снова падает обратно.

– Полегче. – Я глажу её по щеке. – Ты все еще под воздействием наркотиков. Я не хочу, чтобы ты утонула.

Слёзы блестят в её завораживающих глазах, когда понимание начинает просачиваться внутрь.

– Хелен?

– Да, дорогая? Хотя я бы предпочла, чтобы ты называла меня Мастером. – Я хмурюсь. – Моя другая кукла никогда на самом деле не умела этого делать, но ты лучше её, не так ли?

Её губы приоткрываются — эти прекрасные губы, похожие на бутон розы, — и её рука дрожит в моей.

– Ч-что ты делаешь?

– Твои родители пытаются разлучить нас. Разве тебе не грустно? Потому что мне да. Никто не сможет разлучить нас.

Она пытается оттолкнуться, её страх растёт и душит воздух, как серый дым. Я резко хватаю её, и когда она снова падает, её голова с глухим стуком ударяется о плитку.

Сильвер визжит, когда ярко-красная кровь сочится из её затылка на плитку. Прямо как у Уильяма в тот день.

Кровь прекрасна. Это самая настоящая человеческая форма.

– Сильвер, – ругаюсь я. – Посмотри, что ты наделала.

– Хелен, пожалуйста. – Её голос дрожит, когда она хватает меня за руки, а слезы текут по её щекам. – Н-не делай этого. Подумай о Коуле.

– Почему я должна думать о нём? Он должен получить свою собственную куклу, а не делиться моей.

– П-пожалуйста... прекрати...

Я никогда не думала, что мне понравится это выражение — то, как дрожат её губы и как она умоляет меня, как она называет меня своим хозяином, не произнося слов, — но мне нравится.

Очень сильно.

Что я могу сделать, чтобы углубить его? О, я знаю.

Я толкаю её в бассейн. Она кричит, прежде чем её голос поглощает вода. Кровь из её головы заливает синеву, когда она мечется вокруг.

Я присаживаюсь на край, ожидая, когда она всплывёт. Как Уильям.

Он умолял меня спасти его. Потом пришёл Коул, и мне пришлось спрятаться за деревом.

Теперь моя кукла выйдет и будет умолять меня.

Моя кукла расскажет мне, *пожалуйста, Мастер.*

Люби меня, Мастер.

Владей мной, Мастер.

И тогда она улыбнётся мне.

Глава 44

Коул

К тому времени, как мы с Себастьяном приезжаем в мой старый дом, у меня так тяжело в груди, что я едва могу нормально дышать.

Чья-то рука сжимает моё плечо. Себастьян. По дороге я рассказал ему всю историю.

После того, как я провёл всю ночь за чтением книги, я нашёл сообщение, которое Сильвер оставила мне сегодня утром.

Хорошо! Увидимся там!

Мама удалила сообщение, которое отправила ей с моего телефона, но я знаю, куда она её отвезёт.

Туда, где все это началось. Чёртов бассейн.

Я рассказал Себастьяну, как наткнулась на мамину специальную версию её новой книги — ту, которую она сказала, что не выпустит, — и мне пришлось прочитать её, потому что я поклонник её работ.

Я рассказал ему о фотографиях и обо всем, что было между ними. Я рассказал ему, как она вписала свою жизнь в личность Гэва и как она использовала своё альтер эго, чтобы быть частью каждой истории, которую она написала.

Убийца и его Отец.

Серийный генеральный директор.

Создатель Кукол. Синтия. Она написала о ней целую книгу и сделала её серийной убийцей.

Я должен был заметить признаки. Я должен был найти тайник с неиспользованными таблетками, которые она в конце концов спустила в унитаз. Мне следовало остановиться и усомниться в том, как маниакально она писала на своей доске.

Я должен был пойти с ней на эти пробежки вместо того, чтобы верить, что это было её «моё» время.

Я должен был заметить больше.

Но опять же, я не мог этого сделать. Мама жила своей двойной жизнью так идеально, что это безумие.

Да, это так. Сумасшедшая. Моя мама - преступно ненормальный человек, и тяжесть этого осознания обрушивается на меня, как кирпичная стена.

Но это не причина тяжести в моей груди.

Дело в том, что она заманила Сильвер сюда. Что она наблюдала за ней в течение многих лет.

Она заметила её в первый раз, когда я это сделал это в том грёбаном парке. Она последовала за мной, чтобы убедиться, что я не видел, как она убила Уильяма, а потом нашла свою куклу.

Её плачущая кукла, которая еще красивее, чем её предыдущая пластиковая кукла.

Я привёл её к Сильвер.

Я тот, кто заставил её перестать видеть в Сильвер дочь Синтии и Себастьяна, но её давно потерянную куклу.

Это был я.

– Ты должен быть осторожен. – Говорит Себастьян. Его лицо суровое, но он сохраняет хладнокровие. – Из того, что мы узнали до сих пор, она непредсказуема.

Я киваю, и мы спешим к бассейну. Он носит с собой пистолет на случай, если что-нибудь случится. Он позвонил Фредерику во время поездки, и его глава по связям с общественностью сказал, что встретит нас здесь.

– Кукла? – безмятежным голосом зовёт мама. – Выходи. Перестань прятаться. Я останавливаюсь возле бассейна. В воде плавает тело. Красная вода.

Кровавая вода.

Её золотые пряди развеваются вокруг неё, в то время как она остаётся неподвижной.

Как в тот день.

Прямо как в тот день.

Беги, Коул.

Скрипучий, заглушающий голос моего отца звучит в моей голове, как искажённая запись.

– О, Коул, дорогой. – Мама улыбается, её глаза добрые. Она всегда выглядела такой доброй и доступной. У неё никогда не было злого взгляда или действия. По крайней мере, не на поверхности. – Сильвер играет в прятки.

– Сильвер!

Себастьян бежит к бассейну, но я опережаю его и прыгаю в него.

Мне требуется всё, чтобы не обращать внимания на кровь, меняющую цвет воды, когда я хватаю её за руку и подтягиваю к краю.

Её лицо побледнело. Её грудь не двигается вверх и вниз.

Она не дышит. Блядь.

– Сильвер!

Моя рука дрожит, когда я убираю ладонь и вижу, как кровь сочится из её затылка, окрашивая её светлые волосы в красный цвет.

Я кладу её на плитку и давлю ей на грудь.

Давай, Сильвер. Ну же, ты не можешь бросить меня!

Пожалуйста, не бросай меня, чёрт возьми.

– М-моя кукла? – Хелен бежит к нам. – Почему она не улыбается?

Себастьян преграждает ей путь, направляя пистолет ей в голову.

– Держись, черт возьми, подальше от моей дочери.

– Себастьян, разве ты не видишь? Я нужна ей. Моей кукле нужен её мастер.

– Не двигайся, Хелен, – рычит он.

– Или что? – Она наклоняет голову набок. – Ты убьёшь меня? Мы оба знаем, что ты не можешь этого сделать. Дай мне посмотреть на мою куклу.

Я продолжаю давить на грудь Сильвер. Её губы становятся фиолетовыми. С каждой проходящей секундой она умирает.

Каждую секунду она ускользает от меня сквозь пальцы.

Мама вскрикивает, но я не смотрю на неё. Я не обращаю на неё внимания. Потом я слышу, как она борется с Себастьяном за пистолет, но все, что меня волнует, - это Сильвер.

Ну же. *Ну же.*

– Оставь её в покое. – Мама стоит надо мной, держа пистолет. –
Отпусти её.

– Ты убиваешь её, Коул.

– Ты убил её! Ты сделал это!

– Нет. Она отчаянно качает головой, отступая назад. – Я этого не делал.

Это не я. Это не...

Её слова обрываются, когда она спотыкается. Её голова ударяется о перила бассейна с тошнотворным глухим стуком, а затем она падает...

Вниз.

Вниз.

Её кровь окрашивает воду в алый цвет. Она не плавает.

Ни Себастьян, ни я не двигаемся, чтобы помочь ей.

Я всё ещё сжимаю грудь Сильвер, моя собственная грудь чувствует себя так, словно в ней не хватает кислорода.

Она не открывает глаз.

Она не отвечает.

В тот день кукла умирает.

Глава 45

Сильвер

Странно, как быстро все может закончиться.

В одно мгновение ты там, в разгар своих самых счастливых моментов, а в следующее все заканчивается.

Хотя, на самом деле, нет.

Прошло две недели с тех пор, как всё рухнуло. С тех пор, как Хелен оказалась психопаткой, которая была одержима мной.

Которая причиняла боль другим женщинам, чтобы она не причинила боль мне.

Которая писала книги, чтобы не убивать других женщин так сильно, как ей хотелось.

Часть меня умерла в тот день. Та часть, которая верила в Хелен. Ту часть, которая любила её и жалела.

Когда эта часть умерла, Коул вернул меня к жизни.

Я сделала свой первый вдох воскрешения в тот момент, когда она умерла.

Смерть за жизнь.

Но мы не поехали в больницу. Фредерик привёл ко мне больницу — вернее, команду врачей. Он заставил их всех подписать документы о неразглашении, что стоило бы им трёх поколений интенсивного труда, если бы они что-то раскрыли.

В итоге мне наложили несколько швов и у меня болело, першило в горле, но это не та боль, которая осталась со мной.

Это все остальное.

Дело в том, что я не видела Коула после того дня.

Тот факт, что он не отвечает на мои звонки и не разговаривает со мной.

Тот факт, что он сказал мне через папочку, что переезжает, пока ему не придётся поступать в университет.

Тот факт, что он не позволил мне утешить его или быть рядом с ним.

Даже во время похорон Хелен он кивнул нам, принял соболезнования моих родителей и провёл весь день со своими придурками-друзьями. И хотя я была рада, что кто-то был рядом с ним, я хотела, чтобы этим кем-то был я, а не Эйден, Ксандер и Ронан.

Полицейским процедурам не потребовалось много времени, чтобы быть завершёнными. Фредерик применил свою магию ко всем медиа-играм, и это было помечено как несчастный случай.

Папа хотел разоблачить Хелен, но Фредерик и мама отговорили его от этого. Если он это сделает, у него не будет никаких шансов остаться в политике.

Если станет известно, что он был женат на психопатке, серийном злоумышленнике, который угрожал жизни его дочери под собственной крышей, его будут избегать вечно, и наша жизнь превратится в ад.

Однако, если станет известно, что он потерял жену во время своей кампании из-за несчастного случая, он получит сочувствие.

– И я притворюсь, что утешаю тебя. – Сказала мама. – Тогда все скажут, что я подхожу тебе больше, чем та сука, которую, кстати, я назвала психопаткой. Я не могу поверить, что она причинила боль моему ребёнку.

Тогда она обняла меня до смерти. Мама обнимала меня каждый вечер и практически вернулась к нам.

Любовь и утешение её и папы помогают, но они не закрывают дыру в моей груди. Они не заживляют рану, которая открылась с того дня.

Рана, которая жжёт и заставляет меня плакать каждую ночь. Поэтому сегодня я решаю сам закрыть эту рану.

Я иду к нему.

В дом, в который он вернулся.

Дом призраков, кукол и луж крови.

Возвращаться сюда - это последнее, что я хочу делать, но я также не подписывалась на то, чтобы разлучаться с Коулом.

После ввода кода я медленно вхожу, наблюдая за своим окружением, как будто кто-то набросится на меня и воткнёт иглу мне в шею.

Я останавливаюсь, когда вижу его напряжённую спину. Он выглядит меланхоличным, его плечи поникли под курткой. Он стоит перед бассейном, только сейчас там пусто. Ни воды с кровью, ни какой-либо другой воды.

Несколько коробок сложены друг над другом снаружи. Он что, съезжает? Куда?

Я пыталась спросить Эйдена, как дела у Коула, но этот ублюдок не давал никакой информации, а я слишком устала, чтобы замышлять что-то, чтобы заставить его.

– Ты куда-то собираешься?

Я останавливаюсь рядом с ним.

Взгляд Коула устремляется на меня. Его тёмно-зелёные радужки кажутся бездонными, пустыми, как будто они уже переместились куда-то ещё.

– Что ты здесь делаешь? Тебе не следует быть здесь.

– Тогда почему ты стоишь здесь?

Он снова смотрит на пустой бассейн.

– Иди домой, Сильвер.

Я встаю перед ним, обнимаю его за талию и кладу голову ему на грудь, вдыхая его запах.

– Что ты делаешь? – спрашивает он, не обнимая меня в ответ.

– Ты сказал мне идти домой. Ты мой дом, Коул.

Он отталкивает меня, встряхивая за плечи.

– Я не твой дом. Я сын женщины, которая чуть не убила тебя, мать твою.

– Ты не она.

– Может быть, так и есть. Я прожил всю свою жизнь, думая, что унаследовал эти чёртовы гены от своего отца, но оказалось, что они были от неё. Может быть, я вырасту и стану таким, как она.

– Ты не сделаешь этого.

– Откуда ты это знаешь?

– Потому что ты поделил мою потерю. Ты назвал это *нашей* потерей, Коул, помнишь? Ты сказал мне, что моя боль - твоя. Ты никогда не будешь ею, потому что тебе не всё равно. По-своему, тебе не всё равно.

Он тяжело дышит, как будто все еще борется с этой мыслью. Эта реальность. Тот факт, что он не его родители. Он никогда им не будет. Я знаю это точно.

– А я - твой хаос. – Я улыбаюсь сквозь слезы, щиплющие глаза. – Так что ты не можешь оставить меня в покое, или я буду преследовать тебя.

– Ты будешь преследовать меня? – спрашивает он с лёгкой улыбкой.

– Да, я так и сделаю. Знаешь, почему?

– Почему?

– Потому что я люблю тебя, Коул. Я была влюблена в тебя с тех пор, как ты нашёл меня в парке в тот день, дёрнул за волосы и сказал, что хочешь, чтобы я была первой. Я любила тебя всё больше на протяжении многих лет, и я ненавидела каждый раз, когда мне приходилось сталкиваться с реальностью, что я не могла быть с тобой.

– Я думал, ты ненавидишь меня.

– Это был мой способ сказать, что я люблю тебя.

Он постукивает меня по носу.

– Ты такая странная.

– Не больше, чем ты. Ты долгое время вёл себя со мной как придурок.

– Это потому, что я хотел, чтобы ты продолжала интересоваться мной.

Чтобы никогда не уставала от меня. Я победил тебя во всём, просто чтобы увидеть этот огонь в твоих глазах, когда ты бросила мне вызов на матч-реванш. Я сокрушал тебя, чтобы ты возвращалась ко мне.

Мои губы приоткрываются. Я этого не знала.

– Действительно?

– Действительно. Я мог бы быть влюблён в тебя так же долго, как ты была влюблена в меня.

Слёзы блестят в моих глазах.

– О, Коул.

– Простони это. Я имею в виду моё имя. – Говорит он с озорством.

– Я люблю тебя, Коул.

Я вздыхаю.

– Значит ли это, что теперь ты моя?

– Я всегда была твоей.

Он обхватывает рукой моё горло, и его губы завладевают моими.

Эпилог

Сильвер

3 года спустя

– Какого чёрта ты здесь делаешь? – Я шепчу-кричу, когда Коул прислоняется к двери ванной и щелкает, закрывая её за собой. – Это дамская комната.

– Я знаю.

Он крадётся ко мне, и каждый его шаг, как будто он идёт прямо к моему сердцу.

Я была права. Мои чувства к нему никогда не угаснут. С каждым днём я всё сильнее и быстрее влюбляюсь в него.

С каждым днём он становится для меня всем.

Мы переехали в Оксфорд, чтобы поступить в университет, и вскоре после этого рассказали маме и папе о наших отношениях.

Я не могу быть с ним официально. По крайней мере, пока нет. Папа выиграл выборы и стал премьер-министром, а затем снова женился на маме через год после смерти Хелен.

Это вызвало настоящий шум в средствах массовой информации, несмотря на их стратегический подход. Фредерик сделал вид, что мама утешила папу, и они заново открыли для себя своё первоначальное влечение.

Это правда, что мы с Коулом больше не живём под одной крышей, и он затмил себя из семейного круга, чтобы не ассоциироваться с моим братом. Но потребуются годы, чтобы мир смирился с нами.

Мы больше, чем мир, он и я. Они не готовы к нам.

Папочка и мама — Консервативная партия, несмотря на их неконсервативные действия в этом деле. Я точно не могу понизить их голоса, объявив, что влюблена в своего бывшего сводного брата.

Я смогу это сделать только после того, как папа уедет с Даунинг-стрит, 10.

Из-за этого наши отношения известны только на уровне семьи и близких друзей. Только Эйден, Ксандер и Ронан из наших друзей.

Но даже с этим, Коул не должен быть здесь.

— Все остальные снаружи, — ругаюсь я. — Мы должны были отпраздновать помолвку Ксандера и Ким.

— Я знаю.

Его глаза блестят, когда он прижимает меня к стойке, его руки по обе стороны от меня.

Я обхватываю его обеими руками за шею.

— Мы не можем этого сделать.

— Я знаю.

А потом его губы впиваются в мои. Я взбираюсь по его телу, пока он возится со своим ремнём, и довольно скоро он погружается в меня.

Я целую его как сумасшедшая, пока он трахает меня жёстко, быстро и грязно у стойки в ванной.

Я бы солгала, если бы сказала, что это было наше первое нарушение правил публичной непристойности. Коул этого не показывает, но он авантюрный тип. Он не останавливается, когда хочет что—то сделать - и это что-то - я.

Ничто его не останавливает, будь то в университетском общежитии или во время ночной прогулки, когда все напиваются. И даже во время семейных ужинов.

Мама каждый раз кричит ему об этом, а он просто пожимает плечами.

— К-Коул...

Я крепко сжимаю его плечи.

– Ближко, Бабочка? – ворчит он мне в рот.

– Да, о, да.

– Кому ты принадлежишь?

– Тебе.

– Скажи это.

Я прикусываю нижнюю губу и бормочу слова, которые сводят его с ума.

– Я любила только тебя. Только тебя. Ты мой первый и последний.

Он обхватывает рукой моё горло, сжимая, когда он входит в меня быстрее, заставляя меня упасть.

Падение для него.

Падение для нас.

Он входит в меня в то же самое время, когда я разбиваюсь вокруг него, кусая его за плечо поверх рубашки, чтобы заглушить мой крик.

Как только волна спадает, я вздыхаю, кладу голову на изгиб его шеи, вдыхая его.

– Я люблю тебя.

Вместо того, чтобы всё время говорить ему, что я ненавижу его после секса, теперь у меня вошло в привычку говорить о своих истинных чувствах.

– И я люблю тебя.

Он целует меня в нос, когда я встаю на нетвёрдые ноги, глупая гравитация тянет меня вниз.

После того, как я вымою его и себя, я поворачиваюсь лицом к раковине, чтобы проверить свой макияж.

Коул остаётся у меня за спиной, обнимая меня обеими руками за талию.

Не проходит и дня, чтобы мы не держали руки подальше друг от друга. Мы могли бы не касаться друг друга публично, но наедине? Мы - это всё, о чём никто не должен знать.

Мы извращенцы, мы придурки, мы ботаники. Или, скорее, это Коул.
Мы влюблены друг в друга. Мы счастливы.

Пока он у меня есть, я знаю, что мне больше ничего не понадобится.

Он кладёт подбородок мне на макушку.

– Ты выйдешь за меня замуж, верно?

Я замираю, помада застыла перед моим приоткрытым ртом, когда я встречаюсь с его взглядом в зеркале.

– Ч-что?

– Ты выйдешь за меня замуж?

– Это потому, что все остальные выходят замуж?

– К чёрту всех остальных. Я спрашиваю *тебя*. – Он целует меня в макушку. – Я знаю, что пройдёт много времени, прежде чем я действительно женюсь на тебе, но я хочу подтверждения.

– О, Коул. – Я разворачиваюсь и смотрю ему в лицо. – Конечно, я выйду за тебя замуж. Ты для меня единственный.

– Единственный, да?

– Единственный.

– И ты для меня единственная, Бабочка.

Он так страстно целует меня в губы, что я чуть не забираюсь на него снова и снова.

– Повтори это перед этим ублюдком Эйденем, когда мы выйдем на улицу.

Я смеюсь. Коул всё ещё сдержанно злится на Эйдена за те три года, что я была с ним помолвлена, и он использует каждый шанс, чтобы отомстить.

Коул всегда будет Коулом.

Я просто рада, что он наконец-то оставил Хелен позади. Мы оба это сделали. Теперь мы сосредоточимся только на себе.

Когда он потребовал мои первые, я сохранила их для него. В ответ он сохранил мне свои. Мы друг для друга всё.

Обнимая его, я шепчу.

- Однажды я буду кричать на весь мир, что ты мой.
- И ты моя, Сильвер, всегда.
- Всегда.

Эпилог

Коул

7 лет спустя

Десять лет.

Мне потребовалось десять грёбанных лет, чтобы наконец крикнуть всему миру, что Сильвер моя.

Ну, не совсем кричать, но показать это, женившись на ней.

Нам пришлось подождать, пока Себастьян покинет свой пост, а затем дать миру время забыть, прежде чем я смог жениться на ней.

Мы связали себя узами брака во Франции — в прямом и переносном смысле. В том городе, где я впервые поцеловал её на глазах у всех. Где нам было всё равно, кто увидит нас и наши татуировки вместе.

Место, где мы потерпели нашу первую потерю. Где она плакала, но и смеялась тоже.

Теперь она не только моя; она мой дом, моя единственная семья.

После смерти мамы я никогда не чувствовал, что потерял члена семьи. Я думаю, что перестал считать маму семьёй в тот момент, когда прочитал эту книгу. В тот момент, когда я понял, что она собирается причинить вред моей Бабочке. Моему бесконечному хаосу.

Сильвер - моя семья. Даже Себастьян и Синтия - моя семья. Это те, с кем мы проводим каникулы. Во время этих ужинов у нас самые жаркие разговоры, так как наши мнения часто расходятся.

Скажем так, Сильвер пошла в свою маму по части упрямства, и они не боятся показывать свою вспыльчивую сторону при каждом удобном случае.

Теперь она у меня есть и как моя жена, и как мой партнёр. В конце концов, Сильвер решила отказаться от политики. Она сказала, что политика

душила нас, когда мы были моложе, поэтому она не будет подвергать наших детей такому испытанию.

Я обратил её на тёмную сторону, и она закончила бизнес вместе со мной.

Теперь, когда мы полностью контролируем состояние отца, мы с женой всё ещё соревнуемся в том, кто принесёт лучшие инвестиции.

В настоящее время она находится в больнице, вынашивая самое прекрасное создание, которое я когда-либо видел.

Наша малышка, Ава, родилась день назад. Мы с Сильвер не могли оторвать от неё глаз.

Она играет с ожерельем-бабочкой Сильвер и медленно моргает.

– О, Боже мой. Посмотри на неё, Коул.

Сильвер чуть не разражается слезами.

– Я знаю.

Я глажу её по плечу и целую в нос, потом в голову Авы.

В течение многих лет у Сильвер было грустное выражение лица всякий раз, когда она видела детей. Она души не чает в детях Эйдена, Ронана и Ксандера, но эта потеря всегда остаётся глубоко внутри неё.

После этого я поклоняюсь её телу и пытаюсь отвлечь её от этого, но это реальность, с которой нам пришлось жить.

Теперь мы сделали возможным этого несуществующего ребёнка.

Здесь наши друзья: Эйден и Эльза, Ксандер и Ким, Ронан и Тил. Это заняло у них некоторое время, но Сильвер в конце концов помирилась с Эльзой и Ким. Ей пришлось извиниться за те годы в школе. Эльза извинилась за то, что избивала её, сказав, что не должна была этого делать. Кимберли не потребовалось много времени, чтобы простить Сильвер после того, как она узнала от Ксандера и Тил, что Сильвер всегда спрашивала о ней и заботилась о ней. В университете Ким и Сильвер восстановили свою дружбу, когда мы были моложе.

Сейчас она сидит по другую сторону Сильвер, готовая заплакать вместе с ней, потому что знает, как сильно Сильвер мечтала об этом ребёнке. Кимберли всегда была мягкотелой, и, в отличие от Сильвер, она не боится это показать.

Враждебность Эльзы к моей жене уменьшилась с тех пор, как Сильвер рассказала ей об Адаме, толкнувшем её в бассейн. Со временем они подружились, учитывая, что у них общие Ким и Тил. У последней, жены Ронана, всегда было какое-то соглашение с Сильвер. Обе они наиболее яростны при принятии важных решений. Они никогда — и я имею в виду, никогда — не сдерживаются.

Ронан всегда ухмыляется, как гордый идиот, когда видит свою жену в действии.

Мы, восьмеро, никогда не расставались. Мы живём в одном и том же мире и занимаемся одним и тем же бизнесом. Мы часто встречаемся, чтобы посмотреть игры и даже вернуться на встречу. Леви и его жена Астрид тоже присоединяются к нам. Нокс, брат-близнец Тил, тоже приходит, когда... ну... когда он не так поглощён своей новой жизнью.

Ночи начинаются и заканчиваются выходками Ронана и Ксандера. Мы с Эйденем притворяемся, что терпим их. Правда в том, что нам нужна энергия, которую они привносят в нашу жизнь.

Не то чтобы мы когда-нибудь это признаем.

Ронан обнимает Тил за талию и наклоняется, чтобы заговорить. Их разница в росте так заметна, что она всегда кажется такой крошечной по сравнению с ним.

— Может, нам выдать нашего Реми замуж за маленькую Аву, *ma belle* — красавица?

Она хихикает.

— Перестань пытаться выдать всех замуж за нашего сына.

— Да, Рон. — Ксандер хлопает его по плечу. — Я думал, ты хочешь, чтобы он женился на моей дочери.

– Ты сказал «нет». – Ронан тычет его в ответ.

– И все же, как ты посмел обменять мою Сесилию на кого-то другого?

– Ксан усмехается. – Не то, чтобы я когда-нибудь позволил бы ей выйти замуж. Она останется с нами навсегда.

Ким качает головой, улыбается, но ничего не говорит.

– Папочка. – Илай натягивает брюки Эйдена, благоговейный трепет наполняет его черты. – Она такая хорошенькая.

– Неплохо для потомства Коула.

Эйден поднимает своего шестилетнего сына, чтобы тот мог поцеловать Аву. Он целится прямо в рот.

Сильвер и Эльза смеются.

Я пристально смотрю на Эйдена.

– Держи своего сына подальше от моей дочери. Далеко отсюда.

– Что не так с моим сыном? – Эйден пристально смотрит на меня, затем ерошит голову Илая. – Не слушай своего дядю Коула, Илай. Если тебе нужна его дочь, дерзай. Я поддержу тебя.

– Нет, если я сначала сломаю ему ноги.

Я прижимаю Сильвер к себе, и она в шутку бьёт меня по плечу.

– Прекрати это.

Ладно, я всё ещё держу обиду на Эйдена, но это не только из-за помолвки. Он взял её первый танец, который я так и не смог вернуть, — вальс. И да, я помню, как она танцевала свой первый вальс, когда нам было по четырнадцать. Я помню о ней все.

Я *настолько* одержим этой женщиной. Пристрастился к ней. Чертовски влюблён в неё и в прекрасный хаос, который она вносит в мою жизнь.

Я снова целую её в голову, и мы оба улыбаемся, наблюдая за нашим чудом. Наша Ава.

Возможно, наша история началась не самым лучшим образом, но у нас не было бы другого выхода.

Сильвер моя, а я её.

В прошлом. В настоящем. В будущем.

Всегда.

Конец

